ГОСУДАРСТВО И ВЛАСТЬ

Людвиг II

Мария ЗАЛЕССКАЯ

ВИП

ВЕЛИКИЕ ИСТОРИЧЕСКИЕ ПЕРСОНЫ

Людвиг II

Мария ЗАЛЕССКАЯ

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Вряд ли найдется на свете человек, который хотя бы один раз не видел этот сказочный замок, пусть даже и не зная его названия, — на календарях, открытках, плакатах, пазлах, в очертаниях всемирно известного логотипа студии «Уолт Дисней»? Нойшванштайн — обитель последнего романтика, воплощение рыцарских легенд о Лебедином рыцаре Лоэнгрине и Парцифале, хранителе Святого Грааля… Человек, построивший этот замок, прожил недолгую, но трагическую жизнь, а после смерти и вовсе был оклеветан и осмеян. Людвиг II Баварский… Герой или антигерой своего времени? В большинстве исторических трудов его прямо называют «безумным королем», даже не исследуя причины его душевного недуга, если таковой и был на самом деле. Что толкнуло короля в эту бездну: наследственная предрасположенность, тяжелый душевный надлом, который ему так и не удалось пережить? А может быть, чужая злая воля, клевета, оказавшаяся настолько живучей, что даже спустя 125 лет со дня трагической смерти Людвига II в его «деле» так и не поставлена точка?

- Мария Залесская
  - Интродукция
  - Действие I
    - Картина 1
    - Картина 2
    - Картина 3
  - Действие II
    - Картина 1
    - Картина 2
    - Картина 3
  - Действие III
    - Картина 1
    - Картина 2
    - Картина 3
  - Действие IV
    - Картина 1
    - Картина 2
    - Картина 3
  - Действие V
    - Картина 1
    - Картина 2
  - Основные даты жизни Людвига II Баварского

- Библиография
- notes
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6
  - 7
  - 8
  - 9
  - 10
  - 11
  - 12
  - 13
  - 14
  - 15
  - 16
  - 17
  - 18
  - 19
  - 20
  - 21
  - 22
  - 23
  - 24
  - 25
  - 26
  - 27
  - 28
  - 29
  - 30
  - 31
  - 32
  - 33
  - 34
  - 35
  - 36
  - 37
  - 38
  - 39
  - 40
  - 41
  - 42

- ○ 43
- ○ 44
- ○ 45
- ○ 46
- ○ 47
- ○ 48
- ○ 49
- ○ 50
- ○ 51
- ○ 52
- ○ 53
- ○ 54
- ○ 55
- ○ 56
- ○ 57
- ○ 58
- ○ 59
- ○ 60
- ○ 61
- ○ 62
- ○ 63
- ○ 64
- ○ 65
- ○ 66
- ○ 67
- ○ 68
- ○ 69
- ○ 70
- ○ 71
- ○ 72
- ○ 73
- ○ 74
- ○ 75
- ○ 76
- ○ 77
- ○ 78
- ○ 79
- ○ 80
- ○ 81
- ○ 82
- ○ 83
- ○ 84
- ○ 85
- ○ 86

- ○ 87
- ○ 88
- ○ 89
- ○ 90
- ○ 91
- ○ 92
- ○ 93
- ○ 94
- ○ 95
- ○ 96
- ○ 97
- ○ 98
- ○ 99
- ○ 100
- ○ 101
- ○ 102
- ○ 103
- ○ 104
- ○ 105
- ○ 106
- ○ 107
- ○ 108
- ○ 109
- ○ 110
- ○ 111
- ○ 112
- ○ 113
- ○ 114
- ○ 115
- ○ 116
- ○ 117
- ○ 118
- ○ 119
- ○ 120
- ○ 121
- ○ 122
- ○ 123
- ○ 124
- ○ 125
- ○ 126
- ○ 127
- ○ 128
- ○ 129
- ○ 130

- ○ 131
- ○ 132
- ○ 133
- ○ 134
- ○ 135
- ○ 136
- ○ 137
- ○ 138
- ○ 139
- ○ 140
- ○ 141
- ○ 142
- ○ 143
- ○ 144
- ○ 145
- ○ 146
- ○ 147
- ○ 148
- ○ 149
- ○ 150
- ○ 151
- ○ 152
- ○ 153
- ○ 154
- ○ 155
- ○ 156
- ○ 157
- ○ 158
- ○ 159
- ○ 160
- ○ 161
- ○ 162
- ○ 163
- ○ 164
- ○ 165
- ○ 166
- ○ 167
- ○ 168
- ○ 169
- ○ 170
- ○ 171
- ○ 172
- ○ 173
- ○ 174

- ○ 175
- ○ 176
- ○ 177
- ○ 178
- ○ 179
- ○ 180
- ○ 181
- ○ 182
- ○ 183
- ○ 184
- ○ 185
- ○ 186
- ○ 187
- ○ 188
- ○ 189
- ○ 190
- ○ 191
- ○ 192
- ○ 193
- ○ 194
- ○ 195
- ○ 196
- ○ 197
- ○ 198
- ○ 199
- ○ 200
- ○ 201
- ○ 202
- ○ 203
- ○ 204
- ○ 205
- ○ 206
- ○ 207
- ○ 208
- ○ 209
- ○ 210
- ○ 211
- ○ 212
- ○ 213
- ○ 214
- ○ 215
- ○ 216
- ○ 217
- ○ 218

- 219
- 220
- 221
- 222
- 223
- 224
- 225
- 226
- 227
- 228
- 229
- 230
- 231
- 232
- 233
- 234
- 235
- 236
- 237
- 238
- 239
- 240
- 241
- 242
- 243
- 244
- 245
- 246

Мария Залесская
ЛЮДВИГ II

Интродукция
Герой не нашего времени

Каменщик был и Король я — и, знанье свое ценя,
Как Мастер, решил построить Дворец, достойный меня.
Когда разрыли поверхность, то под землей нашли
Дворец, как умеют строить только одни Короли.
Он был безобразно сделан, не стоил план ничего,
Туда и сюда, бесцельно, разбегался фундамент его.
Кладка была неумелой, но на каждом я камне читал:
«Вслед за мною идет Строитель. Скажите ему — я знал».
Ловкий, в моих проходах, в подземных траншеях моих
Я валил косяки и камни и заново ставил их.
Я пускал его мрамор в дело, известью крыл Дворец,
Принимая и отвергая то, что оставил мертвец.
Не презирал я, не славил; но, разобрав до конца,
Прочел в низвергнутом зданье сердце его творца.
Словно он сам рассказал мне, стал мне понятным таким
Облик его сновиденья в плане, задуманном им.
Каменщик был и Король я — в полдень гордыни моей
Они принесли мне Слово, Слово из Мира теней.
Шепнули: «Кончать не должно! Ты выполнил меру работ,
Как и тот, твой дворец —

добыча того, кто потом придет».

Я отозвал рабочих от кранов, от верфей, из ям

И все, что я сделал, бросил на веру неверным годам.

Но надпись носили камни, и дерево, и металл:

«Вслед за мною идет Строитель. Скажите ему — я знал».

Р. Киплинг. Дворец. (Перевод А. Оношкович-Яцына)

У истории есть свои герои и антигерои. Причем далеко не всегда это деление происходит, так сказать, по справедливости. Очень часто наряду с фактами в дело вмешивается такой вроде бы «неисторичный» аспект, как искусство. И вот уже реальный человек сначала превращается в персонажа, а со временем вообще вытесняется этим персонажем из памяти потомков; его оценивают не по конкретным делам, а по тому образу, в котором он запечатлен в художественном произведении, пьесе или в фильме. Для подавляющего большинства, например, Ричард III априори — мрачный убийца-горбун, на совести которого как минимум смерть его малолетних племянников. И никому нет никакого дела до того, что серьезные историки, мягко говоря, сомневаются в совершении сего злодеяния по приказу именно Ричарда. Не говоря уж о пресловутом горбе, которого у данного английского монарха никогда не было, что является делом, давно доказанным. Но Шекспир сказал, и точка!

Кроме «необъективности» искусства, созданию правдивого исторического портрета мешают еще и чисто человеческие факторы, такие как симпатии или антипатии самого историка, этот портрет создающего. Хотя справедливости ради надо сказать, что требовать абсолютной объективности от человека невозможно. И как часто мы читаем работы, на страницах которых перед нами предстает то «ангел в сияющих одеждах», абсолютно лишенный любых отрицательных черт, то «кровавый демон», в котором вообще нет ничего положительного. Но портрет не может быть нарисован только «белыми» или только «черными» красками. «Чисто белый» цвет присущ исключительно Богу, а «чисто черный» — дьяволу. Человек — будь то гений или вершитель судеб, достигший вершины власти, — не является ни ангелом, ни демоном. В нем намешано множество различных тонов и полутонов, которыми нельзя пренебрегать при создании полного объективного портрета. Вообще, в идеале «цвет» истории

как науки должен быть один — «серый» — не в смысле усредненности и безликости, а в смысле смешения положительных «белых» и отрицательных «черных» сторон, присущих любому историческому событию и любой исторической личности. В то же время если на какой-то персонаж на протяжении многих лет, а иногда и столетий выливалась одна только «черная» краска, то появление «необъективного белоснежного» портрета можно только приветствовать — «чернота» размывается, и объективность торжествует.

Людвиг II Баварский… Герой или антигерой своего времени? Он, находившийся на вершине власти, воплотил в себе в наивысшей степени все противоречия «века романтизма». Он — настоящий герой новелл Роберта Шумана или Эрнста Теодора Амадея Гофмана. И он же — реальная историческая личность, приведшая свою страну к глубокому политическому кризису.

В большинстве исторических трудов его прямо называют «безумным королем», не стараясь даже вникнуть в причины его душевного недуга, если таковой и был на самом деле. Кстати, еще один закон «реалистической исторической живописи» — исследуя следствие, необходимо начинать с его причин. Если король был безумен, то что толкнуло его в эту бездну: наследственная предрасположенность, тяжелый душевный надлом, который ему не удалось пережить? А может быть, злая чужая воля, клевета, оказавшаяся настолько живучей, что даже спустя 125 лет со дня трагической смерти Людвига II в его «деле» так и не поставлена точка?

«Я хочу оставаться вечной загадкой для себя и для других», — как-то сказал Людвиг II Баварский своей гувернантке, видимо перефразируя любимого им Шиллера.[1] И ему это в полной мере удалось. Людвиг II — человек-тайна, человек-загадка. Доступные исследователям материалы — кстати, весьма противоречивые и неоднозначные — могут лишь приоткрыть тщательно задрапированную занавесом сцену, на которой разыгрывалась драма его жизни, но всей правды мы так и не увидим. Мы можем ее лишь почувствовать и сделать свои собственные выводы.

Справедливости ради надо сказать, что подобные попытки предпринимались неоднократно. Интерес к личности Людвига II наглядно демонстрирует количество литературных произведений, появившихся спустя всего лишь 25 лет после его трагической кончины (к «юбилейному» 1911 году). «Катюль Мендес изобразил его в романе «Король-девственник», Густав Кан осмеял в «Короле-безумце». Бодлер окружил его мученическим ореолом. Итальянский поэт Д'Аннунцио говорит о нем в «Девах скал», Бьёрнсона долго искушала мысль использовать жизнь Людвига

как сюжет для драмы. На книжном рынке Европы появляются все новые и новые книги, авторы которых пытаются осветить его личность — каждый по-своему. В начале нынешнего года (1911-го. — М. З.) во Франции напечатано сочинение под названием «Романтическое путешествие к Людвигу II», в Норвегии Клара Тшуди[2] выпустила обстоятельную биографию баварского короля. Затем в Германии Штильгебаур написал роман «Пурпур», в центре которого стоит фигура Людвига II. И тем не менее жизнь этого красивого, временами просто обаятельного человека представляется до сих пор загадочной во многих отношениях».[3] Перечисление этих, далеко не единственных произведений, посвященных баварскому королю, приведено здесь не случайно. Действительно, количество художественных трудов — от поэм до романов — впечатляет. Искусство и литература «рисовали» портрет Людвига II гораздо активнее, чем это делали обстоятельные научные биографии. (Кстати, опубликованные на сегодняшний день научные исторические труды написаны почти исключительно немецкими авторами.[4])

И мы действительно вынуждены признать, что, при общем обилии документов той эпохи достоверных сведений о многих моментах жизни и особенно смерти короля Людвига явно недостаточно. Этому способствовало еще и то обстоятельство, что сразу после его трагической кончины материалы «дела Людвига II» были тщательно засекречены. «Только лица из мира официального, так или иначе близкие ко двору или к самому Людвигу, могли дать публике интересные материалы из жизни несчастного короля. Но лица эти не позволили себе полной откровенности и неизбежно лавировали между необходимостью считаться, с одной стороны, с саном Людвига, а с другой — с косвенными виновниками его смерти, новым баварским правительством. Архивы, хранящие дневники Людвига, разные бумаги и приказы его закрыты для посторонних, а письма к Вагнеру были правительством баварским после смерти последнего под вежливым предлогом отобраны у родственников, и лишь небольшая часть их попала в печать».[5]

Последнее утверждение нуждается в серьезном уточнении. Конечно, практически все исторические документы, относящиеся к царствованию Людвига II, действительно хранятся в закрытом частном архиве Дома Виттельсбахов (Geheimes Hausarchiv, III отдел Баварского Главного государственного архива,[6] Kabinettakten Ludwig II). Доступ в него может быть открыт — причем далеко не ко всем материалам! — лишь с личного разрешения главы Дома.

Но к счастью исследователей, в свое время довольно

значительная часть материалов все же попала в печать. И в первую очередь хочется особо отметить титанический труд доктора философии и архивариуса Отто Штробеля[7] (1895–1953), многие годы работавшего в вагнеровском архиве в вилле «Ванфрид» в Байройте,[8] а затем собравшего и выпустившего четырехтомник «König Ludwig II und Richard Wagner» (Strobel O. (Hrsg.). König Ludwig II und Richard Wagner. Vol. I–IV. Karlsruhe, 1936), представляющий собой исчерпывающую картину взаимоотношений короля и композитора, начиная с самого первого официального письма Вагнера к Людвигу II от 3 мая 1864 года и до последней телеграммы Людвига, датированной 2 января 1883 года (последнее письмо Вагнера к королю было написано 10 января 1883 года). Это издание можно смело назвать «библией людвиговедения» (и во многом «вагнероведения»), значение которой в понимании личностей обоих трудно переоценить. Кроме упомянутого четырехтомника материалов, собранных О. Штробелем, еще необходимо упомянуть очень важное для создания объективного портрета Людвига II издание избранных писем самого короля и Козимы, жены Рихарда Вагнера: Wagner Cosima und Ludwig II von Bayern. Briefe. Eine erstaunliche Korrespondenz (Köln, 1996).

Мы не можем обойти вниманием и примеры, прямо противоположные: когда за достоверные исторические документы, связанные с Людвигом II, выдавались грубые и недостойные подделки. Так, например, в 1925 году в Лихтенштейне было выпущено «сенсационное» издание: «Дневники Людвига II короля Баварии»[9]. Этой подделке может составить достойную конкуренцию, пожалуй, только наш отечественный продукт: напечатанные в 1927–1928 годах в журнале «Минувшие дни» «Дневник Вырубовой». В своей книге «Обманутая, но торжествующая Клио. Подлоги письменных источников по российской истории в XX веке» руководитель Федеральной архивной службы России член-корреспондент РАН В. П. Козлов пишет следующее: «Не так легко найти на протяжении всего XX столетия подделку русского письменного исторического источника, столь значительную по объему и со столь масштабным использованием подлинных исторических источников, как «Дневник» Анны Александровны Вырубовой, фрейлины последней российской императрицы Александры Федоровны. Не менее знаменательно и то обстоятельство, что, разоблаченный как откровенный подлог почти сразу же после опубликования, «дневник» тем не менее имел пусть кратковременный, но шумный успех».[10]

Эти слова с полным правом можно отнести и к «Дневнику

Людвига». Не нужно доказывать, что это фальшивка — подлог уже давно и бесспорно доказан. Да и вообще упоминать о столь грубой подделке не стоило, если бы не одно обстоятельство: этот документ до сих пор рассматривается некоторыми, не особо компетентными «исследователями» в качестве первоисточника! А между тем и у «Дневника Вырубовой», и у «Дневника Людвига» была вполне конкретная задача: максимально очернить и оклеветать членов свергнутой монаршей династии. Общеизвестно, что запачкать гораздо проще, чем отмыть. И как же обидно бывает, когда легковерные умы принимают клевету за чистую монету и распространяют ее дальше. Анне Александровне Вырубовой повезло больше, чем Людвигу II. Ныне открытые архивы и обилие доступных материалов, связанных с Царской Семьей, позволяют заинтересованным лицам легко отделить зерна от плевел.

Что же касается упомянутого выше архива Дома Виттельсбахов, хранящего не только личные письма Людвига II, но и многие официальные документы, то, повторяем, он и сегодня практически закрыт для исследователей. С одной стороны, официальная версия объясняет это просто: неблаговидные эпизоды биографии царственной особы не подлежат широкой огласке. Но с другой стороны, сам факт сокрытия от общественности ряда важнейших документов уже наводит на мысль: «значит, есть что скрывать». Значит, все же имела место узурпация власти, а предки нынешних Виттельсбахов происходят по прямой линии как раз от узурпатора? И именно с целью сокрытия, а вернее, оправдания этого преступления распространялись грязные клеветнические сплетни и кропались фальшивки, ложь которых так трудно доказать, не имея на руках должного количества подлинных документов? Чтобы снять с себя подобные обвинения, Виттельсбахам, право, уж лучше было бы предать гласности пресловутые «неблаговидные эпизоды биографии». Однако этого не происходит. Почему? Вопрос остается без ответа.

Под «гриф секретности» попали даже материалы расследования гибели Людвига II. И лишь совсем недавно некоторая часть их увидела свет в издании «Götterdämmerung»[11] (Aufsätze und Katalog. Primus Verlag: Darmstadt, 2011), выпущенном к очередному «юбилею» — 125-летию со дня смерти последнего короля-романтика.

Само название этого двухтомника отсылает нас к роковой личности в жизни Людвига II — к личности Рихарду Вагнеру. В настоящем труде нам придется довольно долго останавливаться на вопросе их взаимоотношений. Дело в том, что на этом фоне

сразу становится совершенно очевидно, что именно разрыв, вернее, отлучение Вагнера от короля стало той роковой точкой отсчета, после которой Людвиг окончательно порвал с окружающим его миром, так и не сумев его переустроить, согласно своим идеалам. Раз мир такой несовершенный, что он не принял Вагнера, то и Людвигу в нем больше делать нечего. Парцифаль[12] не смог сохранить свой Грааль; Лоэнгрин снова одинок, он самоотверженно защищал честь Эльзы, но ему все равно пришлось покинуть этот мир — лейтмотив вагнеровской музыкальной драмы, лейтмотив жизни Людвига II! Ему казалось, что именно он не сумел «сохранить» и «защитить» Вагнера. А значит, отныне непонятый и отвергнутый подданными король будет в одиночестве служить великому Искусству, словно Парцифаль и Лоэнгрин — Чаше Грааля. А, как известно, «рыцари без страха и упрека» со времен Дон Кихота признавались обществом сумасшедшими…

Сначала король возненавидел Мюнхен и даже хотел перенести столицу Баварии в Нюрнберг. Но очень скоро он понял, что и это не выход. Чтобы обрести душевный покой, нужно построить себе убежище (а может, и не одно) вдали от любых столиц и скрыться в нем. Что это — начало душевной болезни? Или трагедия личности, в которой, перефразируя Ф. Ницше, «слишком человеческое начало» возобладало над «слишком королевским»!

Таким образом, Людвиг II Баварский не только самая загадочная, но, пожалуй, и самая трагическая фигура XIX века. В противовес его кумиру Людовику XIV, которого называли «Король-Солнце», Людвиг II стал, с легкой руки Гийома Аполлинера, «Королем-Луной». И это закономерно: Людовик XIV — расцвет абсолютизма, Людвиг II — даже не закат, не «сумерки богов», а уже, можно сказать, «ночь монархии». Людовик XIV стал тем недостижимым идеалом, к которому Людвиг II стремился всю жизнь. И чем с большей настойчивостью и страстью старался приблизиться к нему, тем больше отдалялся…

Интересно отметить, что еще одна весьма своеобразная реабилитация Людвига II была предпринята в 1972 году опять же не историком, а деятелем искусств — великим итальянским режиссером Лукино Висконти. Его фильм «Людвиг» — это попытка если не оправдать короля, то, по крайней мере, показать степень трагичности его личности, заставить силой кинематографа сопереживать ему, а не просто огульно осуждать поступки человека, якобы ввергнутого в бездну безумия. (Справедливости ради отметим сразу, что образ Людвига II, созданный на экране великолепным актером Хельмутом

Бергером, не всегда безукоризненно правдив с исторической точки зрения; но искусству это простительно.) О герое своего фильма сам Висконти писал: «Людвиг — это величайшее поражение. Я люблю рассказывать истории поражений, описывать одинокие души, судьбы, разрушенные реальностью».[13] «Судьба, разрушенная реальностью» — это, пожалуй, самый точный диагноз, который можно поставить несчастному монарху.

История, как известно, развивается по спирали. Интересно отметить, что пример Людвига II в качестве «разрушенной реальностью судьбы» не единичен. Можно сказать, что во многом он повторил биографию «безумного монарха» XVI столетия, императора Священной Римской империи германской нации Рудольфа II Габсбурга. Любители мистики могут даже усмотреть некий «знак свыше» в том, что, кроме совпадения «порядкового номера», даже их отцов звали одинаково: Максимилиан II.[14]

Существуют историко-медицинские работы, детально разбирающие симптомы душевных недугов и Рудольфа, и Людвига. Мы же постараемся лишь кратко нарисовать небольшой психоаналитический портрет — с указанием схожих черт — двух властителей, которые, будучи разделенными почти тремя столетиями, тем не менее оказались столь похожими и судьбами, и своим внутренним миром.

Трагедия таких личностей, как Рудольф II и Людвиг II Баварский, в первую очередь в том, что они оказались, как говорится, «не в том месте и не в то время». Теперь о других совпадениях, вернее, сходствах.

Итак, сходство № 1. Всепоглощающей страстью Рудольфа II была наука во всех ее проявлениях, в том числе и в том, что принято называть оккультизмом. Единственное же, что по-настоящему интересовало Людвига II и являлось смыслом его жизни, было искусство. Ради своих Idee fix и император, и король практически отказались от своего главного предназначения — реального управления страной. Правда, справедливости ради надо отметить, что в случае Людвига это утверждение верно лишь отчасти: он стал тяготиться государственными делами только в последний период своего царствования.

Сходство № 2. По свидетельствам современников, Рудольф обладал глубоким интеллектом и отменным художественным вкусом. Он всячески покровительствовал различным искусствам и наукам, не жалея на это никаких средств. Так, например, мало кому известно, что одной из первых в Европе кунсткамер — музей самых разнообразных необычных предметов — была вовсе не кунсткамера Петра I, а кунсткамера Рудольфа II (самая первая европейская кунсткамера принадлежала Альбрехту V

Виттельсбаху, о котором речь пойдет в первой главе настоящего издания). Кроме того, всю свою жизнь Рудольф собирал произведения искусства: знаменитая «Рудольфова галерея», находившаяся в свое время в среднем крыле Пражского Града, отличалась великолепным собранием живописи и скульптуры. Выдающийся датский ученый Тихо Браге выполнял для императора астрологические расчеты, а его знаменитый ученик Иоганн Кеплер рассчитал на основе наблюдений своего учителя планетные таблицы, изданные в 1627 году и названные в честь венценосного покровителя Рудольфинскими (лат. Tabulae Rudolphinae); эти таблицы долгое время служили астрологам и астрономам для вычисления положений планет. Что же касается Людвига II, то еще его дед Людвиг I мечтал превратить Мюнхен в «культурную столицу» Европы. Архитекторы, скульпторы и художники были самыми желанными гостями при баварском дворе. Так было во времена Людвига I; так продолжалось и в царствование Людвига II. Не говоря уже о том, что, начиная строить собственные замки, король непосредственно привлек к их созданию многих выдающихся мастеров.

Сходство № 3. Говоря о признании магии и оккультизма на государственном уровне, двор Рудольфа II являл собой, пожалуй, самый хрестоматийный пример: во время правления Рудольфа Прага стала центром оккультных наук. Император не только оказывал покровительство алхимикам, астрологам, магам, каббалистам, но и сам был не чужд этих занятий. Да, большинство тех, кто пользовался благами Рудольфа, были шарлатанами, которые просто злоупотребляли доверием императора, фактически грабя его казну. Но для того, чтобы «грабить казну» доверчивого монарха, вовсе не обязательно жить в XVI веке и быть непременно магом или алхимиком. Можно, например, являться выдающимися художником или гениальным композитором. Главное — «попасть в струю», понять, так сказать, душу августейшего покровителя и умело воспользоваться этим. Людвиг II, к примеру, не занимался алхимическими опытами, был далек от тайн каббалы и магии. Больше всего на свете, как мы уже упоминали, он любил архитектуру, музыку, литературу и театр. А стало быть, и при дворе его «кормились» архитекторы, декораторы, актеры и музыканты.

Чаще всего — пожалуй, в первую очередь — в эту когорту записывают Рихарда Вагнера. Насколько это справедливо, мы подробно разберем в соответствующей главе настоящего издания. Сейчас лишь обратим внимание на то, что в течение недолгого времени в ближайшем окружении молодого короля все же находился человек, которому тот безоговорочно доверял, у

которого спрашивал совета (кстати, вопреки распространенному мнению, политические вопросы Людвиг с Вагнером никогда не обсуждал; их беседы всегда касались исключительно области искусства). Рядом с которым, наконец, король не чувствовал себя одиноким!

Наличие доверенного лица, отвечающего чаяниям и устремлениям монарха, пожалуй, одно из немногих (конечно, исключительно в психологическом плане) различий между Людвигом II Баварским и императором Рудольфом II. Венценосные особы априори лишены такого счастья, доступного простым смертным, как дружба. Людвигу выпало это исключительное счастье: он смог найти человека, которого называл другом. Правда, и этой поддержки Людвиг вскоре был лишен и оставлен в полной изоляции. Рудольфу же вообще не удалось выделить из своего окружения кого-то одного, кого бы он в полной мере считал своим духовным пастырем. Именно поэтому вокруг его трона было столько «соискателей» на эту должность, но ни один из них не стал для Рудольфа тем, кем был в свое время для Людвига II Вагнер.

Мы подошли к сходству № 4. Духовное одиночество приводит к полному физическому одиночеству. И Рудольф, и Людвиг не создают семьи, замыкаются в себе; их все более тяготит общество, которое их не понимает (соответственно, отвергает); они становятся полностью самодостаточными — их устраивает «общество» самих себя. Только наедине с собой они способны ощутить душевный комфорт; любое вмешательство в их личную жизнь воспринимается ими как посягательство на их монаршую власть, которая, как это ни парадоксально, является первой и главной причиной развивающегося душевного недуга. И вот почему.

Бремя монаршей власти для Рудольфа и Людвига стало тем камнем преткновения, который должен был бы оказаться непреодолимой преградой на пути их ухода от действительности, но на самом деле подтолкнул уйти наиболее далеко. С одной стороны, царственное положение ставило и императора, и короля как бы над законом и критикой, делало их непогрешимыми перед подданными. Ведь кто бы посмел возразить своему государю? Остается лишь благоговейно подчиняться, иначе уличат в бунте; можно и головы лишиться. Это справедливо даже в отношении Людвига (конечно, исключая «голову»), правление которого, как мы уже отмечали, вообще пришлось на самый закат эпохи подлинной монархии. С другой стороны, эта же «вседозволенность» возлагает на монарха огромную ответственность и связывает цепями условностей дворцового

этикета и международной политики. Публичная личность всегда лишается права на неприкосновенность личной жизни, а монарх — особенно. Правило «что можно Юпитеру, того нельзя быку» начинает работать в обратном направлении: «что позволительно простому смертному, совершенно недозволенно монарху». Таким образом, та свобода личности, к которой так стремились и Рудольф, и Людвиг, теоретически была для них совершенно недостижима именно вследствие того, что они были монархами, оказавшимися в этом плане гораздо менее свободными, чем самый последний нищий, их подданный.

Но этот непреложный закон как раз и «не работает» в отношении как Рудольфа II, так и Людвига II! Они поставили себя над законом: монаршее служение государству они понимали как служение самому монарху. И отсюда сходство № 5: именно царственное положение обоих дало им возможность воплотить в реальном материальном мире мир их фантазий и грез — так называемый внутренний мир.

Это очень упрощенное и избитое понятие. Ведь, как писал в своей работе «Джон Ди и конец магического мира» философ-традиционалист Е. В. Головин, «для нас есть внутренний мир и внешний мир. Мы плохо можем объяснить, что мы понимаем под нашим внутренним миром. Скорее всего, под нашим внутренним миром мы понимаем ту самую закрытую железной дверью квартиру или еще что-нибудь, где хранится пустота или какие-то пустяки».[15] Наверное, как это ни грустно, придется признать справедливость этих слов для большинства из нас. Кстати, будь эти слова справедливы и для наших героев, их царствования были бы значительно более благополучными, а их страны во многом избежали потрясений, вызванных последствиями деяний этих властителей. Однако, к сожалению, их внутренний мир был настолько богат, что не только «железная дверь», а и «суперсовременный сейф со сложной системой сигнализации» был бы не в состоянии охранить эти богатства, и в первую очередь от самих их владельцев.

Каждому из нас свойственно прятаться от окружающей действительности, которая часто бывает жестока и несправедлива к нам, в мир, созданный воображением. Такой — скажем виртуальный и будем в дальнейшем так его называть — мир является для любого человека своеобразным щитом, защитной реакцией, помогающей справиться с неизбежными неприятностями, подстерегающими в реальности. Виртуальный мир так же индивидуален и неповторим, как и каждая человеческая личность. Редко кого мы пускаем в этот мир, он принадлежит только нам, в нем властвуем только мы, в нем

воплощаются любые самые смелые наши фантазии, и он не доступен никому постороннему, если, конечно, мы не писатели, не художники, не актеры, не музыканты. При этом необходимо помнить, что любая творческая личность выносит на суд публики лишь часть своего виртуального мира, к тому же сильно измененную и, так сказать, переработанную и интерпретированную, поэтому подобные примеры не имеют с рассматриваемыми нами случаями ничего общего.

Именно благодаря последнему обстоятельству — недоступности для окружающих нашего внутреннего мира — большинство из нас и считаются нормальными. А вот если бы кто-то смог проникнуть в наше подсознание… Наше счастье в том, что мы не только не хотим, но и не можем, даже если бы и захотели, перенести собственный виртуальный мир в мир материальный; возможности не те. Когда же редким индивидуумам такое удавалось, их тут же безоговорочно объявляли сумасшедшими. Вспомните известный фильм Марка Захарова «Формула любви»: «Барин наш бывший заставлял всех мужиков латынь изучать; желаю, говорит, думать, будто я в Древнем Риме». Вот классический пример попытки переноса виртуального мира в реальность!

И император, и король имели слишком большие возможности воплощать в реальности свои мечты: власть и исключительное материальное положение делали свое дело. Причем не только имели, но и воспользовались ими. Им, как никому другому, была необходима психологическая разрядка — более «нервной работы», чем монарх, представить себе трудно. Кроме того, напомним, что управление страной, как таковое, полностью дисгармонировало с внутренним миром обоих. Кстати, необходимо обратить внимание на одно важное психологическое отличие монарха XVI века от монарха второй половины XIX века: Людвиг всячески стремился вернуть себе абсолютную «средневековую» власть, но лишь для того, чтобы никому не давать отчета в своих действиях; а Рудольф, облеченный этой самой абсолютной властью, тяготился ею, но лишь тогда, когда от него требовались какие-либо решительные действия в интересах страны.

Но, как ни парадоксально, именно эта отличительная черта подводит нас к сходству № 6: оба монарха четко разделяли свои интересы и интересы государства; более того, в их случаях эти понятия вообще входили в противоречие друг с другом. Монарх «от Бога» сумел бы либо примирить в себе эти противоречия, либо полностью подчинить собственные желания благу страны. Ни Рудольф, ни Людвиг были к такому монаршему подвигу

неспособны — они, как мы уже отмечали, подчинили интересы страны своим интересам.

Но по-другому и быть не могло: они жили в своем виртуальном мире и пытались заставить жить в нем окружающих. Если простой человек вдруг объявляет себя во всеуслышание Наполеоном и начинает вести себя соответствующе своим фантазиям, его помещают в психиатрическую клинику. Но если он, считая себя в душе Наполеоном, никому об этом не говорит, откликается на свое обычное имя, спокойно работает и дает волю фантазиям, лишь оставаясь в одиночестве, такого человека никто даже и не заподозрит в каких-либо психических отклонениях. Отсюда проистекает, пожалуй, главное и основное сходство № 7: и Рудольф, и Людвиг «объявили себя Наполеонами» в масштабах целого государства.

При таком положении вещей царствование и того, и другого не могло не закончиться трагически, и опять же прослеживается удивительное сходство в том, как это произошло: Рудольф на семейном совете был объявлен недееспособным и должен был передать бразды правления в руки брата Маттиаса,[16] в пользу которого он и отрекся от престола; Людвиг был также объявлен недееспособным и душевнобольным, а регентом стал его дядя, младший брат отца Луитпольд.

Конечно, необходимо учитывать, что к печальному финалу обоих привел целый ряд объективных предпосылок. Рудольфа и Людвига окружала среда, абсолютно чуждая им, если не сказать враждебная. Рудольф — убежденный католик в стране протестантов, ученый-затворник, обремененный светской властью, покровитель изящных искусств, вынужденный общаться с солдатами-наемниками… Людвиг — средневековый рыцарь в царстве циничной корысти, тонко чувствующий романтик в сетях приземленного материализма, абсолютный монарх Средневековья на троне маленькой Баварии второй половины XIX века…

Они — не герои своего времени. Можно было бы назвать их антигероями, если бы это слово не носило столь явного негативного оттенка, а ведь злодеями, как таковыми, оба эти монарха ни в коем случае не являлись.

Скажем больше. Они вообще не принадлежат ни к какому времени! Их не понимали современники, но точно так же они оказались бы в изоляции и среди своих предков, не говоря уже о потомках. Ни в прошлом, ни в настоящем, ни в будущем для таких личностей, как Рудольф II и Людвиг II, нет места. Их вечный удел — одиночество. Их истинная родина — собственный внутренний виртуальный мир.

Как бы мы сейчас ни восхищались баварскими «сказочными

замками» Людвига II или мрачной мистической красотой Праги — вотчиной Рудольфа II, — окажись среди нас фигуры, подобные «императору-алхимику» или «последнему королю-романтику», и мы в ужасе отвернулись бы от них, объявив их опасными сумасшедшими. Что, собственно, и сделали их современники. Но для нас это сумасшествие было бы еще более заметным. Наш век гораздо приземленнее, циничнее и аморальнее, чем мистический XVI и даже материалистический и нигилистический XIX век. Наивная вера в чудо или любые идеальные и возвышенные мечтания навсегда изгнаны из мировоззрения человека XXI века и вряд ли когда-нибудь вернутся в наши сердца. Но вот неосознанная, загнанная глубоко в подсознание своеобразная ностальгия по этим понятиям у нас осталась. Именно поэтому «чудаки-неудачники» столь привлекательны и для простого читателя, и для историка-исследователя. Нам очень не хватает в жизни волшебства, красоты и рыцарской веры в то, что «красота спасет мир»…

Людям свойственно недолюбливать власть, так сказать, в реальном времени. При этом в «неблагодарной» памяти потомков прочнее остается как раз тот правитель, во времена которого случались различные войны, перевороты, массовые казни и т. д. Из всех коронованных властителей в нашей истории обыватель в первую очередь назовет Ивана Грозного (комментарии излишни), Петра I («зубы, мол, лично драл у подданных, в Голландию ездил почем зря и бороды боярам рубил, ах да, еще Петербург на костях построил») и Екатерину II (опять же, заметьте, не за ее реальные заслуги перед Отечеством, а за грязные слухи о бесконечных любовниках). И почти никто, к примеру, даже и не вспомнит — и это несмотря на Русско-шведскую и Семилетнюю войны! — двадцатилетнее царствование Елизаветы Петровны, при которой не было казнено ни одного человека!

Есть, правда, еще один способ, так сказать, «прочно остаться в истории»: как только человек, облеченный властью, ее лишается — тем более если лишается при каких-нибудь трагических обстоятельствах, — его начинают активно жалеть, прощая и забывая все то, что еще совсем недавно поднимало бурю негодования и недовольства. Умри Людвиг II в своей постели, оставаясь по-прежнему королем, — и никакие построенные им замки не были бы способны вызвать ни всеобщей народной любви, подогреваемой поисками таинственных, скрывшихся от справедливого возмездия заговорщиков, ни романтического флера невинно пострадавшего мессии, «распятого» неблагодарной циничной толпой.

Итак, благополучие и спокойствие истории не интересны;

потрясения и трагедии — вот пища для ума, творчества и памяти людской.

Безумие монарха тоже является верным козырем для «вхождения в историю». Но были ли Рудольф II и Людвиг II в прямом смысле этого слова психически больными людьми? На этот вопрос однозначного ответа нет. Историки и психиатры расходятся в диагнозах обоих — от маниакально-депрессивного психоза (чередование фаз повышенного и пониженного настроения, то есть возбуждения и депрессии, что в той или иной степени наблюдалось и у Рудольфа, и у Людвига) и паранойи (кстати, Людвигу однозначно поставили именно этот диагноз) до так называемого «пограничного состояния». Другими словами, состояния сильного невроза, безусловно присутствовавшего у обоих монархов, или психопатии, то есть индивидуальных, не вполне обычных, особенностей характера, которые ни в коем случае не являются психическим заболеванием!

Нам кажется, что последнее определение — «пограничное состояние» — наиболее верно отражает то, чем страдали оба монарха на самом деле.

Но не будем искать виноватых. Тем более что время само уже все расставило по своим местам. Не будь у баварцев Людвига II, его «нужно было бы выдумать». А еще лучше — сочинить о нем сказку. Ведь зачем мы столько времени уделили сравнительной характеристике двух правителей, разделенных столетиями? А именно затем, чтобы наглядно продемонстрировать, как «время все расставляет по своим местам».

Приезжая в современную Чехию, вы вряд ли встретите маломальски интересный туристический объект, который так или иначе не был бы связан с императором Рудольфом. Вас будут водить по экскурсионной программе «Прага Рудольфа И», рассказывать множество легенд, связанных с этим правителем, потчевать блюдами «из кухни Рудольфа», предлагать купить «именные» сувениры. Рудольф II — это самый успешный туристический бренд Чехии вот уже много десятков лет. А, между прочим, бюджет Чехии в первую очередь зависит именно от туристического бизнеса. Получается, что почивший в начале XVII века правитель благодетельствует своих «подданных» до сих пор. Какие великие политические и военные победы прошлого могут соперничать с такой «победой в веках»? Поэтому вполне естественно, что, не любимый и осмеянный современниками, Рудольф II стал самым популярным властителем у своих далеких потомков. Ведь испокон веков человечество не умеет ценить лишь своих современников.

И только Людвиг II может составить Рудольфу II достойную

конкуренцию в подобном посмертном почитании. Их примеры действительно уникальны.

Сказать, что современные баварцы боготворят своего короля, относятся к нему как к национальной святыне, — значит, ничего не сказать. Причем такое положение сложилось сразу же после его трагической кончины. Достаточно упомянуть о том, что до сих пор ежегодно в день смерти Людвига на Штарнбергском озере устраивается торжественная поминальная служба, в которой принимает участие огромное количество не только баварцев, но и приезжих туристов. В Баварии действуют общества памяти и клубы Людвига II. А уж количество сувениров — от алебастровых бюстов и фарфоровых тарелок до футболок, зонтиков и открыток с портретом короля — просто не поддается описанию! В «Баварии хмельной» существует даже пиво «König Ludwig», пользующееся неизменной популярностью не столько за свои вкусовые качества (справедливости ради, весьма неплохие), сколько из весьма своеобразного уважения к памяти несчастного короля.

Что же касается пресловутых «архитектурных чудачеств» Людвига И, то Бавария обязана ему тремя новыми дворцами, представляющими собой в полном смысле слова шедевры зодческого искусства. Это наиболее известный величественный Нойшванштайн (Neuschwanstein), построенный в горах над пропастью на высоте 1008 м, очаровательный уютный Линдерхоф (Linderhof), стоящий также в горах недалеко от австрийской границы, и, наконец, «баварский Версаль» Херренкимзее (Herrenchiemsee) на острове Херренинзель (Herreninsel) на озере Кимзее (Chiemsee). Каждый из них воплотил один из главных идеалов своего создателя: Нойшванштайн стал символом средневековой рыцарской романтики, Линдерхоф — памятником двум кумирам Людвига II — Людовику XIV и Рихарду Вагнеру, а Херренким-зее — олицетворением абсолютной королевской власти.

Эти замки, посещаемые в год миллионами туристов, дают в бюджет Баварии наиболее стабильный доход по сравнению с другими финансовыми притоками. Благодаря своему королю Бавария теперь могла бы безбедно существовать только лишь за счет туристического бизнеса! Можно сказать, что Людвиг, вопреки всем обвинениям, не разорял казну своей страны, а «инвестировал капитал в будущее», благодаря чему казна теперь не только давно вернула долги короля, но и получает колоссальные «проценты» от этих инвестиций. Жаль только, что оценить эту грандиозную «финансовую операцию» по достоинству могут опять же лишь далекие потомки, а современники не хотели терпеть лишения во имя «светлого будущего».

Правда, если уж быть честными до конца, то и Рудольфу II, и Людвигу II даже в самых кошмарных снах не могло присниться, что по их покоям будут ходить миллионные толпы любопытствующих «простолюдинов». А если бы такое им и приснилось, то это был бы, наверное, самый ужасный их кошмар…

Кстати, в данном издании мы практически не будем подробно останавливаться на замках Людвига II как таковых. В 2009 году в издательстве «Вече» вышла книга «Замки баварского короля»,[17] в которой этой теме было отведено значительное место. Однако с того времени в нашем распоряжении оказались многочисленные дополнительные материалы, не вошедшие в упомянутый труд. Поэтому, несмотря на неизбежные повторения, по сравнению с «Замками» биографический материал, посвященный Людвигу II, в настоящем издании дополнен, а также частично исправлен, на что обращаем особое внимание читателя.

В заключение нашего предисловия — интродукции, в которой, как и положено вступлению, соединены воедино основные лейтмотивы представляемой драмы, впоследствии раскрываемые по мере развития сюжета, — еще раз вскользь вернемся к упомянутому нами альбомному изданию «Götterdämmerung», посвященному личности короля Людвига II. В связи с этим весьма удачным «говорящим» названием будет уместно обратить внимание на одно немаловажное обстоятельство, позволяющее в какой-то мере поставить некоторые точки над «i». Итак, одноименное название вагнеровской оперы, более известной нам сегодня как «Гибель богов», в России довольно долго переводили как «Закат богов», или «Сумерки богов». Последний вариант является гораздо более правильным и в философском, и непосредственно в переводческом смысле (нем. Dämmerung буквально переводится как «сумерки, вечерние сумерки, рассвет, предрассветный полумрак»). То есть это слово может означать и закат, и рассвет одновременно! Ведь если бы Вагнер хотел подчеркнуть трагическую составляющую сюжета всей своей тетралогии, он бы напрямую использовал в названии «Untergang» — «гибель», или «Tod» — «смерть». Но он использовал «Dämmerung», а значит, переводить название музыкальной драмы как «Гибелъ богов» никак нельзя. Это значит не понимать глубинного скрытого смысла, заложенного в ней композитором: смерть одновременно является возрождением. «Это совсем не смерть, так как смерть у Богов отсутствует. То, что ошибочно принимают за «Гибель Богов», — это лишь сумерки, сон, в который время от времени впадают целые пантеоны. Этот процесс далеко не трагичен, так

как не является необратимым, и не морален, так как вполне естественен. Он — далеко не «последствие греха», наоборот, с нордической точки зрения «грехом» было бы отступление от Судьбы и желание Богов избежать неизбежного».[18]

Людвиг II не бежал от своей судьбы. Да, он до последнего боролся с ветряными мельницами, как и другой известный «сумасшедший» Дон Кихот, и так же, как тот, проиграл. Но проиграл достойно, одержав победу в главном: никто не может его упрекнуть в том, что он хоть раз изменил своим идеалам. Людвиг просто родился не в свое время. А может, это как раз само время Людвига — антиромантический XIX век — было безумным, отвергнувшим все светлое и идеальное, что было в рыцарском прошлом? Кстати, к чему привел нигилизм XIX века, во всей полноте ощутил на себе век XX с его кровавыми войнами, массовым варварским уничтожением людей, разгулом преступности и разврата.

Как мы уже говорили, наш век навсегда простился с романтизмом. Мы живем, следя за курсом иностранных валют, и, если честно, не очень-то верим в пресловутое «светлое будущее», убеждая себя в том, что «политика во все времена — дело циничное и бесчестное». Исторические примеры доказывают нам этот неутешительный факт: тиран, если, конечно, он при этом не самодур вроде шведского короля Эрика XIV или английского короля Генриха VIII, часто бывает способен вывести свою страну из политического кризиса (не будем уточнять, какой ценой), но как только у власти оказывается слабовольный человек, живущий возвышенными романтическими идеалами и, словно новый Дон Кихот, пытающийся в одиночку бороться с «ветряными мельницами нравственной деградации человечества», дело заканчивается катастрофой…

Многого мы еще не знаем о последнем короле-романтике, оставшемся для своих потомков, как он и хотел, «вечной загадкой». Как сказал Артур Шопенгауэр, «у гения и безумца общее то, что и тот и другой живет в своем собственном мире и оторван от мира реального». Был ли король безумцем? Или гением? Однажды, в конце 1870 года, в начале своей дружбы с Рихардом Вагнером Фридрих Ницше подарил композитору офорт Альбрехта Дюрера «Рыцарь, смерть и дьявол», о котором написал в комментарии к своей работе «Рождение трагедии»: «Ум, чувствующий себя безнадежно одиноким, не найдет себе лучшего символа, чем «Рыцарь» Дюрера, который в сопровождении своей лошади и собаки следует по пути ужаса, не думая о своих страшных спутниках, не озаренный никакой надеждой». Эти слова в полной мере можно отнести и к личности Людвига II.

Что ж, может, когда-нибудь вся правда о нем и откроется. А может, не нужно приподнимать таинственный покров, закрывший от нас то, о чем и так знают и молчат стены прекрасных сказочных замков, величественные лебеди и воды Штарнбергского озера, в которых он нашел свою смерть.

Среди баварского народа до сих пор живет легенда о том, что зимой по ночам в горах слышится громкий топот лошадей и в вихре бешеной скачки по снежным сугробам проносятся сани-лебеди, в которых сидит призрак красавца короля, которого народ не сумел защитить от его врагов… Но Боги не умирают, они просто ждут наступления лучших времен. И эти времена непременно наступят, если люди будут продолжать верить в добрые сказки и светлые идеалы, ради которых совершаются романтические прекрасные безумства\ И вот тогда Дон Кихот вернется — отныне и навсегда!

Так что, наверное, напрасно Лукино Висконти говорил о поражении Людвига II. Время присудило баварскому королю безоговорочную победу!

Действие I
НА ПУТИ К ТРОНУ
(август 1845 г. — февраль 1864 г.)

… Почему мы думаем, что больные шизофренией несчастливее так называемых нормальных людей. И что такое нормальный человек? Тупица, лишенный воображения. Вот и все. Ему никогда не дано вообразить себя Калигулой, Наполеоном, Шекспиром, Достоевским, Христом, Мухаммедом. Почему мы думаем, что это хуже, чем всю жизнь прожить каким-нибудь Степаном Петровичем или Петром Степановичем, борющимся за выполнение плана?

Из к/ф «Цареубийца»

Картина 1
«Мы не немцы; Мы — баварцы!»

В наш безумный век на земле осталось так мало мест, в которых время, кажется, остановилось, которые дают возможность забыть о суете и проблемах, хоть на мгновение убежать от действительности и погрузиться в давно забытую волшебную сказку. Мест, в которых сохранились вековые леса, не израненные вырубкой; где в озерах такая чистейшая прозрачная вода, что ее можно пить как лекарство для тела и души; где воздух еще не отравлен выхлопными газами и выбросами химических предприятий и где животные и птицы доверчиво подходят к человеку, не боясь получить пулю в ответ на свое дружелюбие и любопытство. И в первую очередь к таким заповедным местам можно смело отнести Баварские Альпы. Очутившись здесь, забываешь, что где-то грохочут поезда, летают самолеты, перегреваются в пробках автомобили, что есть телевидение, мобильная связь, Интернет. Все это кажется таким нереальным, далеким; да и ты — современный прагматичный человек — перестаешь быть самим собой, мгновенно перерождаешься, начинаешь верить в фей, гномов и великанов, мысленно облачаешься в сверкающие рыцарские доспехи. И вот уже к тебе по зеркальной глади горного озера плывет ладья, и Лебедь взмахом белоснежного крыла приглашает в путешествие по Стране Грез…

Наверное, Баварские Альпы — это действительно «портал» для перемещения во времени, для погружения в мир древних германских саг или романтического Средневековья.

Бавария… Самая большая федеральная земля Германии. Ее древняя история, ее дивная природа словно созданы для того, чтобы рождать легенды или людей, становящихся легендой.

На протяжении веков лейтмотивом баварской истории было одно слово — независимость. Сначала от Рима, затем от королевства Франков и от Священной Римской империи германской нации, наконец, от… самой Германии. Даже после объединения страны во Второй рейх Бавария довольно долго сохраняла свои позиции самостоятельного государства, несмотря на все попытки Берлина «подмять» ее под себя. И именно благодаря Людвигу II ей это удавалось! Кстати, баварцы в глубине души до сих пор считают себя независимыми и гордо именуют свою страну Freistaat Bayern — Свободное Государство Бавария! Их любимая поговорка несколько высокомерно и

самодовольно констатирует: «Мы не немцы; мы — баварцы!»

Словно «государство в государстве», Бавария в свою очередь разделена на 7 административных округов (Regierunsbezirke): Верхняя Бавария, Швабия, Нижняя Бавария, Верхний Пфальц, Средняя Франкония, Верхняя Франкония, Нижняя Франкония. Более того, чуть ли не каждый город претендует на собственную отдельную историю и соперничает с «соседями» за право называться древнейшим, словно доказывая тем самым свою независимость теперь уже от остальной Баварии. Особенно славятся своим свободолюбием франконцы, в свою очередь гордо заявляющие: «Мы не баварцы; мы — франконцы!» Лишь перед лицом «большой Германии» и швабы, и франконцы, и жители Пфальца все как один дружно становятся «свободными баварцами». И так повелось испокон веков!

История Баварии — это, можно сказать, независимые истории ее отдельных городов, сплетенные вместе, словно лоскутное одеяло, и составляющие единую цельную картину. Это своеобразная «родословная» страны, гордящейся своими «предками-городами» — каждым в отдельности. И прежде чем обратиться к родословной нашего главного героя, познакомимся немного с «родословной» его страны, которую мы вскользь обрисуем, чтобы наметить «декорации» всех мест действия нашей драмы.

Древнейшие обитатели баварских земель обосновались в этих местах еще в IV тысячелетии до н. э., что подтверждается находками археологов. В период Гальштатской культуры[19] (примерно 900–400 год до н. э.) в Баварию пришли кельты. Кельтское племя винделиков поселилось между реками Инн и Лех. Для более успешной защиты Галлии от вторжений варваров римский император Август поручил своим полководцам завоевать эти земли. Результатом этих завоеваний стало рождение древних, овеянных преданиями городов — своеобразного «лица» Баварии — таких, например, как Аугсбург, которому на сегодняшний день более 2000 лет.

Есть города, над которыми навечно простерта длань их покровителей, строителей, «отцов-основателей». Таков Санкт-Петербург с его вечной тенью Петра; такова Одесса, осененная «благословением» Дюка Ришелье… Таков Аугсбург, город императора Августа, который хоть и является столицей Швабии и третьим по величине городом Баварии, но в глубине души — а у каждого города, несомненно, есть своя душа — был и остается более римским, нежели немецким.

В 15 году до н. э. легионы императора Августа победным маршем шли по территории германских племен. В небольшой, но

удобно расположенной долине между реками Лех и Вертах, куда вела знаменитая дорога Via Claudia,[20] римляне разбили один из своих многочисленных военных лагерей, вскоре «разросшийся» в колонию, названную Augusta Vindelicorum в честь императора Августа.

Прошло совсем немного времени, и колония благодаря своему исключительно благоприятному месторасположению превратилась в центр римской провинции Реция. Великий историк Корнелий Тацит упоминает о ней как о самом цветущем городе этой провинции. Причем, возможно, римляне появились здесь и немногим ранее 15 года до н. э. В Римском музее Аугсбурга (Romanisches Museum), разместившемся в здании бывшего монастыря Святой Магдалины, хранятся экспонаты, найденные при многочисленных раскопках на территории города, которые датируются от 30 года до н. э.

Augusta Vindelicorum рос и развивался вплоть до V века н. э., когда Римская империя окончательно пришла в упадок и ее германские территории были захвачены и заселены германцами. В 536 году город подпал под власть франкских королей. Именно тогда он был окончательно «крещен» как Augustus Burg, или Аугсбург, сохранив, таким образом, за собой славу города Августа. И сегодня эту славу хранит величественный фонтан Августа (Augustusbrunnen) на Ратушной площади, установленный в 1589–1594 годах в честь 1600-летнего юбилея Аугсбурга и представляющий собой аллегорию Власти — императорской власти.

Город по-прежнему находился на пересечении важнейших торговых путей, соединяющих Южную Германию со Средиземноморьем. Аугсбург обрел свое второе рождение, стал бурно расти и развиваться; в 739 году в нем была размещена резиденция архиепископа. Однако его ждало еще одно испытание. В 955 году вплотную к Аугсбургу подошли полчища кочевников-венгров, которых в некоторой степени можно сравнить с монголотатарскими завоевателями Руси. 10 августа вблизи Аугсбурга на равнине Лехфельд произошла знаменитая битва при Лехе, в которой войска императора Оттона I Великого (912–973) окончательно разгромили венгров. С тех пор они больше никогда не вторгались на территорию Центральной Европы.

И все же не героическими военными победами славен Аугсбург (кстати, больше никаких громких побед под его стенами одержано не было). Если продолжить сравнение с Русью, то Аугсбург можно смело назвать «Великим Новгородом Германии». В 1276 году, входя в состав Священной Римской империи германской нации, Аугсбург получил статус вольного имперского

города. Управление в нем осуществлялось городским советом во главе с бургомистром, город имел право самостоятельно объявлять войну, заключать мир, чеканить свою монету. Отныне Аугсбург — в большей степени, чем другие немецкие города, — стал городом купцов и ремесленников, что во многом определило его дальнейшую историю. Товары аугсбургских купцов проникали даже в Россию, где город был известен под названием Аушпорка.

Кстати, согласно одной из легенд, другой, не менее знаменитый «город купцов и ремесленников» Нюрнберг — второй по величине город Баварии, крупнейший экономический и культурный центр Франконии — также был основан во времена Римской империи, когда полководец Нерон Клавдий Друз Германик, брат императора Тиберия Клавдия, в 13 году до н. э. перешел со своей армией Рейн и вторгся на территорию германских племен. Во время одного из походов он разбил на горе, на месте будущего города, сначала лагерь, а впоследствии построил укрепления и башню. Местное население стало называть гору Neroberg, что означает «гора Нерона». Согласно другой легенде, гора называлась «Nur ein Berg» («Лишь одна гора»), так как в округе она действительно единственная. Построенные Нероном Клавдием Друзом Германиком укрепления положили начало «одноименному» городу. Как бы там ни было, но несомненно одно — Нюрнберг значительно старше 1000 лет, хотя документально он впервые упоминается как Nuorenberg (Скалистая гора) лишь в 1050 году в указе императора Священной Римской империи германской нации Генриха III Черного (1017–1056).

Кстати, надо сказать, что Людвиг II, вообще не любивший города с их суетой и толчеей, к Нюрнбергу испытывал совершенно особое отношение. Одно время он даже хотел перенести сюда столицу Баварии. Во многом такое желание можно назвать обоснованным и справедливым. Нюрнберг имеет славу «самого немецкого города Германии». И это не случайно: его история и культура отражают все ключевые моменты развития страны на протяжении веков вплоть до наших дней. Нюрнберг во всем «самый-самый»: по своему духу он не только «самый немецкий», но и «самый средневековый», «самый имперский», «самый культурный», «самый противоречивый» — город Альбрехта Дюрера и Ганса Сакса, город рождественских пряников и пряных колбасок, город «Нюрнбергских законов» и Нюрнбергского процесса… По своей значимости в истории именно Нюрнберг должен был бы стать столицей Баварии вместо Мюнхена и столицей Германии вместо Берлина. А ему досталась лишь скромная слава негласной столицы маленькой Франконии.

[21] Но кто не бывал в Нюрнберге, тот не знает Германию!

Но вернемся вновь к тому времени, когда в 15 году до н. э. римская армия окончательно разбила кельтов и вышла к Дунаю, ставшему границей Римской империи. Здесь (нынешняя Южная Бавария) возникли две провинции: уже упоминавшаяся нами Реция и Норикум. Границей между ними служило течение реки Инн. После двух столетий относительно спокойного существования Реции и Норикуму стали угрожать германские племена — маркоманны и алеманы. В середине III века провинции были разорены, а к 400 году власть Рима окончательно пала под натиском германцев.

О происхождении непосредственно баварцев историки до сих пор не пришли к единому мнению. Согласно самой распространенной версии, в 450–550 годах на южном берегу Дуная появилось новое племя, называемое баювары (Baiovarii). Скорее всего, баювары пришли из области, где располагается территория современной Чехии. Они поселились западнее реки Лех, соседствуя с алеманнами на западе и с франками на севере. Считается, что Бавария получила свое название от племени баюваров.

Само герцогство Бавария было основано в середине VI века. Первым герцогом Баварским стал Гарибальд I (555–591) из рода Агилофингов. Представителям этого рода, согласно первому своду законов Баварии Lex Baiuvariorum (ок. 620), «отныне принадлежал трон герцога на вечные времена». Главным городом первого государства баварских племен стал Ратисбон (ныне Регенсбург). И было бы несправедливо не сказать несколько слов и о нем.

Из всех «кельтско-римских» баварских городов Регенсбург — один из самых древних. Местность на слиянии двух рек — Дуная и Регена — словно самой природой была создана для того, чтобы здесь чуть ли не с каменного века жили люди. Археологические находки на территории Старого города датируются 500 годом до н. э. Позднее кельтское поселение получило звучное имя Radasbona (или Ratisbona).

На смену кельтам пришли римляне. Именно они в 79 году н. э. построили грозную крепость, окруженную рвом и неприступной каменной стеной. Регенсбург вступал в эпоху новой, римской истории, полной кровавых войн и разрушений. В 160-х годах крепость была осаждена маркоманами, которые, несмотря на всю ее неприступность, одержали победу и практически стерли с лица земли и саму крепость, и гражданские поселения вокруг нее. Но римляне не могли так просто отказаться от столь выгодно расположенного «лакомого кусочка»

германской земли. В свою очередь император Марк Аврелий со своими легионами отвоевал его у маркоманов и построил укрепленный военный лагерь Castra Regina — основной форпост римской провинции Реция, защищаемый непобедимым Третьим Италийским легионом численностью более 6000 солдат. На месте этой «военной базы» и возник нынешний Старый город, до сих пор сохранивший руины римских времен.

На смену грубой силе пришла сила духовная, сила веры. Примерно в 680-х годах в Регенсбург прибыл святой Эрхард, проповедуя христианство на землях Баварии. А в 739 году святой Бонифаций основал в Регенсбурге епископство, ставшее, пожалуй, старейшим на немецкой земле.

Итак, герцогство Бавария постепенно расширялось и заняло территорию вплоть до Каринтии. Но в 788 году последний из династии Агилофингов Тассило III (741–796) потерпел поражение от франкского правителя Карла Великого, после чего Бавария потеряла самостоятельность, войдя в состав королевства Франков, после раздела которого по Верденскому договору 843 года стала центром Восточной франкской империи — «зародыша» будущей Германии.

В это время — в IX веке — на историческую сцену Баварии выступает первый исторически достоверный представитель рода Виттельсбахов, получивший свое имя по названию замка Виттельсбах[22] на реке Заале в Верхней Баварии. Это Луитпольд (Luitpold; ок. 854 или 860–907), маркграф[23] Баварской Восточной марки (895–907), ставший также герцогом Баварским в 907 году. Интересно отметить, что, согласно одной из версий, его мать, чье имя точно не установлено, происходила из знаменитого рода Вельфов.[24] Кроме того, Луитпольд был родственником императора Арнульфа Каринтийского (ок. 850–899), передавшего ему в лен в 893 году земли Каринтии и Верхней Паннонии. Со временем к этим владениям были присоединены территории вдоль Дуная (в баварском Нордгау и Донаугау) и Регенсбург. Границы своих владений маркграфу приходилось постоянно оборонять от нападений со стороны Венгрии и Великой Моравии; он одержал ряд блестящих побед (в частности, в 898 году над войсками великоморавского князя Моймира II). 4 июля 907 года Луитпольд погиб в битве с венграми при Прессбурге (ныне Братислава).

В его честь вплоть до XIII века род Виттельсбахов именовали Луитпольдингами.

Ирония судьбы: имя Луитпольд станет роковым для нашего героя…

А мы подошли к моменту «рождения» самого младшего по

возрасту, но самый старшего по статусу из описываемых нами городов. Баварская столица Мюнхен — третий по величине город Германии после Берлина и Гамбурга и первый по величине в Баварии — начинал свою историю как маленькое поселение монахов на реке Изар. Недаром на гербе Мюнхена изображен монах — легендарный основатель города. Кстати, ныне на месте этого первого монашеского поселения находится самая старая церковь Мюнхена — церковь Святого Петра (Peterskirche). Но историческим основателем Мюнхена считается герцог Генрих Лев (1129–1195) из династии Вельфов, правитель Саксонии (под именем Генриха III в 1142–1180 годах) и Баварии (под именем Генриха XII в 1156–1180 годах). При нем Мюнхен впервые упоминается в документах 1158 года как Villa Munichen и в 1175 году получает статус города. Тогда же были возведены городские стены. В 1180 году Генрих Лев был разбит Фридрихом I Барбароссой (ок. 1125–1190), который пожаловал титул герцога Баварии Отто I Виттельсбаху (ок. 1117–1183), после чего Виттельсбахи окончательно утвердились в Баварском герцогстве, поставив своеобразный рекорд, достойный Книги рекордов Гиннесса: династия Виттельсбахов правила Баварией с 1180 по 1918 год!

Мы не будем здесь описывать все перипетии древней истории Баварии — для создания «условных театральных декораций» вскользь упомянутых городов вполне достаточно. Обратимся же теперь непосредственно к тому времени, когда Бавария приобрела статус королевства.

С 1801 года баварские войска под предводительством курфюрста Баварии Максимилиана I Иосифа[25] (1756–1825) сражались на стороне Наполеона. В том числе они принимали непосредственное участие в знаменитой Битве трех императоров при Аустерлице 20 ноября 1805 года. В благодарность за верную службу и военную доблесть французский император уже 26 декабря 1805 года провозгласил Максимилиана I Иосифа королем Баварии.

Таким образом, Бавария по государственному акту от 26 мая 1818 года — страна конституционно-монархическая. И независимая! Глава государства — король, корона которого передается по наследству в мужском колене по праву первородства и ни в каком случае не может перейти к государю, который проживает вне Баварии. В случае продолжительной неспособности короля к делам управления регентство принимает на себя ближайший совершеннолетний агнат. Парламент (ландтаг) состоит из двух палат: государственных советников и народных представителей. Члены первой палаты получают места

либо по праву рождения (принцы королевской семьи, главы прежних владетельных княжеских и графских фамилий), либо в силу занимаемой должности (в том числе архиепископы). Палата народных представителей насчитывает 159 членов, избираемых на шестилетний срок общей, но не прямой подачей голосов. Ландтаг созывается через каждые три года, причем король имеет право отсрочить заседание или вовсе распустить его. Через каждые два года на обсуждение и утверждение ландтага выносится бюджет государства. При этом высшими государственными органами служат Государственный совет и Министерство. Согласно указу от 3 августа 1879 года «Государственный совет призван служить королю в качестве совещательной коллегии, без участия в управлении, а Министерство является верховным исполнительным органом». Оно состоит из шести отдельных министерств: королевского двора и иностранных дел, юстиции, внутренних дел, просвещения и дел церкви, финансов, а также военное министерство.

Таково было государственное устройство страны, во главе которой двадцать два года будет находиться наш герой. Страны с древнейшей историей и богатой культурой, страны, овеянной многочисленными легендами и героическими преданиями, страны, которая до сегодняшнего дня славится своими изумительными по красоте пейзажами, в первую очередь озерными и горными. Достаточно упомянуть самую высокую точку Германии вершину Цугшпице (Zugspitze), достигающую 2962 м высоты. Или горный массив Ватцман (Watzmann) (одноименная вершина 2714 м) в Берхтесгадене (Berchtesgaden), опоясывающий западный берег, пожалуй, самого живописного озера Баварии, получившего за свою красоту название Кёнигсзее (Königssee, Королевское озеро). Гору Ватцман окружают еще шесть вершин, правда, не таких величественных и неприступных. Существует легенда, что в стародавние времена в этих местах правил жестокий король-великан по имени Ватцман. Он мучил и убивал всех, кто проезжал по его владениям. За свою жестокость сам король, его жена и пятеро детей были превращены в горные вершины. Так возник горный массив, названный по имени великана Ватцмана в назидание всем, кто нарушает заповеди Божьи. И отныне уже ничто не может угрожать благословенному краю, куда «Господь приводит тех, кого любит»!

Картина 2
Славные предки

Настало время от истории страны перейти непосредственно к истории рода Людвига II, тем более что он с раннего детства хорошо знал свою родословную. Как мы уже говорили, он являлся представителем древнего рода Виттельсбахов, который в XIV веке разделился на две основные линии: старшую (пфальцграфы[26] Рейнские; основатель Рудольф I (1274–1319) и младшую, в которую перешел титул герцогов Баварских (основатель Людвиг IV (1287–1347). Младшая линия угасла в 1777 году со смертью Максимилиана Йозефа (1727–1777), после чего титул герцогов Баварских снова перешел в старшую линию (в 1806 году герцоги Баварские стали королями).

Документы свидетельствуют, что представители Дома Виттельсбахов «были курфюрстами[27] Бранденбургскими (1351–1364), графами Голландскими (1353–1417), королями датскими (1440–1448), чешскими (1619–1620), шведскими (1654–1741), греческими (1832–1862), а также императорами Священной Римской империи (в 1314[28] — 1347 и 1742–1745)».[29]

Из генеалогических таблиц Дома Виттельсбахов видно, что упоминаемый нами Отто I, герцог Баварский с 1180 года, принадлежит к двенадцатому колену линии герцогов Баварских и Верхне-Баварских, пфальцграфов Рейнских. Интересно отметить, что его сын Людвиг I (1174–1231) в октябре 1204 года женился на вдове графа Адальберта IV фон Богена (1165–1197) Людмиле Чешской (ок. 1170–1240). Людмила происходила из чешской династии Пржемысловичей, а со стороны матери, венгерской принцессы Елизаветы, была правнучкой великого князя Киевского Мстислава I Владимировича. После смерти ее сына от первого брака Адальберта V(1191–1242), являвшегося последним представителем рода графов фон Боген, их владения, а также герб с бело-голубыми ромбами перешли к Виттельсбахам в четырнадцатом колене в лице Отто II Сиятельного (1206–1253), сына Людвига I и Людмилы Чешской. Таким образом, с 1242 года герб Виттельсбахов, являющийся ныне гербом Баварии, приобрел вид, известный нам сегодня.

Еще один знаменитый представитель Виттельсбахов — Людвиг IV Баварский (1287–1347), принадлежащий к шестнадцатому колену упоминаемой выше линии Дома. Герцог Верхней Баварии с 1302 года, германский король с 1314 года, император Священной Римской империи германской нации с

1328 года, он пытался воспрепятствовать попыткам Франции утвердиться в Северной Италии, стремясь восстановить там власть императоров в противовес папской власти. Еще в XII веке в Италии сложились две враждующие «партии»: так называемых гвельфов — противников империи и гибеллинов — ее сторонников. (В XV веке, когда империя и папство потеряли свое влияние, вражда гвельфов и гибеллинов отошла в прошлое.) Итак, Людвиг IV поддерживал гибеллинов и выступал против абсолютной власти папы, у которого короли и императоры тогда находились в прямой зависимости. В ответ папа Иоанн XXII пытался оспорить правомерность избрания Людвига на королевский престол, возбудил против него целый процесс и в довершение всего в 1324 году отлучил от церкви. В свою очередь Людвиг IV привлек на свою сторону приверженцев идеи независимости светской власти от Церкви; тогда в Европе начиналось движение за создание национальных независимых от папства церквей. Борьба короля и папы обострилась, когда в мае 1327 года при поддержке гибеллинов Людвиг был коронован итальянским королем, а в январе 1328 года — императором Священной Римской империи в обход папы. В 1338 году коллегией курфюрстов было вынесено историческое постановление о том, что избранный курфюрстами германский король не нуждается в утверждении папой.

Скорее всего, история действительно развивается по спирали: в свое время в тенета религиозной борьбы был втянут и Людвиг II, когда набирало силу противостояние между политикой «Культуркампфа» и ультрамонтанами. Вообще, можно сказать, что Людвиг II не только сконцентрировал в своем царствовании многие события многовековой истории своего рода, но и его увлечения носили ярко выраженный «генетический» характер.

Виттельсбахи одними из первых в Европе стали покровительствовать при своем дворе наукам и искусствам. Так, уже в 1422 году внук Людвига IV Иоганн III (1374–1425), принадлежащий ко второму колену линии графов Голландских младшей линии Дома Виттельсбахов, пригласил к своему двору знаменитого художника Яна ван Эйка,[30] заложив тем самым «первый камень» в последующее «здание виттельсбахского Парнаса».

Альбрехт V (1528–1579), представитель восьмого колена младшей линии Дома Виттельсбахов, сделал немало для того, чтобы столица Баварии Мюнхен стала одним из красивейших и культурнейших городов своего времени. В частности, при нем была перестроена мюнхенская Резиденция, которая заслуживает особого внимания. Ее начали строить еще в 1385 году. Во времена

Альбрехта к основному зданию было пристроено второе крыло, образующее внутренний так называемый Двор с гротом (Grottenhof), а также Antiquarium — самый большой церемониальный зал эпохи Ренессанса и старейший в Резиденции, славящийся собранием античной скульптуры. (Кстати, в XVII веке к комплексу был добавлен Императорский двор (Kaiserhof), а все строительство было завершено только в XIX веке при короле Людвиге I дворцами Königsbau и Festsaalbau.) Вспоминая кунсткамеру императора Рудольфа И, которому мы недаром уделили много внимания в предисловии, нельзя не упомянуть аналогичное сооружение Альбрехта V, имевшего настоящую страсть к коллекционированию (видимо, создание кунсткамер в XVI веке получило общеевропейское поветрие, перешагнув и в XVII–XVIII века благодаря кунсткамерам Петра I и Августа Сильного).

Кроме того, именно Альбрехт V собрал при баварском дворе многих выдающихся художников и музыкантов своего времени и всячески им покровительствовал. Подобные увлечения не находили понимания в среде тогдашней баварской знати. Известные параллели с царствованием Людвига II напрашиваются сами собой…

Сын Альбрехта V Вильгельм V (1548–1626) вошел в историю под прозвищем Набожный. Именно с его именем связано укрепление католицизма в Баварии; именно в его правление Мюнхен стал восприниматься в Европе как центр Контрреформации. Тогда набирал силу образованный в 1540 году орден иезуитов. Ведя активную благотворительную деятельность — открытие больниц, приютов для сирот, многочисленных школ, — иезуиты постепенно проникали во все сферы общественной жизни. Вплоть до второй половины XIX века — времени проведения уже упоминаемой вскользь политики «Культуркампфа», о которой мы еще будем говорить более подробно, — влияние иезуитов в Баварии было непоколебимо. И своеобразным символом этого влияния стало начатое в 1583 году возведение величественного храма — иезуитской церкви Святого Михаила (Jesuitenkirche St. Michael, или просто Michaelskirche; ныне считается самым крупным храмом в стиле ренессанс в северной части Европы). Основателем церкви Святого Михаила и стал Вильгельм V Набожный. Затраты на строительство превысили все допустимые нормы; обрушение одной из башен едва не остановило его. Но, не иначе как стараниями своего небесного покровителя, уже в 1597 году церковь была освящена. А установленная в 1588 году над мраморным порталом главного входа бронзовая статуя святого архангела Михаила, попирающего

сатану, стала символом вечной борьбы с мировым злом. С завершением строительства своего главного детища Вильгельм посчитал свою земную миссию выполненной и удалился в монастырь, передав престол в руки сына Максимилиана I (1573–1651). После смерти в 1626 году Вильгельм V, первым из Виттельсбахов, был похоронен в крипте церкви Святого Михаила. С тех пор именно этот храм стал традиционным местом упокоения представителей династии. Здесь найдет свой последний приют и несчастный король Людвиг II…

А теперь мы вновь перешагнем на несколько столетий вперед и лишь отметим, что и впоследствии многие Виттельсбахи были просвещенными любителями прекрасного, уделяя изящным искусствам чуть ли не больше времени и внимания, чем государственным делам.

И в первую очередь это Людвиг I, любимый дедушка Людвига II. Людвиг Карл Август фон Виттельсбах родился 25 августа 1786 года в Страсбурге. Он был сыном Августы Гессен-Дарм-штадтской (1765–1796) и уже упоминаемого нами пфальцграфа Цвейбрюккенского (с 1795 года), курфюрста Пфальцского и Баварского (с 1799 года), первого баварского короля (с 1806 года) Максимилиана I Иосифа, получившего корону из рук Наполеона I. До конца своих дней Максимилиан боготворил своего благодетеля и преклонялся перед Францией. Недаром заочным крёстным своего сына он выбрал французского короля Людовика XVI, в честь которого тот и был назван. Так что можно сказать, что любовь к Франции нашего героя, Людвига II была опять же обусловлена генетически.

Правда, в отличие от своего отца Людвиг I, получивший к тому времени прекрасное образование в Ландсхутском и Гёттингенском университетах, занимал резко выраженную антифранцузскую позицию, что не помешало ему командовать баварской дивизией в составе Великой армии в кампаниях 1806–1809 годов во время военных действий в Австрии и Пруссии. Сам же Максимилиан при всей своей «французскости» был дальновидным политиком. Всего за 10 дней до Битвы народов при Лейпциге (16–19 октября 1813 года) он вышел из Рейнского союза, заключил союз с Австрией и на стороне антифранцузской коалиции участвовал в кампании 1814–1815 годов, что позволило ему сохранить корону: на Венском конгрессе за Максимилианом были закреплены полученные территории и признано право самодержавного государя.

С первым баварским королем Максимилианом I Иосифом еще связано строительство Мюнхенского королевского придворного и национального театра (Hof und Nationaltheater), возведенного на

площади его имени (Max-Joseph-Platz). (Впоследствии этот театр станет «святая святых» для Людвига II.) В 1810 году король приказал начать проектировать здание, и 26 октября 1811 года был заложен первый камень в основание будущей главной оперной сцены Мюнхена. Однако в 1813 году из-за нехватки средств — этой роковой проблемы баварских властителей — строительство было остановлено. Пережив пожар 1817 года, театр все же открылся 12 октября 1818 года. Но огонь был поистине злой стихией для мюнхенской сцены. 14 января 1823 года здание вновь сгорело дотла. И лишь незадолго до своей смерти, 2 января 1825 году, Максимилиан I Иосиф смог присутствовать на «втором рождении»[31] своего детища, восстановленного стараниями архитектора Лео фон Кленце,[32] с именем которого будет напрямую связано следующее царствование.

Наследный принц Людвиг, несмотря на военное крещение, был далек от того, чтобы вникать в политические перипетии послевоенной поры. Обществу министров и военных он предпочитал общество поэтов, художников и музыкантов. После 1809 года он практически покинул Мюнхен и большую часть времени жил в Вюрцбурге (Würzburg) и Ашаффенбурге (Aschaffenburg), часто совершая поездки по Италии. Окружив себя художниками и писателями, Людвиг заслужил славу «покровителя искусств». Действительно, он тратил огромные суммы на коллекционирование художественных произведений и содержание театров. То, что впоследствии поставят в вину внуку, берет начало в образе жизни деда…

12 октября 1810 года Людвиг женился на Терезии Саксен-Альтенбургской (1792–1854). Кстати, празднества, устроенные в честь этой свадьбы, положили начало традиционному, известному во всем мире баварскому празднику Октоберфест. У супругов родилось 9 детей: Максимилиан (1811–1864), будущий король Баварии и отец нашего героя, Матильда (1813–1862), Отто (1815–1867), будущий греческий король Оттон I, Шарлотта (1816–1817), Луитпольд (1821–1912), будущий принц-регент, Алдегонда (1823–1914), Хильдегарда (1825–1864), Александра (1826–1875) и Адальберт (1828–1875).

После смерти отца 13 октября 1825 года Людвиг I вступил на баварский престол. И первейшей своей задачей новый король поставил превращение Мюнхена в «Новые Афины» — культурную столицу Европы. Сказалась его давнишняя тяга к меценатству. Свою alma mater, Ландсхутский университет, он перенес в Мюнхен, чтобы «колыбель науки» была в непосредственной близости от двора, а также реорганизовал Академию художеств. Одновременно он занимался обновлением архитектурного облика

столицы Баварии.

Людвиг I с юных лет сочинял стихи, писал картины, коллекционировал произведения искусства, интересовался архитектурой. Во многом именно Людвигу I Мюнхен обязан своим нынешним обликом. Король закончил строительство великолепной Резиденции, «долгострой» которой тянулся с XVI века. Построил проспект Людвигштрассе (Ludwigstrasse), протянувшийся от Зала полководцев (Фельдхеррнхалле) *, получившего свое название от установленных при входе в 1841–1844 годах по заказу короля памятников баварским полководцам Иоганну Церкласу фон Тилли[33] и Карлу Филиппу Вреде,[34] до Триумфальной арки, или Ворот Победы, созданных по образцу арки императора Константина в Риме. Ворота венчает аллегорическая бронзовая фигура Баварии, правящей четверкой львов.

При Людвиге I были также построены знаменитые Старая Пинакотека — картинная галерея с богатейшей коллекцией европейской живописи XIV–XVIII веков — и Новая Пинакотека, экспонирующая произведения художников XIX века (позднее и XX века), а также Глиптотека, в которой представлено одно из лучших в Европе собрание античных скульптур.

Для любимого архитектора короля Лео фон Кленце поистине настал звездный час. Людвиг I увлекался античностью, особенно историей и культурой Древней Греции. Между прочим, в свое время это увлечение сыграло не последнюю роль в его сочувствии греческому восстанию, после которого в 1832 году на греческий престол взошел его сын Отто (Оттон I Греческий). Кстати, баварское правительство тогда было вынуждено тратить очень большие средства для поддержания экономики разоренной политическим кризисом страны.

В своих архитектурных вкусах Людвиг также не отступал от строгого идеала древнегреческого стиля, в котором в основном и строились при нем новые здания. Пожалуй, наивысшим воплощением увлечения Людвига I античной архитектурой стала построенная Лео фон Кленце «Валгалла» («Вальхалла»). С одной стороны, грандиозность, а с другой — явная нелепость исполнения этого самого дорогого из проектов Людвига I заставляет рассмотреть этот феномен более подробно. Поэтому мы позволим себе ненадолго перенестись на берега Дуная в окрестности Регенсбурга.

Строго по расписанию от пристани этого города вверх по течению Дуная отходят прогулочные пароходы, беря курс на «Валгаллу», расположенную в 10 км от Регенсбурга. Но, несмотря на название, не обольщайтесь — к германо-скандинавскому

мифологическому посмертному обиталищу павших в битвах воинов, доставляемых туда девами-валькириями, а также к последнему обиталищу богов баварская «Валгалла» не имеет никакого отношения. Согласно замыслу Людвига I, зародившемуся у него впервые еще в 1807 году, его «Валгалла» должна была стать мемориалом славы величайших представителей германского народа. Причем не только воинов и королевских особ, но также и ученых, писателей, художников, церковнослужителей и женщин.

Ко времени коронации Людвига I, когда строительство «Валгаллы» еще даже не начиналось, но планировалось, уже было готово 60 бюстов великих сынов Германии для последующего установления их в мемориале. В 1826 году Людвиг I выбрал место для будущего строительства, которое началось 18 октября 1830 года (в 17-ю годовщину Битвы народов). Ровно через 12 лет, 18 октября 1842 года, состоялось торжественное открытие шедевра фон Кленце, когда баварский двор во главе с королем первый и единственный раз посетил «Валгаллу».

Примерно через 40 минут после отплытия на правом берегу по направлению движения парохода открывается картина, заставляющая вас на мгновение поверить и в существование временных порталов, и в то, что вы сами ненароком пересекли такой портал, внезапно оказавшись в древней Элладе. На вершине высокого холма вы видите настоящий античный храм со спускающейся к подножию холма широкой мраморной лестницей, моделью для которого послужил афинский Парфенон. Лестница состоит из 250 ступеней, так что подъем к самому мемориалу требует больших физических затрат. Здание построено из светло-серого мрамора, но со стороны реки оно кажется белоснежным. Интерьер храма, освещаемый через отверстия в богато украшенном бронзой и золотом потолке, представляет собой продолговатый четырехугольник. С бюстами реальных людей соседствуют статуи богини Победы из каррарского мрамора. Вдоль стен тянется мраморный фриз с рельефными картинами из истории древней Германии. Под ним на консолях и постаментах расположены в хронологическом порядке мраморные бюсты героев «Валгаллы». Посередине противоположной от входа стены зала установлена мраморная статуя (не бюст!) самого Людвига I — видимо, как наиболее выдающегося сына Германии, кому «Валгалла» обязана своим рождением.

На момент открытия в «Валгалле» находилось 96 бюстов и 64 мемориальные доски. Мемориальные доски заменяли бюсты тех людей, портретного изображения которых не сохранилось. Постепенно количество бюстов увеличивалось, и этот процесс еще

не завершен (последнее пополнение было в 2008 году; на сегодняшний день в «Валгалле» находятся 128 бюстов). В настоящее время вопрос об установлении нового бюста решается баварским правительством при соблюдении единственного условия — он может быть установлен спустя не менее 20 лет со дня смерти человека; немецкое происхождение знаменитости уже роли не играет. Что же касается мемориальных досок, то со времен открытия «Валгаллы» была добавлена всего одна доска— героям немецкого Сопротивления (в 2003 году). Таким образом, общий пантеон «Валгаллы» насчитывает 193 памятника, 12 из которых посвящены женщинам. Интересно отметить, что среди героев «Валгаллы» находятся 4 бюста тех, кто является гордостью истории России: Михаила Богдановича Барклая-де-Толли, Ивана Ивановича Дибича-Забалканского, Екатерины II Великой и Иоганна Буркхардта Христофа Миниха (в России известного как Христофор Антонович).

Надо сказать, что при всей патриотичности этого проекта его воплощение оставляет желать лучшего. Даже сегодня добраться до «Валгаллы» довольно проблематично, если, конечно, вы не живете в Регенсбурге. Что уж говорить о временах Людвига I! Неудивительно, что многочисленных толп туристов в «Валгалле» не наблюдается. Таким образом, выбор месторасположения мемориала практически лишил основного смысла само его существование. О вычурности и излишней помпезности исполнения мы говорить не будем — это дело вкуса каждого. Скорее всего, истратив кучу средств на строительство «Валгаллы», Людвиг и сам понял, что, как говорится, «перемудрил». Недаром же в 1853 году он построил уже в центре Мюнхена «вторую Валгаллу» — Зал полководцев (Фельдхеррнхалле). Бюсты, установленные там, были уничтожены во время Второй мировой войны и с тех пор не восстанавливались…

Одновременно с архитектурными проектами просвещенный монарх выступил лично в качестве поэта и писателя. В частности, он выпустил «Wahlhallagenossen» — сборник биографий героев, бюсты которых были установлены в «Валгалле». Однако на литературном поприще королю не удалось снискать славы. Хотя его произведения и разошлись в нескольких изданиях (а как же иначе могло бы быть, если автор — король?), но отличались лишь вычурным архаичным слогом и были благополучно забыты сразу после его отречения от престола.

Кстати, гроза была уже не за горами. Баварское правительство выражало крайнюю степень недовольства громадными тратами короля на его «архитектурные излишества», росла оппозиция. Тут уж было не до либерализма и «просвещения

во французском духе»! В стране была введена строжайшая цензура, вольномыслие не допускалось. Кроме того, усилилось влияние католического духовенства. Протестантизм был признан чуть ли не вне закона. Все эти меры никак не способствовали популярности Людвига I у баварского народа. А тут еще на сцену в прямом и переносном смысле этого слова выходит новый персонаж, сыгравший не последнюю роль в последующем отречении Людвига I от баварского престола.

В 1846 году 60-летний король влюбляется в танцовщицу Элизу Джилберт (Gilbert; 1818–1861), более известную как Лола Монтес (Montez). Заметим, что в самый разгар романа с Монтес законная супруга короля была еще жива…

Людвиг в буквальном смысле слова потерял голову. Он позволял своей фаворитке все, а она беззастенчиво пользовалась этим. Надо отдать должное — вкус у короля на красоту действительно был отменный, а Лола была необыкновенно красивой женщиной. В 1847 году Людвиг заказал ее портрет для Галереи красавиц в Нимфенбурге, благодаря чему мы и сегодня можем оценить яркую испанскую внешность Лолы. Да и характером она была под стать Кармен. Любила ли она стареющего монарха? Вряд ли. Будучи законченной эгоисткой, Монтес просто по полной программе использовала подаренный ей судьбой шанс. Не боясь общественного мнения, король осыпал свою возлюбленную поистине царскими дарами: драгоценности, собственный выезд, дворец, пожизненная (и немаленькая!) пенсия, наконец, титул графини фон Ландсфельд… Что еще нужно «скромной танцовщице»? Но, как в «Сказке о рыбаке и рыбке» (хоть принадлежащей перу А.С. Пушкина, хоть братьев Гримм), наша «новая старуха» не могла остановиться на достигнутом. Лола начала вмешиваться в политику, требуя, чтобы Кабинет министров являлся… в ее салон! Она вела себя настолько вызывающе, что терпение придворных кругов истощилось. Королю вполне могли простить наличие зарвавшейся фаворитки (а у кого их не было?), и даже оскорбление ею общественного мнения (Лола не стеснялась бесконечных публичных скандалов, дискредитировавших в том числе и доброе имя короля), и даже растрату казны (тогда еще ни у кого не возникло талантливой идеи объявить короля сумасшедшим!). Но с точки зрения баварцев, «кухарка не может управлять государством». Лола стала той последней искрой, взорвавшей пороховую бочку народного недовольства. 11 февраля 1848 года толпа возмущенных горожан пошла на штурм дома Монтес. В последний момент Лолу успели силами полиции спасти, выведя через черный ход. Кстати, за два дня до этих событий король

лично подписал указ о лишении Лолы баварского гражданства. Она спешно покинула Мюнхен и после долгих странствий по Европе осела в США. Можно сказать, что эта «первая февральская революция» повела за собой уже гораздо более серьезную «вторую мартовскую», в результате которой 20 марта 1848 года Людвиг I лишился престола, подписав отречение в пользу своего старшего сына Максимилиана.

Бывший король удалился от государственных дел, и без того заброшенных им в последние годы царствования. Он по-прежнему занимался меценатством, жил в свое удовольствие и радовался успехам любимого внука, наследного принца Людвига. Он пережил не только несчастную законную супругу, покинувшую этот мир в 1854 году, но и свою «последнюю любовь», скончавшуюся в Нью-Йорке в 1861 году, а также скоропостижную смерть сына Максимилиана в 1864-м. Он видел триумфальное восхождение на престол Людвига II. Людвиг I умер 29 февраля 1868 года в Ницце и даже предположить не мог, что своим образом жизни сделал столь много для приближения событий трагического 1886 года…

Настолько много, что все усилия его сына, короля Максимилиана II Баварского, оградить наследника престола, будущего короля Людвига II, от пагубного влияния его деда окажутся напрасными. Максимилиан родился 28 ноября 1811 года. Он воплощал собой тот тип «старого добряка-баварца», немного наивного, немного по-крестьянски грубоватого, который был так симпатичен его подданным. Поэтому неудивительно, что сразу по восшествии на престол он настолько завоевал всеобщие симпатии, что вскоре были забыты и в целом прощены прегрешения его предшественника Людвига I. Вместе с тем он тоже был истинным Виттельсбахом, то есть неравнодушен к искусствам и наукам, сам занимался сочинительством и (что неудивительно!), как и его отец, пожелал видеть Мюнхен пресловутой «культурной столицей Европы». Страсть к архитектуре также не была чужда новому монарху.

Став королем, Максимилиан II, в свою очередь, окружил себя художниками, поэтами, архитекторами и учеными. По примеру своего отца он построил новый проспект Максимилианштрассе (Maximilianstrasse), основал несколько научных обществ. В 1832–1837 годах на руинах крепости XII века Шванштайн (Schwanstein; от нем. Schwan — «лебедь» и Stein — «камень»; букв. «Лебединый Камень»; вероятно именно это название послужило впоследствии основой для именования замка Людвига II Нойшванштайн: Neuschwanstein; букв. «Новый Лебединый Камень») Максимилиан построил замок Хоэншвангау (Hohenschwangau — Высокий

Лебединый Край).

Так что для Людвига II было вполне естественно продолжить традицию своего рода. Он был достойным внуком и сыном — искусство захватило его целиком.

В семье баварского короля лишь один человек оставался полностью равнодушным к любым проявлениям художественной жизни. Зато Мария Фредерика Франциска Хедвига, урожденная принцесса Прусская, являлась одной из самых красивых женщин своего времени. Она родилась 15 октября 1825 года и была дочерью принца Прусского Вильгельма (1783–1851), младшего сына Фридриха Вильгельма II (1744–1797). Стало быть, дед Людвига II по материнской линии приходился родным братом Фридриху Вильгельму III (1770–1840), сыном которого был будущий германский император Вильгельм I (1797–1888). Таким образом, Мария — двоюродная сестра Вильгельма I.

12 октября 1842 года она вышла замуж за наследного принца Баварии Максимилиана. Людвиг I не мог не оценить выбор сына, и уже в 1843 году для Галереи красавиц был написан портрет будущей королевы. Впоследствии Людвиг II будет очень гордиться своей красавицей матерью, вот только духовной близости с ней у него никогда не будет…

Справедливости ради следует отметить, что, став королевой, Мария показала себя с наилучшей стороны. Она много занималась благотворительностью, благодаря ее стараниям возобновила свою благую деятельность Ассоциация Баварских Женщин, ставившая своей целью «помощь и содействие раненым и больным солдатам на полях сражений», следствием чего явилось создание Баварского Красного Креста, во главе которого встала сама королева. Дело матери в свое время продолжит Людвиг II, по приказу которого во время Франко-прусской войны будут построены госпитали для раненых «без различия национальности и вероисповедания».

Нельзя сказать, что Марию совсем не интересовали аспекты духовной жизни, как это иногда представляют биографы Людвига II. Просто они находились в сфере исключительно религиозной. При этом между матерью и сыном лежала пропасть абсолютного непонимания. Да, она не была в состоянии понять глубину музыки Рихарда Вагнера, не разделяла романтических устремлений сына к «духовно просвещенному баварскому обществу». Она предпочитала тихие семейные радости великим жертвенным подвигам во имя абстрактных идей. Единственное, что можно поставить ей в вину, — это полное игнорирование воспитания собственных детей, фактически предоставленных заботам гувернанток. Глубокий душевный кризис королевы

Марии нашел выход лишь спустя 10 лет после смерти мужа Максимилиана II: 12 октября 1874 года она приняла католическую веру. До этого момента она, протестантка от рождения, была вынуждена жить в некоем религиозном разладе со всеми членами своей католической баварской семьи. Не в этом ли кроется первопричина той отстраненности и дистанцированности королевы от прямых домашних обязанностей? В любом случае она заплатила за все свои ошибки страшную цену, став свидетельницей неизлечимой болезни своего младшего сына и трагической гибели старшего. После этих ударов судьбы Мария уже не оправилась и доживала свои дни преимущественно в замке Хоэншвангау. Там же она и умерла 17 мая 1889 года… Но не будем забегать так далеко вперед, ведь мы находимся сейчас лишь на пороге нашей истории.

И наконец, скажем еще несколько слов о человеке, сыгравшем в жизни Людвига II роковую роль, — о принце-регенте Луитпольде. Луитпольд Карл Йозеф Вильгельм фон Виттельсбах родился 12 марта 1821 года в Вюрцбурге. Он был третьим сыном Людвига I, младшим братом Максимилиана II, отца Людвига II. Изначально предполагалось, что Луитпольд унаследуют греческий престол, занимаемый в то время его старшим братом Оттоном I. Однако греческий закон требовал от своего будущего монарха перехода в православие, а Луитпольд наотрез отказался менять веру даже ради короны. Верность католической религии принц сохранил на протяжении всей жизни. Кстати, после греческой революции 1862 года, в результате которой Оттон I был свергнут, права на престол, согласно его завещанию, все же перешли к младшему брату, но Луитпольд никогда даже не вспоминал об этом и не оспаривал права на греческую корону у Георга I, сына датского короля Кристиана IX, избранного греческим монархом после Оттона.

Луитпольд был женат на эрцгерцогине Августе Фердинанде Австрийской, второй дочери великого герцога Тосканского Леопольда II. У супругов родилось четверо детей: Людвиг (1845–1921), Леопольд (1846–1930), Тереза (1850–1925) и Франц (1852–1907). В 1870 году принц принял активное участие во Франко-прусской войне.

10 июня 1886 года Луитпольд стал регентом своего племянника Людвига II, а после смерти последнего — регентом своего второго племянника душевнобольного короля Отто I. Несмотря на таинственные обстоятельства смерти Людвига II, фактически бросавшие тень на репутацию принца-регента, и поначалу явное неприятие его власти в среде оставшейся верной королю части общества, Луитпольд сумел завоевать сердца

баварцев. Об этом говорит хотя бы тот факт, что практически во всех баварских городах есть улицы, площади, мосты, названные в его честь: либо Prinzregentenstrasse (-platz, — brücke), либо Luitpoldstrasse (-platz, — brücke), наряду с обязательными Ludwigstrasse (-platz, — brücke) и Maximilianstrasse (-platz, — brücke), носящими имена его брата-короля и несчастного племянника.

Во время правления Луитпольда — недаром он был Виттельсбахом! — Мюнхен вновь обрел пресловутую славу культурной столицы Европы (как было и при Людвиге I, и при Максимилиане II; за что боролся и Людвиг II вместе с Вагнером). Принц-регент покровительствовал искусствам и наукам. Его имя ныне носят многие учреждения культуры, такие как Prinzregententheater в Мюнхене, Luitpoldarena и Luitpoldhalle в Нюрнберге. Luitpoldfeld (Поле Луитпольда), находящееся также в Нюрнберге, станет впоследствии печально знаменитым местом проведения парадов национал-социалистов, наряду с Zeppelinfeld (Полем Цеппелина)…

12 декабря 1912 года принц-регент Луитпольд скончался в Мюнхене. Его сын стал последним королем Баварии Людвигом III. В настоящее время главой дома Виттельсбахов является праправнук Луитпольда и правнук Людвига III Франц (с 1996 года).

Одним из первых действий Луитпольда во главе баварского правительства стало открытие 1 августа 1886 года для всеобщего обозрения «сказочных замков» Людвига II…

Картина 3
Под знаком лебедя…

В Южном павильоне замка Нимфенбург находится комната, в которой, можно сказать, берет начало наша история. Здесь царит спокойный зеленый колорит и удивительно уютная атмосфера. Это спальня королевы Марии, к моменту описываемых событий пока еще кронпринцессы Баварской. На небольшой кровати под балдахином 25 августа 1845 года в 00.30. — день и час рождения младенца полностью совпали с днем и часом рождения его деда Людвига I — у кронпринца Максимилиана и его жены родился старший сын.

Перед кроватью и ныне стоят стол и несколько кресел, также обитых зеленой материей. Считалось, что при рождении будущего наследника должны присутствовать особо доверенные наблюдатели из числа придворных, чтобы избежать возможных кривотолков. Но во времена Людвига I этот обычай уже канул в прошлое. Вследствие чего «кривотолки» все же пошли: злые языки утверждали, что будущий наследник баварского престола родился на несколько дней раньше официально объявленной даты, что радостное известие «попридержали», чтобы сделать приятное королю. Такое утверждение — сущий абсурд. При том количестве придворных и прислуги, что находилось во дворце, утаить факт рождения принца не только на несколько дней, а даже на несколько часов совершенно нереально. Тем более нереально заставить всех вступить в «преступный сговор» с молодыми супругами и молчать об этом. Где-нибудь, когда-нибудь, кто-нибудь обязательно бы проговорился, и правда выплыла бы наружу. Так что серьезно относиться к подобным слухам не стоит.

Тем не менее с самого рождения принц будет окружен целым рядом мистических совпадений. Духовная связь с Рихардом Вагнером, его настоящим кумиром, можно сказать, началась с момента появления на свет будущего короля, родившегося именно в тот год, когда композитор закончил либретто своего «Лоэнгрина», над которым работал почти три года — с 1842-го, то есть года заключения брака родителей Людвига. Впоследствии музыкальная драма о рыцаре-лебеде станет роковым лейтмотивом в судьбе «короля-лебедя», как станут называть Людвига II; даже свою смерть он найдет в водах озера, где и по сей день плавают прекрасные белые птицы, словно постоянное напоминание о своем покинувшем эту землю короле.

Правда, в юности любимым героем Людвига был не Лоэнгрин, а Зигфрид. Кстати, Людвиг I часто пророчески называл своего внука «юным Зигфридом» и, наверное, во многом угадал его будущую натуру. «С малолетства Зигфрид обладал полной самопроизвольностью. Вотан захотел напиться из источника мудрости и руководиться советами высшего разума; Зигфрид, напротив, всегда повинуется первоначальному закону инстинкта. Он живет в единении с природой; он понимает таинственный шепот леса, внимает щебетанию птиц и старается подражать им; он чувствует себя близким лесным зверям, любит их, следит за ними в их убежищах в глубине дикой чащи: наблюдая за ними, он догадывается, что такое любовь… У него нет другого проводника в жизни, кроме импульсов его природы: «Следовать внушениям моего сердца, — говорит он, — вот мой высший закон; то, что я совершаю, повинуясь своему инстинкту, то я и должен делать. Проклятый ли для меня этот голос или святой — я не знаю, но уступаю ему и никогда не стараюсь идти против моего желания»». [35] Юный Людвиг — это поистине Зигфрид; все эти слова — о том, каким он станет в будущем. Он — Зигфрид, которому Вотан должен передать наследие своей власти; Зигфрид, не ведающий страха победитель ужасного дракона Фафнера; Зигфрид, которому Фафнер, умирая, предрекает скорую гибель…

Но хватит мистики. Обратимся непосредственно к участникам событий. Вот что написала сама кронпринцесса Мария о рождении сына: «Людвиг Фридрих Вильгельм родился 25 августа в 12.30 ночи в Нимфенбурге, над спальней, в которой умер Максимилиан I Иосиф. Король Людвиг I, посетивший нас, был чрезмерно рад, что его внук рожден в тот же день и в тот же самый час, что и он… Король был настолько счастлив, что он обнял нескольких придворных. Рождение было объявлено в Мюнхене 101 выстрелом…».

26 августа архиепископ Мюнхенский и Фрайзингский Лотар Карл Ансельм Йозеф фон Гебзаттель (Gebsattel; 1761–1846) совершил обряд крещения младенца, который был наречен Отто Людвигом Фридрихом Вильгельмом. Но основным для него становится имя Людвиг. Считается, что человек, сознательно названный в честь кого-то, во многом повторяет судьбу того, чье имя носит. У принца с дедом не только совпали день и час рождения — он и назван был в честь Людвига I. Неудивительно, что в будущем из всех родственников только с дедом у принца установилась духовная близость, да и король по-настоящему полюбил своего старшего внука. Возможно также, что эта любовь отразилась скорее пагубно, чем благотворно на развитии ребенка…

Своего второго внука, родившегося 27 апреля 1848 года, Людвиг I любил гораздо меньше. Возможно, конечно, что это было связано с тем, что король незадолго до его рождения пережил тяжелый стресс — 20 марта им было подписано отречение от престола в пользу сына Максимилиана. Отец Людвига стал королем Баварии Максимилианом II, а сам Людвиг — кронпринцем. Младший брат Людвига появился на свет за два месяца до срока в мюнхенской королевской Резиденции. При крещении он нарекался Отто Вильгельмом Луитпольдом Адальбертом Вольдемаром, но с детства все называли его просто Отто — в честь его дяди и крёстного отца короля Греции Оттона I.

Поистине несчастливыми оказались имена, выбранные родителями для обоих принцев: Людвиг I уже лишился престола, Оттон I будет свергнут в 1862 году. Впоследствии судьба и Людвига, и Отто тоже окажется трагической. Но пока что проблемы маленьких мальчиков вполне детские и до настоящих потрясений им еще далеко.

Хотя Людвиг, казалось, уже с ранних лет был обречен на одиночество. Он не любил играть с другими детьми, что отмечают многие его биографы,[36] ему было хорошо наедине со своими мечтами. Из всех детских приятелей впоследствии у Людвига сложились по-настоящему дружеские отношения, пожалуй, лишь с Максимилианом фон Хольнштайном, которому в нашем повествовании еще будет отведено значительное место, а из юношеских — с Паулем фон Турн-унд-Таксисом.[37]

Вот случай, наглядно демонстрирующий отношение к жизни Маленького Принца (ассоциация напрашивается сама собой; Людвиг всю жизнь жил на какой-то другой планете). Однажды, будучи еще совсем ребенком и страдая болезнью глаз, Людвиг был вынужден долгое время находиться в затемненной комнате с повязкой на глазах. «Навестивший его придворный священник Деллингер,[38] видя его одиночество, заметил: «Ваше Высочество, вы должны очень скучать таким одиноким? Отчего вы не прикажете читать себе вслух?» «О, я совсем не скучаю! — быстро ответил Людвиг. — Я думаю о многом, о многом… И это так меня занимает!»»[39]

Впрочем, Людвиг во время своих бессонниц, от которых он страдал с детства, часто просил свою гувернантку читать или рассказывать ему волшебные сказки про духов и фей, что питало его богатое воображение.

Вместе с тем, детство и самого Людвига, и его младшего брата Отто было отнюдь не столь уж беззаботным и счастливым, как могло бы показаться с первого взгляда.

Мать Людвига, королева Мария, совсем не уделяла

воспитанию своих сыновей должного внимания. Все ее воспитание сводилось к тому, что она избрала для каждого из них свой «геральдический» цвет, который должен был отличать все предметы, принадлежащие принцам, — от переплетов книг до отделки комнат и костюмов. Для Отто был выбран воинственный красный цвет, для Людвига — мечтательный небесно-голубой. Здесь можно, конечно, говорить о «магии цвета», наложившей свой отпечаток на характеры обоих мальчиков, а может материнское сердце так угадало, но только Отто до постигшей его болезни всегда интересовался военными парадами, веселыми застольями и охотой; Людвиг же имел возвышенную, чуткую натуру, любил уединение, а охоту считал «мерзким убийством невинных животных».

С одной стороны, Людвиг, как нежный и любящий сын, был очень привязан к матери. С другой — в духовной сфере между ними не было ни одной точки соприкосновения. Впоследствии Людвиг признавался: «Мою мать, королеву, я очень уважаю, люблю ее; но между нами невозможна никакая интимность при том различии взглядов, которое существует!..» По воспоминаниям современников, «мать его была ему не пара, между ними невозможна была близость, как он ни желал сойтись с ней. Иногда ему хотелось поговорить с ней о литературе, которую он так любил, и он спрашивал ее: читала ли она ту или другую книгу? «Я? — отвечала она. — Если я и читаю что, то только что-нибудь забавное». Это его огорчало и раздражало. Она была добрая, приветливая, но совершенно обыкновенная, простая хозяйка дома, интересовавшаяся только кухней, домом да огородом. Король был к ней очень внимателен, относился к ней с сыновней почтительностью, но между ними лежала непроходимая пропасть»[40].

Как мы уже отмечали, истинная причина в отстраненности королевы от своего старшего сына лежала в глубоком духовном кризисе, завершившемся принятием католической веры в 1874 году. Ведь до этого она оставалась единственной протестанткой в своей семье и неизбежно должна была чувствовать себя одинокой.

Отметим сразу, что семейная «генетическая» страсть к архитектуре проявилась у Людвига чуть ли не с раннего детства. Будучи 7 лет от роду, он приводил в восторг своего деда, экс-короля Людвига I, сложностью и математической точностью пропорций своих построек из кубиков. А уже в 11 лет Людвиг был способен собственноручно чертить планы различных зданий, причем практически профессионально! Впоследствии, вступив на престол, он вообще серьезно изучал архитектуру, с этой целью много путешествовал, осматривая и старинные замки Германии, и

строгие соборы Италии, и великолепные дворцы Франции. Даже Кёльн он посетил исключительно с целью воочию увидеть и детально изучить знаменитый собор. Все полученные навыки впоследствии найдут у будущего короля практическое применение.

Казалось бы, при такой общности интересов самые теплые отношения должны были бы сложиться у Людвига не только с дедом, но и с отцом. Однако этого не произошло. Впоследствии кабинет-секретарь Людвига II Франц Сераф фон Пфистермайстер[41] (Pfistermeister; 1820–1912) вспоминал: «Король видел двух принцев Людвига и Отто только один или два раза в день, в полдень во время второго завтрака и вечером во время обеда. Он редко посещал их в комнатах, где они росли. Чаще всего их отец только протягивал руку в приветствии, быстро извинялся и уходил. Даже когда наследный принц был уже взрослым, требовались неимоверные усилия, чтобы убедить короля взять его старшего сына на утреннюю прогулку по Английскому саду.[42] Король как-то заметил: «Я не имею ничего общего с этим молодым джентльменом, о чем бы я ни говорил, не интересует его»».

Все дело в том, что Максимилиан подсознательно старался подавить в сыне те ростки романтизма, что были свойственны ему самому. Он словно предвидел, какую пагубную роль они сыграют в судьбе наследника, но даже самому себе был не в состоянии объяснить причины, побудившие заменить настоящие отцовские чувства безжалостной муштрой и холодной отстраненностью. Возможно, опять же подсознательно, отец видел в сыне повторение своего собственного отца, благодаря которому он в свое время хлебнул столько горя. Недаром же, в отличие от Максимилиана, Людвиг I обожал своего внука.

В то же время Максимилиан II был очень строгим отцом и настолько же плохим воспитателем. «Точное распределение времени, непосильные занятия, скучная гимнастика и суровые наказания за малейшее отступление от установленной программы — вот каковы были основы его воспитательной дисциплины. Все, что красит детство: общество сверстников, забавы, игрушки, даже лакомства — было исключено из него. Дети отдалены были от матери, от отца они никогда не видели ни ласки, ни поощрения. Добрую няньку Лизе,[43] единственную детскую привязанность Людвига, сменила француженка, сыгравшая в воспитании Людвига отрицательную роль. Особа пустая и заносчивая, бредившая традициями Бурбонов и презиравшая бюргерскую простоту двора Максимилиана II, она хотела в своем духе воспитать сыновей баварского короля.

Заметив, что Людвиг охотно слушает ее, она без конца рассказывала ему о Франции, о «Короле-Солнце», о бывшем великолепии его двора, величии его власти, покорности подданных»[44].

Как известно, запретный плод сладок. С одной стороны, чем больше Максимилиан старался обуздать мечтательный нрав своего старшего сына, наследника престола, тем сильнее мальчик замыкался в себе и противопоставлял скучным приземленным занятиям сказочный и романтический мир своих мечтаний. С другой стороны, рассказы о «Короле-Солнце» упали на благодатную почву: Людвиг стал видеть себя абсолютным монархом и требовать от ближайших подданных соответствующего поклонения, что те ему с детства и выказывали и к чему он привык, еще даже не вступив на престол.

Беда заключалась в том, что и возвышенная «Страна Грез», и исторические рассказы об абсолютной королевской власти, и солдатская муштра отца — все было одинаково далеко от той реальной жизни, в которой предстояло действовать нашему герою. Никто не объяснил мальчику, что маленькая Бавария — не блестящая Франция, что время героических подвигов и абсолютной монархии безвозвратно миновало, что наступил прагматический XIX век, ставящий под сомнение все возвышенные идеалы, что, наконец, баварский король — это все лишь номинальная должность в государственном аппарате конституционной монархии и не более.

Но и родители, и воспитатели, и ближайшие приближенные принца поступали совершенно наоборот; во многом именно окружение Людвига сделало его таким, каким он стал впоследствии. В довершение всего, как мы видим, среди родственников и царедворцев не было ни одной близкой ему души, которой бы Людвиг безоговорочно доверял.

Людвиг I в данном случае тоже не может считаться духовным наперсником юного кронпринца. Несмотря на любовь Людвига I к внуку, их общение сводилось к нерегулярным встречам в Мюнхене, а вскоре частые отъезды экс-короля за границу вообще не оставили времени для личных контактов. Оставались письма; дед и внук переписывались регулярно; тон писем носил задушевный характер и говорил о глубокой и искренней взаимной привязанности. Но… Для Людвига переписки было явно недостаточно. И если Людвиг I, можно сказать, гордился своим внуком на расстоянии, то для взрослеющего юноши дед вскоре превратился в героя исторической хроники, в пример для подражания, но никак не в того, у кого можно поплакать на груди в часы, когда становится особенно тоскливо и одиноко.

Можно сказать, что с детства Людвиг не столько действительно любил, сколько заставил себя полюбить одиночество, в котором ему было гораздо комфортнее, чем в душной атмосфере чуждого ему двора. И не его вина, что он, как мог, сопротивлялся насилию над своей душой и упорно продолжал настаивать на собственных идеалах, вознамерившись в одиночку изменить весь мир.

Кстати, нужно сказать, что младший брат Людвига принц Отто имел гораздо более близкие отношения с родителями. Но не с дедом! Он был во всем полной противоположностью старшему брату. Начисто лишенный романтической мечтательности, он с детства был веселым, подвижным и резвым мальчиком, любимцем своей матери. Шумные игры со сверстниками были для него предпочтительнее создания сложных архитектурных построек из кубиков или чтения средневековых саг. Людвиг искренне любил брата, но духовной близости не было и с ним.

Летом 1855 года — с 1 июля по 4 августа — Максимилиан II с семьей посетил Нюрнберг. Десятилетний Людвиг впервые оказался в этом величественном прекрасном городе, атмосфера которого насквозь пропитана духом Средневековья. Могучая громада Кайзербурга,[45] возвышающегося над городом, сразу и навсегда покорила сердце впечатлительного кронпринца. Перед Нюрнбергом Мюнхен казался ему теперь невзрачным и жалким, словно оруженосец перед рыцарем. Возможно, уже тогда у Людвига родилась еще неосознанная идея перенести столицу Баварии именно в Нюрнберг, но в свое время он так и не сможет восстановить историческую справедливость.

Однако настало время уделить серьезное внимание общему образованию подрастающего наследника, кроме его явного увлечения архитектурой. В 1856 году было начато обучение Людвига предметам полного гимназического курса. Восемь часов в день отныне отдавались греческому и латыни, немецкому и французскому, истории и литературе. Науки давались кронпринцу легко (то же можно сказать и о его брате Отто), но с настоящей страстью он отдавался лишь изучению истории и литературы. Тем не менее природные способности и хорошая память помогли ему стать одним из самых эрудированных людей своего времени. Впоследствии, с 1862 года, домашнее образование будет дополнено лекциями в Мюнхенском университете по химии, физике, философии и математике. Читал Людвиг очень много; во все, что интересовало его, вникал вдумчиво и основательно. Особенной любовью юного мечтателя пользовались средневековые легенды и произведения немецкой и французской литературы.

Однако самой главной страстью будущего короля стала его любовь к родной баварской природе. В 1857 году в возрасте 12 лет Людвиг предпринял свой первый серьезный поход в горы близ отцовского замка Хоэншвангау. Это очень важный момент в процессе становления личности кронпринца; в дальнейшем регулярные прогулки в горы станут его второй натурой.

Мы уже отмечали, что природа горной Баварии отличается поистине сказочной неземной красотой. Среди лесистых гор и кристальных озер любой невольно становится поэтом. Что же говорить о юноше, обладающем мечтательной чувствительной натурой, слишком близко к сердцу принимающем старинные легенды, слышимые им чуть ли не с пеленок. Как дети играют в игрушки, наделяя их жизненной силой и перенося действие игры в реальную жизнь, так и Людвиг мысленно перевоплощался в любимых героев, бродил по замку и окрестным горным лесам, декламирую строки из любимого Шиллера и Гёте.

Но чаще всего Людвиг представлял себя Лоэнгрином, рыцарем-лебедем. Лебедь становится своеобразным символом короля, впоследствии он в своих собственных замках сделает лебедей главными элементами декора. Хоэншвангау, этот Лебединый замок отца, и спустя годы остался для Людвига по-настоящему родным. Чего нельзя сказать о Нимфенбурге и, особенно о мюнхенской королевской Резиденции, которую Людвиг хоть и пытался «устроить» по собственному вкусу, разбив зимний сад с фонтаном и украсив свои покои в духе Людовика XIV, но так никогда и не принял в качестве своего дома. Что же касается Нимфенбурга, то в нем настолько ощутимо присутствует дух его деда Людвига I, что, даже став королем, Людвиг не смог стать наравне с ним полноправным хозяином в замке. Можно сказать, что Резиденция по духу принадлежит всем Виттельсбахам и никому конкретно, Нимфенбург — Людвигу I, а Хоэншвангау — Людвигу II даже в большей степени, чем Максимилиану II: настолько близка сама атмосфера замка внутреннему миру нашего героя. Поэтому-то настоящей «родиной» для Людвига стал именно Хоэншвангау; даже когда король начал строительство своих собственных замков, он оставил Хоэншвангау неприкосновенным, не изменив и не перестроив в нем ничего — настолько все гармонировало с его натурой. Более того, если бы Людвиг провел свое детство — то есть время формирования личности — в любом другом месте, возможно, мы бы имели совсем другого короля. Лучше или хуже?.. На этот вопрос нет ответа.

Здесь надо упомянуть еще об одной очень симпатичной черте Людвига, которая проявилась у него с детства и очень мало

сочеталась с приписываемым ему впоследствии «человеконенавистничеством». Он очень любил делать подарки. Биограф Людвига, депутат баварского ландтага лютеранский пастор Фридрих Ламперт вспоминал, что «эта страсть у него была с детства, когда, получая крошечные деньги на собственные нужды, он тотчас же исстрачивал их все до последнего пфеннига, покупая подарки матери, брату, своим воспитателям и непременно камердинеру. Насколько эти деньги были незначительны, видно из того, что, получив в первый раз в день своего совершеннолетия (16 лет) первую золотую монету, Людвиг счел себя положительно Крезом. Он тотчас же побежал к ювелиру, чтобы купить у него тот медальон, которым мать его любовалась несколько дней перед тем в витрине магазина. Ювелир, конечно узнав принца, спросил его: «Прикажет ли он прислать счет во дворец?» Но Людвиг с гордостью ответил, что «может сам заплатить», вполне уверенный, что для этого достаточна его золотая монета!»[46]

В одной из комнат Хоэншвангау и ныне можно увидеть огромный бильярд, который Людвиг использовал далеко не по назначению: на нем король раскладывал рождественские подарки. Автор книги «König Ludwig II und die Kunst»[47] Луиза фон Кёбелль (Köbell), жена личного секретаря баварского короля, отмечает следующее: «Рождественские подарки подготовлялись — когда Людвиг уже был королем — за неделю и более до праздника, и из Мюнхена сначала в Хоэншвангау, а позднее — в Нойшванштайн привозились целые транспорты… Комната с бильярдом (в замке Хоэншвангау) принимала на Рождество вид базара, полного множества дорогих и изящных подарков. Целые сервизы, дорогие бонбоньерки, бинокли, часы, ковры, превосходно переплетенные книги и альбомы с отделкой из золота, серебра, слоновой кости, с гербами Баварии, с лошадьми и лебедями; сигарные ящички и чубучки для курения, украшенные или вензелями короля или гирляндами цветов и фигурами гениев. Тут были брелоки, запонки, цепочки к часам с брильянтами, сапфирами, ляпис-лазурью, рубинами и эмалью. Одну часть бильярда занимали веера, артистически вышитые или рисованные акварелью, вышедшие из рук известной художницы Терезы Вебер… Подарки к Рождеству получали все: родственники, друзья короля, его приближенные, артисты и артистки, музыканты и все его служители до последнего маленького мальчика-прислужника».[48]

Итак, перед нами предстает юный принц-идеалист, добрый, мечтательный и совершенно не похожий на «сумасшедшего мизантропа». Когда же произойдет трагическая метаморфоза?..

Несмотря на то что Людвиг с детства знал, что будет королем, он оказался совершенно не готов к роли, уготованной ему судьбой. Как мы уже говорили, воспитание принца оставляло желать лучшего. Он ничего не знал о требованиях и задачах современной ему политической жизни, его намеренно отдаляли от любых ее проявлений. Людвиг не имел настоящего наставника в государственных делах, и поэтому он составил себе свои собственные, весьма своеобразные и далекие от действительности представления о том, каковы должны быть задачи королевской власти. «У Людвига, несомненно, было свое представление о королевских обязанностях и власти. Оно воплощалось для него в образах древних рыцарей Германии, благородных героев шиллеровских драм. Его серьезная и вдохновенная мечтательность рисовала ему его будущее как исключительное призвание, как служение возвышенным целям правды и красоты. Но лицом к лицу с настоящими, реальными задачами он не мог не чувствовать себя растерянным и беспомощным».[49]

Не имея поддержки в кругу своей семьи, Людвиг стал искать ее на стороне. Этим объясняется вскоре проявившееся у него безоговорочное доверие к Рихарду Вагнеру, в котором он нашел истинного духовного отца. Вместе с тем к моменту провозглашения юноши королем у него еще нет и намека на трагическое разочарование в жизни; в свои неполные 18 лет его надежды и наивная вера в пресловутое «светлое будущее» непоколебимы. Он открыт миру, который еще заставит полюбить себя!

Действие II
«Я ТОЛЬКО РИХАРД ВАГНЕР»
(март 1864 г. — 1865 г.)

…он так хорош и умен, так душевен и прекрасен, что, боюсь, жизнь его в обыденных условиях мира промелькнет, как мгновенный божественный сон!.. Он знает обо мне все и понимает меня и мою душу… Я должен быть неограниченным господином самого себя, не капельмейстером: я должен быть самим собой и его другом… Если бы только он жил, — он слишком хорош для этого мира!..

Из письма Р. Вагнера Э. Вилле

Картина 1
«Король умер, Да здравствует Король!»

Судьба не дала нашему герою времени на подготовку к решающему жизненному экзамену. Для него, романтического юноши, как гром среди ясного неба прозвучало трагическое известие: 10 марта 1864 года скоропостижно скончался его отец — баварский король Максимилиан II. И в этот же день был провозглашен новый король Баварии — Людвиг II. Столь стремительного восхождения к вершине власти не ожидал никто, и в первую очередь сам юный монарх. Еще вчера он мог себе позволить спокойно грезить о средневековых рыцарях, а уже сегодня на него всей своей тяжестью обрушилось бремя государственных дел, не терпящих отлагательств. Объективно Людвиг был совершенно не готов к подобной метаморфозе; было от чего растеряться, потерять голову. Однако этого не случилось. Вопреки распространенному мнению, Людвиг II, видимо, был поистине рожден королем. С первых же дней своего царствования он полностью взял бразды правления в свои руки.

При этом юный король вовсе не являлся тем нелюдимым «человеконенавистником», каким его рисуют впоследствии некоторые биографы. Он жил в Мюнхене, охотно давал аудиенции, внимательно и с благодарностью прислушивался к советам своих министров. «Независимость и самостоятельность Людвига, проявленные им по вступлении на престол, совсем не переходили во вздорное упорство: наоборот, он приступил к исполнению своих обязанностей с величайшей добросовестностью и осторожностью. Когда министры, по принятому обычаю, явились к нему с прошением об отставке, он всех их оставил на своих местах и сам с усердием принялся за изучение необходимых наук, политических и административных, высказывая большое сожаление о том, что его образование в этой области не было закончено и что ему пришлось вступить на престол без достаточной подготовки».[50]

Со всей энергией молодости Людвиг начал восполнять пробелы в своем королевском образовании. Пришлось отказаться от прежних увлечений, подчиняя их государственным интересам. Казалось бы, такую натуру, как Людвиг, подобное положение вещей должно, как минимум, выбивать из равновесия, доставляя тяжелые моральные страдания. Однако все было совершенно наоборот. Людвигу нравилось управлять государством! И это у него получалось, о чем недвусмысленно свидетельствуют

современники. «Все утро он неутомимо работает со своим секретарем; затем принимает с докладами одного из министров, имеющих каждый свой день в неделю; а также депутации и иностранных послов, приводя всех в удивление своими остроумными замечаниями. Занятий у него накапливалось столько, что, несмотря на свою страсть к театру, он не находил возможность уделять ему вечера; и он появлялся в своей ложе не более двух раз в неделю.

И притом он работает так, что *дела идут нисколько не хуже, чем при его предшественниках* (курсив мой. — *М.З.*)».[51]

Надо сказать, что Людвиг довольно быстро — по крайней мере, внешне — освоился с новой для него ролью монарха. Бурный восторг и всеобщее ликование народа встретили восшествие на престол нового короля и помогли ему почувствовать себя настоящим властителем. Здесь сыграла роль еще и незаурядная внешность Людвига: перед баварцами предстал высокий (рост Людвига был 1 м 91 см), стройный, голубоглазый красавец, словно сошедший с гравюры сказочный принц. Слухи об его скромности, образованности и трудолюбии добавили привлекательных черт в этот портрет. Людвига провозгласили подлинным королем, что явилось прямым продолжением взлелеянной им мечты об «идеальном правителе и обожающих его подданных». И вот уже неуверенность в себе и первоначальная нерешительность сменились величавостью и спокойным достоинством.

Но, стараясь быть «хорошим королем» в том смысле, какой именно он вкладывал в это понятие, Людвиг не учел интересов высших сановников государства, которым далеко не по сердцу пришлась та быстрота, с какой юный монарх вошел во вкус королевской власти. Очень скоро стало понятно, что, несмотря на молодость и отсутствие опыта, Людвиг обладает сильным характером и не позволит сделать из себя послушную марионетку царедворцев. «Почувствовав с большим неудовольствием, что в лице Людвига приходится иметь дело с человеком очень своеобразным, придворная клика должна была отказаться от соблазнительной возможности расширить свое влияние за счет молодости и неопытности короля и начала против него глухую, но систематическую борьбу, еле заметную вначале, но мало-помалу окружившую все его стремления и начинания атмосферой вражды и сопротивления».[52]

Чувствительная натура Людвига мгновенно уловила атмосферу фальши и скрытой враждебности официального двора. И он стал стремиться выкраивать время, чтобы хоть ненадолго уехать из Мюнхена и отдохнуть на лоне природы в любимом

Хоэншвангау или Берге на Штарнбергском озере. Отдохнуть в одиночестве, не стесненный дворцовым этикетом, который он не без оснований считал пустым притворством. И вот здесь необходимо сразу отметить одну особенность личности молодого короля. Сказать, что он избегал придворных церемоний, потому что они были ему в тягость, значит совершить ошибку. Как мы уже говорили, Людвиг с детства знал, что он будет королем, «королем-солнце», и считал поклонение себе чем-то само собой разумеющимся. Более того, он любил принимать почести. Но почести искренние! Подданные должны были априори любить своего короля. А вот если этой любви нет, то тогда лучше уж одиночество, чем лицемерие, которое Людвиг, можно сказать, физически не выносил и если замечал, то впадал в гнев. Он всю жизнь жил по принципу «или всё, или ничего». К сожалению, такой максимализм совершенно противопоказан политикам. А особенно королям.

Однако при всем этом Людвиг с первых дней своего царствования твердо знал, что ему выпал великий шанс — изменить мир к лучшему, заставить его служить идеалам добра и красоты. Эфемерная утопическая мечта? Да, для любого обычного человека. Но не для короля! Людвиг верил, что первое лицо в государстве способно подать пример, которому последуют его подданные. Короли испокон веков были законодателями мод. Неужели человечество до сих пор не способно принять моду на идеал, идеал во всем — в искусстве, в морали, в отношениях друг с другом, — идеал без компромиссов, совершенный идеал? И пусть борьба за него будет заведомо проиграна, зато король полностью выполнит свой долг перед потомками, завещанный его далекими предками. Пусть Чаша Грааля недоступна, но стремиться к ней — священный долг любого настоящего рыцаря. Бедный наивный мечтатель… Хотя почему бедный? Он жил в полном согласии со своей совестью, а это дорогого стоит. Особенно для короля.

Первым средством для изменения мира Людвиг избрал театр. И это было не случайно — в Баварии вообще отношение к театру имеет особый характер и давнюю историю. Причем это относится абсолютно ко всем слоям баварского населения — от беднейшего крестьянина до короля. «В Баварии не только в верхних ее слоях, но и в самых глубинах народных увлечение сценой имеет свою длинную и сложную историю. Виттельсбахи всегда очень интересовались театром и щедро поддерживали его, и с этой стороны влечение Людвига было очень естественно. Но у него оно перешло в настоящую страсть, которая заняла большое место в его жизни».[53] Для истинного баварца театр — это что-то сродни

религии. И чтобы не быть голословными, позволим себе небольшое отступление.

Не только в настоящее время, но уже и во времена Людвига II мало кто обращал бы внимание на одну из многочисленных деревень у подножия Баварских Альп под названием Обераммергау (Oberammergau), если бы не представления «Страстей Христовых» (Passionsspiele), не имеющие аналогов во всем мире. А все началось еще в 1633 году, когда в Баварии разразилась эпидемия «черной смерти» — чумы. Жители Обераммергау дали обет: если чума обойдет их деревню стороной, они будут каждые десять лет на Пасхальную неделю лишь силами местных жителей давать самодеятельные спектакли на тему Страстей Христовых. Их обет был принят — в Обераммергау ни один человек не заболел чумой. Жители деревни стали честно «отрабатывать свой долг». Спектакли давались прямо под открытым небом.[54] Согласно традиции сегодня, как и сто, и двести лет назад, представление Страстей Христовых длится около шести часов; в нем принимают участие около 1400 актеров-любителей, причем все они должны быть либо местными жителями — вчерашними резчиками по дереву, пекарями, пастухами, строителями и т. д., — либо членами их семей. Со временем эти спектакли получили такую известность, что на них стали съезжаться зрители со всего мира.

Во времена Людвига II «Страстные фестивали» в Обераммергау уже приобрели повсеместную славу. Такой заядлый театрал, как король, не мог упустить шанс и не побывать на знаменитых представлениях. Они буквально потрясли Людвига, пришедшего в восторг от увиденного. Однажды в разговоре о мистериях Обераммергау Людвиг обмолвился, что и сам бы с удовольствием принял в них участие, взяв на себя роль Христа…

В благодарность за доставленное эстетическое наслаждение король повелел передать в дар деревне памятник, так называемую скульптурную группу «Распятие». Что и было сделано. На высоком холме над живописной долиной был водружен белоснежный мраморный крест с фигурой Спасителя и оплакивающими Его у подножия Девой Марией и Иоанном Богословом. На постаменте высечена надпись на немецком и английском языках, согласно которой «23 сентября 1871 года король Людвиг посетил спектакль «Страстного фестиваля» в Обераммергау. Представление «Страстей Христовых» так потрясло его, что он решил в честь этих спектаклей возвести монументальное Распятие. Два года работал архитектор профессор Хальбиг из Мюнхена над памятником, который 2

августа 1875 года был отправлен и 16 августа доставлен в Обераммергау. Двумя месяцами позже 15 октября 1875 года памятник был освящен архиепископом фон Шерром.[55] Короля представлял на торжествах барон фон Ла Рох (von La Roche)».

И непосредственно сам «Страстной фестиваль» в Обераммергау, и скульптурная группа «Распятие» — наглядные свидетельства того, как религия и искусство сплелись в сознании баварцев воедино. Жители Обераммергау в благодарность за свое спасение не стали строить новую церковь, не заказывали многочисленные благодарственные молебны — они поставили спектакль, переживший века! Значит, театральное искусство — если, конечно, оно является высоким, то есть истинным, — способно будить религиозные чувства. Король Людвиг испытал это на себе. И увековечил в памятнике.

Из твердого убеждения Людвига, что искусство может и должно возвышать публику, словно месса, следовал вывод — оно не имеет права служить вкусам пошлой необразованной толпы, ибо это воистину сродни богохульству. Настоящий воспитатель должен поднимать воспитанника до своего уровня, а не опускаться до его ошибок и слабостей. Но чтобы ученик был в состоянии воспринимать уроки учителя, необходимо сначала победить в нем косность и безвкусие. А затем повести за собой к высоким идеалам.

Апостол этой «новой религии» был королем уже найден!

К моменту начала своего царствования Людвиг II знал не только о существовании композитора Рихарда Вагнера, но и был немного знаком с его философско-эстетическими взглядами, которые полностью разделял. А в «Лоэнгрине» — живом воплощении образов «лебединых рыцарей» из любимого Хоэншвангау — он нашел удовлетворение всех своих чаяний и идеалов. Что же говорить о его создателе? Вот он, тот существующий в реальности человек, который способен понять и разделить взгляды короля. Лишившись отца и сразу же облеченный высшей государственной властью, Людвиг с удвоенной силой жаждал поддержки родственной души. С того момента, когда Людвиг впервые услышал вагнеровский шедевр, его главной задачей стало найти и приблизить к себе композитора.

Мы не будем останавливаться на перипетиях биографии Рихарда Вагнера, коснемся лишь того периода его жизни, который был теснейшим образом связан с Людвигом II. Считается, что Людвиг узнал о существовании Вагнера в день своего 16-летия, 25 августа 1861 года, когда впервые услышал в театре «Лоэнгрина». Однако многие источники, вызывающие

безусловное доверие, называют другую дату знакомства с «Лоэнгрином» — 2 февраля 1861 года. Нам она также представляется более точной, и мы допускаем, что музыку Вагнера Людвиг действительно услышал тогда впервые. Что же касается самого композитора, то к тому времени он был уже достаточно известен, а Людвиг, страстно интересовавшийся театром, просто не мог ничего не знать о немецком гении. Тем более что существует признание самого короля — правда, написанное им позднее — в том, что Людвиг познакомился с личностью Вагнера сначала даже не по его музыке, а по его философско-литературным трудам. И случилось это не позднее 1860 года.

«Я читал, перечитывал и чувствовал себя совсем очарованным! Да, это было совершенно то, что я понимал в задаче искусства! Это именно то слияние поэзии с музыкой, которое должно проявить искусство будущего![56] И это принадлежало человеку, чувствовавшему в себе силу создать нечто такое возвышенное, такое чудесное! Это чувствовалось в его словах, которые низвергались потоком лавы, которые должны были привести к доброму концу избранное им призвание, потому что он владел тою печатью гения, которая идеал превращает в действительность (курсив мой. — М. З.). И у этого героя духа были связаны крылья; презренные препятствия мешали его небесному полету и приковывали его к земле! Он искал человека, который имел бы возможность и желание помочь ему… Вскоре после того я услышал «Лоэнгрина»… Воспитанный в Hohenschwangau, я в плоть и кровь воспринял эту легенду рыцаря-лебедя, полную такой невыразимо поэтической прелести! Сколько раз, сидя во дворе замка под цветущими липами, осенявшими образ Богоматери, я мечтал об этой легенде. Сколько раз в своих мечтах я видел этого рыцаря, плывущего по воде со своим верным лебедем. Тут я нашел мечты моего детства, мои фантазии юноши олицетворенными чудным образом. И они, эти столь знакомые мне образы, говорили мне в опьяняющих меня звуках, как сладкий аромат цветущих лип… Как мы стали друзьями, друзьями в самом возвышенном, идеальном смысле этого слова, которым так злоупотребляли, знает свет. И этот свет, который я никогда не любил, делает то, что я все более и более удаляюсь от него в себя самого и в тот маленький кружок людей, которые думают как я, которые понимают нашу дружбу… Бог в своей благости дал мне радость найти возможность осуществить планы моего дорогого друга и быть для него в самом маленьком размере тем, чем он был для меня в бесконечном».[57]

Не случайно Людвиг впервые услышал именно «Лоэнгрина», с

легендой о котором он ассоциировал себя с детства, и это событие оставило в юной душе кронпринца такой неизгладимый след, что, пожалуй, день знакомства с «Лоэнгрином» действительно можно считать «днем рождения» того Людвига, каким он станет впоследствии. А 22 декабря 1861 года кронпринц присутствовал на спектакле «Тангейзер», после чего гений Вагнера уже окончательно и навсегда завоевал его сердце.

Что же касается «родственных душ», то, как точно определили А. Медведев и Т. Новиков[58] в своей книге «Белый лебедь. Король Людвиг II», «и композитор, и король сознавали бесплодность своих усилий быть понятыми современниками, они творили для вечности. Вагнер много размышлял о трагедии артиста в современном мире. Для него юный король явился живым воплощением легендарного Лоэнгрина. И сам Людвиг II чувствовал, что он, подобно пришельцу из мифа, осужден на исчезновение, если не встретит непогрешимой веры в абсолютную красоту, которая одна только может возвысить до его чувств прозу окружающей жизни. Увы! В этом мире такой веры нет. Познавшие высшую любовь, посвященные служению красоте, обречены до конца дней сохранять самый высокий вид эгоизма — сознание своей избранности (курсив мой. — М. З.) Мир грубо мстит идеалистам, опровергающим своей жизнью стойкое убеждение, будто есть только одно божество, достойное изваянья и молитв, — золотой телец. Только родственные души, способные понять, почувствовать, поверить, что есть миры, где существует то, чего не может быть в мире низменной жизни, — только они способны оказать поддержку друг другу и дать надежду».[59]

Ведь и для Вагнера, измученного нападками критиков и вечно нуждающегося в материальных средствах, был необходим человек, который бы понял его искусство и поклонялся бы ему беззаветно, словно божеству. Насколько Людвигу был необходим Вагнер, настолько и Вагнеру был необходим Людвиг. Позволим себе лишь в одном не согласиться с авторами процитированной выше книги: в начале дружбы короля и композитора они оба верили — один верой, еще незамутненной жизненными разочарованиями, а другой верой, сперва утраченной, но вновь обретенной, — в то, что их усилия не пройдут даром, что победа Высокого искусства возможна и даже близка.

Их союз можно было бы назвать идеальным. Только есть одно «но». Людвиг действительно был предан Вагнеру беззаветно, всем сердцем, не заботясь о том, что такая преданность может быть ему во вред. Другими словами, его отношения носили яркий эмоциональный характер. У Вагнера же довольно быстро очарование первых восторгов от встречи с родственной (и, что

немаловажно, могущей оказать существенную материальную поддержку) душой переросло в рациональное осознание выгод, которые этот союз мог бы ему принести.

При этом будет большой ошибкой и полным непониманием личности Людвига считать, что в случае с Вагнером король покровительствовал композитору. В материальном плане — да, но в эмоциональном — скорее наоборот, композитор снисходил до короля, владыка вечного идеального мира снисходил до владыки мира бренного. Судьбы двух этих людей оказались настолько связаны между собой, что можно с уверенностью сказать: ни один из них не стал бы тем, кем он стал, без другого. Рисуя психологический портрет короля, невозможно не остановиться на отношениях Людвига и Вагнера более подробно. Тем более что, разобравшись в них, мы обретем ключ к пониманию личности Людвига в целом.

Живший в мире собственных грез, с детства воображая себя шванриттером,[60] король, предпочитавший одиночество любому самому блестящему обществу, тем не менее искал в реальной жизни того, кто мог бы поддержать и понять его натуру, того, кого мы бы сейчас назвали духовным учителем, или гуру. Сам по себе поиск поддержки такого рода, безусловно, говорит о слабости или же глубоком отчаянии того, кто такую поддержку ищет. Это неосознанное стремление защиты, стремление опереться «на сильное плечо», или столь же неосознанное бегство от одиночества, взятого «на знамя» в реальной жизни: «и все-таки я такой не один».

Сначала поиски родственной души привели Людвига к Елизавете Австрийской.[61] Кстати, ее упорно называют кузиной Людвига, но дело в том, что родственные связи их намного сложнее: Максимилиан I (1756–1825), дед по материнской линии Елизаветы, был женат дважды. От брака с Вильгельминой Гессен-Дармштадтской (1765–1796) у него родилось пятеро детей, в том числе и Людвиг, ставший впоследствии баварским королем Людвигом I, дедом нашего героя. От второго брака с Каролиной Баденской (1776–1841) появилось на свет шестеро детей, в том числе Людовика (1808–1892), мать Елизаветы. Итак, дед Людвига II и мать Елизаветы Австрийской — сводные брат и сестра; Людвиг I — дядя Елизаветы, а его сын Максимилиан II, отец Людвига II, — ее двоюродный брат, кузен. Таким образом, Елизавета Австрийская приходится Людвигу II двоюродной тетей, как, впрочем, и ее родная сестра София, будущая несостоявшаяся невеста баварского короля.

Впоследствии может показаться странным, что в книге, посвященной Людвигу II, мы не уделяем Елизавете Австрийской,

этой на первый взгляд ключевой фигуре в его жизни, должного внимания. Но все дело в том, что она была для Людвига таким же фантомом, как, к примеру, Лоэнгрин, с той лишь разницей, что король встречался с ней в реальной жизни, а не в своих мечтах. За идеальным образом, созданным в его воображении, он не видел живую женщину, не замечал ее недостатков, вознося свою «Галатею» чуть ли не до небесной святости. Мечтательной натуре Людвига вообще было свойственно принимать желаемое за действительное. Он видел в Елизавете воплощение Идеальной Женщины, но никак не объект для любовных переживаний.

Тем не менее многие биографы баварского короля (в частности, уже упоминаемый нами Лукино Висконти) упорно считают их отношения именно любовным союзом мужчины и женщины: якобы Людвиг полюбил свою прекрасную двоюродную тетушку, которая была на 8 лет его старше; она бы рада ответить ему взаимностью, но жизненные обстоятельства — еще в 1854 году она вышла замуж за австрийского императора Франца Иосифа — сделали союз влюбленных невозможным, и эту трагедию каждый из них переживал всю последующую жизнь, так и не обретя счастья.

Но на самом деле все было далеко не так просто.

Для начала сразу отбросим саму возможность существования «любовного треугольника» Людвиг II — Елизавета — Франц Иосиф. Во-первых, императрица действительно очень любила своего двоюродного племянника, но любовью матери или старшей сестры. Чувственности в ее отношениях не было и быть не могло. Восьмилетняя разница в возрасте со стороны женщины во времена Людвига представляла собой весьма существенное препятствие на пути любовных отношений. Во-вторых, в год замужества Елизаветы Людвигу исполнилось лишь 9 лет. Ее брак с австрийским императором никак не мог нанести практически еще ребенку серьезную сердечную рану. Тем более что некоторые источники вообще называют датой знакомства Людвига и Елизаветы 1864 год. Однако эту дату нужно сразу поставить под сомнение — гораздо более правдоподобной является версия о том, что Елизавета была наперсницей детских игр Людвига. Стало быть, если принять версию о любви Людвига к Елизавете всерьез, то придется признать, что, повзрослев, он воспылал страстью к давно замужней женщине. Если бы речь шла о ком-то другом, то в данном обстоятельстве не было бы ничего невозможного. Но только не по отношению к Людвигу II! Набожность этого короля временами доходила до экзальтации. Он просто не мог позволить себе преступить Божьи заповеди (в свое время мы еще вернемся к вопросу о морали и набожности Людвига; пока не будем

развивать далее эту тему). Таким образом, можно сделать вывод, что и со стороны Людвига II любовь к тете также носила исключительно духовный, но никак не плотский характер: сначала мальчик любил в ней «прекрасную фею из сказки», затем юноша увидел в дальней родственнице единственную близкую душу.

Итак, любовь Людвига к Елизавете и Елизаветы к Людвигу — это союз двух одиноких сердец, не находящих понимания среди своего окружения и потому так страстно стремящихся к обществу друг друга. Это была дружба в самом высоком смысле этого слова; поистине иногда дружба бывает сильнее любви! Они были, если можно так выразиться, одинаковыми: вкусы, пристрастия, отношение к жизни и людям — все роднило их и позволяло общаться, понимая друг друга с полуслова. Ни он, ни она не могли больше никому открыться с такой полнотой, не опасаясь насмешек или холодного осуждения. Они оба жили скорее в мире своих фантазий, чем в реальности, и борьбу за собственную свободу, как личности, также вели, как умели, не в состоянии смириться с жестким и неумолимым диктатом двора. Ведь Людвиг был королем, Елизавета — императрицей. Эти «должности» делали их самыми несвободными людьми в государстве. А невозможность быть вместе — это не столько трагедия разлученных Ромео и Джульетты, сколько окончательный приговор к полному душевному одиночеству.

Возможно, что последующее неприятие Людвигом женщин кроется в невозможности найти ни в ком из них вторую Елизавету — идеал и духовной, и внешней красоты; для Людвига — совершенство во всех отношениях. Если бы ее не было в его жизни, он, может быть, и нашел бы свое счастье в более или менее приближенном к этому идеалу «варианте». Хотя бы в той же принцессе Софии,[62] родной сестре австрийской императрицы. Но Елизавета фактом своего существования показала Людвигу, что идеал существует во всей своей полноте не только в мечтах, но и в действительности. Только он недосягаем именно для него. А те, для кого досягаем, не в состоянии этот идеал оценить и понять. Вот она — полная картина несовершенства этого мира, крушение всех надежд, бездна отчаяния…

Неужели больше ни в ком и никогда Людвиг не найдет понимания и сочувствия? Ведь должен же быть где-то человек, близкий ему по духу, тот учитель, который воплощает собой самые дорогие для ученика идеалы, наиболее страстно желаемые для проведения в жизнь.

Именно Вагнер и стал для Людвига таким «гуру». Его

музыкальные драмы[63] воплотили перед королем тот мир, в который король всей душой стремился либо убежать от действительности, либо эту действительность преобразовать. Герои Вагнера — это сам Людвиг, различные стороны его личности. Он и Лоэнгрин, и Зигфрид, и Тристан, и Тангейзер, и Летучий Голландец… Вагнер сумел увидеть, постичь и воплотить все грани его души перед ним самим. Значит, Вагнер — божество. И это божество понимает его, одинокого; с Вагнером можно открыто говорить обо всем, и при этом Вагнер, будучи композитором, оперирует не столько к рациональному, сколько к эмоциональному началу. С Вагнером они смогут поднять знамя наивысших идеалов и привести к их победе.

Идеальный просвещенный монарх во главе доброго преданного просвещенного народа. Кто только не попадался в ловушку этой прекрасной утопической мечты! Ей отдал дань и сам Вагнер… Но как бы там ни было, а именно приближение ко двору «великого Рихарда» стало первым наиважнейшим делом молодого монарха.

Картина 2
Борьба с ветряными мельницами…

В мае 1863 года Вагнер снял жилье в уютном местечке Пенцинг (Penzing) под Веной. Однако надежды на безоблачную жизнь не оправдались. Намеченная постановка в Вене «Тристана и Изольды» сорвалась, долги неуклонно росли. «С новым, 1864 годом дела мои стали принимать все более серьезный оборот. Я заболел катаром желудка… Пока же не оставалось ничего другого, как подписывать новые векселя для погашения старых, выданных на короткие сроки. Такая система очевидно и неудержимо вела к полному разорению, и выход из нее могла дать только своевременно предложенная, основательная помощь». [64]

Столь безрадостным, а главное, бесперспективным положение Вагнера не было уже давно. Никакой «своевременной и основательной» помощи ждать ни от кого не приходилось. Было совершенно очевидно, что Пенцинг придется в самое ближайшее время оставить — растущие долги стали угрожать самой свободе Вагнера. Выбор его пал на Швейцарию, этот оплот спокойствия и стабильности. Но, окончательно измученный постоянной тревогой о будущем (с приходом весны композитора стали даже посещать мысли о смерти), он решил не торопиться с конечной целью своего вынужденного путешествия, а постараться получить от него максимальное удовольствие и успокоить расшатанные нервы.

«Я уехал 23 мая (ошибка русского перевода, как издания 1911 года, так и, соответственно, 2003 года; в оригинале «Main Leben» у Вагнера 23 марта.[65] — *М.З.*) после обеда и направил свой путь в Мюнхен, где рассчитывал, не узнанный никем, отдохнуть два дня от ужасных волнений последнего времени. Остановившись в отеле «Bayerischer Hof',[66] я совершил несколько прогулок по улицам Мюнхена. Это было в Страстную пятницу. Стояла холодная суровая погода, и весь город, жители которого двигались в глубоком трауре из церкви в церковь, был, казалось, охвачен настроением этого дня. Незадолго перед тем умер пользовавшийся такой любовью в Баварии король Максимилиан II (напомним, что Максимилиан II скончался 10 марта. — АО.), оставив трон своему юному, способному уже занять престол восемнадцатилетнему сыну. В одной из витрин я увидел портрет молодого короля Людвига II, и вид этого юного лица тронул меня тем особенным чувством участия, какое возбуждают в нас в тяжелых условиях жизни молодость и красота».[67]

Сама судьба привела Вагнера в Мюнхен в первые дни царствования нового монарха — поистине это был знак свыше. Но тогда, не придав баварским событиям особого значения и не теряя более время, Вагнер продолжил свое путешествие через Боденское озеро в Цюрих, а оттуда в Мариафельд (Mariafeld), в имение доктора Франсуа Вилле (Wille): с ним и с его женой Элизой Вагнер находился в дружеских отношениях еще со времен прежнего пребывания в Цюрихе после бегства из Дрездена во время Дрезденского восстания 1849 года. Погостив у друзей, 30 апреля Вагнер уехал из гостеприимного Мариафельда и направился в Штутгарт.

Именно здесь вечером 3 мая, сидя в гостях, композитор получил «в довольно поздний час карточку какого-то господина, называвшего себя «секретарем короля Баварии». Очень неприятно пораженный тем, что местопребывание мое в Штутгарте уже стало известно проезжающим, я велел сказать, что меня нет, и вскоре после того вернулся к себе в гостиницу».[68] Вагнер не без оснований опасался, что его ищут кредиторы…

Именно так и начинается новый этап в жизни Рихарда Вагнера, этап, определивший не только его дальнейшую жизнь, но и жизнь баварского короля Людвига II.

Мы уже знаем, что тотчас же по вступлении на престол Людвиг послал своего доверенного человека, кабинет-секретаря Франца фон Пфистермайстера, чтобы тот разыскал и пригласил в Мюнхен Рихарда Вагнера. Пфистермайстер и был тем самым человеком, «называвшим себя секретарем короля Баварии», получение карточки которого так неприятно поразило Вагнера в Штутгарте. Кабинет-секретарю действительно пришлось очень постараться, чтобы выполнить приказ своего короля. Он тщетно искал Вагнера сначала в Вене, затем в Мариафельде и, наконец, к величайшей своей радости, нашел его в Штутгарте. Пфистермайстер передал Вагнеру письмо от Людвига II вместе с его портретом и кольцом, посланным в подарок. «В немногих, но проникших в самую глубь моего сердца словах монарх выражал восхищение моей музыкой и свое твердое намерение отныне в качестве друга избавить меня от гонений судьбы».[69]

Кроме того, Пфистермайстер сообщил Вагнеру, что король желает видеть композитора немедленно и что на следующий же день они отбывают в Мюнхен. Жизнь Вагнера резко повернулась на сто восемьдесят градусов. В это же самое время управляющий Мюнхенским королевским придворным и национальным театром барон фон Галль (von Gall) сообщил Вагнеру, что «Лоэнгрин» принят к постановке (опять «знак свыше» — именно «Лоэнгрин»!), и тут же вручил причитающийся гонорар. «В пять часов вечера я

встретился на вокзале с Пфистермайстером, чтобы вместе с ним отправиться в Мюнхен. Туда было дано знать по телеграфу о нашем приезде на следующее утро. В тот же день я получил из Вены письма, самым настойчивым образом отговаривавшие меня от намерения вернуться туда. Но ужасам этого рода больше не суждено было повторяться в моей жизни. Путь, на который судьба призывала меня для высших целей, был полон опасностей, никогда не был свободен от забот и затруднений совершенно неизвестного мне до сих пор характера. Но под защитой высокого друга бремя пошлых жизненных невзгод никогда больше не касалось меня»[70].

Это последние строки вагнеровских воспоминаний, озаглавленных «Моя жизнь». В том, что Вагнер завершил свои знаменитые мемуары именно так, возможно, кроется глубокий символический смысл. Вагнер начал диктовать автобиографию своей будущей жене Козиме 17 июля 1865 года, в самый пик отношений с Людвигом II, а закончил через 15 лет, в 1880 году, когда достиг предела своих мечтаний и был занят созданием своей «лебединой песни» — «Парсифаля». Встреча с королем действительно воспринималась им как освобождение от прошлой жизни и начало жизни совершенно новой, окончательный водораздел между «революцией снизу», мечты о которой лелеял композитор во времена Дрезденского восстания, и «революцией сверху», исповедуемой им ныне. Другими словами, переход от теории к практике.

В этом отношении очень показательна статья «О государстве и религии», написанная Вагнером в августе 1864 года. В ней окончательно утверждается идея о том, что только воля идеального монарха, благородного и просвещенного, сможет возродить свою страну и привести ее в едином патриотическом порыве к торжеству духа. Эта статья, вдохновленная знакомством с молодым королем, — наглядная демонстрация того, что «бывший революционер» снова воскрес для новой романтической борьбы, то есть борьбы, изначально обреченной на поражение…

Пожалуй, именно Людвиг II как раз и воскресил в Вагнере веру в то, что грандиозные мечты композитора о перевоспитании мира могут быть воплощены в реальности. Ведь, имея преданного покровителя в лице короля, первого лица в государстве, можно надеяться возвести высокое искусство в ранг закона; во всяком случае, высшие государственные сановники традиционно подобострастно следуют пристрастиям своего монарха. Значит, высший свет Баварии будет исповедовать идеалы Вагнера. А следовательно, композитор сразу получает в свое распоряжение целое государство. Повторим, Вагнер надеялся, что можно

воспитать вкус публики «в одной отдельно взятой Баварии» и уже оттуда свет истинного искусства распространится сначала на всю Германию, а затем и на весь мир. «Утопия», — отчаивался Вагнер до встречи с Людвигом II. «Реальность!» — поверил он после этой встречи.

Итак, король обещал оказать композитору самое радушное гостеприимство и широкую материальную поддержку. Вот она, та «своевременно предложенная, основательная помощь», о которой тщетно мечтал Вагнер в тяжелые дни бегства из Пенцинга от кредиторов, находясь на грани отчаяния, устав от бесконечных нападок критики, не находя понимания среди театральных деятелей, которые намеренно искажали идеи его произведений, и певцов, занятых лишь личным успехом у публики в ущерб цельности общего впечатления. (Надо сказать, что Людвиг II помимо всего прочего единовременно уплатил все долги композитора, таким образом полностью избавив его, правда лишь на время, от преследования кредиторов!)

Эпохальная встреча состоялась 4 мая 1864 года. Встретились молодой юноша-монарх и умудренный жизнью гений-композитор; один полон радужных надежд, другой давно утратил прежние иллюзии; один наугад стремится к несбыточной мечте, другой слишком хорошо представляет себе, чего он хочет получить от жизни. И вместе с тем они были нужны друг другу и встретились именно тогда, когда эта нужда стала особенно острой. «Судьбе угодно было, чтобы Вагнер указал неопределенному влечению Людвига к прекрасному и возвышенному совершенно определенное гармоническое содержание и наметил ближайшую цель для деятельности короля, а Людвиг II помог Вагнеру в его сложных композиторских стремлениях, в его революционной работе под флагом новых музыкальных идей»[71].

Мы уже говорили, что эту необычную дружбу короля и композитора невозможно по-настоящему понять вне контекста личностей обоих. Впоследствии Вагнера только ленивый не будет обвинять в том, что он цинично воспользовался благосклонностью экзальтированного «монарха не от мира сего», тратил направо и налево средства, которые тот в силу умственной ограниченности «неограниченно» (простите за тавтологию) ему предоставлял, и совершенно не ценил духовную составляющую их отношений. («Версию» об якобы имевшей место гомосексуальной подоплеке событий мы даже рассматривать не будем ввиду ее полной абсурдности; нужно совершенно не знать Вагнера, чтобы сочинить подобный бред!) Так что же было в действительности?

Можно сказать, что 4 мая 1864 года встретились не просто два романтика, а два последних Романтика. У них была одна цель

— вернуть в этот пошлый мир ускользающие идеалы романтизма. Но каждому поодиночке им это было сделать невозможно. Людвигу II нужен был духовный лидер и направляющий, а Вагнеру для осуществления своей эпохальной реформы не только искусства, но и всего человечества необходим был высокий покровитель, который бы помог ему преодолеть трудности в первую очередь материального характера. В свое время в предисловии к «Кольцу нибелунга» Вагнер в отчаянии восклицал: «Найдется ли государь, который поможет мне поставить на сцене мои произведения?» Людвиг же как раз и считал, что, помогая Вагнеру, он исполняет свою духовную миссию по переустройству мира. Вот почему впоследствии Вагнер признавал, что «Кольцо нибелунга» и «Парсифаль» настолько же творения Людвига, насколько и его самого.

С первого же момента их встречи Людвиг устранил между ними всякую официальность, подчеркивая тем самым, что является по отношению к Вагнеру не королем, а поклонником его таланта, помощником и, главное, другом. Вскоре он пригласил Вагнера в Хоэншвангау — должен же композитор увидеть воочию замок своего Лоэнгрина! До сегодняшнего дня один из наиболее знаменитых экспонатов замка, часть которого превращена в музей, — это фортепьяно, на котором Вагнер играл для короля свою музыку в дни пребывания в Хоэншвангау…

Сумел ли Вагнер оценить прекрасные порывы души молодого короля? Безусловно. И об этом свидетельствуют его письма того периода. Вообще, читая переписку Людвига II и Вагнера, невольно начинаешь с грустью думать, что понятие высокой романтической дружбы навсегда ушло из нашего мира вместе с титанами духа XIX века.

Вагнер чувствовал себя по-настоящему окрыленным. Он словно не верил — боялся поверить! — что подобное случилось с ним наяву, а не во сне, что после всех треволнений и страданий он вдруг попал в сказку! И требовал ото всех своих корреспондентов подтверждения того, что случившееся с ним происходит на самом деле.

Так, Вагнер писал 4 мая 1864 года сразу же после своей первой встречи с Людвигом II Элизе Вилле, своему последнему другу «из прошлой жизни»: «Я был бы самым неблагодарным человеком, если бы не поделился с Вами моим безграничным счастьем! Вы знаете, что молодой Баварский король призвал меня. Сегодня меня представили ему: *он так хорош и умен, так душевен и прекрасен, что, боюсь, жизнь его в обыденных условиях мира промелькнет, как мгновенный божественный сон!* (Курсив мой. Это поистине пророчество. — М.З.) Он любит меня с

сердечностью и пылом первой любви. Он знает обо мне все и понимает меня и мою душу. Он хочет, чтобы я навсегда остался возле него, работал, отдыхал, ставил на сцене свои произведения. Он хочет дать мне для этого все, что нужно. Я должен окончить «Нибелунгов» — он намерен поставить их так, как я хочу. Я должен быть неограниченным господином самого себя, не капельмейстером: я должен быть самим собой и его другом. И это все он понимает также строго и точно, как если бы мы с Вами говорили на эту тему. У меня не будет никакой нужды, у меня будет все, что необходимо, лишь бы я остался при нем. Что скажете Вы на это? Что? Слыхано ли это? Неужели это не сон? Представьте себе только, как я тронут! Мое счастье так велико, что я совсем им подавлен. Об очаровании его глаз Вы не можете иметь никакого представления! Если бы только он жил, — он слишком хорош для этого мира!..»[72]

20 мая 1864 года Вагнер писал из усадьбы Пеллет (Pellet), расположенной близ маленького и любимого Людвигом II королевского замка Берг[73] на Штарнбергском озере и которую Людвиг предоставил в его распоряжение (Вагнер жил в Пеллете с 14 мая по 7 октября 1864 года), еще одному своему другу, великому певцу Людвигу Шнорру:[74] «Дорогой Шнорр! Поверьте мне, мой идеал нашел свое воплощение. Нельзя себе и представить чего-либо более прекрасного, более совершенного… Юный король, весь проникнутый духовностью, человек с глубокою душою и невероятной сердечностью, открыто, пред всеми, признает меня своим единственным, настоящим наставником! (Здесь и далее курсив мой. — М. З.) Он знает мои музыкальные драмы и литературные работы. Кажется, никто не может сравниться с ним в этом отношении. Он является моим учеником в такой мере, как, может быть, никто другой, и чувствует себя призванным осуществить веемой планы, какие только могут быть осуществлены человеческими усилиями. К тому же он обладает всей полнотой королевской власти. Над ним нет опекуна, он не подчиняется ничьему влиянию и так серьезно и уверенно ведет правительственные дела, что все видят и чувствуют в нем настоящего короля. То, что я нашел в нем, нельзя выразить словами. И увлекательная прелесть наших ежедневных встреч все больше и больше убеждает меня в том, что судьба сотворила для меня невероятное чудо. И так, относительно всего этого — ни тени сомнения. У меня нет никаких титулов, никакой должности, никаких обязательств. Я только Рихард Вагнер. Король вполне разделяет мое презрение к театру, особенно к опере. Как и я, он знает, что только выдающиеся постановки могут изменить к лучшему общее положение вещей. И заняться

этим делом при таких благоприятных обстоятельствах зависит всецело и исключительно от меня. Поэтому мы разработали план совершенной, по возможности, инсценировки «Тристана». Назначить день этой постановки мы предоставляем Вам…»[75]

Из Пеллета Вагнер также написал письмо и Марии Мухановой (Калергис):[76] «В моей жизни произошел совершенно неожиданный, невероятно прекрасный поворот. Я погибал. Все попытки вырваться из печального положения кончались неудачно. Какая-то странная, почти демонская сила разрушала все, что я ни задумывал. Я принял решение скрыться от мира и отказаться в будущем от всяких художественно-артистических планов. В те дни, когда во мне назревало такое решение, молодой баварский король, только что вступивший на престол, велел искать меня там, где я в этот момент не находился. Наконец, посланный короля нашел меня в Штутгарте и привез к нему. Что мне сказать Вам? То, о чем я даже в мечтах и помыслить не мог, то единственное, что могло спасти меня, стало реальной правдой. Я свободен, я могу обрабатывать свои художественные произведения, могу творить и думать о совершенных сценических постановках. Опять я приступил к «Нибелунгам», к осуществлению всего моего плана. В этом чудесном юноше мое искусство нашло свое живое воплощение: он — «мое отечество, моя родина, мое счастье»!»[77]

А вот еще письмо к Элизе Вилле от 26 мая 1864 года: «… Я живу в десяти минутах езды от него… Восхитительное общение! Никогда еще не приходилось мне встречать в такой чудной непосредственности подобное стремление поучаться, подобную способность понимать и горячо переживать усвоенное… Все, что мы оба глубоко презираем, идет своим путем, далеко от нас. Мы не считаемся ни с чем. Мое необычайное влияние на душу короля может привести только к добру, а никак не ко злу. С каждым днем все в нас и кругом нас становится прекраснее и лучше (курсив мой. — М. З.)»[78].

Кстати, о «влиянии на душу короля». Оговоримся сразу: одним из самых распространенных обвинений в адрес Вагнера, которого даже называли «злым духом короля», было как раз то, что он, используя свое неограниченное влияние на Людвига II, вмешивался в политические дела государства. Это не соответствует истине. Во-первых, Вагнер к тому времени сам был уже очень далек от политики, времена его бурной «революционной» молодости миновали. Если же он и заговаривал с королем о каких-то политических моментах, то Людвиг, как отмечает большинство биографов и мемуаристов, начинал нарочито громко насвистывать и смотреть в окно, словно уносясь

мыслью куда-то далеко. Во-вторых, Людвиг II, опять же вопреки распространенному мнению, был слишком самостоятельным в государственных вопросах и не допускал к их решению никого. К тому времени он уже стал королем в полном смысле этого слова. Кстати, тот же Вагнер отмечает, что «один из близких друзей короля уверял меня, что он бывает строг и непреклонен в государственных делах, чтобы не позволить себе поддаться чьему-либо влиянию, отстаивая для себя полную свободу»[79]. Вагнер был для Людвига «царем и богом» только в «царстве духа и высокого искусства».

В свою очередь, Вагнер, отдавая дань уважения монарху, написал ко дню рожденья Людвига «Марш присяги на верность» («Huldigungsmarsch»), исполненный для него непосредственно 25 августа 1864 года. Композитор своеобразно присягал на верность королю в их общем деле переустройства мира. Но воплощать столь глобальный проект нужно было постепенно: до всего человечества было еще далеко; в их распоряжении находилась лишь ничтожная часть его — мюнхенская публика.

Для начала Людвиг решил собрать вокруг себя и Вагнера лучшие исполнительские силы Германии. Как долго Вагнер мечтал об этом, почти никогда не удовлетворенный певцами и музыкантами, находящимися в его распоряжении! Пожалуй, самым главным последствием встречи композитора и короля стало то, что Вагнер вновь воскрес для творчества. Он был полон новых планов: во-первых, поставить теперь «Тристана» в Мюнхене вместо Вены, а во-вторых, вернуться к своему грандиозному замыслу «Кольца нибелунга», оставленному в период душевного кризиса.

Вагнер решил обратиться к Людвигу Шнорру с просьбой взять на себя партию Тристана в постановке Мюнхенского королевского придворного и национального театра. Кроме того, он пригласил приехать в Мюнхен Ганса Гвидо фон Бюлова,[80] ставшего к тому времени одним из лучших дирижеров Германии. (Вскоре Бюлов получил должность придворного капельмейстера.) С ним Вагнера связывала многолетняя дружба (они были знакомы с 1846 года). Забегая вперед, скажем, что отношения двух друзей ко времени описываемых событий сильно осложнились взаимным чувством Вагнера к жене Ганса Козиме, дочери Листа. И конечно же, со стороны Вагнера приглашение в Мюнхен этой супружеской четы последовало не только ради искусства, но и с задней мыслью, что Бюлов приедет вместе с супругой… Во всяком случае, рождение третьего ребенка Козимы — дочери Изольды — произойдет 10 апреля 1865 года. Этот ребенок долгое время будет носить фамилию фон Бюлов. Но на самом деле Изольда (1865–1919) —

это первый ребенок Вагнера. Значит, именно в середине лета 1864 года Козима и Рихард перешли грань платонических отношений. Но обо всем по порядку.

С приездом четы фон Бюлов Вагнер всецело отдается подготовке «Тристана» к долгожданному сценическому воплощению. Чтобы поторопить Шнорра с принятием судьбоносного решения, 29 августа 1864 года композитор написал певцу очередное письмо: «Дорогой друг! Время уходит, и мне очень хотелось бы знать что-либо определенное. Не можете ли в точности указать, какие месяцы будущего года Вы будете свободны?.. Юный король стареется вдохнуть в меня бодрость. Он полон энтузиазма и непреклонной воли. Он делает экономию на всем, отказался от построек, начатых его отцом, um. д., чтобы иметь возможность самым щедрым образом тратить средства на осуществление моих художественных замыслов. (Курсив мой. Следует вспомнить это утверждение, когда мы будем разбирать проблему «катастрофических трат» короля на Вагнера. — М. З.) И когда я вижу его дивную настойчивость, я невольно спрашиваю себя каждый раз: откуда же взять необходимые артистические силы? При этом меня охватывает сомнение, что лучше: напрячь ли средства, чтобы сотворить нечто необычайное, эпизодическое, или же задаться целью установить нечто организованное, нечто постоянное.[81] При такой воле, как воля моего благородного короля, этого олицетворенного гения всех моих мечтаний, воле исключительной, верной, полной вдохновения, я совершенно теряю способность учесть все открытые предо мною возможности. Король очень любит Вас и желает только одного: иметь Вас здесь всегда. Он хотел бы, чтобы, кроме «Тристана», были поставлены в образцовом исполнении и «Тангейзер» и «Лоэнгрин»…»[82]

В свою очередь, находясь в Хоэншвангау, Людвиг 8 октября 1864 года писал Вагнеру, только что переехавшему из Пеллета в Мюнхен в дом на Бриннерштрассе, 21 (Briennerstrasse):[83] «Мысль о Вас облегчает мне бремя моих королевских обязанностей. До тех пор, пока Вы живете, жизнь моя будет прекрасной и полной счастья. О, любимый мною человек, как я радуюсь приближению того времени, когда мой дорогой друг посвятит меня в тайны и чудеса своего искусства, которые меня укрепят и воистину освятят! У меня есть намерение отучить мюнхенскую публику от фривольных пьес, очистить ее вкус и подготовить ее к чудесам Ваших творений посредством исполнения в придворном театре значительных и серьезных вещей Шекспира, Кальдерона, Моцарта, Глюка, Вебера. Все должно проникнуться истинным значением искусства!»[84]

Вообще, 1864 год в жизни и Людвига, и Вагнера можно смело

назвать одним из наиболее счастливых. Людвиг полон сил и смелых планов, его кумир готов вместе с ним осуществлять его великую миссию. Это было время, «когда король еще любил смеяться», и своеобразным символом такого безоблачного счастья стал специальный приезд 2 октября Людвига II из Хоэншвангау в Мюнхен на традиционный ежегодный Октоберфест. Пиво лилось рекой, звучали заздравные тосты, король беззаботно веселился среди своего народа…

Для Вагнера 1864 год стал временем такого же духовного подъема, необычайной веры в собственные силы и правоту своих идей.

Людвиг и Вагнер задумали грандиозный проект — построить в Мюнхене вагнеровский театр, Bühnenfestspielhaus,[85] который позволит осуществлять постановки его музыкальных драм именно так, как задумал композитор, и одновременно будет служить символом величия истинного искусства. Забегая вперед, скажем, что плану постройки вагнеровского театра дано было осуществиться значительно позднее и не в Мюнхене, а в Байройте. Ныне можно увидеть лишь макет мюнхенского театра в Музее короля Людвига II в замке Херренкимзее (Herrenchiemsee).

На Рождество 1865 года Людвиг, как всегда, уехал в Хоэншвангау и 5 января написал оттуда Вагнеру: «.. Семпер [имеется в виду архитектор и теоретик искусства Готфрид Земпер (Semper; 1803–1879); будущий создатель байройтского Фестшпильхауса;[86] Вагнер познакомился с ним в Лондоне в 1855 году; аудиенция у короля и обсуждение плана постройки нового театра прошла 29 декабря 1864 года. — М.З.) разрабатывает план нашего Святилища, идет подготовление актеров. Скоро Брюнгильда будет спасена бесстрашным героем. О, все, все в движении! То, о чем я грезил, чего желал, на что надеялся, скоро осуществится! Небо спускается для нас на землю… О, день, в который воздвигнется перед нами театр, о котором мы мечтаем! О, момент радости, когда наши создания предстанут в совершенном исполнении! Мы победим, сказали Вы в Вашем последнем дорогом письме. И я, в свою очередь, восклицаю с таким же восторгом: мы победим! Мы не напрасно жили!.. Преданный Вам до конца жизни Людвиг».[87]

Комментарии излишни. Кроме того, интересно отметить, что сам Вагнер и его ближайшие друзья уже называли Людвига II не иначе как Парцифаль («по-эшенбаховски»): ведь именно Парцифаль — владыка царства Грааля, царства, с которым ассоциировал себя «кружок посвященных» при дворе Людвига II. Вагнер вынашивал план написания своей музыкальной драмы с апреля 1857 года; Людвиг воскресил в композиторе желание

воплотить его; как раз в 1865 году Вагнер по совету Людвига набросал в общих чертах поэму «Парцифаль», пока еще называя своего героя также «по-эшенбаховски». (Надо сказать, что вплоть до 1877 года Вагнер действительно вслед за Вольфрамом фон Эшенбахом[88] называл своего героя Парцифалем: и когда впервые обратился к этому сюжету в 1857 году, и когда писал первый вариант поэмы по просьбе Людвига II в 1865 году. Известна точная дата «переименования» Вагнером Парцифаля в Парсифаля:

13 февраля 1877 года. Сам композитор так разъясняет причины этого решения: «Его имя арабское. «Parsi» означает «чистый», «fal» — «безрассудный»».[89] Другими словами, «святой простец».

Таким образом, именно Вагнер положил начало новой «филологической» традиции написания и произношения имени этого средневекового героя.)

Например, вот что пишет Вагнер Людвигу Шнорру и его супруге (будущей исполнительнице роли Изольды в «Тристане») 4 июня 1865 года, одновременно со своим письмом пересылая им письмо Людвига II: «Он (король. — М. З.) заботится о вас больше, чем я. С добрым утром, мои милые, благородные львы! Хотите еще раз огласить пустыню нашим ревом? В конце концов, мы будем единственными слушателями. Ведь и Парцифаль это тоже только часть нашего «мы». С сердечным приветом. Ваш Р. В. Письмо Парцифаля — подарок, достойный вас. Примите же его: он ваш».[90]

В эту пору всеобщего душевного подъема никто не мог и представить себе, что крах всем надеждам уже не за горами…

Картина 3
Изгнание из рая

Чем выше взлет, тем глубже падение, тем болезненнее разочарования. В адрес Людвига уже начали поступать первые обвинения со стороны баварского правительства в нерациональном использовании средств. Когда стало понятно, что отношения с Вагнером носят очень серьезный и далеко не мимолетный характер, в Мюнхене началась настоящая антивагнеровская кампания. Мюнхенцы не могли простить Вагнеру того, что он иностранец (Вагнер родился в Лейпциге, в Саксонии; для баварца — иностранец), что он запятнал себя революционным бунтом (разбираться, что на самом деле привело композитора на баррикады и каковы были для него эти «баррикады» в действительности, естественно, никто не стал[91]), что он разоряет казну Баварии. Доходили до совершенно абсурдных обвинений в том, что композитор проповедует королю безбрачие, что он — посланник масонской ложи, что в интересах Пруссии он хочет обратить баварцев в протестантство! Личная жизнь Вагнера также не была оставлена в стороне: газеты на все лады обсуждали новость, что Вагнер является любовником Козимы, жены своего друга Ганса фон Бюлова, — простой читатель любит «желтую прессу»!

Почему же такую волну ненависти вызвал всего лишь композитор, обвиненный чуть ли не в узурпации королевской власти? Во имя каких целей король делает такие траты — и только на него одного? Хотя если разобраться, то траты на Вагнера были далеко не такими «катастрофическими», как их пытались представить противники Людвига II и Вагнера.

Итак, давайте же разбираться. Во-первых, Людвиг назначил композитору пенсию в размере 15 000 марок[92] (которая, естественно, выплачивалась далеко не регулярно) и погасил его долги, о чем мы уже говорили выше. Во-вторых, несколько позднее были выделены средства на приобретение Вагнером виллы «Ванфрид» в Байройте, о чем мы еще будем говорить, и запланирована так и несостоявшаяся постройка театра в Мюнхене. Кстати, и байройтский Фестшпильхаус был возведен не без участия короля, выдавшего на проект авансом кредит в размере 300 000 марок (100 000 талеров, или около 2 500 000 евро) из собственных средств, не трогая казну (этот долг семейство Вагнер и его потомки выплатили со временем полностью). Скрупулезно подсчитано, что всего за 19 лет,

прошедших с момента личного знакомства и до смерти Вагнера, Людвиг II истратил на его нужды 562 914 марок (4 503 312 евро). [93] Но для бюджета государства это не те суммы, из-за которых следовало бы впадать в панику! Значительные — да, но не разоряющие страну. Для сравнения годовой бюджет Баварии составлял тогда примерно 241 500 000 марок, из которых на содержание королевского двора отводилось 5 000 000 марок (около 40 000 000 евро). Стало быть, «вагнеровские расходы» за 19 лет — это немногим более 7_{10} части годового содержания королевского двора!

Кстати, если предположить, что травли композитора бы не было, и Вагнер остался жить в Мюнхене (на горе жителей Байройта, бюджет которого ныне очень сильно выигрывает за счет того, что вагнеровский театр расположен именно здесь), вполне возможно, что умиротворенный король ограничился указанными выше тратами, не пожелав строить свои «сказочные» замки, на которые впоследствии действительно были израсходованы весьма значительные суммы. Такое предположение позволяет сделать хотя бы отрывок из процитированного выше письма Вагнера Шнорру, где он упоминает об отказе Людвига от любых построек в целях экономии средств ради осуществления художественных замыслов композитора. Во всяком случае, расходы на Вагнера и на постройку замков явно не сопоставимы.

На самом деле причина внезапной ненависти к Вагнеру со стороны баварского правительства (в первую очередь именно правительства, инспирировавшего в дальнейшем недовольство и среди населения) проста и банальна. Зависть — страшное чувство. И именно оно — основа всех бед и Людвига II, и Вагнера. К трону был приближен человек, социальное положение которого «не соответствовало занимаемой должности». А вдруг он еще и влияние при дворе приобрел? Вместо послушной марионетки царедворцев король стал послушной марионеткой какого-то композитора. Все! Этого вполне достаточно, чтобы вызвать у тех, кто «остался за бортом», бурю «справедливого» гнева. В газетах была развернута такая травля Вагнера, что король просто не мог остаться в стороне и делать вид, что не замечает происходящего. Ему нужно было как-то реагировать. А обстановка все накалялась. Вагнер интуитивно чувствовал, что Людвигу II придется в конце концов уступить. Все-таки романтическая сказка оказалась всего лишь недолгим сном!

В разгар газетной травли Вагнер написал 20 февраля 1865 года очень показательное письмо Элизе Вилле:

«Два слова объяснения: мое возражение в № 50

Allgemeine Zeitung Вы знаете. Оно содержит одну неточность: изображение границ моих отношений с королем. Во имя моей потребности в покое я страстно хотел бы, чтобы это было именно так. Во имя моего покоя я отказываюсь от прав, которые дает мне необыкновенно глубокая, фатальная привязанность ко мне короля. Но я не знаю, что мне сделать со своим сердцем, со своей совестью, как мне отстраниться от обязанностей, которые она на меня налагает. Вы догадываетесь, что все то, чем меня травят, не имеет под собой никакого основания, это лишь орудие клеветы, ставящей здесь свою последнюю, безнадежную ставку. Но где поводы к этой клевете? Вот что вызывает во мне содрогание, ибо я решительно не могу во имя личного покоя удалиться в спасительное убежище, предоставив короля окружающей среде. Это было бы мучительно для души, и я спрашиваю демона, управляющего моей жизнью: за что послана мне эта чаша? Зачем там, где я искал покоя и ненарушаемой возможности работать, на меня налагается ответственность, в мои руки отдается счастье божественно одаренного человека, может быть благо всей страны? Как спасти свое сердце, как при таких обстоятельствах быть художником? Около него нет ни одного необходимого близкого человека. Вот что причиняет мне настоящую боль! Внешняя интрига, рассчитанная целиком на то, чтобы вывести меня из себя и толкнуть на бестактный поступок, легко рассеется сама собой. Но для того чтобы навсегда вырвать друга из его среды, нужна энергичная работа, которая окончательно лишит меня покоя. С трогательной верностью он поддерживает со мною самые лучшие отношения и отворачивается от всякой клеветы. Что Вы скажете о моей судьбе? Моя жажда последнего покоя несказанна. Не могу больше выносить всех этих мерзостей»[94].

Если, как мы уже рассмотрели выше, размер финансовой «катастрофы» был на самом деле преувеличен, то, что касается личной жизни композитора, претензии к Вагнеру были далеко не столь необоснованны и беспочвенны. Любовная связь Вагнера с Козимой фон Бюлов стала достоянием общественности. Газеты поливали грязью не только самих любовников, но и обманутого мужа, королевского капельмейстера. Препятствием для неизбежной развязки оставались пока лишь католический брак четы фон Бюлов, не предусматривающий развода, и придворная

служба Ганса, требующая соблюдения определенных моральных правил.

Как мы уже упоминали, 10 апреля родился первый ребенок Вагнера и Козимы, дочь Изольда, что не помешало Вагнеру сохранять перед Людвигом II «видимость приличий» и до последнего отрицать свою связь с замужней женщиной. Чтобы «сохранить лицо» перед целомудренным королем, безоговорочно и наивно верящим в чистоту и непорочность своего кумира, Вагнер объявил ему, что присутствие Козимы в его доме вызвано… «производственной необходимостью»: в свое время король сам просил Вагнера написать мемуары, так вот — композитор, выполняя эту просьбу, начал работать над автобиографией, и Козима записывает текст под его диктовку. В довершение всего Вагнер обратился к королю с просьбой выступить в печати с опровержением обвинения в адюльтере. Расчет был на то, что положение короля и его репутация станут гарантами того, что журналисты больше не посмеют копаться в грязном белье композитора и оставят его и чету фон Бюлов в покое. Король пошел навстречу своему другу, фактически выставив себя не в лучшем свете, ибо действительно глупо было отрицать очевидное…

Впоследствии Людвиг так и не смог до конца простить Вагнеру этот обман: ведь Вагнер заставил его лично поддерживать перед придворными эту заведомую ложь, да еще и опровергать «клевету» в газетах.

Тем не менее, когда композитора обвиняют в «черной неблагодарности к своим ближайшим друзьям», имея в виду и Ганса фон Бюлова, и Людвига II, когда говорят о его «разнузданности нравов», о «разрушении чужих семейных очагов» и т. д., постоянно забывают о том, что отношения Вагнера и Козимы были не капризом, а настоящей высокой любовью, которой ни он, ни она просто не в силах были противостоять. А они старались! Более трех лет, что уже само по себе отвергает любую «теорию о разнузданности нравов», Рихард и Козима отчаянно боролись со своим чувством, не желая предавать идеалы семьи и дружбы. При этом не следует забывать и о том, что сам брак между Гансом и Козимой не был безоблачно счастливым. Ганс женился на дочери своего учителя Листа, во многом подчиняясь его воле и из благодарности за все, что тот для него сделал. Козима же испытывала к мужу лишь уважение — любви в их отношениях изначально не было. Что же удивительного в том, что, когда это чувство наконец посетило молодую женщину, она оказалась не в силах ему противостоять? Со временем это понял даже сам Ганс фон Бюлов. Он благородно принес себя в жертву на

алтарь этой Любви и простил, хотя единственный имел полное право осудить. Подобное самоотречение — вагнеровским идеалам Ганс фон Бюлов, несмотря ни на что, остался верен до конца своих дней — заслуживает самого глубокого уважения. Воистину «не судите, да не судимы будете» (Мф. 7: 1).

Но тучи пока сгущались лишь на горизонте. Лето 1865 года подарили королю и композитору еще немного безоблачных дней.

В августе Вагнер приехал к Людвигу II в Хоэншвангау. Там же к ним присоединился страстный поклонник Вагнера, друг детства Людвига II Пауль фон Турн-унд-Таксис. Обладая прекрасным голосом, он часто исполнял для короля различные отрывки из вагнеровских музыкальных драм, отдавая особенное предпочтение «Лоэнгрину». И вот 25 августа, в день своего 20-летия, Людвиг устроил для Вагнера настоящий праздник. Принц Пауль в костюме Лебединого Рыцаря на лодке в виде лебедя плыл по водам озера под звуки чарующей вагнеровской мелодии и пел для своих друзей арию Лоэнгрина… Поистине это были минуты настоящего, но быстротечного счастья!

Людвиг почувствовал себя окрыленным, у него даже появилось желание «немного попутешествовать». 18 октября король инкогнито отправился в свою первую поездку в Швейцарию, чтобы познакомиться воочию с родиной давно любимого им героя Вильгельма Телля. Но поспешил вернуться — ведь в Баварии его ждал Рихард Вагнер!

Однако семена клеветы и интриг были уже не только посеяны, но дали пышные всходы. В Мюнхене не ограничились газетными пасквилями; среди населения зрела угроза волнений. Приближенные и родственники короля умоляли его, пока не поздно, удалить от себя Вагнера. Находились даже те, кто сравнивал композитора с печально известной танцовщицей Лолой Монтес, за любовную связь с которой, как мы помним, дед короля фактически лишился престола. В одиночку Людвиг не смог противостоять подобному натиску; он был вынужден сдаться.

В конце 1865 года Людвиг II принял тяжелое решение расстаться с Вагнером и отослать его из Мюнхена. «Мне это очень больно, — сказал Людвиг своему министру барону Шренку. — Но я выше всего ставлю доверие моей страны; я хочу жить в мире с моим народом»[95].

6 декабря 1865 года Людвиг написал Вагнеру следующее письмо:

> «Мой дорогой друг! Как мне это ни больно, но я должен Вас просить исполнить мое желание, переданное Вам через моего секретаря. Верьте, я не могу поступить

иначе! Моя любовь к Вам будет длиться вечно. И я прошу Вас сохранить дружбу ко мне навсегда. С чистой совестью могу сказать, что достоин Вас. Кто имеет право нас разлучить? Знаю, что Вы чувствуете то же, что и я, что Вы вполне понимаете мою глубокую боль. Поступить иначе я не могу, верьте мне! Никогда не сомневайтесь в преданности Вашего лучшего друга. Ведь это не навсегда! До гроба верный Вам Людвиг».[96]

Вагнеру ничего не оставалось, как опять собираться в дорогу. Ему со всей очевидностью стало казаться, что единственным по-настоящему преданным другом для него теперь остался лишь его старый пес Поль. Вагнер снова стал изгнанником…

В день отъезда Вагнера из Мюнхена, 10 декабря, Людвиг, страдая и чувствуя себя обязанным как-то сгладить обиду, нанесенную композитору баварским народом, написал еще одно письмо:

«Глубоко любимый, дорогой друг! Нельзя выразить словами ту боль, которая раздирает теперь мое сердце. Необходимо сделать все возможное, чтобы опровергнуть новые отвратительные газетные сообщения. Это слишком далеко зашло. За наши идеалы нужно вести постоянную борьбу, в этом мне не приходится Вас убеждать. Будем часто и много писать, прошу Вас об этом! Мы ведь знаем друг друга и не нарушим дружеских отношений, которые нас связывают. Во имя Вашего покоя должен был я поступить так, как поступил. Не судите обо мне несправедливо никогда — это причинило бы мне муки ада. Будьте счастливы, друг мой любимый! Да процветают Ваши создания! Глубокий сердечный привет от Вашего верного Людвига»[97].

14 декабря Людвиг, который никак не мог смириться с потерей друга, написал ему очередное письмо:

«Несчастные, слепые люди осмеливаются говорить о немилости. Они не имеют и не могут иметь никакого представления о нашей любви! Простите им, потому что они не знают, что творят! Они не знают, что Вы все для меня, что таким Вы были и останетесь для меня до самой смерти, что я любил Вас еще раньше, чем увидел Вас. Но я уверен, что мой друг знает меня, что его вера в меня никогда не поколеблется. О, напишите мне еще! Надеюсь Вас скоро увидеть. Любящий Вас искренне, горячо и

вечно Людвиг»[98].

Кстати, основываясь на простом прочтении переписки Людвига II и Вагнера, некоторые недобросовестные «исследователи» дошли до того, что стали обвинять в гомосексуализме не только Людвига II (об этой проблеме мы поговорим в свое время), но и… самого Вагнера, что говорит об их полной некомпетентности в вопросах психологии, а также совершенном незнании и непонимании исторических реалий того времени и личностей, о которых они берут на себя смелость рассуждать. Для эпистолярного стиля XIX века нет ничего необычного в подобных выспренних и чересчур возвышенных оборотах речи, столь непривычных и, пожалуй, даже режущих слух современного читателя своей кажущейся нарочитостью. В подтверждение этого достаточно обратиться к любому доступному эпистолярному источнику того времени, в особенности немецкоязычному, хотя бы к переписке И. В. Гете или Р. Шумана. Тогда так писали все, от экзальтированной барышни до классиков мировой литературы; подобный стиль был признаком хорошего художественного вкуса и литературного слога! Эпистолярное наследие короля и композитора не является исключением из общего правила.

После отъезда Вагнера Людвиг под предлогом болезни удалился в любимый Хоэншвангау и некоторое время не принимал никого. Среди дорогих ему образов, которые оживил для него Вагнер, Людвиг пытался найти успокоение. Он никак не мог понять, за что его лишили друга? Вновь и вновь он подходил к фортепьяно, клавиш которого касались руки его кумира, играя для него мелодии из «Лоэнгрина», и вспоминал о чудных вечерах, проведенных вместе в Лебедином замке. Возможно, и Вагнер, глядя в разлуке на подаренный ему Людвигом точный макет Хоэншвангау, который можно увидеть сегодня в доме-музее Вагнера — вилле «Ванфрид» в Байройте, вспоминал о том же…

До конца жизни Людвиг сохранил верность идеалам их дружбы, несмотря на неоднократные «конфликты на расстоянии» (в частности, мы уже упоминали, что король был глубоко уязвлен раскрывшимся обманом со стороны Вагнера, когда тот настоял на «свидетельских» показаниях Людвига II, опровергавших разгорающуюся любовную страсть к Козиме). И все-таки «это была лучшая пора его жизни, период надежд и ожиданий, веры в прекрасное и людей. Но королем Людвиг не переставал быть ни на одну минуту, и когда трон предъявлял свои права, ему приносилось в жертву все остальное. Мало-помалу «королевское», в том символе, в каком оно раз и навсегда выкристаллизовалось в

воображении Людвига, стало заслонять образ Вагнера»[99]. Постепенно культ композитора был заменен в сознании Людвига II культом короля — Вагнер уступил место Людовику XIV.

Они еще несколько раз встречались в Швейцарии и в Байройте — теперь уже Людвиг II был гостем Вагнера. Эти встречи практически ничего не значили, а были лишь данью памяти о былых мечтах. Но даже на расстоянии, даже после разочарования в его человеческих качествах и «смещения кумира с пьедестала» в угоду новому культу «Короля-Солнца» Людвиг всегда по мере сил стараться помогать Вагнеру во всех его начинаниях. И в глубине души тот не мог не чувствовать благодарности.

На фоне взаимоотношений Людвига II и Рихарда Вагнера сразу становится совершенно очевидно, что именно вынужденная разлука с Вагнером стала той роковой точкой отсчета, после которой Людвиг окончательно порвал с окружающим его миром. Конечно, это произошло далеко не сразу; фактически понадобились еще четыре года сомнений и мучительной борьбы с собой в тщетных попытках все-таки найти компромисс между желаемым и действительным. Людвигу пришлось пройти через две войны, через стремление обрести семью — другими словами, заменить рядом с собой Вагнера на новую родственную душу, — через окончательный крах «иллюзий монаршего подвига».

Но, повторяем, точка отсчета была определена. Именно с момента отъезда Вагнера Людвиг II возненавидел Мюнхен, даже уже всерьез захотел перенести столицу Баварии в Нюрнберг. Этот мир он так и сумел переустроить… Раз мир такой несовершенный, что он не принял Вагнера, то и Людвигу в нем больше делать нечего. Королю казалось, что именно он не сумел «сохранить» и «отстоять» Вагнера: Лоэнгрин снова одинок, он самоотверженно защищал честь Эльзы, но ему все равно пришлось признать поражение. А значит, отныне непонятый и отвергнутый подданными король будет в одиночестве служить великому Искусству, словно Парцифаль — Святому Граалю. Нужно лишь построить себе убежище (а может, и не одно) и скрыться в нем.

Кстати, мюнхенскую королевскую Резиденцию Людвиг никогда не любил и даже не рассматривал в качестве своего дома. Да, одно время он пытался максимально приблизить к своим вкусам ее интерьеры. В частности, в 1867 году в Резиденции был разбит знаменитый Зимний сад[100], специально для Людвига в этом же году заказано роскошное тронное кресло в Комнату для приемов. Тогда же Людвиг II перестроил и собственные апартаменты Резиденции. Можно сказать, что это были первые

попытки создать свой мир; от реконструкции личных апартаментов в Резиденции ведет прямая дорога к строительству новых замков. Кстати, глядя как на саму мебель, так и на интерьеры, запечатленные на фотографиях, можно заметить, что вкусы Людвига сформировались уже тогда. Любая из комнат Резиденции вполне вписалась бы и гармонировала с интерьерами его будущих замков. Особенно впечатляет Зимний сад — этот «дедушка» гротов Нойшванштайна и Линдерхофа. Вдоль берегов искусственного озера, по которому можно спокойно плавать на сохранившейся лодке, растут пальмы, увитые лианами, и другие тропические растения. Настоящий необитаемый остров посреди шума и суеты столичной придворной жизни! Кстати, ныне он навсегда перенесен в покой и уединение настоящего острова, где его можно увидеть в Музее Людвига II во дворце Херренкимзее.

Но все это уже не могло удовлетворить короля. Тем более что он не желал жить в Мюнхене — ведь этот город отверг Вагнера…

Вагнер и Людвиг II, как две одинаково заряженные частицы, оттолкнулись в противоположном направлении, придав друг другу определенный импульс. Жизнь короля отныне поворачивается в сторону своего трагического конца; жизнь композитора — к вершинам творчества и славы. Каждый из них выполнил по отношению к другому определенную миссию, после завершения которой, они — в эмоциональном плане — стали не нужны друг другу. Об этом говорят хотя бы те редкие, если можно так сказать «вымученные» встречи, происходившие скорее по инерции, чем вследствие действительной необходимости общения. При этом Людвиг продолжал снабжать Вагнера деньгами, от которых тот никогда не отказывался; они по-прежнему обменивались письмами, в которых клялись в вечной дружбе, но на самом деле этой былой сердечной доверительной дружбы больше не было. Людвиг переживал разрыв гораздо сильнее; Вагнер в целом утешился довольно быстро. Ему было не привыкать утрачивать свои иллюзии. Сначала его отвергла революция; теперь — королевская власть. Значит, надо встать над тем и над другим — над человечеством. И этому импульсу он обязан Людвигу II! При этом сам Людвиг постепенно встал на путь эскапизма,[101] а Вагнер вернулся к действительности, окончательно отрезвев от абстрактных мечтаний, и стал с удвоенной силой воплощать в жизнь свои идеалы — пусть смелые, зато вполне реальные и осуществимые.

Действие III
МЕЖДУ ДВУМЯ ВОЙНАМИ
(1866–1871 гг.)

Молчи, скрывайся и таи
И чувства и мечты свои —
Пускай в душевной глубине
Встают и заходят оне
Безмолвно, как звезды в ночи, —
Любуйся ими — и молчи.

Как сердцу высказать себя?
Другому как понять тебя?
Поймёт ли он, чем ты живёшь?
Мысль изречённая есть ложь.
Взрывая, возмутишь ключи, —
Питайся ими — и молчи.
Лишь жить в себе самом умей —

Есть целый мир в душе твоей
Таинственно-волшебных дум;
Их оглушит наружный шум,
Дневные разгонят лучи, —
Внимай их пенью — и молчи!..

Ф. И. Тютчев. Silentium!

Картина 1
Боевое крещение

Наступил 1866 год. Людвиг все еще пребывал в мрачном настроении из-за вынужденного отъезда Вагнера из Баварии. Но стремительно разворачивающийся политический кризис, ввергнувший в итоге Баварию в пучину военного конфликта, вскоре заставил короля полностью переключиться на нужды государства, забыв о собственных обидах и интересах.

Дело в том, что длительное противостояние между Пруссией и Австрией, начавшееся фактически еще с захвата Силезии прусскими войсками Фридриха Великого в 1742 году, вступило в критическую фазу. Авторитет Австрии, являвшейся официальной представительницей германских интересов на политической арене, падал. Пруссия, напротив, на этом фоне стремительно поднималась, приобретая негласный статус лидера в так называемом «немецком мире». Постепенно в Пруссии утвердилась вера в то, что ее призвание — объединение всей Германии. Вскоре явился и человек, способный осуществить эту высокую миссию, — в 1862 году министром-президентом[102] и министром иностранных дел Пруссии стал Отто фон Бисмарк.[103]

Обладая железной волей, настойчивостью в достижении целей, главной из которых было как раз объединение Германии, а также профессионализмом истинного дипломата, Бисмарк смог в кратчайшие сроки подняться на вершину политического пьедестала. В то же время амбиции Австрии не были подкреплены ничем, кроме «давних консервативных традиций». Попытки уладить противоречия мирным путем были изначально обречены на провал. По словам Бисмарка, «Австрия желает войны, чтобы или поправить финансы прусскими контрибуциями, или же извинить банкротство неудачей войны»[104]. Итак, война казалась неизбежной.

Современник тех событий, военный педагог и историк, представитель России при Прусской ставке Михаил Иванович Драгомиров (1830–1905) писал: «Борьба между Пруссией и Австрией началась не в 1866 году, и едва ли можно сказать, что она этим годом закончена. Пруссия выросла и растет за счет Австрии. Между ними вопрос победы или поражения есть вопрос жизни или смерти; при таком положении борьба может окончиться только с совершенным низложением которой-нибудь из них»[105].

При этом слишком «рьяную» политику Пруссии

поддерживали далеко не все. Властители мелких и средних германских государств отдавали предпочтение Австрии, боясь быть поглощенными в процессе объединения более сильной и агрессивной Пруссией. Бавария также не смогла остаться в стороне от этих «имперских баталий». И ее симпатии традиционно были отданы Австрии, не говоря о столь же традиционных антипатиях по отношению к Пруссии.

Забегая вперед, скажем, что Бавария все-таки была втянута Австрией в войну с последней, названную впоследствии Австропрусской, или Семинедельной войной. В цели данной книги не входит подробное изложение хода военных действий, тем более что роль Баварии в них в итоге оказалась, можно сказать, просто ничтожной. К тому же наш герой, Людвиг II, был изначально против любой военной бойни и до последнего оттягивал объявление мобилизации. При всем своем восхищении подвигами средневековых героев король питал чувство непреодолимого ужаса перед действительной перспективой войны. В ноте от 31 марта австрийскому и прусскому правительствам баварское правительство призывало воздержаться от военного конфликта, предлагая немедленно начать переговоры. Бавария выдвинула в качестве альтернативы единоличным притязаниям на «германское лидерство» Австрии и Пруссии свой план объединения страны — идею так называемой триады. Другими словами, предлагалось создать союз мелких и средних германских государств во главе с Баварией и объединить Германию под эгидой Австрии, Пруссии и Баварского союза. Но все эти попытки и призывы так ни к чему и не привели. И Пруссия, и Австрия недвусмысленно готовились к войне. 10 мая под давлением правительства и Людвиг II также был вынужден объявить мобилизацию.

Но тонкая натура короля была не в состоянии долго пребывать в атмосфере неотвратимо приближающегося военного конфликта. Он сделал отчаянную попытку вновь «убежать» от мира, объятого всеобщей враждой, к тихим радостям дружбы. Людвиг стал искать примирения с Вагнером, хотя фактически ссоры между ними как таковой не было.

К тому времени Вагнер уже нашел место в Швейцарии, где решил надолго поселиться. Свой выбор композитор остановил на идиллически красивом пригороде Люцерна под названием Трибшен (Tribschen). Однажды, гуляя по Трибшену в сопровождении приехавшей навестить его Козимы, Вагнер обратил внимание на одиноко стоявшую посреди тенистого парка виллу. 4 апреля, уже после отъезда Козимы, композитор посетил Трибшен еще раз и снял на шесть лет приглянувшуюся ему виллу

за 5000 франков. Стоит ли говорить, что эти деньги выделил для друга Людвиг II, решивший — возможно, в компенсацию за изгнание из Баварии — финансировать проживание Вагнера в Швейцарии.

Уже 22 мая, в свой 53-й день рождения, Вагнер, обустроившийся на новом месте, удостоился королевского визита. Людвиг II инкогнито, под именем Вальтера фон Штольцинга — героя вагнеровских «Нюрнбергских мейстерзингеров» — прибыл в Трибшен. Праздник удался на славу в тихом семейном кругу (Козима также присутствовала). Людвигу весьма понравилось «швейцарское убежище» Вагнера, а сам хозяин был польщен тем, что король не оставляет его своим вниманием. На несколько мгновений обоим показалось, что все интриги и недоразумения остались в прошлом. Однако, вернувшись в Баварию, Людвиг вновь почувствовал на себе, что королям запрещено отступать от светского этикета и запросто навещать «неблагонадежных особ». Скандал, разумеется, разразился, и стоило огромных трудов его замять.

Да и мюнхенская публика до сих пор не успокоилась и не забыла «оскорбления моральных устоев» со стороны Вагнера. 6 июня Ганс фон Бюлов подал Людвигу II прошение об отставке с поста королевского капельмейстера. Находиться на официальной службе в католической Баварии, при католическом королевском дворе, не имея безупречной репутации, было неслыханной дерзостью. А значит, оставаясь в Мюнхене, вновь пришлось бы изворачиваться, соблюдать видимость приличий и бесконечно врать общественности, прекрасно знающей правду, несмотря на все титанические усилия «заинтересованных сторон». Это было бессмысленно. Ганс разрывался между долгом служения высокому искусству (читай — вагнеровскому искусству) и собственными чувствами, с которыми, похоже, никто не собирался считаться. Кроме того, после откровенного объяснения с Козимой, заявившей мужу о необходимости развода, Ганс понял, что для него будет лучше уехать из мест, слишком болезненно напоминающих ему о его позоре и предательстве самых близких людей.

Король холодно принял эту отставку.

Впоследствии вспоминая перипетии того времени, Вагнер писал своему старому другу Петеру Корнелиусу:[106] «До сведения Его Величества были доведены слухи, позорящие честь госпожи ф. Б. (Козимы фон Бюлов. — М. З.). При таких условиях для нее оставалось только одно — порвать навсегда с Мюнхеном и добиться развода с мужем, имя и честь которого она хотела оградить от ненависти враждебных ей людей. Совершенно

разумно она советовала ему — еще несколько месяцев назад — оставить колебания и решиться на развод. Она полагала, что такой шаг создал бы более благоприятные условия для его дальнейшего пребывания в Мюнхене: тогда никто не имел бы права утверждать, что своим положением он обязан снисходительности супруги. (Находились «доброжелатели», которые действительно утверждали, что, прекрасно зная про измену жены, Бюлов остается с нею лишь для того, чтобы не потерять выгодное место дирижера Мюнхенского королевского придворного и национального театра. — АО.) Во имя этой цели она даже готова была принять на себя все жестокости бракоразводного процесса. Б. (Ганс фон Бюлов. — М. З.) поблагодарил ее, согласился с ее советом, но в свою очередь заявил, что все происходящее теперь в Мюнхене вызывает в нем сильнейшее отвращение, так что, при таких обстоятельствах, он все равно отказался бы от своего места. Относительно всего этого имеются документальные данные, переданные мною в надежные руки, и я оставил за собой право сослаться на них в случае необходимости».[107]

Итак, не успел Людвиг II вернуться из Швейцарии, как он вновь оказался втянут в водоворот светских сплетен и конфликтов. А вскоре ему уже стало вообще не до поиска тихих радостей мирной жизни.

Как мы уже упоминали, в надвигающейся войне Бавария выступала на стороне Австрии, с которой ее связывали давние политические обязательства. Фактическим поводом к началу прямых военных действий послужил конфликт между Австрией и Пруссией из-за Шлезвиг-Гольштейна. 14 июня сейм Германского Союза по предложению Австрии принял решение мобилизовать союзную армию против Пруссии. Бавария поддержала решение сейма и обязалась выставить свою армию численностью около 50 тыс. человек, а также согласовывать собственные военные действия с австрийским командованием. В свою очередь Австрия обещала не начинать переговоров с Пруссией без участия и согласия Баварии и всячески стараться, чтобы баварские потери были минимальными.

16 июня прусская армия начала вторжение в Ганновер, Гессен и Саксонию. 17 июня Австрия официально объявила войну Пруссии. Мобилизация же баварской армии еще продолжалась до 22 июня.

2 июля Людвиг II обратился к своему народу, заявляя, что целью войны является «сохранение общего германского отечества, как свободного и могущественного целого, упроченного союзом его князей и национальным представительством его племен,

сохранение Баварии, как самостоятельного и достойного члена великого немецкого отечества». Однако для Баварии начавшаяся война оказалась крайне неудачной.

Баварский главнокомандующий принц Карл,[108] которому подчинялись также южнонемецкие федеральные войска, спеша на помощь ганноверцам, узнал об их поражении в битве у Лангельзальцы (Langensalza) 28 июня. После этого прусская армия смогла форсировать наступление против австрийцев и саксонцев в Богемии. Баварские войска, неся потери, были вынуждены отступить к Киссингену (Kissingen). Поочередно сдав Швайнфурт (Schweinflirt) и Вюрцбург, баварцы отступали дальше к Нюрнбергу. 1 августа Нюрнберг был сдан прусским войскам…

После падения Нюрнберга баварское правительство заключило трехнедельное перемирие с Пруссией, вступающее в силу 2 августа. 22 августа между Баварией и Пруссией был заключен мирный договор, по которому Бавария должна была выплатить Пруссии 30 млн марок военной контрибуции. Кроме того, она уступала часть своих северных земель (хотя большого ущерба в смысле сокращения территории при этом не понесла).

23 августа в Праге, оккупированной прусскими войсками, был подписан Пражский мирный договор между Австрией и Пруссией, завершивший Австро-прусскую войну. Согласно этому договору Австрия соглашалась на «новое устройство Германии без участия Австрийской империи» и признавала создание Северогерманского Союза во главе с Пруссией. Также она отказывалась в пользу Пруссии от своих прав на Шлезвиг-Гольштейн. Фактически в результате так называемого Пражского мира Пруссия стала главенствующей державой среди немецких государств.

Что же касается баварской армии, то в ее неудачах в первую очередь были виновны ландтаг и Военное министерство Баварии.

Сокращение бюджета на военные нужды, еще до войны принятое ландтагом в согласии с Военным министерством, не позволило в свое время армии проводить маневры выше бригадного уровня. То есть армейские части не смогли отработать взаимодействие частей даже на дивизионном уровне, что было необходимо для проведения широкомасштабных военных действий в условиях войны. Кроме того, практически ни у одного баварского генерала, за исключением принца Карла, не было опыта командования крупными армейскими подразделениями.

Надо отдать должное Людвигу II: он смог правильно оценить уроки, преподанные войной, и еще до подписания мирного договора, 1 августа 1866 года, назначил нового военного

министра. Им стал барон Зигмунд фон Пранк,[109] которому было поручено проведение реформы баварской армии, завершившееся в 1868 году.

Но вместе с тем были и позитивные для Баварии результаты войны: между прусским и баварским правительствами был заключен наступательный и оборонительный союз, положивший начало действительному объединению Германии. Бавария получила в лице Пруссии мощного и влиятельного союзника. Людвиг II прекрасно понимал (что, кстати, характеризует его как дальновидного политика), что, несмотря ни на какие антипрусские настроения в обществе, союз с Пруссией — единственно возможный и верный путь для дальнейшего развития Баварии. Людвиг стал стремиться также к установлению личных отношений с Отто фон Бисмарком, которому сразу по окончании войны пожаловал орден Святого Губерта. Правда, дружественными эти отношения пока не были, а являлись лишь данью интересам страны.

Интересно отметить, что Бисмарк уже встречался лично с Людвигом II в 1863 году, когда тот еще был кронпринцем. В воспоминаниях «Железного канцлера» есть такие строки: «Во время нашего пребывания в Нимфенбурге 16 и 17 августа 1863 года моим постоянным соседом за столом был кронпринц, впоследствии король Людвиг II, сидевший обычно напротив своей матери. У меня создалось впечатление, что мыслями он уносился куда-то вдаль и лишь по временам, очнувшись, вспоминал о своем намерении вести со мной беседу, не выходившую за рамки обычных придворных разговоров. Тем не менее из всего, что он говорил, я мог заключить, что это натура живая и даровитая, исполненная мыслями о своем будущем (здесь и далее курсив мой. — М. З.). Когда беседа прерывалась, он смотрел мимо своей матери, в потолок и поспешно снова и снова опорожнял бокал с шампанским, который наполнялся с промедлением, вероятно, по приказанию его матери, так что принц неоднократно протягивал пустой бокал назад через плечо, и лишь тогда слуга нерешительно наполнял его. И в то время и впоследствии принц соблюдал в питье меру, но мне казалось, что окружающие наводили на него тоску и с помощью шампанского он хотел придать иное направление своим мыслям. Принц произвел на меня приятное впечатление, хотя я с некоторой досадой должен был сознаться, что мое старание быть приятным для него собеседником за столом оказалось бесплодным. Это — единственный раз в жизни, когда я имел случай лично встретиться с королем Людвигом, но с тех пор, как вскоре после этого (10 марта 1864 г.) он вступил на престол, и до его кончины

я поддерживал хорошие отношения с ним и находился в довольно оживленной переписке; у меня всегда было впечатление, что, как правитель, он хорошо разбирался в делах и разделял национальные немецкие убеждения, хотя и озабочен был преимущественно сохранением федеративного принципа имперской конституции и конституционных привилегий его страны».[110]

И это характеристика Людвига II, принадлежащая перу человека, которого трудно, вернее, невозможно заподозрить в излишней сентиментальности или необъективности по отношению к баварскому королю. Слишком уж непримиримым критикам этого монарха можно лишь посоветовать обратиться не к страницам «желтой прессы» и историческим анекдотам, а к свидетельствам современников столь же авторитетных, как Отто фон Бисмарк. Поэтому к взаимоотношениям Людвига и Бисмарка мы еще вернемся.

Итак, в 1866 году Людвиг II прошел свое «боевое крещение». При этом в душе впечатлительного молодого короля война оставила тяжелый осадок. Любые неудачи на фронте им воспринимались как неминуемая катастрофа и личная трагедия. Сам он не принимал в военных действиях никакого участия, но сразу по окончании войны предпринял свою первую и единственную поездку по стране с целью оказания помощи населению и осмотра мест, пострадавших от боев. Эта поездка оказалась для Людвига II поистине триумфальной. Повсюду его сопровождали восторженные толпы народа, превознося его красоту, ум, образованность и благородство. Куда бы он ни приехал, его встречали «шумные овации, искренность которых далеко переходила границы условных проявлений народной преданности. В необычайной наружности Людвига, в его искренней и умной речи, в сдержанной и полной величавого достоинства манере держать себя было что-то такое, что, несомненно, привлекало к нему сердце народа. Как бы ни были настойчивы и основательны слухи, возбуждавшие недовольство королем (ходили упорные слухи, что во время аудиенции у Людвига военного министра по поводу объявления войны король неожиданно прервал переговоры, вскочил на лошадь и умчался в неизвестном направлении; якобы он ездил в Трибшен к Вагнеру, чтобы получить в трудную минуту поддержку и совет своего друга; во всяком случае, король отсутствовал в течение нескольких дней, а юмористические журналы еще долго изощрялись на тему «страны, разыскивающей своего короля». — М. З.), стоило ему показаться, сказать несколько слов, как восторженные приветствия с неподдельной искренностью вновь

гремели ему навстречу. И если бы Людвиг хотел, он мог бы держать преданность народа на такой высоте, на какой никогда еще не стояла в Европе преданность народов своим монархам»[111].

Если бы Людвиг хотел… Он, несомненно, хотел этого. Тогда еще хотел…

Картина 2
«Это королевская невеста!»

Быстро преодолев последствия войны, баварцы с удвоенной силой отдались радостям мирной жизни. И венцом народного ликования должна была стать долгожданная свадьба любимого короля, которому его дед Людвиг I сказал в свое время: «Ты счастливый человек: тебе не может противостоять ни одна женщина». Действительно, почти двухметровому стройному красавцу, каким был Людвиг II, даже не нужно было являться королем (что уже само по себе делает любого мужчину самым желанным женихом в государстве), чтобы вокруг него не было недостатка в претендентках на руку и сердце. Вот только сердце романтического юноши по-прежнему оставалось свободным, и его галантность по отношению к женщинам была не более чем проявлением хорошего воспитания. Его душа принадлежала искусству, музыке и литературе. Он мог «влюбиться», например, в Кёльнский собор, в мелодию Вагнера, в героев средневекового предания или шиллеровской драмы. А реальные женщины «из плоти и крови» мало волновали его воображение.

Однако королю по статусу положено обзавестись женой и подарить своей стране наследника престола. Вдовствующая королева Мария уже давно переживала по поводу того, что ее сын до сих пор не женился. Правда, она не могла не видеть, что Людвиг не тот человек, который свяжет себя узами брака исключительно по политическим соображениям. Он, с детства увлекающийся рыцарскими легендами, тешил себя надеждой в реальности найти свою Прекрасную Даму.

И в связи с этим уместно одно небольшое отступление. История иногда дает повод к таким сюжетным поворотам, что сама подталкивает исследователя к недопустимому сослагательному наклонению «если бы»…

За два года до описываемых событий, летом 1864-го, в курортном городе Киссенгене Людвиг II принимал августейшую чету из России — императора Александра II с супругой Марией Александровной и их дочерью Великой княжной Марией. Если бы только предположить, что та встреча завершилась бы свадьбой! Если бы породнились Дома Романовых и Виттельсбахов! Если бы… Призрачные надежды на это были: по свидетельству очевидцев, Людвиг был необычайно оживлен и весел во время знакомства и последующего общения со своими августейшими гостями. Вместо предполагаемых трех дней он провел в

Киссенгене, где императорская семья отдыхала на водах, почти месяц, что мгновенно породило слухи о предстоящей свадьбе короля и русской Великой княжны. Но слухи остались лишь слухами. Справедливости ради, надо сказать, что дочери Александра II к тому времени исполнилось лишь 11 лет и вряд ли тут вообще уместно рассуждать о какой-либо возникшей внезапно страсти. Юный король был очарован вовсе не Великой княжной, а самой императрицей — умной, великолепно образованной женщиной с тонким художественным вкусом и богатым внутренним миром. Это подтверждается тем фактом, что ее изображения можно найти во всех дорогих сердцу короля местах его пребывания — от Нойшванштайна до Берга. Однако не следует искать в отношениях Людвига II и Марии Александровны любовной подоплеки. Существуют письменные источники, согласно которым Людвиг не просто называет российскую императрицу «своей подлинной матерью», но признается, что она «осенена для него ореолом святой», что «рядом с ней он чувствует себя принявшим таинство Причастия». Со своей стороны, на такое почти религиозное поклонение Мария Александровна отвечала искренними, ничем не замутненными материнскими чувствами. Нам, детям «окончательно испорченного XXI века», сейчас сложно понять и по-настоящему оценить красоту и чистоту общения баварского короля и российской императрицы, достойных настоящего восхищения! Кстати, Мария Александровна со своей свитой, состоящей из 26 человек, но уже без мужа и дочери, в сентябре 1868 года посетила Людвига II в его замке Берг. Она провела там целый месяц — замок был предоставлен Людвигом в полное ее распоряжение. Сам король все это время жил в небольшом домике при замке на берегу озера. Для Марии Александровны Людвиг устраивал праздники с фейерверками и музыкальными представлениями как в парке Берга, так и на острове Roseninsel (Остров Роз на Штарнбергском озере, где Максимилиан II построил для своего сына небольшую виллу, вокруг которой разбил сад с произрастающими там несколькими тысячами (!) розовых кустов). Возможно, в присутствии российской императрицы Людвиг II забывал даже о существовании Рихарда Вагнера! При отъезде Марии Александровны из Баварии Людвиг проводил ее до Инсбрука. И все! Как известно, история не допускает сослагательного наклонения…

Вернемся же к нашему повествованию. Итак, королева-мать продолжала томиться ожиданием свадьбы своего сына, как и весь баварский народ. И вот, наконец, в самом начале 1867 года Бавария была буквально потрясена великолепной новостью —

Людвиг II нашел достойную невесту. Король женится! Королева Мария ликует — отправлено официальное предложение родителям избранницы; 22 января состоялась помолвка; выбран день свадьбы: король будет венчаться 12 октября, в день, когда венчались и его дед, и его отец. Следование традициям, семейным и национальным, для истинного баварца едва ли не более важно, чем для англичанина с пресловутыми «незыблемыми английскими традициями».

Долгожданной невестой баварского короля стала принцесса Баварская герцогиня Баварская София Шарлотта Августа, сестра Елизаветы Австрийской. Скорее всего, именно последнее обстоятельство сыграло для Людвига решающую роль в выборе будущей жены. Ему казалось, что София напоминает Елизавету во всем — и внешне, и внутренне. Мы уже вскользь касались отношений, связывавших Людвига и Елизавету, которыми они очень дорожили. По возможности племянник и двоюродная тетушка всегда старались встретиться, когда Елизавета приезжала на родину. Чаще всего это происходило на берегах Штарнбергского озера, когда Людвиг отдыхал в замке Берг, а Елизавета — на противоположном берегу озера в замке Поссенхофен (Possenhofen), принадлежавшем ее отцу Максимилиану Баварскому (1808–1888) и купленном им в 1834 году. Это место было бесконечно дорого сердцу австрийской императрицы: здесь, в Поссенхофене, она родилась и провела свое детство. Елизавета и Людвиг, вплоть до самой смерти последнего, встречались на острове Roseninsel, куда король приплывал на своем пароходе «Тристан». Среди аромата роз две одинокие родственные души читали вслух любимых поэтов, размышляли, мечтали… Между Людвигом и Елизаветой было условлено давать знак о свидании ударом колокола, и если кто-либо не мог прийти в назначенное время, то другой оставлял для него письмо в почтовом ящике при вилле, ключ от которого был у обоих. В этих письмах Людвиг называл себя Орлом, а Елизавету — Голубкой…

Должно быть, Людвигу казалось, что родная сестра Елизаветы должна обладать такой же чуткой и романтической натурой. В то время Софии было 20 лет. И она действительно была настоящей красавицей. К тому же принцесса обладала приятным голосом, хорошо играла на фортепьяно, а главное — любила музыку Рихарда Вагнера! Чего же еще желать?

Но как бы ни ждали при баварском дворе объявление о свадьбе короля, скоропалительность принятого им решения изумила всех. «Объяснившись с принцессой на балу, он, ни с кем не посоветовавшись, прямо объявил, что женится на ней. Выбор

его был одобрен королевой-матерью, а появление затем в театре жениха и невесты вызвало всеобщий восторг».[112]

Людвиг действительно казался тогда по-настоящему влюбленным. И это ни в коем случае не было притворством; король никогда не был способен на неискренность даже из политических соображений, не говоря уже о сфере чувств. Что бы потом ни говорил даже сам Людвиг, не было это и самообманом: мол, под влиянием общественного мнения Людвиг выдал желаемое за действительное и сам себя заставил поверить в собственную любовь. Он никогда ничего не делал под влиянием общественного мнения, что в итоге и привело его к трагедии. Людвиг действительно полюбил, полюбил всем сердцем, со всей страстью порывистой эмоциональной натуры, для которой во внезапно вспыхнувших чувствах нет ничего из ряда вон выходящего. «Король окружил свою невесту таким ореолом романтизма, что все в стране поверили тому, что она воплощенная поэзия. Он заказал лучшему скульптору ее бюст и поставил его в своем зимнем саду. Затем один из лучших художников Мюнхена, портретист Barfus, по заказу короля, лично присутствовавшего на сеансах, писал портрет будущей королевы в подвенечном наряде; и раз, смотря на почти уже оконченный портрет, король воскликнул с восторгом: «Eine königliche Braut!»[113] Принцесса была изображена в кружевном платье, с подвенечным вуалем, и была очень похожа на свою сестру императрицу Елизавету (курсив мой. — М.З.)».[114] Поистине любовь Людвига II была подобна фейерверку — ослепительно вспыхнув, она, как мы увидим впоследствии, также быстро и потухла…

Одновременно с приготовлениями к свадьбе Людвиг II — на счастье и на несчастье Вагнера — не забывал о своем друге и кумире и старался сделать все возможное, чтобы его музыкальные драмы все же увидели свет рампы. Король не мог не заметить, что с отъездом Вагнера и четы фон Бюлов из Баварии антивагнеровские настроения среди мюнхенской публики постепенно улеглись и постановки его произведений перестали представлять собой угрозу публичного скандала и бунта. Более того, мюнхенцы внезапно возгордились, что являются современниками великого композитора, и сами пожелали видеть его творения на сцене родного города.

И вот 5 апреля 1867 года Вагнер приехал в Мюнхен для аудиенции у Людвига II. Он убеждал короля, что есть только один человек, способный самым наилучшим образом поставить в Мюнхене его произведения. И этот человек… Ганс фон Бюлов, «вагнеровский идеальный дирижер», как называл его сам Вагнер!

Людвиг не мог не понимать, что фон Бюлов действительно является одним из лучших дирижеров своего времени и может составить гордость баварского театрального искусства. Король дал свое согласие на возвращение в Мюнхен, тем более что семейный «вагнеровско-бюловский» скандал уже был отодвинут на второй план; после Австро-прусской войны о нем порядком подзабыли. Поэтому Гансу фон Бюлову отныне возвращался пост королевского капельмейстера. И более того — он назначался руководителем открывшейся в Мюнхене Королевской музыкальной школы. Вагнер поспешил в Базель, где после отставки Ганс преподавал фортепьяно, чтобы лично сообщить ему о переменах в настроении при баварском королевском дворе. Интересно отметить, что и Вагнер, и Ганс фон Бюлов, по крайней мере, на людях всегда делали вид, что их интересует одно лишь искусство, а взаимоотношения носят по-прежнему дружеско-деловой характер.

Вскоре фон Бюлов прибыл в Мюнхен и заступил на старую и новую должности. Козиме вновь пришлось, несмотря на принятые ею ранее решения, вернуться к мужу, развод с которым до сих пор не был получен, чтобы не подрывать новыми ненужными сплетнями готовящееся великое театральное предприятие.

Между тем 24 апреля в мюнхенской королевской Резиденции торжественно отмечалось 200-летие рыцарского ордена Святого Георга. Людвиг II впервые присутствовал на торжествах в качестве гроссмейстера; баварские владетельные государи традиционно являлись гроссмейстерами этого ордена. 22-летний монарх выглядел поистине великолепно в расшитой золотом голубой мантии, подбитой мехом горностая, и камзоле с золотым шитьем и рукавами, отороченными изысканными кружевами. Недаром на знаменитом посмертном портрете Людвига II (1887) кисти художника Габриеля Шахингера (Schachinger; 1850–1912) король изображен именно в этом роскошном гроссмейстерском одеянии ордена Святого Георга. Людвиг II был последним королем-рыцарем! Рыцарем, беззаветно преданным идее Высокого искусства.

Постановка «Тангейзера» в Мюнхенском королевском придворном и национальном театре под управлением Ганса фон Бюлова планировалась на лето 1867 года. Король пожелал, чтобы и Вагнер не просто присутствовал на премьере, но и принимал непосредственное участие в ее подготовке. 30 мая он уже снял для композитора усадьбу Престеле (Prestele) недалеко от Штарнберга, снова в непосредственной близости от своего замка Берг. Вагнер вынужден был подчиниться желанию короля и на время покинул покой Трибшена.

1 августа 1867 года с успехом прошла премьера «Тангейзера» на мюнхенской сцене. Надо отдать должное мужеству и таланту Ганса фон Бюлова: ради торжества искусства он был способен забыть нанесенную ему боль и с полной самоотдачей выкладывался как на репетициях, так и на самом спектакле. Во многом успех, сопутствующий мюнхенской премьере «Тангейзера», является заслугой Ганса фон Бюлова.

Вслед за «Тангейзером» было принято решение поставить «Лоэнгрина». Но тут случился совершенно неожиданный конфликт, повлекший за собой очередной виток охлаждения в отношениях композитора и короля. Людвиг II единолично решил заменить исполнителя главной партии. Первоначально предполагалось, что партию Лоэнгрина будет петь давний друг Вагнера Йозеф Тихачек.[115] Но королю показалось, что в роли лучезарного Лебединого рыцаря — образе, дорогом ему с детства! — более уместно будет выглядеть не 60-летний ветеран сцены, а гораздо более молодой исполнитель. И он настоял на кандидатуре восходящей звезды мюнхенской оперы Генриха Фогля (Vogl), не посоветовавшись с Вагнером. Вагнер был уязвлен вдвойне. Во-первых, он считал, что никто не имеет права вмешиваться в выбор певцов для его музыкальных драм — даже король! А во-вторых, чувствовал себя неловко перед Тихачеком, которому партия Лоэнгрина в мюнхенской постановке была уже обещана. Несмотря на то что Фогль впоследствии вполне оправдал доверие короля и прекрасно показал себя на спектакле, Вагнер, крайне раздраженный, немедленно покинул Мюнхен и вернулся в Трибшен.

Возможно, еще год назад король снова впал бы в отчаяние после очередной ссоры с «великим Рихардом», но ныне он был не одинок со своим горем, ныне рядом с ним была та, которая «понимает его, одинокого». Должна понимать…

Людвиг посчитал, что общество принцессы Софии, своей будущей жены, заменит для него общество строптивого композитора. Но сравнение сначала с Елизаветой Австрийской, а затем с Вагнером оказалось для Софии роковым. Как знать, если бы ее ни с кем не сравнивали, не ставили бы перед ней слишком высокую планку «небесного совершенства и гениальности», возможно, и не было бы у короля разочарований, повлекших за собой разрыв, который уже был не за горами? Пока же вся Бавария еще готовилась к королевской свадьбе.

«Не будучи так царственно хороша, как сестра, принцесса была грациозна и чрезвычайно мила. Спокойная глубина ее голубых глаз, стройность ее стана искупали некоторую неправильность черт ее лица. Ничто не могло быть

очаровательней этой пары! Молодая принцесса была так же популярна в народе, как и молодой король. По всей Европе, при всех дворах с симпатией смотрели на эту королевскую идиллию, так как слух о Людвиге II, идеалисте, мечтателе, артисте, — становился легендарным…

Эта пара, улыбавшаяся в витринах эстампных магазинов, казалась счастливым предзнаменованием. Все готовилось к брачным торжествам. Будущая королева составляла свой двор. Ее комнаты отделывались. Побывав летом на выставке в Париже, король много там закупил подарков своей невесте… Была даже готова парадная карета, стоившая, как говорили, более миллиона флоринов и возбуждавшая удивление и восторг всего города. (Сегодня свадебную карету Людвига II можно увидеть в Музее карет (Marstallmuseum) в Нимфенбурге. А роскошные королевские мантии, сшитые для церемонии венчания, — в Музее Людвига II в Херренкимзее. — М. З.) Государство заготовляло для рассылки по Баварии посвященные событию медали. Должны уже были начаться празднества. В это время стали распространяться тревожные слухи: свадьба отложена, а затем и совсем расстроена…»[116]

Действительно, вскоре восторг по поводу предстоящей свадьбы сменился в обществе недоумением. 12 октября свадьба не состоялась и откладывалась без объяснения причин на неопределенный срок. «Король беседовал с герцогиней Софией о музыке, о художестве. Танцевал с ней кадриль на балу принца Гогенлоэ; сидел подле нее в театре, а летом отвозил ее на своем пароходе «Тристан» по Штарнбергскому озеру к замку Possenhofen,[117] где в это время жила герцогская семья, наслаждавшаяся этими хорошими, полными надежд, днями. Отчего произошел разрыв? Предположений было столько, сколько мошек в воздухе; но настоящая причина так и осталась неизвестной..»[118]

Причина разрыва помолвки — одна из тайн Людвига II, унесенная им с собой в могилу. Предположений по этому поводу действительно было множество. Как мы уже говорили, одно из самых правдоподобных — София оказалась не соответствующей тому фантастическому идеальному образу, который родился в воображении короля. Да, в реальной жизни идеалу нет места! По воспоминаниям одного близкого к королю царедворца: «Король в его идеале представлял женщину таким высшим существом, — чуть не настоящим ангелом, — которому недостает только крыльев… а первая женщина, к которой он приблизился, не подошла, видимо, под его идеал. Я сам слышал, как он раз сказал: «Wenn Ich einmall heirathe, so suche Ich eine Königen, eine

Landes-mutter, und keine Herrin!»…[119] Король объявил, что его невеста его не любит и ему не верна».[120]

Еще до официального разрыва помолвки, 8 октября 1867 года, в письме к Козиме фон Бюлов Людвиг II уже делает попытку самооправдания, из которой становится понятно, что он все для себя решил: «Когда я летом часто писал моей кузине Софии о почитаемом и любимом ею Маэстро — нашем великом друге, — посылал ей книги, письма и т. д., ее мать из существующей между мной и ее дочерью корреспонденции узнала об этом и своим неуклюжим, недалеким умом решила, что это были обычные любовные письма. То, что речь шла о чисто духовных отношениях, эта Драконiха не могла даже вообразить, так как эти ограниченные люди все возвышенное меряют по собственной мерке. София, расположение которой ко мне было действительно настоящей любовью, чувствовала себя глубоко несчастной, когда слышала, что я не испытываю со своей стороны ничего подобного; из умиления и откровенного сострадания к ее печальному положению я сделал необдуманный шаг к помолвке. Я знаю ее с юности, искренне любил ее всегда как родственник как сестру, дарил ей мое доверие, мою дружбу; но нелюбовь (курсив мой. — М. З.)».[121]

Очень часто биографы Людвига II рисуют портрет Софии довольно непривлекательным: мол, она не обладала и десятой долей обаяния и вкуса своей сестры, ее любовь к музыке была не чем иным, как средством привлечь к себе внимание царственного жениха. А на самом деле она — всего лишь недалекая и корыстная (еще бы — хотела выйти замуж непременно за короля!) жеманная барышня. Поддавшись на внешнее сходство с Елизаветой, Людвиг на время был очарован Софией, но, пообщавшись с ней ближе, разочаровался и стал тяготиться ее обществом. А если к этому прибавить слухи о том, что он якобы застал принцессу в объятиях другого (то ли какого-то аббата, то ли грума — «источники» расходятся во мнениях), то общая картина складывается, увы, не в пользу Софии. К тому же ряд биографов[122] упоминают, что Людвиг в порыве гнева уничтожил портрет и бюст своей возлюбленной, что косвенно подтверждает слухи о неверности невесты. Правда, есть и другое мнение — София просто стала жертвой клеветы.

Еще говорили, что отец Софии герцог Максимилиан начал настаивать на ускорении свадьбы, прямо поставив вопрос: «Желает ли король назначить окончательный срок или возьмет свое слово назад?» Людвиг, не терпевший любого посягательства на свою свободу, тут же ухватился за предоставленную ему возможность, разорвал помолвку и отправил Софии письмо со

словами: «Твой жестокий отец разлучил нас».

Скорее всего, дело обстояло намного проще и прозаичнее. Наряду с разочарованием в Идеале сам Людвиг II внутренне был попросту не готов нести бремя брачной ответственности. Помните, как в фильме «Ирония судьбы, или С легким паром» герой Андрея Мягкова Женя Лукашин говорит: «Но как представлю, что она будет вечно мелькать у меня перед глазами туда-сюда, туда-сюда…» От своих невест Лукашин сбегал в Ленинград. Королю «бежать» было некуда. Людвиг искренне поверил, что в лице Софии встретил свой идеал, мгновенно воспламенился, также мгновенно остыл, но было уже поздно. Он представил себе, что «она будет вечно мелькать перед глазами», — и попросту испугался. Испытывая, так сказать, «синдром Лукашина», Людвиг сначала малодушно оттягивал свадьбу, а затем стал хвататься за любую соломинку, чтобы вовсе ее расстроить. Отсюда столь много противоречащих друг другу причин разрыва — настоящая-то причина была не в невесте, а в женихе. Эту версию косвенно подтверждает письмо, написанное Людвигом Софии сразу после разрыва помолвки: «Если ты в течение года не найдешь человека, с кем могла бы быть счастлива, тогда мы можем пожениться, если ты этого захочешь». Таким образом, чувство вины успокоено, «запасной аэродром» подготовлен. Трудно представить, чтобы Людвиг написал подобное, если бы действительно застал принцессу с другим.

К тому же София и не заслужила того, чтобы муссировать столь оскорбительную для ее памяти сплетню. Она и так была слишком несчастна в своей жизни. Оставим за рамками нашей истории действительно имевшую место романтическую влюбленность юной принцессы в мюнхенского фотографа Эдгара Ханфштенгеля (Hanfstaengl; 1842–1910), не принесшую ей ничего, кроме горя. Если она и изменяла своему жениху-королю, то лишь мысленно… В 1868 году София, фактически по настоянию родных, вышла замуж за Фернана де Бурбона Орлеанского герцога Алансонского (1844–1910), внука французского короля Луи Филиппа. Сказать, что брак оказался неудачным, — значит ничего не сказать. Но все страдания, которые ей пришлось пережить, лишь укрепили ее. Чистая и мудрая душа Софии нашла подлинное удовлетворение в благотворительности. О ее щедрости и бескорыстии ходили легенды. И из жизни она ушла, словно героиня эпической драмы. 4 мая 1897 года София погибла во время пожара на благотворительной ярмарке в Париже, с самоотверженностью и героизмом оставаясь в огне, твердо решив, что не будет спасаться сама до тех пор, пока с ее помощью не избегнут смертельной опасности все до последнего человека.

Кстати, вскоре после гибели Софии, 10 сентября 1898 года, смертельный удар в сердце, нанесенный анархистом Луиджи Лукени, сразил на набережной Женевы ее сестру, Елизавету Австрийскую. В свое время, сразу после похорон своего сына принца Рудольфа, покончившего с собой в замке Маейрлинг, Елизавета сказала: «Я хотела бы умереть от небольшой раны в сердце, через которую улетит моя душа. Но я хочу, чтобы это произошло вдали от тех, кого я люблю». Ее желание полностью исполнилось…

Так ушли из жизни две главные женщины в жизни Людвига II. Судьбы всех «вершин» этого своеобразного «любовного треугольника» на время пересекались, потом разошлись. И каждый из них до конца своих дней остался по-своему одиноким. Надо ли говорить, что Людвиг II так никогда и не женился…

И здесь мы подходим к одной довольно щекотливой теме, которую не имеем право обойти молчанием.

Практически неопровержимым считается тот факт, что Людвиг II был гомосексуалистом. Достаточно вспомнить уже упоминаемый нами фильм Лукино Висконти, где этой сюжетной линии отдано едва ли не основное внимание. (Правда, здесь необходимо учитывать, что, будучи гениальным художником, Висконти выражал в своих произведениях в первую очередь собственные внутренние переживания, другими словами — самого себя, поэтому его Людвиг имеет гораздо большее отношение к личности режиссера, чем к своему реальному прототипу.) На первый взгляд странное отношение короля к женщинам вполне объясняется с этой точки зрения. Но если бы все было так просто…

Людвиг II не напрасно хотел остаться в истории «вечной загадкой». Вопросов в отношении его личности гораздо больше, чем ответов. И нет ни одного неопровержимого факта гомосексуальной связи короля с кем бы то ни было! Более того, некоторые серьезные биографы Людвига II (например, F. Негге в своей книге «Ludwig II von Bayern. Sein Leben. Sein Land. Seine Zeit» [Stuttgart, 1986] и французский исследователь Ed. Fazy в книге «Louis II et Richard Wagner» [Paris, 1893]; необходимо также указать на воспоминания близких слуг Людвига II, собранные в издании «Endlich völlige Klarheit über den Toddes König Ludwig II», вышедшем вскоре после его гибели, в Лейпциге в 1887 году; к этому изданию мы еще вернемся) напрямую говорят о том, что король умер девственником.

По воспоминаниям одного из ближайших приближенных короля, «’’Мюнхенский листок» в июне 1886 года после кончины Людвига II поместил статью, в которой, подобно всем тогдашним

немецким газетам, спешившим набросать как можно более грязи на светлый образ короля, касаясь нравственности Людвига II, придает ему столько романтических вымыслов, сколько влезло в его фантазию! Легион людей, поклонявшихся Бахусу, Гамбринусу или обоим вместе, и ставивших на еще более высокий пьедестал богиню Венеру, — эти люди не в состоянии были даже поверить, чтобы такой красивый, молодой, здоровый человек, как Людвиг II, оставался равнодушен к женской красоте. Те, которым это поползновение так же необходимо, как еда, питье и сон, не допускали такого равнодушия Людвига II и награждали его в своем воображении всевозможными любовными похождениями исподтишка. Тут являются на сцену: то красивая мельничиха, то дочь рыбака, то певица, то драматическая актриса! Старый служитель короля, бывший при дворе с 1843 года, видевший рождение Людвига II и остававшийся при нем до конца его жизни, говорил, что он прозакладывает свою голову, что король как жил девственником, так им сошел и в могилу. «Поверьте мне, — говорил он, — у нас он был всегда на глазах, так что ни одна кошка не могла прокрасться в его спальню без того, чтобы мы о том не знали. Мне уже 70 лет; я состарился при короле и знаю его так же хорошо, как своего отца. Я ручаюсь головой за нравственную чистоту и полную невинность короля Людвига II. Все, что рассказывают о его любовных приключениях и разных страстях, — все это ложь и клевета!»»[123]

Убедительно, не правда ли? А вот еще более категоричные заявления: «Те, кто распускали разные гнусные клеветы про такого неуязвимого девственника, каким был Людвиг II, были так низки, что даже не заслуживают презрения!»[124]

«Те, кто знали Людвига II в 18 лет, говорят, что это был в высшей степени чистый, целомудренный, вдохновенный юноша, горячий сердцем романтик, в котором не было ничего дурного. И этот романтизм красной нитью прошел через всю его жизнь, постепенно развиваясь»[125].

Но откуда же тогда пошли слухи о нетрадиционной сексуальной ориентации короля, которая в его время считалась одним из самых позорных пороков? И на чем они, в конце концов, основаны? Здесь мы сталкиваемся с необходимостью попытаться понять одну из многих психологических граней такой сложной и противоречивой личности, какой был Людвиг II. Причем понять с позиций человека XIX века, да еще и живущего по возвышенным идеалам романтизированного Средневековья. Нам, людям XXI века, это сделать будет очень сложно, если не вообще невозможно! Уже одно то, что Людвиг II отличался строгой набожностью, которая просто не позволила бы ему пуститься на

скользкий путь порока и разврата, для нас, живущих в эпоху сексуальной революции, воинствующего атеизма и полного морального разложения, является непостижимым. Мы привыкли судить по себе, и Людвиг II с его идеалами для нас, без преувеличения, — человек с другой планеты. Он даже для своего времени уже «выбивался» из общих правил. Поэтому не приходится удивляться тому, что, когда новоявленного Дон Кихота не удалось «причесать» под всеобщий стандарт, он был объявлен сумасшедшим, а для достижения большего эффекта ему были приписаны еще и всевозможные пороки. Если не пытаться вникнуть в суть, а смотреть поверхностно, то почва для этого была исключительно благодатной.

Об эпистолярном стиле короля, во многом явившемся причиной грязных сплетен, мы уже говорили, не будем повторяться. Напомним лишь, что злословия именно по этому поводу начались только в XX веке — при жизни короля такой стиль переписки никого не удивлял. Гораздо большую пищу для слухов порождало другое: король постоянно приближал к себе различных актеров и деятелей искусств и давал им приют у себя во дворцах. И при этом избегал общества женщин! Современники вполне могли задаться вопросом: чем «эти актеришки» вообще занимаются там под покровом ночи — ведь в комнатах короля до рассвета горит свет?.. Слухов и сплетен было более чем достаточно. А что же происходило на деле?

Говоря о тонком художественном вкусе, следует помнить, что Людвиг II, пожалуй, как никто из своего окружения, был способен оценить настоящий большой талант, особенно в сфере любимого им сценического искусства. Отношение короля к Вагнеру мы уже подробно рассмотрели в предыдущей главе. Что же касается вообще приближения ко двору одаренных драматических актеров (такое поведение Людвига почти всегда не объяснялось ничем иным, кроме как гомосексуальными связями с этими самыми актерами), в частности Йозефа Кайнца, о котором мы еще будем в свое время говорить подробно, то это было не более чем желанием постоянно иметь при себе источник эстетического наслаждения. Сродни тому, как мы теперь покупаем диски с фильмами или музыкой, чтобы в любой момент нажать на кнопку и, не выходя из дому, получить удовольствие от любимого произведения. Такое предположение получает подтверждение и в воспоминаниях современников. «Любя пение и декламацию, Людвиг часто приглашал артистов и артисток (здесь и далее курсив мой. — М. З.) во дворец ночью, что всегда очень щедро оплачивалось. Но и здесь король не показывался лично: он слушал из соседней залы, из-за густой зелени, и даже свою

благодарность и одобрение передавал письменно или через секретаря. Но бывали случаи, когда увлечение игрой артиста переходило в личное знакомство с ним. Это случалось тогда, когда своей внешностью, манерами и голосом артист совершенно сливался со своей ролью»[126].

Людвиг II, будучи мечтательной и экзальтированной натурой (этого никто не собирается отрицать), вживался в атмосферу сценического произведения, и его фантазии нуждались в энергетической подпитке извне. Приглашая актеров ко двору, Людвиг, с определенного времени ведший ночной образ жизни, часто поднимал их среди ночи и просил прочитать какой-нибудь монолог или сцену, что они и выполняли. Людвиг действовал точно «по Станиславскому» — он любил не самих актеров, а их искусство. Их личность для короля не существовала, что не мешало ему награждать их дорогими подарками. «Я знаю артистку Маллингер, — однажды ответил Людвиг на вопрос о знакомстве с упомянутой актрисой. — Mademoiselle Маллингер мне не знакома!» Запомним это, так как, разбирая пресловутые отношения Людвига с Кайнцем, мы воочию увидим, что как раз они-то и являются в первую очередь прямым доказательством правоты нашего утверждения.

Что же касается отношений с женщинами и возвращаясь к несостоявшейся свадьбе, нельзя забывать о том, насколько Людвиг II дорожил своей внутренней свободой, ведь свободы внешней он, как король, глава государства, был лишен. Лишь оставаясь в одиночестве, Людвиг мог позволить себе быть самим собой. Женившись, он терял право на одиночество. Поэтому он искал — действительно искал! — женщину, которая бы не разрушила его внутренний мир, а гармонично дополнила бы его. Такую женщину Людвиг нашел лишь в лице Елизаветы Австрийской. Но брак между ними был невозможен. Хотя, скорее всего, именно вследствие этого их отношения и сохранили свою свежесть. Кроме того, как мы уже отмечали, чувства Людвига к Елизавете и Елизаветы к Людвигу вообще нельзя назвать любовью в эротикофизиологическом понимании этого слова. Это была дружба — искренняя, чистейшая, высокая. Тот, кто не верит в возможность дружбы между мужчиной и женщиной, пусть обратится к примеру Людвига II и Елизаветы Австрийской! Людвиг стал искать себе спутницу жизни, максимально похожую на Елизавету; причем в приоритете была именно не жена, а друг. Он честно пытался найти в Софии замену ее сестре. И конечно, потерпел неудачу: для такого максималиста, каким был Людвиг II, одно малейшее несоответствие идеальному образу — а в Софии, далеко не являвшейся «клонированной копией» своей

сестры, таких несоответствий было гораздо больше — разрушало возможность дальнейших отношений. «Воспитанный при очень католическом (так в тексте. — М.З.) мюнхенском дворе, в самой строгой дисциплине мысли, слова и нравов… схожий с теми героями Вагнера, с которыми он любил себя сравнивать, он был человеком, которому женщина внушала что-то вроде привлекательного ужаса. Как Зигфрид, преодолев все опасности, содрогнулся, открыв Валькирию-Брюнгильду, — точно так Людвиг II трепетал перед мыслью о любви к женщине. Он останавливался на краю бездны, полной для него опасности и тайны: перед сердцем женщины. Никогда не зная разврата, оставляющего неизгладимое пятно, слишком уважая себя, чтобы растрачивать свой идеал на мелкие интрижки, Людвиг II при своей красоте, молодости, положении, способных очаровывать самые возвышенные, не сдававшиеся другим, сердца, остался лучезарно-чистым и одиноким на своем троне. И это поражает даже еще более, чем его артистические вкусы и романтические замки. Такое глубокое чувство собственного достоинства представляет чудо в короле, поставленном среди всевозможных, самых опасных, предоставленных на его волю искушений. Он должен был бороться, чтобы завоевать уединение, тогда как другие люди борются, чтобы войти в самую середину искушений. Он должен был защищать себя против любовных натисков, которым всякий другой охотно бы уступил»[127]. Лучше и точнее не скажешь!

Упомянутый в цитате любовный натиск на красавца короля мог действительно испугать кого угодно. Очень скоро в личном знакомстве чуть ли не с любой женщиной Людвиг стал видеть посягательство на свою личность. К такому неутешительному выводу его привели далеко не беспочвенные фантазии, а многочисленные факты попыток прямого соблазнения юного короля со стороны хотя бы тех же самых актрис, которые и мысли не допускали о том, что короля интересует лишь их искусство. Людвиг принял сугубо оборонительную позицию; ему приходилось постоянно защищаться, чтобы не попасть в расставленные коварными интриганками сети. Поэтому-то в мужском обществе он чувствовал себя гораздо свободнее, а значит, и комфортнее; по крайней мере, мог себе позволить расслабиться и не искать во всем подвоха. Вот и все!

Но и среди мужчин Людвиг не нашел человека, полностью отвечавшего его высоким требованиям к дружбе. Увидев в своем новом знакомом образ Зигфрида или Дидье[128], Людвиг всем сердцем привязывался к нему. Постепенно розовые очки спадали, идеальный образ, созданный воображением короля, уступал

место реальной личности, приходило болезненное разочарование. Одно разочарование следовало за другим. Наконец, во имя сохранения внутренней свободы и покоя Людвиг вообще утвердился в убеждении, что идеальным жизненным спутником для него может быть только… он сам.

И здесь уместно уже говорить не о гомосексуализме, а о своеобразном нарциссизме Людвига II. Он был абсолютно самодостаточной личностью. Известная поговорка «мне хорошо наедине с моей библиотекой» в широком смысле как нельзя более подходит к характеристике личности баварского короля. Т. Новиков и А. Медведев в своем труде «Белый лебедь король Людвиг II» пишут: «Поставленный перед необходимостью выбора между любовью и троном, и все-таки избравший любовь, Людвиг I как художник разглядел во внуке удивительное сочетание Адониса и Нарцисса. Было бы странным, если бы недруги короля, иллюминаты[129], не стали по свойственной им методике комментировать и интерпретировать особенность Людвига, отмеченную его дедом. Они принялись распускать слухи о гомосексуальных наклонностях Людвига. Враги монархии не сомневались, что слухи, подобно смертоносным парам едкой кислоты, заменят ореол фантастичности и ауру таинственности, окружающую юного прекрасного короля, на миазмы приписываемых ему пороков. Франц Герре в книге «Людвиг II Баварский. Его жизнь, его страна, его время», выпущенной издательством «Weltbild» в 1995 году к 150-летию со дня рождения Людвига II,[130] замечает, что если и уместно говорить о гомофилии и гомоэротизме баварского короля, то исключительно как о направленных им на себя самого. Он утверждает, что Людвиг по своему облику представлял редкий для барочно-католической традиции тип пуританина. Вряд ли можно было найти какого-нибудь другого современника Людвига, с подобной ему тонкой душевной организацией, моральные устои которого были бы сравнимы с королевскими и также затруднили бы ему перешагнуть порог, отделяющий Эрос от Сексуса».

В заключение хочется отметить лишь одно: на сегодняшний день, при фактической недоступности для исследователей архива Дома Виттельсбахов, неопровержимых доказательств в пользу той или иной точки зрения по поднятому вопросу попросту не существует. В конце концов, как говорится, «свечку никто не держал». Но приведенные нами свидетельства, согласитесь, более убедительны, чем сплетни и «газетные утки», инспирированные явными недругами Людвига II. Для плодотворного продолжения дискуссии пусть сторонники теории о гомосексуализме короля приведут столь же авторитетные источники своей правоты! И

оговоримся сразу: то, что пресловутый, упоминаемый нами еще в предисловии «Дневник Людвига II» является грубой фальсификацией, доказано настолько бесспорно, что доверять ему в наше время может лишь тот, кто совершенно далек от исторической науки. Кроме того, необходимо помнить, что во времена Людвига II гомосексуализм считался одним из признаков психического заболевания. Поэтому для создания «полной картины» падения короля его враги просто обязаны были разыграть и эту карту. Вскоре мы подробно разберем, как они действовали, не стесняясь никакими средствами. Пока же остается с грустью констатировать, что недобросовестные «прокуроры» почти всегда оказываются гораздо сильнее любых, даже самых достоверных доводов «адвокатов».

Как бы там ни было, но начиная со времени несостоявшейся женитьбы Людвиг II всей душой отдается страсти, заменившей в его сердце страсть к женщине. Не найдя воплощения своих идеалов в живых людях, он сам стал воплощать их в каменных творениях, в своеобразных «Галатеях». Из настоящего король уходит в прошлое. Ныне он «женат» на своих, пока еще не построенных замках. И на этом поприще наш девственник стал поистине «многоженцем».

Картина 3
Второй Рейх против «параллельной Баварии»

Итак, с конца 1860-х годов — точкой отсчета определим 1867 год — Людвиг II начал строить свои замки, воплощая неосуществимую в реальности мечту. Он жаждал убежища от несправедливостей жизни, но не знал, каким должно стать идеальное убежище. Он искал, выбирая то один вариант, то другой. Может быть, еще и этим объясняется последующее многообразие и количество практически одновременно начатых проектов?

Фактически именно это «неуемное строительство» стоило королю трона. В том, что Людвиг II во второй половине XIX века вдруг занялся строительством замков, видели чуть ли не главное доказательство его безумия. Однако справедливости ради, стоит обратить внимание на одну особенность «циничного и прагматичного XIX века»: если в XVI–XVII веках по всей Европе существовала мода на кунсткамеры, то во времена Людвига II как раз началось повсеместное и повальное увлечение, с одной стороны, Востоком, а с другой — строительством псевдоготических «средневековых» замков. Людвиг отдал дань и тому и другому (пожалуй, лишь в этом его можно назвать «героем своего времени»).

Беда Людвига состояла в том, что он относился ко всему слишком серьезно. Его увлечение Востоком вылилось в глубокое изучение предмета; Людвиг перечитал огромное количество философской, исторической и культурологической литературы (библиотека короля поистине впечатляет, и есть документальные свидетельства того, что эти книги действительно были им прочитаны; некоторые даже по нескольку раз). Современники же Людвига увлекались в большинстве своем, так сказать, «европейским псевдо-Востоком». Они не утруждали себя изучением тонкостей восточных философий и ограничивались лишь внешними атрибутами: курением кальяна, ношением шелковых халатов, устройством «восточных комнат», аналогично тому, как в наше время в типовых панельных многоэтажках устраивают японские «сады камней».

Что же касается замков, то их строили уже не только короли и представители высшей аристократии, но и зажиточные купцы, банкиры и т. д. Другими словами, все, кто имел для столь дорогого увлечения достаточно средств. Хотя даже это было не

обязательно. Ради собственного замка люди влезали в долги, разорялись и все равно строили! Чтобы не быть голословными, приведем только два характерных примера (об «архитектурных чудачествах» Людвига I мы уже говорили).

На юге земли Северный Рейн — Вестфалия на склонах горы Дахенфельс (Drachenfels; букв. Гора Дракона) в живописном парке стоит замок Драхенбург (Drachenburg; букв. Замок Дракона). Он был построен по заказу Стефана фон Зартера (Sarter; 1833–1902) — разбогатевшего биржевого маклера из Бонна, получившего дворянский титул. Возводился замок в 1882–1884 годах, являясь «ровесником» людвиговских замков и, можно сказать, «братом» того же Нойшванштайна, с которым его роднит и архитектура (неоготика), и внутренняя атмосфера. Так, например, в Драхенбурге есть так называемая «Комната Нибелунгов», стены которой украшают фрески с изображением сцен из древних германских легенд. При этом ни о каком психическом заболевании удачливого финансиста фон Зартера никто не говорит!

Другой пример отсылает нас к резиденции Вельфов, одного из древнейших аристократических родов Германии, — замку Мариенбург (Marienburg; букв. Замок Марии), находящемуся в 20 км от Ганновера. Этот «родственник Нойшванштайна» был построен чуть раньше, в 1857–1867 годах, ганноверским королем Георгом V (1819–1878) в качестве подарка жене Марии Саксен-Альтенбургской (1818–1907). Мариенбург, кроме своей опять же неоготической архитектуры, примечателен еще и тем, что его хозяин имеет непосредственное отношение к так называемому фонду Вельфов, который сыграет в нашей истории далеко не последнюю роль. Дело в том, что в ходе Австро-прусской войны 1866 года королевство Ганновер было аннексировано Пруссией. Георг V был низложен, его имущество конфисковано, а он сам бежал сначала в Австрию, затем в Париж. Договором от 29 сентября 1867 года бывшему ганноверскому королю был выделен капитал в размере 48 млн марок. Однако во Франции Георг V, так и не смирившийся с потерей королевства, решил взять реванш и развернул бурную антипрусскую деятельность, включающую издание агитационной газеты «Situation» и даже набор в так называемый легион Вельфов — верную королю армию. Естественно, правительству Пруссии такие действия бывшего монарха никак не могли понравиться и, наконец, 2 марта 1868 года капитал Георга V был секвестрован. Эти средства и составили фонд Вельфов, доходом с которого стал чуть ли не единолично распоряжаться Отто фон Бисмарк. Заметим, что со стороны Бисмарка растрачивание фонда Вельфов (в частности,

деньги фонда шли на подкуп «нужных» людей и прессы, другими словами, использовались в качестве финансового давления) было абсолютно незаконным, так как фонд продолжал оставаться в собственности Ганноверского Дома. Правда, справедливости ради заметим, что семья Георга V не была оставлена без средств к существованию: уже после смерти короля, с 1879 года, его вдова королева Мария получала из того же фонда Вельфов ежегодную пенсию в размере 240 000 марок. Тайные же махинации Бисмарка вскрылись в 1892 году; разразился скандал… К этому вопросу мы еще вернемся.

Примеров замковых «новоделов» XIX века (кстати, мода на замки докатилась и до XXI века!) можно приводить еще много. Таким образом, в увлечении Людвига II строительством не было ничего экстраординарного.

И первым в ряду королевских «сказочных» замков называют величественный рыцарский средневековый Храм, каменное чудо, ныне носящее звучное имя Нойшванштайн (букв. Новый лебединый камень; это название замок получил уже после смерти Людвига II). «Отцом» и «матерью» его можно назвать Хоэншвангау, где Людвиг провел свое детство, и замок Вартбург в Тюрингии, построенный еще в XI веке. Согласно легенде, именно в нем проходили знаменитые средневековые состязания певцов-миннезингеров,[131] в одном из которых принимал участие Тангейзер.

1 июня 1867 года Людвиг II специально приехал в Вартбург, чтобы воочию увидеть «замок миннезингеров». В этом году как раз закончилась масштабная реконструкция Вартбурга, и он предстал перед королем во всей своей красе. В душе Людвига ожили воспоминания детства, проведенные в Хоэншвангау среди образов «преданий старины глубокой». Окунувшись в атмосферу подлинного Средневековья, король задумал построить свой замок, превосходящий по красоте и древний Вартбург, и современный ему Хоэншвангау.

Вернувшись из поездки, Людвиг буквально «заболел» идеей постройки собственного замка. На фоне этих радужных планов даже несколько смягчилась боль утраты — 29 февраля 1868 года в Ницце ушел из жизни Людвиг I. Правда, внук уже настолько отвык от общения с дедом, что известие о его смерти воспринял лишь с оттенком тихой грусти…

С местом строительства будущего замка Людвиг определился быстро: недалеко от родительского Хоэншвангау над ущельем Пэллат сохранились романтические руины старинной крепости Vorder-und-Hinterhohenschwangau. Красота и величие здешних мест, в которые Людвиг был влюблен с детства, окончательно

решили вопрос в пользу ущелья. «Орел» из писем к Елизавете Австрийской решил «свить» себе гнездо на горной вершине. Король обратился к мюнхенским художникам и архитекторам с предложением предоставить ему на утверждение проекты будущего замка. Особенно пришлись ему по душе акварели художника-декоратора Мюнхенского королевского придворного и национального театра Кристиана Янка (Jank; 1833–1888), создававшего в свое время эскизы для постановок опер Рихарда Вагнера. Может быть, это обстоятельство и сыграло в пользу Янка, уже имевшего опыт «оживлять» на сцене и самого Тангейзера, и всех вартбургских миннезингеров, вместе взятых?

Еще только задумав строительство, Людвиг не мог не поделиться со своим другом и наставником новыми планами. 13 мая 1868 года он написал Вагнеру: «Я намерен заново отстроить старые крепостные руины Хоэншвангау возле ущелья Пэллат[132] в подлинном стиле старых немецких рыцарских замков, и должен признать, что я с нетерпением ожидаю проживания там; там будет несколько удобных комнат для гостей с великолепным видом на горы Тироля и равнины… Это место — одно из красивейших, что только можно найти, священное и недоступное, достойный храм для божественного друга. Будут и напоминания о «Тангейзере»».[133] Тогда Людвиг планировал назвать свой замок «Новый Хоэншвангау» и лелеял надежду, что счастливые времена можно будет вернуть. Но сказка не повторяется…

Согласно первоначальному плану Кристиана Янка «Новый Хоэншвангау», который мы отныне во избежание путаницы будем все же называть более привычным для читателя «именем» Нойшванштайн, представлял собой небольшой готический замок с тонкими башенками, остроконечными крышами и центральным величественным донжоном. Но по мере дополнений и изменений в проекте он постепенно превращался из строгого готического «храма» в романтическую романскую цитадель.

Окончательно дорабатывали проект Янка архитекторы Эдуард Ридель (Riedel; 1813–1885), Георг фон Доллман (Dollmann; 1830–1895) и Юлиус Хофман (Hofmann; 1840–1896). И грандиозное строительство началось.

Скала, на которой планировалось возведение замка, была взорвана для того, чтобы образовалось плато, пригодное для строительных работ. Таким образом, «орлиное гнездо» опустилось примерно на 8 м. Затем к месту стройки проложили на 200-метровой высоте дорогу и трубопровод. И все же транспортировка на такую высоту строительных материалов требовала внедрения самых современных для того времени технологий. На плато был установлен подъемный механизм, поддерживаемый деревянными

лесами, с вагонетками, приводимыми в движение паровым двигателем, — одна из первых подобных конструкций в Германии! Некоторые технологические методы, используемые при строительстве Нойшванштайна, будут применяться еще через много лет при постройке другого «Орлиного гнезда» — резиденции Адольфа Гитлера на горе Кельштайн…

Кстати, необходимо отметить, что строительство королевского замка означало для местных жителей предложение новых рабочих мест — как для мужчин, так и для женщин. Только на постройке Нойшванштайна было занято более 200 строителей. А жительницы нескольких окрестных деревень еще в течение многих лет выполняли по эскизам художников и самого короля великолепные вышивки для портьер и штор. Над внешним и внутренним убранством всех королевских замков трудилось в общей сложности 57 архитекторов, художников, декораторов и ювелиров. Причем, вопреки сложившейся во многих странах традиции (включая и Россию), Людвиг II не стал выписывать мастеров, например, из «модных» Италии или Франции — как мы бы сейчас сказали, король «поддерживал исключительно отечественного производителя». К тому же «немалое внимание уделялось охране труда. За безопасностью при выполнении работ следила «Баварская ревизионная комиссия по паровым машинам» (в ее ведении находились не только машины). Была создана специальная страховая касса при «Объединении ремесленников королевского строительства Хоэншвангау». Его члены ежемесячно отчисляли часть своего заработка для выплаты «больничных»». [134] Так что для понимания якобы «необъяснимого феномена» любви простого народа к «безумному» королю иногда достаточно просто обратиться к сухой статистике. Король был поистине кормильцем для своих соседей-простолюдинов.

Наконец, 5 сентября 1869 года был заложен первый камень в фундамент «замка-мечты».

Практически одновременно с Нойшванштайном было начато еще одно строительство. Пораженный красотой местности заповедника Аммергебирге (Ammergebirge), в котором его отец Максимилиан II в свое время приобрел маленький охотничий домик, Людвиг решил построить здесь второе убежище. Посетив в период с 20 по 29 июля 1867 года Версаль, — напомним, что практически в это же время Людвиг ездил и в Вартбург — король загорелся идеей построить свой баварский Версаль. (Интересно отметить, что во Францию Людвиг II отправился инкогнито под именем графа фон Берга.)

«Новый Хоэншвангау» и «Новый Версаль», замок рыцаря Грааля и дворец Короля-Солнце! Уже две стороны личности

Людвига II — вернее, пока только две…

Хотя в то время Людвиг был еще далек от мечтаний о пышной королевской резиденции. На фоне грандиозных и величественных проектов Нойшванштайна Людвигу очень захотелось милого уютного места для отдохновения, для уединенных раздумий и мечтаний. Горный заповедник подходил для этого как нельзя лучше. Здесь до сих пор кажется, что даже сам воздух очищает душу от всего, что ее гнетет, и наполняет сердце покоем и тихой радостью. Наверное, недаром говорят о так называемых намоленных святых местах: местность, выбранная королем, расположена вблизи старинного монастыря Этталь (Ettal), основанного в 1330 году Людвигом IV и являющегося местом паломничества. Кроме того, всего 8 км отделяют ее от деревни Обераммергау, о которой мы уже упоминали.

Под руководством все того же архитектора Георга фон Доллмана, строившего Нойшванштайн, начиналось строительство нового замка, известного ныне как Линдерхоф. Кстати, термин «замок» традиционно закрепился за всеми постройками Людвига II, и мы будем продолжать их так называть, хотя в данном случае это скорее даже не замок и не дворец, а дворцовая вилла. Своим названием Линдерхоф обязан до сих пор сохранившейся вековой липе, которую можно увидеть напротив южного входа в замок: нем. Linde — «липа», Hof — «двор»; другими словами «Липовый двор». Сам Людвиг II предпочитал называть Линдерхоф «Малым Трианоном» по ассоциации со временами Людовика XIV (непосредственно «Баварский Версаль» найдет свое воплощение позднее на острове Херренинзель, купленном в 1873 году). Он даже дал своему замку еще одно название Meicost-Ettal, которое говорит, с одной стороны, о принадлежности территории монастырю Этталь, а с другой — является прямой анаграммой знаменитого выражения Людовика XIV «L'tat c'est moi».[135]

Первый план здания был сделан еще в 1868 году. И уже в 1869-м Людвиг начал перестройку охотничьего домика отца согласно своим вкусам и планам. Новый деревянный домик получил название «Королевская вилла». Забегая вперед, отметим, что в 1870–1871 годах к основному зданию было пристроено два крыла и почти закончена спальня, являющаяся связующим звеном целого проекта. Тогда «зарождающийся» дворец был переименован в «Альпийскую хижину».

Итак, начиная с 1867 года Людвиг II перешел от мечтаний к практическому их воплощению. В это время он одновременно подготавливает себе «убежища от жизни» и все еще предпринимает последние, можно сказать, безнадежные попытки окончательно не проиграть на «духовном фронте»: Вагнер вновь

был вызван в Баварию.

Свой 55-летний юбилей композитор отпраздновал в присутствии Людвига II, отношения с которым были восстановлены. На королевском пароходе «Тристан» они совершили поездку по Штарнбергскому озеру, а затем остановились на романтическом острове Розенинзель (Roseninsel), где был дан праздничный обед для приглашенных избранных гостей.

Но Вагнер был приглашен в Мюнхен не только ради празднования его юбилея: на сцене Мюнхенского королевского придворного и национального театра в то время готовилась премьера его новой оперы «Нюрнбергские мейстерзингеры», и король выразил желание, чтобы на спектакле присутствовал сам автор. На этот раз Вагнер вступил в баварскую столицу не как изгнанник, а как триумфатор. Сами мюнхенцы, которые еще совсем недавно угрожали чуть ли не революцией, если «злой гений короля» немедленно не покинет их город, теперь восторженно рукоплескали «светлому гению немецкой музыки». И все же это была не та окончательная победа над пошлостью, косностью и безвкусием публики, о которой мечтали Людвиг и Вагнер, не рождение нового человека, а просто отражение общего подъема национального самосознания в преддверии объединения Германии во Второй рейх; победа не духовная, а политическая. И если Вагнер после долгих лет гонения и унижений был действительно первое время опьянен столь явными выражениями восторга публики, то Людвиг своей тонко чувствующей душой уже давно понял бесполезность борьбы за человеческие души. Его неизбежное постепенное охлаждение к Вагнеру было на самом деле разочарованием в возможности победы их общего дела. Это доказывает, что король видел в Вагнере не столько человека, сколько в первую очередь проводника своих собственных духовных идеалов.

После долгих репетиций 21 июня 1868 года в Мюнхенском королевском придворном и национальном театре с заслуженным триумфом прошла премьера «Нюрнбергских мейстерзингеров». «Вчерашний спектакль был величественным торжеством, которое, вероятно, никогда больше не повторится. Все время я должен был сидеть рядом с королем, в его ложе, и оттуда отвечать на овации публики. Никогда и нигде никто не видел ничего подобного»[136], — вспоминал Вагнер. Мюнхенская публика приветствовала автора стоя, единодушно выказав ему свое расположение. Король пожелал, чтобы и последующие премьеры проходили исключительно на сцене Мюнхенского королевского придворного и национального театра. У Вагнера было на сей счет свое

собственное мнение, но он не стал раньше времени его высказывать и, вполне удовлетворенный успехом, вернулся в Швейцарию. Он вновь возжелал тихой семейной идиллии. Козима не заставила себя долго ждать, приехала в Трибшен, откуда написала Людвигу II о состоянии здоровья «любимого Рихарда»: «Он хорошо себя чувствует в Трибшене и вносит правку в биографию».[137] Напомним, что свою автобиографию Вагнер начал писать по просьбе Людвига И, и судьба этого произведения очень интересовала короля.

С отъездом Вагнера Людвиг целиком погрузился в проблемы строительства Нойшванштайна и Линдерхофа и почти на год оставил композитора в покое.

Лишь к лету 1869 года «трибшеновская идиллия» Вагнера была нарушена волнениями, связанными с желанием Людвига II непременно поставить в Мюнхене первую часть тетралогии «Кольцо нибелунга» — «Золото Рейна». И немедленно! Вагнер был категорически против, чтобы какая-либо из четырех драм ставилась отдельно от всего «Кольца». Но Людвиг II, которому Вагнер в свое время уже успел продать права на свое произведение, настаивал на постановке и не собирался ждать неопределенное время. Ведь вся тетралогия к тому времени еще не была закончена (Вагнер лишь начал работу над «Сумерками богов»), да и постановка полного «Кольца» в условиях Мюнхенского королевского придворного и национального театра была бы невозможна.

Конфликт с королем обострился тем, что из солидарности с желанием композитора друг Вагнера дирижер Ганс Рихтер (Richter) и исполнитель партии Вотана Франц Бетц (Betz) отказались от участия в спектакле. Репетиции были на время остановлены. Но лишь на время! Людвиг не отступился от своего желания и теперь был настроен решительно против «Вагнера и его сообщников». В свою очередь Вагнер, все еще находящийся в Трибшене, послал письмо с угрозами новому дирижеру Францу Вюльнеру (Wüllner): «Руки прочь от моей партитуры! Это я вам советую, господин; иначе убирайтесь к черту!»[138].

Но против желания монарха композитор оказался бессилен. Несмотря на демонстративную отстраненность Вагнера от подготовки спектакля, премьера «Золота Рейна» под управлением Вюльнера состоялась 22 сентября 1869 года и была встречена бурными овациями. Однако успех не принес Вагнеру никакого удовлетворения. На спектакль он не приехал и лишь с удвоенной силой взялся за разработку «Сумерек богов».

В это время своеобразным символом завершения определенного этапа жизненного пути стала для Вагнера

подготовка к печати законченного 1-го тома его мемуаров «Моя жизнь». Том был отдан в издательство Бофантини (Bofantini) в Базеле. Незадолго до Рождества книга вышла в свет. В качестве рождественского подарка первые экземпляры были отправлены Людвигу II и Листу, несмотря на все ссоры и взаимные обиды в уходящем году.

Новый виток скандала Вагнера с королем разразился уже весной 1870 года. Теперь Людвиг II объявил о подготовке к постановке «Валькирии». Вагнер неоднократно и недвусмысленно выражал свое мнение, что тетралогия должна ставиться только целиком, и никак иначе! На этот раз он, видя свою беспомощность, уже был согласен на компромисс: «Валькирия» может быть поставлена частным образом, лишь для одного короля, как уже бывало с другими произведениями, и не только Вагнера. Но Людвиг II оказался неумолим и настоял на публичной премьере в Мюнхенском королевском придворном и национальном театре. Возможно, такая непримиримая настойчивость по отношению к вагнеровским творениям была продиктована его все еще неудовлетворенным желанием сделать из Баварии «страну музыкантов». Тогда Вагнер, смирившись с неизбежным, предложил собственные услуги в качестве дирижера. Но Людвиг отказал Вагнеру и в этом, мотивируя свой отказ тем, что его связь с Козимой до сих пор не узаконена, и его приезд в Мюнхен может негативно сказаться на восприятии спектакля. И это после того, как предыдущие вагнеровские постановки прошли успешно, после того, как мюнхенская публика стоя приветствовала композитора после премьеры «Нюрнбергских мейстерзингеров» и никто даже и не вспомнил о скандале пятилетней давности! Предлог, мягко говоря, надуманный.

В эти дни Вагнер вновь с каким-то обреченным отчаянием стал мечтать о своем собственном театре, где никто не смог бы навязывать ему чужую волю…

Но, несмотря на все недоразумения, Вагнер в глубине души с благодарностью воспринимал все, что Людвиг II делал для него. А чтобы уже никто — даже сам король — не мог упрекнуть их в нарушении норм морали, 25 августа 1870 года, в день рождения Людвига II, Рихард и Козима заключили законный союз в протестантской церкви Люцерна (Козима к тому времени перешла из католичества в лютеранство и получила, наконец, долгожданный развод). Свидетелями на их бракосочетании были Ганс Рихтер и Мальвида фон Майзенбуг.[139] В своем дневнике Козима красноречиво написала: «Каждые 5000 лет случается счастье».[140]

Однако мы забежали слишком далеко вперед, и безоблачные

дни тогда сопутствовали далеко не всем. В целом 1870 год выдался очень тяжелым. Баварии грозил новый военный конфликт, и, кроме того, усилилось политическое противостояние внутри страны. Это были первые ростки того политического кризиса, который закончился для нашего героя столь трагически.

Как мы помним, после войны 1866 года Людвиг понял, что единственно возможный для Баварии путь — это сближение с Пруссией во имя объединения Германии. На этом пути Людвига всячески поддерживал — естественно, в первую очередь в своих интересах — Отто фон Бисмарк. В целом «Железный канцлер» симпатизировал баварскому королю, понимая и одобряя его политику, направленную на соблюдение интересов родной страны.

А эти интересы действительно определяли внешнюю политику Людвига II. Прекрасно понимая, что союз с Пруссией неизбежен, он пытался вступить в него на наиболее выгодных для Баварии условиях. Что в целом ему удалось. Насчет Бисмарка же король никогда не обольщался, признаваясь: «Бисмарк, кажется, хочет из Баварии сделать прусскую провинцию… И — увы!., когда-нибудь это ему удастся».[141]

Под влиянием Бисмарка, пообещавшего, что Бавария, вступив в союз с Пруссией, сохранит независимость и собственную армию, а также получит немалое денежное вознаграждение, Людвиг II начал проводить планомерную пропрусскую политику. Не следует сбрасывать со счетов то обстоятельство, что во многом Людвиг действовал, возможно, и против своих внутренних убеждений, но подчиняясь «голосу крови». Напомним, что его мать, королева Мария, была двоюродной сестрой Вильгельма I, а, стало быть, сам Людвиг приходился двоюродным племянником будущему германскому императору. Помня об этих родственных связях, Людвиг не особо кривил душой, когда писал своему двоюродному дяде следующие строки: «После того, как заключен между нами мир и утверждена крепкая и постоянная дружба между нашими государствами, хочется дать этому факту внешнее символическое выражение, и я предлагаю Вашему Королевскому Величеству совместно со мной владеть знаменитым замком Ваших предков в Нюрнберге.[142] Когда со шпиля этого общего родового замка взовьются рядом знамена Гогенцоллернов и Виттельсбахов, это будет символом того, что Пруссия и Бавария единодушно стоят на страже будущего Германии, которое через Ваше Королевское Величество направлено провидением по новым путям…»[143]

Но среди простого населения Баварии исконно жила национальная вражда к Пруссии, еще усилившаяся после войны

1866 года. Пропрусская политика Людвига II вызвала волну возмущения. Прибыв в Мюнхен на открытие ландтага, король встретил на улицах города вместо привычных восторженных оваций зловещее молчание. Но националистический протест баварцев против союза с Пруссией не оказал на уже принятое решение короля никакого влияния: он оставался тверд и непоколебим.

Еще 31 декабря 1866 года Людвиг назначил председателем Совета министров Баварии князя Хлодвига Карла Виктора фон Гогенлоэ-Шиллингсфюрста,[144] пламенного сторонника Бисмарка и единства Германии под главенством Пруссии. Однако политика князя фон Гогенлоэ к 1870 году расколола баварское общество на два враждующих лагеря: на сторону короля и министерства встали либералы, против — почти все родственники Людвига II, включая принца Луитпольда, аристократия, католики и консерваторы.

Кстати, тогда же при поддержке короля поднялись до высших государственных должностей граф Максимилиан Карл Теодор фон Хольнштайн (Holnstein aus Bayern; 1835–1895) и барон Йохан фон Лутц (Lutz; 1826–1890), который, кстати, к тому времени еще никаким бароном не был. Эти два человека сыграли слишком большую роль в судьбе Людвига И, поэтому мы не можем обойти молчанием их биографии.

Интересно отметить, что граф фон Хольнштайн и Лутц являли собой полные противоположности, начиная от происхождения и заканчивая характером и политическими убеждениями. И тем не менее в истории их имена оказались неразрывно связаны.

Граф являлся не просто потомственным аристократом, крупнейшим землевладельцем, баловнем судьбы, но и другом детства двух принцев — Людвига и Отто, верным товарищем их игр и забав. Он был внуком графа Франца Людвига фон Хольнштайна (1723–1780), внебрачного сына курфюрста Карла Альбрехта Баварского (1697–1745), императора Священной Римской империи (1742–1745). Отсюда и приставка к фамилии фон Хольнштайнов — «aus Bayern» — буквально «из Баварии». Тем более что Франц Людвиг, несмотря на то, что был незаконнорожденным, получил признанный баварский герб со знаменитыми сине-белыми ромбами Виттельсбахов. Таким образом, граф Максимилиан фактически «тоже Баскервиль», в нашем случае — Виттельсбах. Ассоциация со знаменитым произведением Конан Дойла «Собака Баскервилей» не случайна; вскоре мы убедимся, что литературный Стэплтон по коварству и изобретательности ничуть не уступает реальному графу фон

Хольнштайну.

Итак, граф происходил из знатнейшей аристократической семьи Баварии. Его отец, Карл Теодор фон Хольнштайн (1797–1857), был королевским камергером; мать слыла одной из первых красавиц королевства. Кстати, портрет матери графа Макса, как его чаще называли в «ближнем кругу» при дворе, графини Каролины фон Хольнштайн, урожденной баронессы фон Шпиринг (Spiering; 1815–1859), до сих пор украшает Галерею красавиц Людвига I в Нимфенбурге.

И вот тут мы подходим к одному событию, которое на первый взгляд можно было бы и вовсе не упоминать в связи с королем Людвигом. Дело в том, что красавица Каролина, мать Максимилиана, в 1836 году бросила его отца и сбежала с бароном Вильгельмом фон Кюнсбергом, за которого вышла замуж сразу после смерти законного супруга в 1857 году. Максимилиан воспитывался без матери, но ее предательство в итоге не могло остаться для него втайне, и, видимо, осознание того, что его предали, нанесло юной душе глубокую психологическую травму. «Граф Макс» научился ненавидеть и мстить. Сатисфакции за то, что при живой матери оставался сиротой, он ждал целых 27 лет! Наконец, случай представился. 23 декабря 1863 года Максимилиан убил на дуэли выстрелом в сердце барона Гуго Венцеля фон Штернбаха, мужа своей сводной сестры Вильгельмины, урожденной фон Кюнсберг, — дочери той женщины, которая его предала. В свое время друг детства короля Людвига решит, что и король его предал…

За дуэль граф был немедленно арестован и приговорен к двум годам тюрьмы. Но Людвиг не забыл старого приятеля. Уже 10 марта 1864 года фон Хольнштайн был помилован и освобожден. Напомним, что именно 10 марта после скоропостижной кончины своего отца Людвиг стал королем, а значит, помилование фон Хольнштайна явилось первым поступком, совершенным им по вступлении на престол. «Под знаком фон Хольнштайна» началось царствование Людвига II, с ним же будет связан его трагический конец. Этот человек — поистине «черный гений» баварского короля!

В 1866 году Людвиг окончательно приблизил графа ко двору, назначив своим оберштальмейстером. Вскоре фон Хольнштайн стал имперским советником и одним из наиболее влиятельных политиков. Кроме того, он был почетным членом Мальтийского ордена. А главное — он по-прежнему был другом короля, с которым приятно беседовать и путешествовать (именно он сопровождал Людвига в поездке в Версаль в 1867 году), которому можно доверять…

В свою очередь, Лутц, внук простого крестьянина и сын учителя музыки, всего добивался сам. Получив юридическое образование, он в 1854 году стал асессором окружного и городского суда в Нюрнберге. Но упорство и трудолюбие делали свое дело, и Лутц постепенно и неуклонно поднимался по карьерной лестнице. Переехав в Мюнхен, молодой перспективный юрист был неожиданно замечен королем Максимилианом II, который в 1863 году назначил его секретарем в составе секретариата Кабинета министров и своим помощником. После смерти Максимилиана Лутц не был обделен благосклонностью нового короля. В 1866 году он стал первым кабинет-секретарем Людвига II, сменив на этой должности Пфистермайстера, и главой личной королевской канцелярии. В этом же году Лутц получил за заслуги перед короной личное дворянство. С 1867 по 1871 год он занимал должность министра юстиции и одновременно — с 1869 года — министра по делам Церкви.

Как раз в это время набирало силу одно из направлений политики Бисмарка, получившее впоследствии название «Культуркампф» (нем. Kulturkampf, букв, «борьба за культуру»). Целью «Культуркампфа» было максимальное ослабление политической роли католической церкви и полное подчинение духовенства правительству. Правительство Бисмарка проводило эту политику неукоснительно и планомерно. Так, в декабре 1871 года в рамках «Культуркампфа» был принят закон о запрещении священникам вести политическую агитацию; в марте 1872 года — закон о лишении духовенства права надзора над школами. 4 июля этого же года было решено законодательно изгнать из Германии иезуитов; в руки государства были переданы полномочия подготовки и назначения духовных лиц на должности (1873), а также ограничены права Церкви накладывать наказания на священнослужителей и на верующих (1874). Наконец, 6 февраля 1875 года был принят закон о гражданском браке и распущены почти все католические ордена.[145] Все эти законы принимались Рейхстагом Германской империи, а следовательно, были обязательны к исполнению на территории всех государств Второго рейха, включая и «независимую» Баварию.

Пламенным сторонником политики «Культуркампфа» выступил Лутц, который в свою очередь стал планомерно выдвигать проекты законов против иезуитов.

При этом среди противников Людвига II и в целом непопулярной в исконно католической Баварии политики «Культуркампфа», которой он не столько сочувствовал, сколько не препятствовал, считая, что религию и политические игры

смешивать вообще нельзя, особенно выделилась клерикальная партия ультрамонтанов. Ультрамонтанство (от um. papa ultramontano — «папа из-за гор» (имеются в виду Альпы), идеология и течение в римско-католической церкви, выступавшие за жесткое подчинение национальных католических церквей папе римскому, а также защищавшие верховную власть пап над светскими государями Европы. Кстати, некоторые биографы Людвига II[146] настаивают на том, что во главе баварских ультрамонтанов стоял принц Луитпольд, ревностный католик, что делает его вражду к родному племяннику не только политической, но и идеологической. Вспомним, что в свое время Луитпольд отказался от греческой короны только лишь из-за того, что для этого нужно было сменить веру.

Людвиг II, также будучи ревностным католиком, тем не менее не признавал доктрину о непогрешимости папы и хотел сломить оппозицию в лице ультрамонтанов. Он снова призвал ко двору Иоганна Йозефа Игнаца фон Деллингера (Döllinger; 1799–1890). Известному католическому священнику, историку Церкви и богослову было к тому времени уже 70 лет. Он обладал непререкаемым авторитетом среди так называемого движения старо-католиков, что заставило даже папу Пия IX однажды в сердцах воскликнуть: «Я очень хорошо знаю, что не имею никакой власти в Германии, что Деллингер немецкий папа!»[147].

Интересно отметить, что первоначально Деллингер стоял на позициях ультрамонтанов. Он был одним из лидеров так называемого «Католического движения», выступавшего против стремления германских властей подчинить религию и Церковь в Германии своим политическим целям. Однако постепенно он начал отходить от идеологии ультрамонтанства. Уже в 1849 году на собрании Католического союза Германии в Регенсбурге Деллингер произнёс пламенную речь Die Freiheit der Kirche («Свобода Церкви»), где изложил идею автономии немецкого епископата от Рима. Он настаивал лишь на том, чтобы эта автономия ни в коем случае не препятствовала общему католическому единству. В 1857 году после путешествия в Италию Деллингер окончательно порвал с ультрамонтанами. Вскоре он стал идейным вождём либеральной партии, противостоявшей ультрамонтанам. Его книга Der Papst und das Konzil (1869) была занесена в Индекс запрещенных книг.

В день рождения Дёллингера 28 февраля 1870 года Людвиг II написал ему теплое письмо: «Я желаю вам много лет жизни, полных сил и здоровья, чтобы вы могли продолжать бороться в честь религии и науки и для истинного блага Церкви и государства. Не падайте духом! Не отказывайтесь от борьбы! На

вас устремлены глаза миллионов людей в надежде, что вы ниспровергните интриги иезуитов и восстановите победу света над тьмой!»[148]

Кстати, ровно через год, 28 февраля 1871 года, король написал Деллингеру следующее: «Я горжусь тем, что в числе баварцев я вижу такого человека, как вы!.. Вы, вы скала Церкви! Все католики, живущие в духе Создателя нашей святой религии, должны смотреть на вас с непоколебимой доверчивостью и глубоким уважением».[149]

В то же время, в 1871 году, архиепископ Мюнхенский Грегор фон Шерр (именно он 15 октября 1875 года освятил скульптурную группу «Распятие» в Обераммергау) отлучил Деллингера от Церкви.

Одновременно благодаря стараниям Деллингера, поддерживаемого Людвигом II, в 1872 году, еще до вступления в силу «закона Лутца» о запрещении всех их организаций, иезуиты были лишены возможности преподавать на территории Баварии. В 1873 году, признавая несомненные заслуги и неподкупную честность старого священника, Людвиг II назначил Деллингера президентом Баварской академии наук.

Биограф Людвига II Карл Теодор фон Хайгель отмечает, что, искренне веря в Бога, Людвиг был начисто лишен фанатизма, презирал все религиозные ссоры и споры и обладал широкими взглядами истинного христианина. Пожалуй, самым наглядным примером, доказывающим правоту этого утверждения, является маленькая молельня Людвига II в Хоэншвангау, которую можно увидеть и сегодня. В ней находится скульптурное изображение головы Спасителя в терновом венце работы великого датского скульптора Торвальдсена. По обе стороны от распятия на крошечном престоле стоят две иконы в золотых ризах, заставляющие русского туриста невольно проникнутся трепетным благоговением: это Казанская икона Богоматери и икона Святого Николая Чудотворца — подарки российского императора Александра II. То, что в молельне короля православные иконы соседствуют с католическими святынями, показывает, насколько широкими взглядами истинного христианина обладал Людвиг II, с одинаковым почтением относясь к христианской вере в целом, не делая принципиальных различий между конфессиями. Эта черта очень ярко характеризует личность монарха!

Кстати, еще 24 апреля 1867 года, впервые присутствуя на собрании ордена Святого Георга в качестве гроссмейстера, Людвиг II выразил желание, чтобы целью ордена стало общехристианское милосердие. В качестве первого шага по этому святому пути король предложил учредить больницу для всех

страждущих «без различия национальности и вероисповедания». Именно стараниями короля во время Франко-прусской войны были построены госпитали для раненых также «без различия национальности и вероисповедания».

Другой биограф Людвига II (кстати, являющийся его противником!), пастор Фридрих Ламперт, отмечает: «В последнее время рассказывают, что Людвиг II хотел сделать кое-какие изменения в своем молитвеннике. Интересуясь византийским стилем, он и обложку на своем молитвеннике заказал одному мюнхенскому художнику в византийском стиле. Однако книга эта так и не попала в руки короля, так как была окончена только после его смерти и продана художником в Англию. В замке Нойшванштайн каждый вечер подле кровати короля ставили маленький, так называемый русский, переносной алтарик; а в головах его кровати висел образ Богоматери с Младенцем в византийском стиле… В последние годы своего царствования Людвиг очень часто причащался, в особенности в великие праздники. Но по мере того, как развивалось его «человеконенавистничество», он очень редко, не более двух раз во все время, причащался в придворной капелле, при торжественной процессии, но чаще всего в какой-нибудь деревенской церкви, стоя неузнаваемым среди других прихожан».[150]

Интересно отметить, что, стараясь истолковывать все поступки короля лишь в черном свете, Ламперт против воли отдает должное чистоте его натуры. Смиренная молитва среди простого народа, без шумихи и помпы, никак не согласуется с «человеконенавистничеством». Этот факт говорит лишь о том, что король, будучи истинным христианином, не терпел превращения таинства богослужения в придворное театрализованное представление, предпочитая конкретными богоугодными деяниями доказывать свою веру.

Собственное политическое кредо Людвиг II также выразил в свое время предельно ясно: «Справедливое решение социальных вопросов в моей стране я ставлю чрезвычайно высоко, поэтому даже если бы я мог силой оружия стать властителем Европы, то не хотел бы нести ответственность за жизнь хотя бы одного из моих подданных, потерянную ради достижения эгоистичных целей».[151]

Однако политические страсти разгорались. Одним из вождей баварской партии ультрамонтанов стал Йозеф Эдмунд Йорг (Jörg; 1819–1901). Еще 1865 году он был избран членом баварской палаты депутатов. В феврале 1870 года его действия способствовали смещению князя Гогенлоэ с поста председателя Совета министров Баварии. Однако движение в сторону баварско-

прусского союза было уже не остановить — несмотря на победу над князем Гогенлоэ, Йорг не мог ни добиться нейтралитета Баварии в начинавшейся Франко-прусской войне, ни воспрепятствовать основанию Германской империи — Второго рейха.

К тому времени Пруссия стремилась не только расширить Северогерманский союз и объединить все германские земли под своей эгидой, но и ослабить свою давнюю противницу Францию, которая в свою очередь пыталась не допустить образования единой и сильной Германии. Военный конфликт был неизбежен. Формальным поводом к нему стали претензии на испанский престол князя Леопольда Гогенцоллерна-Зигмарингена,[152] поддержанные прусским королем Вильгельмом. В Париже с возмущением восприняли притязания Леопольда. Наполеон III заставил его отказаться от испанского престола. Отказ по решению французского посольства должен был быть одобрен и Вильгельмом. Более того, Франция выдвинула требование к прусскому королю дать обязательство запретить Леопольду вообще когда-либо принимать испанский престол. Это требование не только нарушало дипломатический этикет, но и оскорбляло лично самого Вильгельма. Прусский король отказал французскому послу в аудиенции, пообещав, правда, вернуться к этому вопросу позже. Но Бисмарка не устраивала «страусиная» политика короля, пытавшегося избежать открытого противостояния с Францией. Бисмарк по собственной инициативе дал в широкую печать депешу, согласно которой Вильгельм «отказал принять французского посла и велел передать, что более не имеет ничего сообщить ему». Узнав об этом, возмущенные в свою очередь французские депутаты почти единогласно тут же проголосовали за войну против Пруссии, которая и была объявлена 19 июля 1870 года.

Дом Виттельсбахов. Роспись по фарфору Ф. К. Таллмайера. 1880 г.

Людвиг I, дед Людвига II. Художник Й. К. Штилер. 1825 г.

Тереза Саксен-Альтенбургская, бабушка Людвига II. Художник К. Барт

Максимилиан II, отец Людвига II. Художник Й. Бернхард

Мария Прусская, мать Людвига II. Художник Й. К. Штилер. 1843 г.

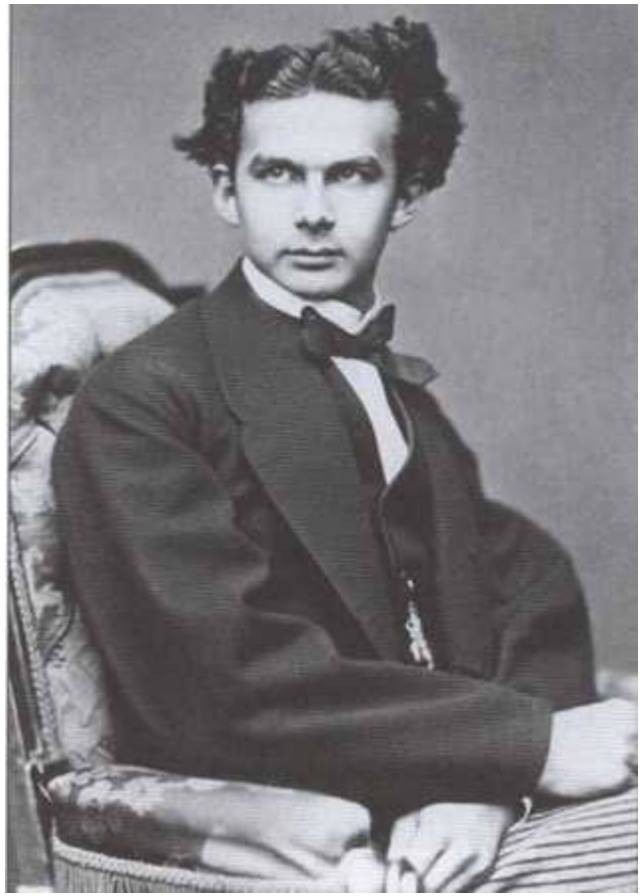
Кронпринц Людвиг с барабаном и кубиками. Фотография 1855 г.

Кронпринц Людвиг. Рисунок А. Гротефенда. 1846 г.

Мраморные бюсты кронпринца Людвига и принца Отто. Скульптор И. Хальбиг. 1855 г.

Вильгельм Гессен-Дармштадтский, принц Отто и кронпринц Людвиг. Фотография Й. Альберта. 1863 г.

Замок Хоеншвангау. Фотография автора

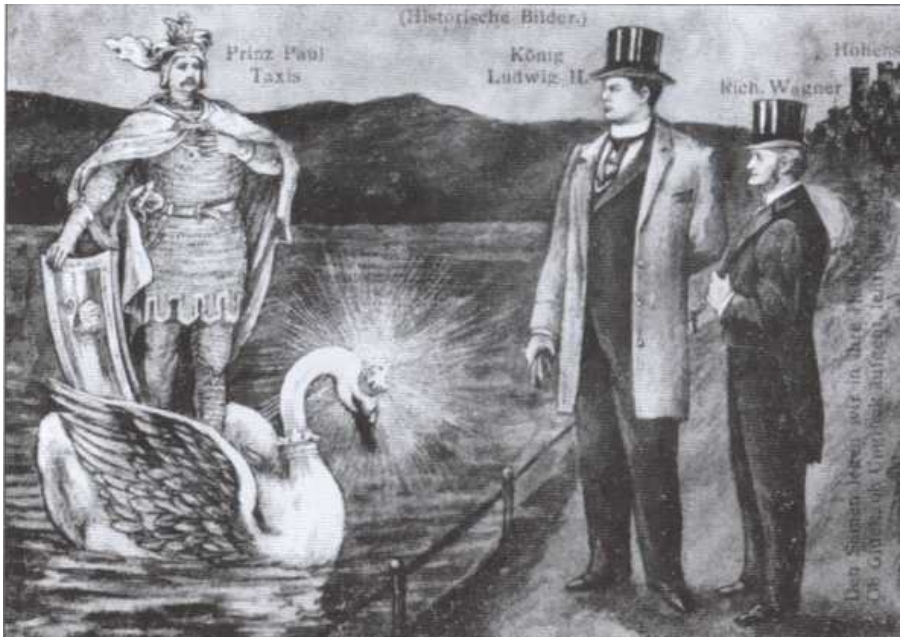


Король Людвиг II. Фотография 1867 г.

Скульптурная группа «Распятие» в Обераммергау. Фотография автора

Елизавета Баварская, будущая императрица Австрии, в Поссенхофене. Художник К. Т. фон Пилоти. 1853 г.

Рихард Вагнер. Художник Ф. Ленбах. 1874 г.



Праздник Лоэнгрина на Альпзее в 1865 году. Открытка 1900-х гг.

Вилла «Ванфрид» в Байройте. Фотография автора

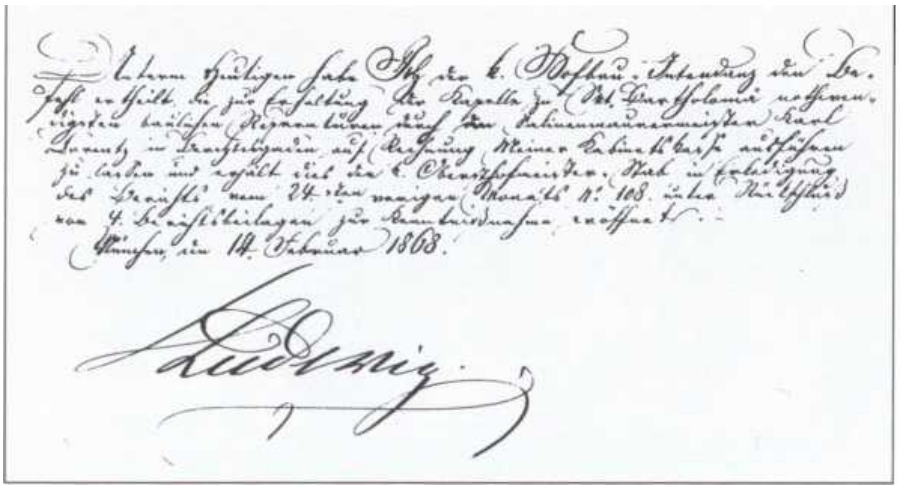
Король Людвиг II со своей невестой Софией Баварской. Фотография Й. Альберта. 1867 г.

Семьи королевских и герцогских Домов Виттельсбахов. Фотография Й. Альберта. 1863 г.

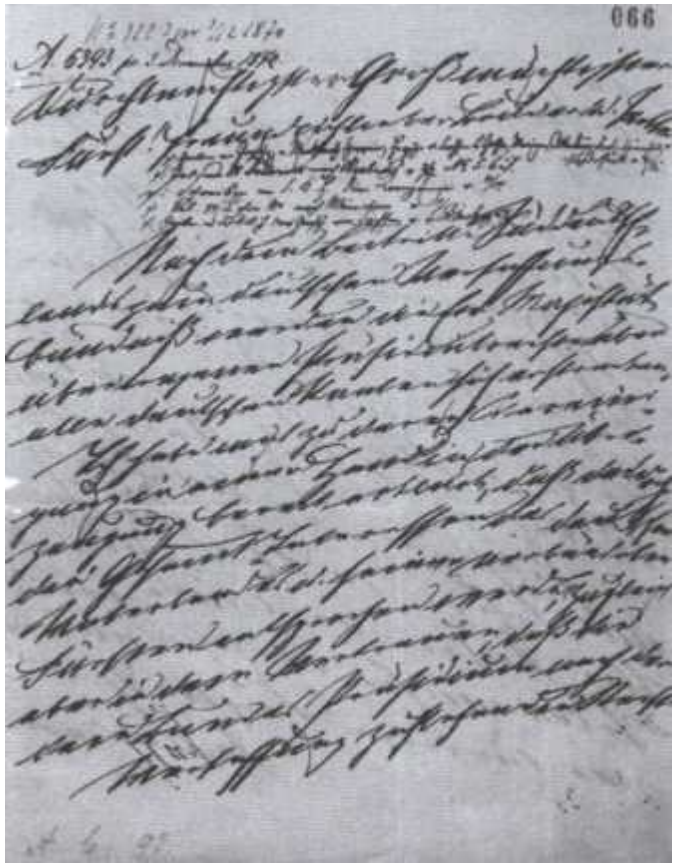
Замок Нойшванштайн. Фотография автора

Замок Линдерхоф. Фотография 1887 г.

Замок Херренкимзее. Фотография автора



Автограф Людвига II



Автограф письма Людвига II к Вильгельму Прусскому

Отто фон Бисмарк

Король Людвиг II и Йозеф Кайнц. Фотография 1881 г.

«Замок» Шахен. Историческая фотография

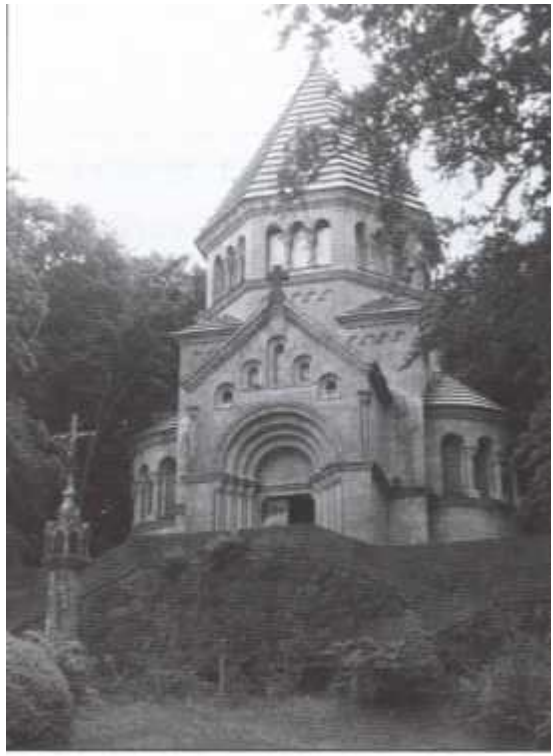
Людвиг II в одеянии гроссмейстера ордена Святого Георга. Художник Г. Шахингер. 1887 г.

Принц Луитпольд, будущий принц-регент. Фотография 1885 г.

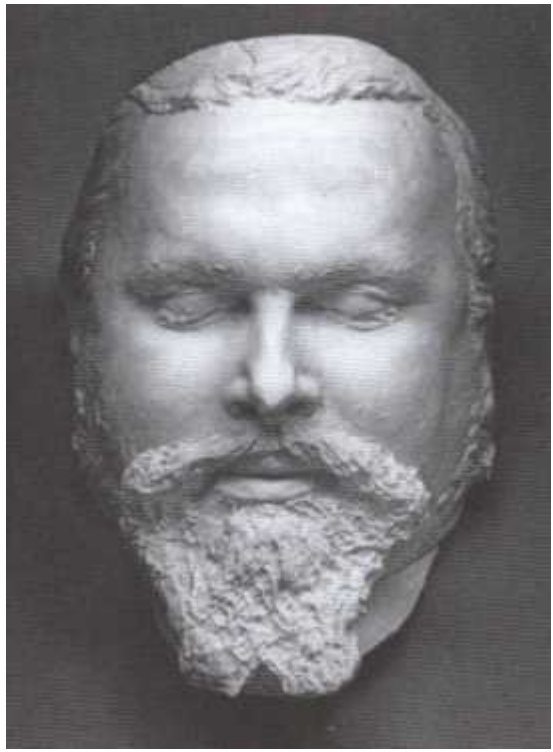
Барон Йохан фон Лутц. Фотография 1886 г.

Граф Максимилиан Карл Теодор фон Хольнштайн

Доктор Бернхард фон Гудден. Фотография 1886 г.



Часовня-мемориал Людвига II на Штарнбергском озере. Фотография автора



Посмертная маска короля Людвига II

Гробница короля Людвига II в крипте церкви Святого Михаила. Фотография автора

Поминальный Крест (в воде) на месте, где было найдено тело короля Людвига II. Фотография автора

Людвиг II прекрасно понимал, что нейтралитет Баварии грозит ее независимости, каков бы ни был результат военного конфликта. Поэтому он — наверное, самый непримиримый враг войны своего времени — вынужден был в интересах

национального единства и независимости своей страны подписать приказ о мобилизации еще до официального объявления войны — 16 июля. Бисмарк вздохнул спокойно: поддержка со стороны Баварии была необходима ему для усмирения многих враждебных «фракций» внутри самой Пруссии.

На следующий день после объявленной мобилизации Людвиг II прибыл в Мюнхен. На этот раз его встретили бурные восторженные овации. Король постоянно был среди народа; посещал военных и студентов, торговцев и монахов, придворных и простых горожан. Недавние противники политики короля в среде консерваторов поняли его правоту и встали на его сторону. У стен Резиденции не смолкало восторженное: «Да здравствует король!» Это была настоящая победа, пожалуй, даже более важная, чем весь исход Франко-прусской войны.

Во главе южногерманских войск встал прусский принц Фридрих.[153] Под его знамена пошли и принцы баварского королевского дома — дядя короля Луитпольд и младший брат Отто.

Надо сказать, что, в отличие от Людвига, Отто отнюдь не питал страха и отвращения к войне. Не был он противником и светских развлечений. При дворе Отто вполне справедливо считался одним из самых отчаянных кутил и страстным любителем женского пола. Для завершения этого портрета не хватало лишь лавров, добытых на поле брани, лишь воинской славы героя-победителя. Еще до начала войны слухи о пикантных похождениях Отто доходили до короля, но он никогда не пытался перевоспитывать младшего брата. Вообще Людвиг и Отто по своему внутреннему складу были настолько не похожи друг на друга, что можно лишь удивляться тому, что они являлись родными братьями.

И если Отто воспринял начало Франко-прусской войны чуть ли не с восторгом, то в настроении Людвига II внезапно наступает резкий перелом. Не сомневаясь в правильности принятого им решения, он увидел и обратную сторону проблемы: войска его страны под командованием прусского принца отправились завоевывать европейскую гегемонию Пруссии ценой крови его соотечественников. Людвиг почувствовал себя загнанным в угол. Союз с Пруссией неизбежен, но какое место уготовано Баварии в этом союзе? Отныне короля не волнуют вести о победах на фронте, а беспокоит только одно — независимость своей страны после окончания войны. В первые же дни конфликта Людвиг послал на фронт принцу Фридриху письмо, в котором напоминал, что при заключении мира этот вопрос должен быть решен безоговорочно и с абсолютной ясностью.

Недаром Людвиг пророчески давно уже чувствовал, что «Бисмарк, кажется, хочет из Баварии сделать прусскую провинцию».

Победы сопутствовали прусской армии с первых же дней войны, которая закончилась осадой Парижа. Французы были вынуждены заключить перемирие 28 января 1871 года. 26 февраля в Версале был подписан предварительный мирный договор, который должен был быть ратифицирован Национальным собранием Франции. Чтобы стимулировать ратификацию, 1 марта германские войска вошли в Париж. После объявления о ратификации предварительного договора они были выведены из французской столицы 3 марта. Окончательный мирный договор был подписан во Франкфурте 10 мая.

Но еще до всех этих событий, даже не дожидаясь окончания войны, Вильгельм и Бисмарк решили ускорить процесс объединения Германии в единый союз. В этих условиях Бисмарку вновь понадобилось содействие баварского монарха. Именно Бавария, крупнейшее королевство Германии и исконный антагонист Пруссии, должна просить прусского короля принять германскую императорскую корону. Если бы баварский король не поддержал эту идею, для дальнейшей гегемонии Пруссии в составе Германского союза могли бы возникнуть серьезные, если не необратимые последствия. Однако этот шаг символизировал для Людвига II не только полное и окончательное примирение между двумя странами, как ему представлял ситуацию Бисмарк. Людвиг остро почувствовал, что его относительно свободному правлению настал конец, он добровольно возлагает на себя ярмо зависимости от более могущественной монархии. Для Людвига, идеалом которого всегда служил французский абсолютизм, это был роковой удар. Только что он был вынужден воевать против милой его сердцу Франции на стороне агрессивной Пруссии, а теперь и его собственное королевство становится фактически «прусской провинцией». У Людвига, как говорится, опустились руки…

Бисмарк же нетерпеливо подталкивал короля к решительным действиям. В этом ему активно помогал друг и доверенное лицо Людвига — уже знакомый нам граф фон Хольнштайн. Кстати, необходимо отметить, что граф состоял в приятельских отношениях и с Бисмарком. Из своей личной пивоварни Максимилиан поставлял пиво в личную пивоварню Бисмарка, из садов своих многочисленных имений посылал ему фрукты. Наконец, именно фон Хольнштайн подарил Бисмарку его любимую собаку — знаменитого дога Зультля (Sultl), прожившего у «Железного канцлера» долгую и счастливую жизнь. Кроме того,

граф и Бисмарк регулярно встречались лично и состояли в постоянной переписке. В решении вопроса о просьбе Вильгельму принять императорскую корону, исходящей от баварского короля, они также были единодушны. Бисмарк написал Людвигу длинное письмо, в котором доказывал, что если Бавария не поторопится выступить с такой инициативой, то это сделает какое-нибудь другое германское государство, и все выгоды от этого шага достанутся другим. Позволим себе привести в настоящем издании часть переписки Бисмарка с Людвигом II, так как, говоря словами самого Бисмарка, цитируемые письма «способствуют правильной характеристике этого несчастного монарха; сами по себе они также могут сызнова приобрести актуальный интерес»[154].

В частности, 27 ноября 1870 года Бисмарк писал из Версаля:

> «Прошу Ваше Королевское Величество принять изъявление моей благоговейной признательности за милостивые сообщения, переданные мне по повелению Вашего Величества графом Гольнштейном (Хольнштайном. — М. З.). Чувство признательности, которое я питаю к Вашему Величеству, имеет более глубокое основание, нежели одни только личные чувства, ибо мое служебное положение дает мне возможность оценить великодушные решения Вашего Величества, коими вы содействовали с самого начала и вплоть до предстоящего окончания этой великой национальной войны объединению и могуществу Германии. Но не мне благодарить Баварский правящий дом за истинно немецкую политику Вашего Величества и за героизм Вашего войска: это долг немецкого народа, это дело истории. Я могу только засвидетельствовать, что до конца жизни буду благоговейно предан и искренно признателен Вашему Величеству и всегда почту за счастье, если мне удастся оказать Вашему Величеству какую-либо услугу. Почтительнейше сообщаю, что в вопросе о титуле германского императора, по моим соображениям, самое главное, чтобы почин исходил только от вашего величества и ни от кого более, в особенности не от народного представительства. Положение сложилось бы ложное, если бы вопрос не был поставлен благодаря свободной, хорошо продуманной инициативе могущественнейшего из всех примыкающих к Союзу государей. Я позволил себе передать графу Гольнштейну проект, который будет направлен моему всемилостивейшему королю и по его

желанию, с соответствующими редакционными изменениями, — другим членам Союза. В основу этой декларации положена идея, которой действительно проникнуты немецкие племена: германский император — их соотечественник, король прусский — их сосед, титул же германского императора означает лишь, что связанные с этим права основаны на добровольном вручении ему полномочий германскими князьями и племенами. История учит нас, что высокому европейскому престижу великих княжеских династий Германии, включая Прусскую, наличие избранного ими германского императора никогда не было помехой.

Почтительнейше пребываю Вашего Величества нижайшим и глубоко преданным слугой фон Бисмарк»[155]

Аргументы произвели должное действие. Людвиг решил поступиться собственным самолюбием и в обмен выдвинуть ряд требований в интересах родной Баварии. В своем ответе Бисмарку он писал:

«Любезный граф![156] С особенным удовольствием я отметил, что, несмотря на Ваши многочисленные и не терпящие отлагательства занятия, Вы нашли время выразить мне воодушевляющие Вас чувства. Приношу Вам за это горячую благодарность, ибо я высоко ценю дружеское расположение человека, к которому вся Германия с гордостью и радостью обращает свои взоры. Вашему королю, моему любезному и высокоуважаемому дяде, мое письмо будет вручено завтра. От всего сердца желаю, чтобы мое предложение нашло полное сочувствие у короля и у прочих членов Союза, которым я также писал, и у всей нации; меня радует сознание, что благодаря положению, занимаемому мною в Германии, я мог в начале и при окончании этой достославной войны сделать решительный шаг на пользу национального дела. Но в то же время питаю твердую надежду, что Бавария сохранит и впредь свое положение, так как оно вполне согласуется с честной и прямодушной союзной политикой и вернее всего может помешать пагубной централизации. То, что Вы сделали для немецкой нации, велико, бессмертно, и я могу сказать без лести, что Вам принадлежит самое почетное место в ряду великих людей нашего века. Да продлит Господь Вашу жизнь на

много, много лет, дабы Вы могли продолжать свою деятельность на благо и процветание нашего общего отечества. Примите, любезный граф, искренний привет, с коим я пребываю неизменно Вашим искренним другом

Людвиг

Хоэншвангау, 2 декабря 1870 года».[157]

Наконец, Людвиг решился написать королю Вильгельму официальное письмо — так называемое «Императорское письмо» — с предложением возложить на себя императорскую корону, к чему его активно подталкивали Бисмарк и граф фон Хольнштайн. Вот отрывок из этого исторического документа, написанного Людвигом II 3 декабря 1870 года и зачитанного государственным министром Дельбрюком[158] на заседании Рейхстага уже 5 декабря: «После присоединения Южной Германии к германскому конституционному Союзу присвоенные Вашему Величеству верховные права будут распространяться на все германские государства. Я заявил свою готовность присоединиться, будучи убежден, что это отвечает всем интересам германского отечества и его союзных государей, но в то же время и в полном доверии к тому, что права, принадлежащие по конституции президиуму Союза, вследствие восстановления Германской империи и звания германского императора будут означать права, которыми Ваше Величество пользуется от имени всего германского отечества на основе объединения его государей. Поэтому я обратился к остальным государям с предложением просить вместе со мной Ваше Величество о том, чтобы соединить права Союза с титулом германского императора. Как только Ваше Величество и союзные государи сообщат мне о своих желаниях, я поручу своему правительству приступить к дальнейшим действиям, необходимым для достижения объединения»[159].

18 января 1871 года в Зеркальном зале Версальского дворца было официально объявлено о создании Германской империи, Второго рейха. Влияние и могущество Пруссии возросло многократно. Благодаря действиям Людвига II Бавария сохранила право иметь не только собственное правительство, но и Военное министерство, Министерство иностранных дел, собственную почту, таможню и другие неотъемлемые атрибуты независимого государства. Кстати, несмотря на первоначальные антипрусские настроения, Баварский ландтаг при обсуждении вопроса о вступлении в Германскую империю проголосовал 102 голосами «за» и лишь 48 голосами «против».

Политика короля не была проявлением слабости по

отношению к более сильному противнику. Это был тонкий дипломатический расчет, позволявший даже из самой безвыходной ситуации извлечь выгоду, причем выгоду немалую. Фактически именно благодаря дальновидной политике Людвига II Бавария еще довольно долго сохраняла свои позиции самостоятельного государства, несмотря на все попытки Берлина «подмять» ее под себя. Кстати, напомним, что даже в наши дни баварцы в глубине души не считают себя лишь частью Германии и гордо именуют свою страну Freistaat Bayern — Свободное Государство Бавария!

В ознаменование завершения великого дела объединения страны Людвиг написал Бисмарку еще одно письмо:

> «Любезный граф! В знак признательности за Ваши выдающиеся заслуги в деле заключения германских союзных договоров я жалую Вас прилагаемой при сем звездой с бриллиантами к имеющемуся у Вас нашего Дома ордену Св. Губерта. Благодаря главным образом Вашему содействию справедливые интересы Баварии были приняты в этих переговорах во внимание, и поэтому Вы, любезный граф, можете видеть в этом пожаловании не только акт простой вежливости, но и выражение моего дружеского к вам расположения, на которое вы имеете несомненное право. Орденский девиз — «верность без колебаний» — является также и моим девизом. Бавария, руководясь им, будет искренним союзником Пруссии и гармоническим звеном империи. Выражая еще раз свое постоянно и особливо благожелательное к вам отношение, я шлю вам, любезный граф, мой искренний привет, неизменно пребывая вашим искренним другом
>
> *Людвиг*
>
> *Мюнхен, 22 марта 1871 года».*[160]

Вот только в душе Людвига II происходит глубокий надлом, гораздо более болезненный, чем при разрыве с Вагнером. Достаточно сказать, что на торжества в Версаль по случаю объявления объединения Германии он не поехал — от Баварии присутствовали кронпринц Отто (оттуда он написал Людвигу письмо, в котором сообщал, что помпезная роскошь мероприятия ему совершенно не понравилась), принц Луитпольд, граф фон Хольнштайн и «другие официальные лица». Не было только короля…

Империя Людвига рушилась, его идеалы безжалостно растоптаны прусским сапогом. Отчаяние овладевает Людвигом. Его гордая самолюбивая натура не в состоянии осознать, что отныне он лишь «пешка в большой игре». Времена абсолютизма канули в Лету. Он никогда не сможет построить свое идеальное королевство на земле.

Выход Людвиг II находит весьма своеобразный. «Отныне он король в беспредельных областях своей фантазии, и свое королевство он строит в горах, среди великолепных замков, среди величественной природы, среди простого, ничего от него не требующего народа. Людвиг делается Королем Альп!»[161]

Для любого другого человека подобное решение проблемы было бы идеальным. Но трагедия Людвига II состояла в том, что он был королем. А стало быть, не имел права жить собственной жизнью. Но в то же время он оправдывал себя тем, что как монарх он уже не нужен своей стране, для которой и так сделал все, что мог. Настоящий глава Германии, а значит, и Баварии — отныне Вильгельм I. И конечно, Бисмарк. Именно они реально определяют политику. А быть лишь номинальной фигурой, шутом на придворном спектакле, марионеточным королем Людвиг II просто не мог. А раз так, раз он не может быть настоящим королем Баварии, значит, он станет королем самого себя.

Тем более что средства для этого у него, как ему казалось, уже есть. Дело в том, что, кроме политических привилегий для Баварии в качестве компенсации за «Императорское письмо», король договорился с Бисмарком еще об одной выгоде — уже для самого себя. Бисмарк обещал и действительно выплачивал в течение 10 лет — с 1873 по 1883 год — из уже упоминаемого нами фонда Вельфов лично Людвигу II денежную компенсацию. Первая выплата в размере 270 000 марок прошла 25 сентября 1873 года. Конечно, можно сказать, что Бисмарк подкупил баварского короля, заставив под финансовым давлением написать нужный ему документ. Деньги были необходимы Людвигу II для реализации своих строительных планов; он не разорял казну, а пытался обойтись своими средствами.

Сразу отметим, что 270 000 марок из фонда Вельфов были потрачены в качестве первого аванса за покупку самого большого острова на озере Кимзее (Chiemsee), названного Херренинзель (Herreninsel, букв. «Мужской остров»). Общая стоимость земли составляла 350 000 марок. Именно здесь король уже решил строить свой «Баварский Версаль».

Справедливости ради скажем, что деньги явились последним аргументом Бисмарка; сначала Людвиг выдвигал требования исключительно в интересах родной Баварии. Сделав для своей

страны все, что мог, Людвиг почувствовал, что имеет право отойти от дел. Все равно он уже не полноценный монарх.

Впоследствии получение средств из фонда Вельфов будет также поставлено в вину Людвигу II. Его будут представлять чуть ли не преступником, не только грабящим казну своей страны, но и не брезгующим сомнительными сделками. Сделка действительно была сомнительной — но лишь со стороны Бисмарка! В свое время фонд Вельфов рассматривался Георгом V в качестве компенсации за утраченное ганноверское королевство. Людвиг также посчитал, что выплаты Бисмарка — это компенсация за его потерянное королевство. То, что эти деньги шли не из прусской казны, было тщательно засекречено Бисмарком, не имеющим права, как мы уже говорили, распоряжаться доходами фонда Вельфов. И вот тут необходимо обратить внимание, что эти секретные выплаты шли непосредственно через графа фон Хольнштайна. Причем каждый раз он получал 10 % от выплачиваемой суммы. Эти взаиморасчеты были в свою очередь тщательно засекречены. Другими словами, друзья фон Хольнштайн и Бисмарк вступили в сговор; возможно, граф был таким образом подкуплен Бисмарком для того, чтобы лоббировать при баварском дворе прусские интересы. Напомним, что все документы по этому делу всплыли значительно позже, уже после смерти Людвига II, в 1892 году. Финансовый скандал стоил графу карьеры. Но пока до этого еще далеко…

И еще одно немаловажное обстоятельство — размер выплат Людвигу II из фонда Вельфов. В разные годы он составлял от 270 000 марок до 800 000 марок. Фактически эти суммы вполне сопоставимы со средним размером ежегодной пенсии отошедшей от дел монаршей особы — низложенного короля или овдовевшей королевы. С тяжелым сердцем Людвиг II считал себя именно низложенным монархом. Общая сумма, полученная королем, равнялась 4 720 000 марок. Велика ли она? Все познается в сравнении. Как и в случае с Вагнером, напомним, что годовой бюджет содержания королевского двора составлял тогда 5 000 000 марок. То есть за 10 лет Людвиг получил от Бисмарка меньше, чем за год от бюджета Баварии! Зато пока он вообще не трогал баварскую казну.

Людвиг II начинает стремительно строить собственную империю. Нойшванштайн, возведение которого шло полным ходом, был задуман как величественный храм Искусства, Линдерхоф обещал стать убежищем для души. Но Людвигу этого уже стало мало, он начинает мыслить более глобально.

Почти все, юго посещает замки Людвига II и видит, что

король, не доведя до конца один проект, кидался к следующему, затем к еще одному и каждый новый замок задумывался им все более грандиозным и роскошным, в лучшем случае задаются вопросом: зачем Людвигу это было надо? Не проще ли было бы полностью отстроить и отделать хотя бы что-то одно? А в худшем случае видят в этом проявление его душевного недуга. Однако «проявлением душевного недуга» можно считать только лишь сам факт реального бегства от ненавистной королю действительности в идеальный мир фантазии. Людвиг II строил «параллельную» Баварию, ту Баварию, в которой он действительно был бы королем. Он не мог ограничиться «чем-то одним». Все грани его богатой натуры должны были быть воплощены в настоящем, а не фантастическом мире. А следовательно, разброс интересов и обилие самых различных проектов в этом ключе выглядит не просто логичным, а совершенно необходимым. Король словно предчувствовал свою скорую кончину и торопился. Торопился оставить после себя свой истинный портрет, а не ту карикатуру, которой представлялось ему его нынешнее царствование. Сложенный из многочисленных кусочков, пазлов, каждый из которых сам по себе являлся бы шедевром архитектурной и художественной мысли, портрет настоящего последнего истинного короля оставался бы потомкам как памятник величию и победе духа над низменным бренным существованием.

Король торопился и все равно не успел…

Действие IV
Король Альп
(1872 — май 1886 гг.)

…пусть не будет начертано у тебя другой программы, кроме программы, данной капитулом Севильи архитектору, строившему кафедральный собор: «Построй нам такой храм, при виде которого последующие поколения сказали бы: капитул был сумасшедший, если он решился на такое необычайное предприятие!»

Из письма Ф. Листа к Р. Вагнеру

Картина 1
Начало «ухода в одиночество»

Наступивший 1872 год не принес королю столь желанного успокоения. Он уже утвердился в мысли о необходимости создания «параллельной» Баварии, уже успел с головой окунуться в строительные проекты, но жестокая действительность вновь разрушила с таким трудом восстановленное душевное равновесие. Пока строительство Нойшванштайна и Линдерхофа находилось в самом разгаре, Людвига II настигает тяжелейший удар. По стране разнеслась весть, что всеобщий любимец, жизнерадостный кутила и ловелас, младший брат короля наследный принц Отто сошел с ума.

Мы уже не раз упоминали, что Отто, любивший общество, веселье, кутежи, войну и фривольные оперетки, был прямой противоположностью Людвига II. При таком образе жизни, казалось, ничто не предвещало грядущей трагедии. Вернее, первые признаки недуга просто не замечали, приписывая все взрывному неуравновешенному характеру кронпринца. Однако неуловимые знаки зарождающейся душевной болезни можно было уже увидеть в несколько тяжелом расфокусированном взгляде, запечатленном даже на детских портретах Отто. Кстати, обычно отмечают, что следы будущего сумасшествия были заметны и у самого Людвига II. Хрестоматийными стали слова, якобы произнесенные французским психиатром Огюстом-Бенедиктом Морелем при первой встрече с юным наследным принцем Людвигом: «Это глаза, в которых горит будущее безумие». Но если абстрагироваться от штампов и стереотипов, то придется признать, что никаких внешних признаков болезни, включая и последние фотографические портреты, у Людвига II не наблюдается. В отличие от Отто!

Еще 10 мая 1871 года у кронпринца случился тяжелый припадок, после которого было решено поместить его под регулярное врачебное наблюдение. Но болезнь начала развиваться столь стремительно, что долее сохранять тайну внутри Баварского правящего Дома уже не получалось, и 15 ноября о недуге наследника было доложено непосредственно канцлеру Германской империи Бисмарку. Официальный диагноз «душевная болезнь, прогрессирующее слабоумие» был вынесен консилиумом врачей 15 января 1872 года.

Нам придется забежать вперед, чтобы поставить точку в этой грустной истории. С 1873 года Отто практически безотлучно жил

в Нимфенбурге. Правда, изредка он все еще показывался в мюнхенском обществе, в частности на праздничных богослужениях и на столь любимых им прежде военных парадах. Однако надежд даже на частичное выздоровление практически не было, что подтвердил очередной буйный припадок болезни, произошедший 27 мая 1875 года прямо во время службы в главном соборе Мюнхена Фрауенкирхе (Frauenkirche). Однако в этом же году 22 августа Отто вместе с братом еще присутствовал на своем последнем военном параде. Это был также последний военный парад и Людвига II. До самой его смерти в Баварии больше не проводили военных парадов…

А сам Людвиг, подавленный и угнетенный, с 24 по 27 августа уехал в Реймс и истово молился в кафедральном соборе Божией Матери, традиционном месте коронации французских королей. Просил ли он у Бога совершить чудо и вернуть ему брата? К тому времени надежд на выздоровление Отто уже не было…

Интересно отметить, что изначально лечением кронпринца занимался ведущий немецкий психиатр того времени Бернхард Алоиз фон Гудден.[162] (С этим человеком мы вскоре познакомимся ближе.) Но в течение последующих четырех лет болезнь настолько прогрессировала, что с 1879 года потребовалась уже целая группа врачей, безотлучно находящаяся при Отто, — Prinzenärzte, «врачи принца». Для окружающих припадки принца становились все более и более опасными. Отто пришлось поместить в специально оборудованную для его содержания клинику в замке Фюрстенрид (Fürstenried), куда кронпринц переехал 13 марта 1880 года и который уже не покидал до самой смерти. Он перестал узнавать даже родного брата Людвига, периодически навещавшего его. Очень скоро Отто был практически изолирован от всех, кроме лечащих врачей.

Людвиг, по-видимому, искренне был привязан к брату. Его болезнь вызвала в нем взрыв безмерного отчаяния и заставила еще больше замкнуться в себе. Возможно, несмотря на всю непохожесть и даже противоположность натур двух братьев, Отто все же был той родной душой, которой король мог довериться всегда: поймет его брат или нет, не важно, главное, что он не предаст. В этом Людвиг был уверен свято. И вдруг этой последней связующей ниточки со светской жизнью не стало. Впереди полное одиночество… Ко всему прочему по Мюнхену поползли слухи, что болезнь Отто — это якобы расплата за легкомысленную и разгульную молодость Максимилиана II.

Верил король этим слухам или нет, но именно со времени начала явного развития душевного недуга кронпринца Людвиг стал крайне неприязненно относиться к памяти своего отца, с

которым, как мы уже говорили, у него и так никогда не было особой душевной близости.

Кстати, после смерти Людвига II, согласно баварским законам, 14 июня 1886 года наследник трона, несмотря на свою болезнь, официально был провозглашен королем Баварии. При этом сообщалось, что регентство Луитпольда продолжается, так как новый король Отто I «скорбен разумом» (нем. der König Ist schwermütig). 15 июня делегация от правительства Баварии, прибывшая в Фюрстенрид, зачитала текст документа самому Отто. По воспоминаниям присутствующих, тот во время официальной церемонии оставался ко всему безучастным и явно так и не понял, что отныне стал королем.

Когда же в 1912 году скончался принц-регент Луитпольд, фактический правитель Баварии в течение 26 лет, его сын Людвиг (1845–1921) был провозглашен новым принцем-регентом. Но вскоре этот статус перестал устраивать честолюбивого принца, которому к тому времени исполнилось уже 67 лет. 4 ноября 1913 года была внесена поправка в Конституцию Баварии, согласно которой регентство не может продолжаться долее 10 лет; если этот срок истекает и нет надежды на то, что законный король будет когда-нибудь способен управлять страной, регент имеет право принять корону.

Так вот, 6 ноября 1913 года вышеуказанная поправка к Конституции была принята ландтагом, и уже 8 ноября принц-регент Людвиг стал баварским королем Людвигом III.[163] При этом и Отто I не был официально смещен с престола. Сложилась парадоксальная ситуация: вплоть до 11 октября 1916 года, то есть дня смерти Отто, в Баварии было два короля. 14 октября тело несчастного короля Отто I было упокоено в крипте церкви Святого Михаила в Мюнхене рядом с гробницей его брата Людвига II…

Кстати, интересно отметить, что в связи с душевной болезнью Отто развитие психиатрии в Баварии становится чуть ли не основной государственной и социальной задачей того времени. Такое отношение, а также финансовая поддержка со стороны правительства вскоре вывели немецких психиатров в первые ряды европейской науки, подчеркивая их авторитетность и значимость, что с готовностью признавали коллеги во всем мире. Словосочетание «немецкий психиатр» стало фактическим синонимом понятия высокого профессионализма.

Очередная ирония судьбы: впоследствии карту якобы наследственной душевной болезни ловко, но не профессионально разыграют недруги Людвига II. Предчувствия подобного шага заставляли Людвига переживать болезнь брата еще острее. «Если

меня лишат короны, это будет горько, но мне будет еще прискорбней, если они провозгласят меня сумасшедшим!» — скажет он незадолго до своей кончины.

А пока, чтобы хоть как-то отвлечься от мрачных мыслей, Людвиг с еще большей страстью отдается начатому строительству. Казалось, что он ищет в этом не просто утешение, а забвение. И понимая, что замков ему придется ждать еще долго, а убежище нужно прямо сейчас, находит оригинальный выход. Летом 1872 года, ко дню рождения короля, было оперативно завершено строительство маленького «замка» Шахен (Schachen) в окрестностях селений Гармиш и Партенкирхен (в единый город Garmisch-Partenkirchen они слились лишь в XX веке). Людвиг был совершенно очарован местными видами, особенно покрытыми вечным снегом склонами Цугшпице. В 1869–1872 годах по проекту Георга фон Доллмана на высоте 1800 м как раз с видом на Цугшпице и был построен «замок» Шахен.

Мы уже оговаривались, что далеко не все замки Людвига II в прямом смысле слова являются замками — это дань традиции и не более того. В большинстве своем это не замки, а дворцы; строго говоря, замком можно назвать вообще лишь Нойшванштайн. Так вот, «замок» Шахен — это даже уже и не дворец, не вилла, а просто высокогорное деревянное двухэтажное шале, с виду совершенно не похожее на королевское жилище. Но это только снаружи. Правда, и комнаты первого этажа по меркам других творений Людвига выглядят довольно скромно; стены отделаны резными панелями из кедра; какого-то одного определенного стиля в оформлении не наблюдается. Зато, поднявшись на второй этаж, вы с альпийской вершины магическим образом переноситесь в сказочный мир Востока. Людвига II давно привлекала восточная культура, особенно архитектура, и он мечтал создать нечто подобное при своем дворе (к тому времени увлечение Людвига Востоком уже нашло воплощение в Индийском павильоне в мюнхенской Резиденции). Турецкий зал Шахена, занимающий целиком второй этаж, вполне может соперничать по роскоши отделки, скажем, с Мавританским павильоном в Линдерхофе, о котором еще пойдет речь. Окна зала с цветными витражами создают волшебную игру света; мебель богато украшена золотой инкрустацией; павлиньи перья, обилие мягких подушек словно воплощают собой грезы по сладкой восточной неге. Собственно, для отдохновения Шахен и был построен. Людвиг любил здесь бывать в непринужденной обстановке, покуривая кальян из своей богатой коллекции (часть коллекции кальянов Шахена ныне является экспонатами Музея Людвига II в Херренкимзее) и уносясь мечтами то во дворцы

турецких султанов, то на романтические горные вершины родной Баварии — Шахен удачно сочетал в себе оба этих «образа». Во всяком случае, ощущение покоя и неги, видимо, настолько впиталось с дымом королевского кальяна в атмосферу Шахена, что чувствуется даже теперь. Приют забвения был найден!

Но и начатое основное строительство не останавливалось. Мы уже говорили, что сердце Людвига II было верно трем основным идеалам, каждый из которых нашел свое воплощение в одном из трех замков, построенных королем. Нойшванштайн стал символом идеалов романтического Средневековья; в нем «живут» не столько вагнеровские герои, сколько их древние «предки». В замке Херренкимзее, о котором мы вскоре будем говорить, олицетворена абсолютная королевская власть, тот идеал монархии, достичь которого Людвигу II было изначально не суждено… Линдерхоф стал памятником двум кумирам Людвига II — Рихарду Вагнеру и Людовику XIV. Причем, именно здесь можно не только увидеть, но и почувствовать, как постепенно в душе короля композитор уступает свое «лидерство» французскому монарху.

Интересно отметить, что в своих кумирах Людвиг восхищался только идеями, носителями которых они являлись. Как и в случае с актерами, «все человеческое» было ему абсолютно чуждо. Людвиг не старался слепо копировать их образ жизни, их вкусы, их пристрастия, что происходит обычно с «талантами и поклонниками». «Какое сходство было между Людвигом II и Людовиком XIV? Людовик XIV любил охоту, карточную игру и женщин. Людвиг II никогда не охотился, не играл и был равнодушен к женской красоте».[164]

Кстати, отвращение Людвига II к охоте было общеизвестным. Более того, приезжая зимой в Линдерхоф, король ходил в лес и собственноручно кормил хлебом встречавшихся ему на прогулке диких коз, доверчиво подходивших к нему. Или же, не встретив никого, оставлял им корм на дорожке. Проливать кровь ради удовольствия казалось Людвигу отвратительным. И это в то время, когда высший свет не только Баварии, но и всей Европы не мыслил себя без охоты. Страстным любителем этой жестокой забавы был, в частности, принц Луитпольд; можно сказать, олицетворением охотника-маньяка являлся австрийский эрцгерцог Франц Фердинанд, племянник императора Франца Иосифа, превративший свой чешский замок Конопиште фактически в склеп из чучел, рогов, черепов и других охотничьих трофеев. Право же, невольно возникает мысль, что его убийство в Сараеве в 1914 году было вполне заслуженным…

Любовь к природе позволяла Людвигу II видеть и глубоко

чувствовать ее красоту. Для своих будущих замков-владений он выбирал самые живописные уголки родной Баварии. При этом король очень бережно относился к природному ландшафту, следя, чтобы во время строительства не было спилено ни одного лишнего дерева.

Характерно, что даже к творениям рук человеческих Людвиг также относился не менее трепетно. Так, став в 1864 году полноправным хозяином Хоэншвангау, он никогда не пытался, как мы уже упоминали, модернизировать отцовский замок, хотя свои собственные постройки сразу же снабжал всеми достижениями современного ему прогресса, такими как электричество, паровые машины, подъемники и т. д. Романические мечтания детства были слишком дороги королю, любое изменение, казалось, разрушало очарование былого. Как знать, а может, он просто не хотел тревожить покой дорогих ему теней легендарных героев, «чувствовавших» себя намного комфортнее при таинственном и трепетном свете свечей, чем при вульгарных электрических фонарях?..

Лишь в 1910 году принц-регент Луитпольд провел в Хоэншвангау электричество. А в 1913-м замок был открыт для посещения в качестве музея. Отныне под любопытными взглядами миллионов туристов благородные рыцари, прекрасные дамы и волшебные лебеди предпочитают больше «не сходить» со своих полотен. Лишь тот, кто верит в сказку, сумеет «вступить в контакт» с духами — хранителями древних традиций и в полной мере почувствовать неповторимую атмосферу романтического рыцарского Средневековья. Кстати, Хоэншвангау совсем не пострадал во время Второй мировой войны и сохранил подлинные предметы интерьера (в наши дни часть дворца закрыта; там находятся жилые помещения членов Дома Виттельсбахов, которым официально принадлежит замок).

Итак, в середине 1870-х годов первым в ряду «готовящихся к сдачи» королевских объектов стоял замок Линдерхоф. К 1873 году он все более и более приобретал тот вид, который мы можем увидеть сегодня. Первоначальное деревянное здание было облицовано камнем; в этом же году окончательно завершен и утвержден план парка. Еще в 1868 году ландшафтный дизайнер Карл Йозеф фон Эффнер (Effner; 1831–1884) предложил королю на рассмотрение уменьшенную копию Версальского парка. Однако даже в «урезанном» виде этот план не вписывался в сравнительно небольшую узкую горную долину, где было развернуто строительство. Тогда Людвиг решил перенести здание примерно на 300 м западнее (где он стоит и поныне), что позволяло увеличить общую площадь парка.

В целом строительство замка было окончено к началу 1874 года (днем рождения Линдерхофа можно считать 21 января, когда завершились отделочные работы в интерьере). Однако уже в 1885 году была начата реконструкция королевской спальни — центрального помещения здания. Она была значительно расширена и продлена с северной стороны, что потребовало общей реставрации замка. Работы были завершены в 1886 году. Но король их результаты уже не увидел, хотя и считается, что Линдерхоф — это единственный замок, завершенный при жизни Людвига II…

Во время строительства замка произошел один эпизод, рассказанный Луизой фон Кёбелль и очень точно характеризующий баварского короля. Надо сказать, что мраморные скульптуры и лепнина в Линдерхофе были выполнены скульптором Филиппом Перроном (Perron; 1840–1907). Однажды Людвиг II вошел в еще незаконченную спальню и увидел работающего под самым потолком Перрона. «Что же вы не прикажете, чтобы вам подержали лестницу? — живо спросил король скульптора. — Позовите кого-нибудь из прислуги. Ведь вы рискуете упасть!» Перрон, торопясь окончить работу, слушал упреки короля, не прерывая лепки. Тогда король сам стал держать лестницу до тех пор, пока скульптор не спустился вниз. «Этот случай еще более усилил рвение Перрона к работе и его привязанность к королю», — сообщает г-жа Кёбелль[165].

Пройдет всего несколько лет, и в адрес Людвига II будут брошены обвинения в неподобающе жестоком и слишком высокомерном обращении с окружающими. Эти обвинения приходится слышать до сих пор, хотя есть множество доказательств обратного. Почему же очернить и оклеветать человека значительно легче, чем оправдать?!

В нашу задачу не входит описывать в данной книге сами интерьеры Линдерхофа. Скажем лишь, что это место, где царствует дух Людовика XIV. И еще одно: здесь в декоре интерьера «вездесущего» лебедя заменяет «вторая любовь» Людвига — павлин. В то время как Вагнер постепенно уступает свои позиции в душе короля Людовику XIV, место лебедя занимает павлин. И это очень символично и показательно. Ведь лебедь — олицетворение величия духовного мира; павлин — абсолютной монаршей власти. Приоритеты сменились; отныне Людвиг — в первую очередь король! К тому же павлин — символ Солнца. Раз Линдерхоф посвящен Королю-Солнце, то и эта царственная птица должна непременно в нем присутствовать.

Уже закончив строительство замка, Людвиг II с 21 по 28 августа 1874 года предпринял вторую поездку в Париж, словно

желая убедиться непосредственно в городе своего кумира в точности воспроизведенного им в горах Баварии «Малого Трианона». 25 августа король отпраздновал день рождения в Версале, а затем посетил Лувр и могилу Наполеона в Доме Инвалидов, а также Фонтенбло.

Но если сам Линдерхоф «насквозь французский», то в парке Людовик XIV полностью теряет свою власть. Кстати, находящиеся там павильоны заслуживают отдельного внимания. В целом их можно разделить на три группы: «восточные», «вагнеровские» и «реликтовые», вернее, те, что существовали здесь задолго до постройки замка, а затем были искусно вписаны в общую панораму, которая в основном была завершена в 1880 году.

Особенно примечателен ближайший к Линдерхофу «вагнеровский» Грот Венеры. Он был построен в 1876–1877 годах известным ландшафтным архитектором, «творцом ландшафтов», как его называли, Августом Дириглем (Dirigl). Рукотворная сталактитовая пещера с озером и водопадом была первоначально предназначена для постановки первого акта музыкальной драмы Вагнера «Тангейзер». Художник и декоратор Франц фон Зайтц (von Seitz; 1817–1883) специально сконструировал челн в виде золотой раковины; для подсветки воды и различных световых эффектов было проведено электричество. Вход в Грот также регулировался с помощью хитроумного электрического механизма: словно по приказу «Симсим, откройся!» кусок скалы открывал и снова замуровывал потайную, скрытую от посторонних глаз пещеру в горе. Завершение строительства Грота Венеры удачно совпало с празднование 32-летия короля — 25 августа 1877 года.

Но, несмотря на свое изначальное предназначение и многочисленные «мифические» истории, которые до сих пор можно услышать от ряда экскурсоводов или прочитать в некоторых статьях, в Гроте Венеры никогда не была осуществлена ни одна музыкальная постановка. Испарения подогреваемой воды в замкнутом пространстве и отсутствие должной акустики не позволили музыкантам ни играть, ни петь здесь. Что ж, Людвиг утешался тем, что иногда сам садился в золотой челн и плавал среди мистических переливов света и еле слышных всплесков искусственных волн. Наверное, тогда король сам чувствовал себя зачарованным Тангейзером и надеялся, что молитвы за него чистых душ умилостивят Создателя и после смерти его прощеная душа обретет покой…

Не менее интересен, чем Грот Венеры, «восточный» павильон Линдерхофа — так называемый Мавританский павильон. (О серьезном увлечении Людвига II Востоком мы уже говорили.)

Изначально Мавританский павильон был построен в 1867 году архитектором Карлом Дибичем (Diebitsch) для Всемирной выставки в Париже. Но лишь 1876 году баварский король смог купить павильон, и уже через год, отреставрированный и расширенный, он нашел свое место в парке Линдерхофа на небольшой возвышенности, что позволяет уже издалека заметить три золотых купола, венчающие его крышу.

А между тем Мавританский павильон не единственный приют Востока в парке замка Линдерхоф. Ближе всего к входу в парк находится Марокканский павильон, приобретенный Людвигом II на очередной Всемирной парижской выставке 25 ноября 1878 года. Снаружи он представляет собой небольшой домик, раскрашенный в красно-белую полоску, со стилизованным минаретом по правую сторону здания. Судьба у Марокканского павильона была довольно тяжелой: изначально он стоял почти на баварско-австрийской границе за пределами парка. После смерти Людвига II павильон был куплен частным лицом и вообще вывезен из Линдерхофа. И лишь в 1982 (!) году выкуплен государством и вновь восстановлен в Линдерхофе на том месте, где ныне и можно его увидеть.

Старейшим зданием в парке Линдерхофа является часовня Святой Анны, построенная в 1684 году монахом из монастыря Этталь. Интересно отметить, что в планы Людвига II первоначально входила перестройка 200-летней часовни, которая по мере строительства замка и парковых павильонов уже не вписывалась в общий облик комплекса. В 1871 году королю был представлен план нового купольного здания в необарочном стиле, но Людвигу он не понравился. В 1876 году король решил, наконец, оставить часовню в неприкосновенности, так как в окончательно принятый проект английского пейзажного ландшафта «неказистое» старинное здание вписывалось вполне.

Тем более что на территории парка сохранялся еще один «реликт» — непосредственно сам охотничий домик Максимилиана II, «прародитель» Линдерхофа. Он получил только новое имя — Королевская хижина, ведь такому ненавистнику охоты, каким был Людвиг II, охотничий домик был ни к чему. Первоначально хижина, построенная еще в 1790 году, располагалась непосредственно на месте замка Линдерхоф. Но в 1874 году она была перенесена на место, где находится и ныне. Кстати, во время строительства Людвиг II часто жил здесь. А после смерти короля Королевская хижина стала вновь… охотничьим домиком: страстный охотник принц-регент Луитпольд стал использовать ее по прямому назначению. Увы! «Жестокий век, жестокие сердца!»

В глубине парка вновь начинают преобладать «вагнеровские» мотивы. Дальше всего от замка у закрытого для посетителей Линдерхофа выхода, ведущего в Этталь и Обераммергау, находится Хижина Хундинга[166] — чуть мрачноватая и таинственная «декорация» к музыкальной драме Вагнера «Валькирия». Она стоит уже почти в диком лесу, в который незаметно переходит парк. Хижина Хундинга была построена в 1876 году по эскизам Кристиана Янка, но в 1884 году сгорела. Правда, по желанию короля павильон почти сразу же восстановили. Однако стихия огня, видимо, была роковой для данной постройки. В 1945 году Хижина Хундинга вновь сгорает почти дотла и восстанавливается лишь в 1989 году. Так что ныне перед нами по сути копия, но копия, обладающая душой оригинала! Низкая бревенчатая хижина построена вокруг могучего векового ясеня, в гигантский ствол которого воткнут заколдованный меч. Стены обшиты грубыми досками, вместо скамей — пни, покрытые звериными шкурами. Под потолком висит гамак; в углу — открытый очаг, сложенный из необработанных камней. Сбоку находится крошечная комнатка, где стоит узкая кровать с небрежно наброшенным грубым одеялом, служившая спальней королю, проводившему в Хижине Хундинга иногда по нескольку дней наедине со своими мечтами, любимыми книгами и неповторимой альпийской природой.

И наконец, последний «вагнеровский» павильон Линдерхофа — Хижина Гурнеманца (старый рыцарь Гурнеманц, воспитатель Парсифаля, раскрыл перед юношей не только рыцарские, но и христианские добродетели), находящаяся в непосредственной близости от Хижины Хундинга. Ее постигла не менее печальная судьба, чем «соседку»: после смерти Людвига и вплоть до 1960-х годов она была полностью заброшена и забыта, вследствие чего совсем разрушилась. Лишь в 1999–2000 годах Хижина Гурнеманца была восстановлена на частные пожертвования, но из-за того, что расположена она слишком далеко от самого замка, ныне для посетителей этот павильон практически недоступен. Что ж! Будем просто знать, что где-то там под покровом леса находится таинственный приют того, кому ведомы все добродетели и тайны Святого Грааля…

Мы уже говорили о том, что замки Людвига II являются отражением его души. Здесь нет ничего случайного, преходящего, не выстраданного. Скажем более, замки Людвига II вообще нельзя рассматривать вне связей друг с другом! Каждый из них — лишь часть целого, лишь фрагмент «архитектурного портрета» короля. В свою очередь отдельно взятый замок также состоит из многочисленных граней. И лучший пример этому — замок

Линдерхоф с его многочисленными павильонами. Это целая мозаика, объясняющая своим разнообразием разносторонность личности баварского короля. И недаром в парке Линдерхофа так много «вагнеровского»! Время его создания — этот тот период отношений короля и композитора, когда были окончательно расставлены все точки над «i».

В 1872 году Вагнер переехал в Байройт, в свой город, где намеревался остаться уже навсегда. Композитор выбрал то сакральное место, где, согласно его планам, должен быть возведен Театр, храм того Великого, преобразующего умы, Искусства, о котором когда-то грезили он и молодой баварский король Людвиг II; тот самый театр, «отцом» которого был Bühnenfestspielhaus, так и не увидевший свет в Мюнхене.

22 мая, в день 59-летия Вагнера, ровно в 11.00 часов началось празднество по случаю закладки первого камня будущего Фестшпильхауса, одним из архитекторов которого стал все тот же Готфрид Земпер, готовивший проект мюнхенского Bühnenfestspielhaus.

И Людвиг II, и Вагнер почти одновременно строили на баварской земле архитектурные памятники самим себе! Кстати, в конце 1872 года байройтский магистрат подготовил документ о предоставления Вагнеру баварского гражданства. Отныне он стал полноправным подданным Людвига II.

Однако уже в начале 1873 года Вагнер при строительстве своего театра столкнулся с практически непреодолимыми трудностями материального характера. Еще в 1871 году, когда постройка театра только намечалась, родилась идея создания так называемых «патронатных обществ» (Patronatsverein), или «Вагнер-ферейнов», которые собирали бы добровольные пожертвования на постройку нового «Храма искусства». Членами «Вагнер-ферейнов» становились все, кому было не безразлично дальнейшее развитие музыкального искусства. «Борьба за Вагнера» выливалась в борьбу за национальное искусство в целом. В «ферейны» входили не только музыканты, но и художники, писатели, представители аристократии. Однако взносов «патронатных обществ», несмотря на, казалось бы, огромный размах их деятельности, оказалось явно недостаточно. Дело в том, что далеко не все члены «Вагнер-ферейнов» действительно платили взносы в фонд Байройта. Многие вступали в общества под влиянием моды или сиюминутного порыва, а как дело доходило до того, чтобы раскошеливаться, уходили в тень. Реальные поступления в кассу «Театра века» были весьма далеки от ожидаемых. В итоге весь 1873 год продолжение строительства находилось под угрозой. Чтобы спасти

предприятие, Вагнеру не оставалось больше ничего другого, как напрямую обратиться за помощью к Людвигу II.

И надеяться…

1874 год начался с очередных неприятностей и потрясений. Однако долгожданный ответ от баварского короля вселил новую надежду. В письме от 25 января Людвиг писал Вагнеру: «Нет! Нет и снова нет! Это не должно завершиться так; надо помочь! Наш план не может сорваться!»[167] Как оказалось, у Вагнера по-прежнему был лишь один бескорыстный «патрон», готовый прийти на помощь другу и единомышленнику!

В глубине души, несмотря на все разочарования, Людвиг II продолжал верить в победу вагнеровского искусства. Король предоставил авансом кредит в 100 000 талеров (около 2 500 000 евро) из личных средств. (Кстати, еще раз напомним, что эта сумма была полностью выплачена баварскому правительству наследниками Вагнера из бюджета Фестшпильхауса.) Благодаря такому солидному взносу Людвига II «жизнь» вагнеровского театра была спасена.

Кроме того, Людвиг полностью профинансировал и строительство виллы «Ванфрид», которое благодаря его вмешательству было очень быстро завершено. 28 апреля 1874 года Вагнер уже въехал в свой собственный дом. Позднее, в июле 1875-го, Людвиг II прислал в подарок Вагнеру свой бронзовый бюст, который и ныне стоит перед самым входом в виллу «Ванфрид», словно своеобразный ангел-хранитель настоящего приюта композитора.

Итак, «Байройтский театр, начатый с сумм, подписанных «патронами» дела, был окончен благодаря материальному содействию Людвига II, который в тот момент, когда Вагнер хотел было публично объявить, что дело проиграно и труды прерваны, выдал авансом фонды, необходимые для того, чтобы довести предприятие до благополучного конца»[168].

1 августа 1875 года «многострадальное» строительство Фестшпильхауса было полностью завершено. Открытие первого Байройтского фестиваля намечалось на лето следующего года.

1876 год явился своеобразным рубежом и в жизни Людвига II. Можно сказать, что до этого года король все еще время от времени принимал участие в многолюдных светских мероприятиях, как того требовал придворный этикет. Его «уход в одиночество» происходил постепенно. Последний Октоберфест — в 1874 году; последний военный парад — в 1875-м. Настала очередь пышных приемов во дворце, которые царствующий монарх должен был проводить регулярно. 10 февраля 1876 года прошел последний торжественный прием при дворе Людвига II.

Отныне за королевским столом станет собираться в лучшем случае тесный кружок друзей, но чаще всего Людвиг будет принимать пищу в гордом одиночестве.

Придет время — и даже слуги, обслуживающие его во время еды, станут раздражать короля. И родится идея «стола-самобранки», которая будет впервые применена в замке Линдерхоф. Секрет такого стола в том, что он стоит на специально устроенном люке в полу, который приводится в движение подъемным механизмом, расположенным этажом ниже. Этот механизм позволяет накрывать, а также убирать обеденный стол без присутствия в столовой прислуги: люк в нужный момент опускался вниз, в кухню, где слуги либо сервировали стол к трапезе, либо убирали посуду после нее. Благодаря столь оригинальному приспособлению никто и ничто не нарушало уединения короля, которым он так дорожил. Такой же механизм будет установлен и в Нойшванштайне, а позднее и в Херренкимзее.

Кстати, обычно наличие «стола-самобранки» трактуется как болезненное проявление человеконенавистничества Людвига II. Но давайте посмотрим на это с другой стороны. Во-первых, такие столы не были оригинальной выдумкой баварского короля: они были в ходу (чтобы не сказать в моде) при дворе Людовика XV, которого могли обвинять в чем угодно, только не в мизантропии и нелюдимости. А во-вторых, скажите, кому понравится, если, например, в ресторане официант постоянно будет стоять у вас за спиной, неустанно следя за тем, как и что вы едите? Вас бы это раздражало? Значит, вы человеконенавистник и нелюдимый мизантроп! Между тем при трапезе королевских особ именно так все и происходило. Да и «официантов» было не один, а гораздо больше. Так что «не судите, и да не судимы будете»!

Показательным в плане постепенного «ухода в одиночество» стал и единственный приезд Людвига II в Байройт перед торжественным открытием Фестшпильхауса и первого Байройтского фестиваля в 1876 году. Он прибыл в ночь с 5 на 6 августа и остановился во дворце Эрмитаж. Прослушав генеральные репетиции всей тетралогии «Кольцо нибелунга»,[169] намеченной для программы фестиваля, 9 августа король также внезапно уехал, не оставшись на само празднество, состоявшееся 13 августа. В письме к Вагнеру он объяснил это свое решение тем, что в последнее время его особенно утомляют многолюдная толпа, суета, тяготы королевской власти, порождающие ажиотаж вокруг его персоны. Он вообще предпочел бы прослушать «Кольцо» в одиночестве (генеральные репетиции всегда проходят в присутствии публики), но Вагнеру удалось убедить короля не

восстанавливать против себя жаждущих попасть на репетиции многочисленных зрителей. Не говоря уже о том, что композитору было необходимо заранее оценить акустические новшества своего театра (прекрасная акустика Фестшпильхауса до сих пор считается непревзойденной) при полном зале.

Перед отъездом Людвиг «совершал одинокие прогулки при блеске луны в парке Эрмитажа. Вагнеру он поднес ширмочку для свечей удивительной работы, из слоновой кости, изображавшей сцену в волшебном саду между Парцифалем и Кундри, которая, несмотря на рельефную работу, была совершенно прозрачна от тонкости работы».[170]

Хотел ли Парцифаль-Людвиг своим подарком в очередной раз благословить Вагнера на создание его священной мистерии и тем самым показать, что мысленно он все равно остается верен их идеалам? Кто знает… Во всяком случае, все дальнейшие взаимоотношения Вагнера и Людвига II, можно сказать, проходили уже исключительно «под знаком Парцифаля».

И нам снова придется забежать вперед, чтобы завершить рассказ об этих непростых взаимоотношениях.

Как ни парадоксально, но итогами первого Байройтского фестиваля стали для Вагнера крайняя усталость, опустошенность и разочарования. Возможность дальнейшей борьбы за высокое искусство он в те дни для себя исключал. Тем более что уже были подведены финансовые итоги предприятия, и выяснилось, что вместо ожидаемой прибыли фестиваль принес дефицит бюджета в размере 148 000 марок (1 184 000 евро). Блестящая публика, собравшаяся в Байройте в августе 1876 года, вовсе не торопилась раскошеливаться; «патроны» молчали; денег снова было взять неоткуда. Практически сразу после проведения первого фестиваля Фестшпильхаус на неопределенное время был закрыт, что означало поражение дела всей жизни Вагнера. Композитор был близок к тому, чтобы официально объявить свое театральное предприятие банкротом, а «Ванфрид» продать за долги.

И вдруг 25 января 1877 года Вагнер позвал к себе Козиму и торжественно объявил ей: «Я начинаю «Парцифаля»[171] и пока не закончу его, никуда не уеду отсюда»…[172]

Людвиг II в разные периоды своей жизни «становился» то одним, то другим вагнеровским персонажем. В детстве он воображал себя Зигфридом, в юности — Лоэнгрином и, наконец, Парцифалем. Причем с Парцифалем он ассоциировал себя с того момента, когда лично познакомился с Вагнером и фактически стал его ангелом-хранителем. Хранителем «Чаши Грааля», другими словами, высокого, чистого, истинного искусства, олицетворением которого стало для короля творчество Рихарда

Вагнера. И Парцифаль сделал для своего кумира все, что мог!

В начале 1878 года «спонсором» Вагнера, в очередной раз находящегося на грани отчаяния, вновь выступил Людвиг II. Он заранее выкупил у композитора право поставить «Парсифаля» в Мюнхене, а в ожидании этого счастливого события заплатил тому довольно солидное вознаграждение. Кроме того, в Мюнхенском королевском придворном и национальном театре опять же стараниями короля готовилось к постановке «Кольцо нибелунга». Таким образом, доходы, полученные от мюнхенских представлений «Кольца», и аванс за «Парсифаля», выплаченный баварским королем, помогли Вагнеру если и не покрыть долги, то, по крайней мере, благополучно просуществовать до лета 1878 года. И продолжать работать над «Парсифалем»!

Однако к декабрю 1879 года здоровье Вагнера оказалось сильно подорвано изнурительным трудом и довольно сырым климатом Байройта. Композитор предпринял длительную — почти 10-месячную — поездку в теплую и благоприятную, любимую им Италию. А партитура «Парсифаля» все еще не была завершена…

Весьма показательно, что по приезде в Германию Вагнер не спешил вернуться в Байройт, а остановился на некоторое время в Мюнхене, прибыв туда 31 октября 1880 года. Здесь он встретился с Людвигом II. 10 и 12 ноября Вагнер продирижировал для короля в двух частных концертах отрывками из «Лоэнгрина» и «Парсифаля» и вновь заручился его материальной поддержкой предстоящей премьеры «Парсифаля» в Байройте. Вагнер специально отметил, что в программе второго Байройтского фестиваля будет только эта священная мистерия. Людвиг II тут же великодушно распорядился о безвозмездном предоставлении для Фестшпильхауса хора и оркестра Мюнхенского королевского придворного и национального театра.

Однако 1881 год начался с непредвиденных волнений. Не подозревая о договоренности Вагнера с Людвигом II, барон Ганс Пауль фон Вольцоген (Wolzogen; 1848–1938), бывший фактически пресс-секретарем композитора, предал гласности конфиденциальную информацию о том, что Вагнер якобы собирается получить материальную помощь от нескольких высших аристократических фамилий Германии, и именно они будут официальными «патронами» второго Байройтского фестиваля. Но Людвиг II, узнав об этом, ничуть не обиделся на своего друга. Последствием необдуманного поступка фон Вольцогена стала вовсе не катастрофа, как казалось в первое время Вагнеру, а, наоборот, победа: Людвиг II официально объявил, что единолично возглавит второй Байройтский

фестиваль; более того, отказывается от приобретенного им в 1878 году права на постановку «Парсифаля» в Мюнхене без возврата денег, заплаченных за это право. Король также подтвердил свое прежнее решение о предоставлении в распоряжение Вагнера хора и оркестра Мюнхенского королевского придворного и национального театра. Судьба второго фестиваля была решена — ему быть! И опять благодаря Людвигу II!

26 июля 1882 года после длительного и мучительного перерыва премьерой «Парсифаля» был открыт второй Байройтский фестиваль. Вагнер завещал, чтобы вершина его творчества не ставилась больше нигде, кроме не осквернённого ничем королевского Храма Высокого Искусства — байройтского Фестшпильхауса. Еще 28 сентября 1880 года Вагнер писал «своему Парцифалю», королю Людвигу II, делая его в некотором роде своим душеприказчиком: «Я принужден был отдать в руки нашей публики и театральных дирекций, в глубокой безнравственности которых я убежден, мои произведения, несмотря на всю их идеальную концепцию. Теперь я задаю себе важный для меня вопрос, не следует ли это последнее священнейшее для меня создание спасти от пошлой карьеры обыкновенных оперных спектаклей? К этому особенно побуждает меня чистая тема, чистый сюжет моего «Парсифаля». В самом деле, разве возможно, чтобы драма, которая дает нам в сценическом образе возвышеннейшие мистерии христианской веры, исполнялась в таких театрах, как наши, с их оперным репертуаром, с их публикой? Я не стал бы обвинять наше духовенство, если бы оно выразило обоснованный протест против постановки священнейших мистерий на тех самых подмостках, которые вчера и завтра были и будут залиты широкой волной фривольности, перед публикой, для которой эта фривольность является единственной притягательной силой. Постигая то, что происходит кругом, я назвал своего «Парсифаля» «сценическим священнодействием». Им я должен освятить мой театр, мой фест-театр в Байройте, одиноко стоящий в стороне от всего мира. Только там будет поставлен «Парсифаль». Его не должны давать на других сценах — для забавы публики. Но как осуществить это на деле, — этот вопрос составляет предмет моих забот и размышлений. Я думаю о том, каким путем, какими средствами я могу упрочить за моим произведением тот характер исполнения, о котором я говорю».[173]

Надо сказать, что условие, поставленное Вагнером, — не исполнять «Парсифаль» нигде, кроме Фестшпильхауса, по крайней мере в течение 30 лет после его смерти — неукоснительно было соблюдено.

До последнего своего часа Вагнер верил в великую миссию истинного искусства. В эту идею вместе с ним верил еще один человек — баварский король Людвиг II. Если бы они дожили до сегодняшнего дня, то испытали бы величайшее разочарование…

Людвиг больше не виделся с Вагнером лично, но оставался верным почитателем его гения. Последняя телеграмма короля к Вагнеру датирована 2 января 1883 года. Ответное письмо композитора— 10 января. «Когда Вагнер 13 февраля 1883 года умер в Венеции, Людвиг горько плакал, а затем послал своего генерал-адъютанта встретить гроб Вагнера на границе и возложить на него чудесный венок из лавров, цветов и пальмовых ветвей с надписью: «Король Людвиг Баварский — великому артисту, поэту слова и музыки, Рихарду Вагнеру». Этот венок провожал потом гроб Вагнера до могилы».[174]

Так закончилась великая дружба и великая борьба за великое Искусство.

Картина 2
Парцифаль и маркиз Саверни

Мы забежали далеко вперед и теперь должны вернуться вновь в 1870-е годы. «Побывав» на строительной площадке Линдерхофа, нельзя не «посетить» другую, еще более впечатляющую стройку, развернувшуюся в горах напротив «родового гнезда» Людвига II Хоэншвангау. Итак, мы снова у подножия Нойшванштайна.

За 1869–1873 годы были построены и полностью отделаны Главные (Въездные) ворота замка с прилегающими постройками. Но в целом, в отличие от Линдерхофа, строительство шло очень медленно и так и не было завершено к моменту смерти Людвига II: за 17 лет закончены лишь здание Паласа (1880), личные апартаменты короля (1881), Зал Певцов (1884) и Тронный зал (1885). Правда, начиная с 1884 года Людвиг II уже мог полноценно жить в королевских апартаментах, лично следя за продолжавшимся строительством. В общей сложности король провел в своем главном детище всего 172 дня…

Нойшванштайн — это поистине замок-парадокс. В его Зале Певцов при жизни короля никогда не звучала музыка; в его Тронном зале никогда не стоял трон… Замок, являвшийся величайшим памятником Средневековью, был оснащен самыми последними достижениями технического прогресса XIX века: в нем было проведено электричество, личные покои короля были снабжены системой центрального отопления, температура и влажность воздуха регулировались калориферной системой, на каждый этаж был проведен водопровод с горячей водой, а кухня оборудована автоматическими вертелами и установкой с проточной горячей и холодной водой. Были и другие технические достижения, например электрический звонок для вызова прислуги и даже телефоны на третьем и четвертом этажах. Между замком и административным зданием у подножия горы была также проведена телефонная линия — одна из первых в Германии.

По ходу строительства Людвиг постоянно вносил коррективы в проект. Время шло, менялось отношение короля к жизни, к окружающим его людям. С одной стороны, ему уже не хотелось, чтобы в его убежище толпились посторонние (по иронии судьбы Нойшванштайн сегодня — самое посещаемое место не только в Баварии, но и во всей Германии; замок принимает около полутора миллионов (!) человек в год), он стал особенно ценить уединение — и комнаты, предназначенные для гостей,

превратились на планах в Мавританский зал с фонтаном, который так никогда и не был построен. С другой стороны, король мечтал стать настоящим абсолютным монархом, новым Королем-Солнце, — и первоначально скромный Зал для приемов становится величественным Тронным залом. Причем значительное расширение помещения внутри уже законченного к тому времени Паласа поставило перед строителями задачу создания дополнительных инженерных конструкций. «Новый Хоэншвангау» постепенно перестает быть жилищем, он становится храмом.

Современники писали о новом архитектурном чуде: «Не придерживаясь слепо архитектуры древних замков, имевших главной целью оборону их владельцев и потому ставивших по углам сторожевые башни и проделывавших узкие окна, пропускавшие мало света, — замок Нойшванштайн своими окнами и балконами воспринимает и солнечные лучи, и горный воздух. Его несимметричная башня вышиной в 65 м. — идея самого Людвига, — лишая замок шаблонности, придает ему особенную красоту!.. То, что представляет теперь этот замок, может быть названо лучшим, что создано в новейшее время, представляя Валгаллу для всех любителей искусства!»[175].

Нойшванштайн — это не просто памятник архитектуры, памятник истории и т. д. и т. п. Этот замок — пожалуй, самый «людвиговский» из всех замков баварского короля — сохранил в себе нечто сакральное, непостижимое, не от мира сего. Недаром баварцы говорят, что «тело короля Людвига покоится в Мюнхене, в Михаэлькирхе, но дух его остался в замке Нойшванштайн!». Какую же тайну хранит загадочный замок, в котором обитают тени Парцифаля и Лоэнгрина? Отчего его атмосфера настолько очаровывает, что теряешь связь с реальностью? Не иначе как именно здесь воплотилась легенда о хранителях Святого Грааля, последним из которых, может быть, и был несчастный король Людвиг — хранитель Святого Грааля чистого романтического искусства? Создавая свой замок, он населил его образами средневековых германских саг, так дорогих ему с детства.

Упорно считается, что сюжеты настенных росписей и картин Нойшванштайна — иллюстрации к вагнеровским музыкальным драмам. Но такое мнение ошибочно. В замке «живут» герои «Старшей Эдды», германских легенд и Вольфрама фон Эшенбаха, а не Вагнера, как иногда сообщают некоторые путеводители. Вообще чисто вагнеровских персонажей в Нойшванштайне практически нет; вопреки ожиданиям, основанным на преклонении Людвига II перед гением композитора, художники, оформляющие внутренние покои замка, отдавали предпочтение

средневековым «предкам» вагнеровских героев.

Такой подход очень важен для понимания истинного духа Нойшванштайна. Вагнер всегда философски переосмысливал — и иногда весьма существенно — литературную канву для своих произведений. Людвиг II особо настаивал на том, чтобы в его замке были запечатлены сцены именно из древних первоисточников, а не из современных ему, пусть даже и конгениальных произведений. В Нойшванштайне «действуют» Сигурд, а не Зигфрид, Парцифаль, а не Парсифаль.

Любители мистики могут усмотреть в этом обстоятельстве даже своеобразный знак — сам Вагнер никогда не бывал в Нойшванштайне…

А еще они могут обратить внимание на то, что по крайней мере в трех помещениях замка, как нигде, чувствуется связь короля с Небом.

0 благочестии Людвига II мы уже говорили. Еще оно доказательство тому предоставляется в молельне Нойшванштайна, отделенной от деревянного готического кружева спальни красивой окованной металлом дверью. «Взгляд на подушку «prie-Dieu»[176] покажет вам, как часто верующий человек преклонял свои колени в молитве перед образами своих святых заступников. Потертый бархат говорит яснее о благочестии короля, чем религиозные картины «Тронной залы». Там блистают великие законодатели и учителя, тут мы видим верующего христианина, молящегося за нас».[177] Вспоминая эти строки, на душе становится особенно грустно…

И сразу несколько по-другому воспринимается алтарная роспись Вильгельма Хаушильда (Hauschild; 1827–1887), изображающая небесного заступника Людвига II Людовика Святого, а также великолепный витраж боковой стены «Людовик Святой принимает последние утешения», созданный в придворной художественной мастерской. Какого последнего утешения искал здесь сам несчастный Людвиг?.. «На алтаре чудесное распятие из слоновой кости, а перед ним «prie-Dieu», обитое фиолетовым бархатом, потертым от коленопреклонений короля, несшего сюда, в часы скорби и разочарований, никем не подслушанные стоны больной души…»[178]

Король недаром называл себя Парцифалем. Именно с ним — а не с Лоэнгрином! — у Людвига II действительно имелась, можно сказать, сакральная связь. И чтобы понять это, достаточно лишь всмотреться в картины другого помещения Нойшванштайна — Зала певцов. Для начала позволим себе частично напомнить сюжет романа Вольфрама фон Эшенбаха.

Итак, однажды Парцифаль попал в замок Святого Грааля и

узнал, что хозяин замка, король, тяжело болен. Давно и тщетно он ждал обращенного к себе одного-единственного вопроса: «Отчего ты так страдаешь?» Но Парцифаль, боясь нарушить законы формальной рыцарской вежливости, не проявил должного сострадания и ни о чем не спросил короля. А ведь именно в сострадании к ближнему как раз и заключается основная заповедь рыцарства; сила, доблесть и даже справедливость — ничто без умения чувствовать чужую боль, как свою собственную, то есть без умения прощать и сострадать. Наутро Парцифаль обнаружил, что замок словно вымер. Он вскочил на коня и покинул зачарованное место. Но с тех пор не знал покоя, не выдержав испытания на сострадание. Наконец Парцифаль узнал, что король Грааля был ранен отравленным копьем в битве с язычником. И когда все рыцари Грааля, коленопреклоненные, молили Грааль вернуть здоровье королю, на священном камне появилась надпись, гласившая, что в замок скоро явится неизвестный рыцарь, он спросит о причине страданий короля и тот сразу исцелится. Причем никто из рыцарей не должен побуждать гостя задать вожделенный вопрос, тот должен сделать это по доброй воле. Если вопрос прозвучит, то король исцелится лишь его сострадательной силой, а спросивший займет его место на престоле Грааля…

На картинах Зала певцов нет продолжения и тем более счастливого финала предания. Все основные испытания и грядущая победа для Парцифаля еще впереди. Мы видим лишь, как он первый раз проходит, но не выдерживает свой главный экзамен на сострадание. Пожалуй, это ключевой момент не только в символическом оформлении Зала певцов, но всего Нойшванштайна. Король, который истово молился за своих подданных в тишине молельни, просил и о сострадании к самому себе, но так и не дождался его. Окружающие Людвига придворные и те, кто называл себя его друзьями — включая и самого Вагнера, — не задали королю единственно важного вопроса: «Отчего он так страдает?» А потом задавать этот вопрос стало уже некому. Некому и передать престол Святого Грааля… Вот почему в сакральном смысле последний король-романтик, последний служитель рыцарства, так и не смог найти себе преемника и, одинокий, навечно унес священную тайну с собой в могилу.

Кстати, Людвиг II мечтал о небе не только в духовном, но и вполне в материальном смысле. В рабочем кабинете короля в Нойшванштайне — средоточии мечтаний и мучительных раздумий — находятся «два пера с изящными ручками, из которых одно гусиное, которое только последние годы король

переменил на стальное, а другое стальное, исторически замечательное тем, что им Людвиг собственноручно писал королю Вильгельму то письмо, в котором предлагал ему принять императорский титул. Говорят, что прежде в той комнате всюду находились альбомы и папки с дорогими акварельными рисунками любимых художников короля, тут же был и план летательной машины, придуманной Людвигом II, на которой он мечтал когда-нибудь перелететь через Alp-See и Schwan-See».[179]

Интересно отметить, что упоминаемая в цитате летательная машина нашла свое «воплощение» лишь в 2006 году, когда в Баварии отмечали 120 лет со дня гибели Людвига II. Тогда был впервые продемонстрирован своеобразный аттракцион: желающим с помощью специальных очков предоставлялась возможность виртуального путешествия над Баварией с высоты птичьего полета. Все красоты альпийского пейзажа, живописнейшие баварские озера можно было осмотреть, словно летя в корзине воздушного шара. Именно эти завораживающие картины и мечтал увидеть король-романтик — а может быть, и видел мысленным взором, — изобретая свою летательную машину в тишине своего кабинета в Нойшванштайне…

Подобные проекты могли двигать науку вперед, а могли и просто помочь выжить мечтательной натуре в жестокой действительности. Еще в 1876 году Людвиг признавался в одном из своих писем: «Вы не можете поверить, как я бываю глубоко несчастлив. Весел и доволен я могу быть только среди природы, в моих милых горах; в противном городе грустен и в высшей степени меланхоличен, чувствуя себя вполне одиноким. Я не могу жить в атмосфере этой могилы; моя душа ищет свободы. Там, где альпийские розы блекнут, как в болотных миазмах, там нет жизни; она в блеске солнца, в благоухании воздуха! Долго оставаться в Мюнхене было бы для меня смертью».[180]

Кстати, именно в это время, в 1877 году, государственным министром финансов был назначен барон Эмиль фон Ридель (1832–1906). На этой должности Ридель продержался с 1877 по 1904 год! Став регентом, принц Луитпольд в целом не стал менять кабинет верных ему министров. Именно с Риделем будет связан тот финансовый конфликт, который стоил Людвигу II не только трона, но и жизни…

Между тем неуклонный «уход в одиночество» продолжался. Так, 26 апреля 1880 года Людвиг II в последний раз присутствовал на традиционных торжествах ордена Святого Георга. Гроссмейстер в душе прощался со своими рыцарями…

А 22 августа этого же года, почти накануне своего 35-летия, король выступил со своим последним обращением к баварскому

народу. Отдавал ли Людвиг себе отчет в том, что оно действительно последнее? Собирался ли он уже тогда окончательно порвать связь с внешним миром? Скорее всего, он просто не задумывался над этим, полностью полагаясь на Высшую Волю. Несомненно одно: победы своих идеалов король уже не ждал; он оставлял поле битвы на милость победителям…

«Это мой герой! — сказал однажды Людвиг о Парцифале. — Когда-то я избрал Зигфрида; но он в своей несокрушимой силе торжествовал надо всем, тогда как Парцифаль склоняется перед верховным могуществом!..»[181].

Показательно, что именно в это время, в 1880 году, Нойшванштайн уже смог «принять у себя» короля. 12 декабря Людвиг II впервые остался в своем недостроенном замке на ночлег.

Однако парадокс именно этого периода жизни баварского короля заключается в том, что, несмотря на постепенный уход от реальности, он, вопреки распространенному мнению, все еще продолжал живо интересоваться политическим положением не только в своей стране, но и в мире. И доказательство тому — переписка Людвига II с «Железным канцлером» Бисмарком. Вообще дальнейшее развитие взаимоотношений этих двух людей настолько неординарно, что также не может быть обойдено молчанием.

Мы уже говорили, что изначально со стороны романтичного и возвышенного Людвига II никакой особой сердечной привязанности к Бисмарку не было. Настороженность, недоверие, смирение перед более сильным противником — да. Но не дружба. Это неудивительно, учитывая полную противоположность их натур. Удивительно другое: искренняя душевная симпатия наблюдается как раз со стороны расчетливого и циничного Бисмарка.

С точки зрения политики после «Императорского письма» Людвиг перестал быть так уж необходим Бисмарку. Но оставались взаимные обязательства (в частности, выплаты пресловутого фонда Вельфов). И тот и другой честно соблюдали договор; имперский канцлер находился в деловой переписке с государем союзной страны.

Однако постепенно казенный тон писем Людвига и Бисмарка меняется. А главное — в письмах Людвига читается искренняя заинтересованность всем, о чем идет речь, будь то дела внешней или внутренней политики, взаимоотношения между церковными и светскими властями, проблемы войны и мира. Король действительно ставил Бисмарка как политика очень высоко и прислушивался ко всем его советам. Бисмарк же по отношению к

Людвигу выступал, словно опытный наставник. При его явной симпатии к баварскому королю он не мог не почувствовать тот душевный надлом, происходящий в душе Людвига II. И стал для него, пожалуй, самым надежным якорем, до последнего прочно удерживающим короля на земле. Людвиг, возможно, подсознательно, но чувствовал это. И был благодарен.

Вот лишь несколько примеров, взятых в хронологическом порядке из переписки 1877–1883 годов и наглядно демонстрирующих ошибочность утверждения о полной отстраненности Людвига II от государственных дел. Напомним еще раз уже цитированные нами слова самого Бисмарка о том, что только подлинная переписка «способствуют правильной характеристике» несчастного Людвига II, да и сами письма «также могут сызнова приобрести актуальный интерес».

> «… Примите также, любезный князь, мою искреннюю благодарность за сообщаемое Вами радостное известие о надеждах на поддержание мира и за уверение, что фон Рудгарт, посланник, назначенный мною в Берлин, будет принят Вами благосклонно и с полным доверием. Ваше отношение ко все чаще всплывающему вопросу об учреждении ответственных имперских министерств доказывает, что мы имеем в Вас могучий оплот и защиту прав союзных князей; мне доставили большое успокоение Ваши слова, любезный князь, что Вы видите благо Германии в будущем не в централизации, которая была бы достигнута учреждением подобных министерств. Будьте уверены, что я употреблю все силы к тому, чтобы непременно обеспечить Вам и на будущее время в борьбе за сохранение основ имперской конституции самую чистосердечную и полную поддержку со стороны моих представителей в Союзном совете, к коим, без сомнения, присоединятся и уполномоченные прочих государей. (Здесь и далее в цитируемых отрывках курсив мой. — М. З.)
>
> *Людвиг Берг, 7 июля 1877 год»*[182]

Недопущение усиления централизации, которая неизбежно угрожала бы относительной независимости Баварии, после 1871 года стало основной задачей политики Людвига II. Кроме того, по-прежнему были не решены проблемы, связанные с «Культуркампфом» и католической церковью. Бисмарк писал королю из Киссингена 7 августа 1879 года:

«Зная, что Ваше Величество живо интересуетесь ходом наших переговоров с Римом, я осмеливаюсь представить прилагаемые при сем копии нижеследующих документов:

1) письма папы к Его Императорскому Величеству от 30 мая,

2) ответа на это письмо от 21 июня,

3) письма папы к Его Императорскому Величеству от 9 июля, на которое еще не последовало ответа.

Фон Бисмарк».[183]

Обратим внимание на то, что документы, присланные Людвигу Бисмарком, вовсе не являлись необходимыми к ознакомлению для баварского короля. Это была добрая воля Бисмарка, воодушевленного искренним интересом Людвига II, который не мог не оценить такого доверия:

«Любезный князь!

Шлю Вам горячую благодарность за Ваши, доставившие мне большое удовольствие, письма от 4 и 7-го числа сего месяца, в которых Вы сообщаете мне так много интересного о позиции [отдельных] партий и о положении римских дел. Переговоры, которые Вы ведете с Римом, уже увенчались успехом, так как заметное улучшение наших отношений с римской курией оказало решающее влияние на партию Центра[184] и способствовало удачному завершению Вашей финансовой реформы. Да увенчаются и в других отношениях успехом Ваши энергичные попытки создать большую консервативную партию. Я искренно желаю, любезный князь, чтобы здоровье и силы позволили Вам осуществить Ваши великие и столь важные задачи…

Людвиг

Берг, 18 августа 1879 года»[185]

А вот еще одно письмо — разница с предыдущим составляет почти год, — доказывающее, что политика в отношении Церкви до сих пор не отошла для Людвига на второй план. Кстати, именно тогда, в 1880 году, министр по делам Церкви Лутц стал председателем Совета министров и получил потомственное дворянство.[186] Людвиг все больше приближает к себе этого человека и, соответственно, поднимает по карьерной лестнице.

Напомним, что во многом позиции Лутца, Бисмарка и Людвига II по церковным вопросам совпадали. Причем из приведенного ниже отрывка из письма ясно видно, что в данном случае интересы короля простираются еще дальше — его волнует даже не политика Баварии, а Пруссии!

> «Любезный князь фон Бисмарк!
>
> Я с большим интересом ознакомился с проектом церковного закона, который должен быть внесен в прусский ландтаг, и горячо благодарю Вас за его присылку, с приложением Вашего столь ясного изложения обстановки… Если условия в Рейхстаге и не всегда складываются так, как хотелось бы, то все же, любезный князь, Союзный совет всегда с неизменной готовностью поддержит Вас на основе федеративного принципа имперской конституции. Мое правительство, никогда не отклоняющееся от этого принципа, было всегда проникнуто поддерживавшим его сознанием, что оно оказывается, таким образом, заодно с человеком, высокой политической прозорливости и деятельности которого Германия обязана своим вновь возникшим величием на пути не только сохранения, но даже укрепления в едином союзе необходимой самостоятельности и силы отдельных государств. Верность подобным принципам обеспечивает нашему общему отечеству мир и могущество. Чем более страстно я к этому стремлюсь и чем крепче моя неуклонная решимость бороться за это, тем труднее мне расстаться с надеждой, что я и со мной вся Германия еще долгие годы будем чувствовать Ваше всегда одинаково незаменимое руководство делами. Примите вновь, любезный князь, уверения в особом уважении, с коим пребываю Вашим искренним другом
>
> *Людвиг*
>
> *Замок Берг, 17 мая 1880 год»*[187].

Не остается король в стороне и от внешней политики. Два следующих отрывка особенно интересны, поскольку в них речь идет о России.

> «Любезный князь!
>
> … Я не хочу упустить случая сказать Вам, что я прочел с величайшим интересом приложенную к Вашему

письму записку о нынешнем политическом положении. К величайшему моему удовлетворению, я вывел из нее заключение, что в настоящее время нет серьезных признаков, которые дали бы основания опасаться в ближайшем будущем за европейский мир. Хотя положение дел в России и концентрация войск на ее западной границе могут возбудить некоторое опасение, но я все же питаю надежду, что благодаря отрадному согласию, существующему между Германией и Австрией, служащему мощным залогом мира на европейском континенте, и благодаря Вашей мудрой и дальновидной политике удастся избежать военных осложнений, и мирные намерения русского императора (Александра III. — М. З.), провозглашенные им во всеуслышание совсем недавно по случаю торжественной коронации в Москве, одержат в конце концов верх… Искренно желаю Вам скорейшего восстановления сил и здоровья, дабы Германия долго еще пользовалась сознанием безопасности, какое внушает ей доверие к энергии и проницательности ее великого государственного человека…

Людвиг

Замок Берг, 2 сентября 1883 года»[188].

«Любезный князь фон Бисмарк!

Я имел удовольствие получить Ваше письмо от 19-го числа сего месяца; горячо благодарю Вас, любезный князь, за Ваши сообщения и за приложенный к ним документ из Санкт-Петербурга. С тем и другим я ознакомился с живейшим интересом… Что касается в частности отношений Германии к России, то я с удовольствием заключаю из донесения генерала фон Швейница, что нет по крайней мере причины сомневаться в искреннем миролюбии русского императора и его руководящего министра. Этот успокоительный факт в связи с согласием, упрочившимся, к счастью, между Германией и Австрией и ныне, судя по вашим словам, вполне обеспеченным, что меня искренно радует, еще более укрепляет во мне надежду на дальнейшее упрочение мира…

Людвиг

Эльмау, 27 сентября 1883 года».[189]

Итак, в 1880-х годах в натуре Людвига II мучительно пытаются ужиться две противоположные натуры: мечтателя-идеалиста, стремящегося скрыться от реальных проблем, и государственного деятеля, радеющего о благе своей страны. Людвиг по-прежнему все еще король, не только «сказочный», но и баварский!

В это время мучительнейшего душевного разлада ему, пожалуй, как никогда прежде, хотелось видеть рядом с собой тонкую понимающую родственную душу. И если государственный деятель нашел поддержку в лице Бисмарка, то теперь помощи жаждал мечтатель-идеалист. Тем более что Бисмарка уж никак нельзя назвать «тонкой понимающей родственной Людвигу душой». Нет, здесь должен быть не политик, но Артист!

В свое время Людвиг II нашел духовную опору в лице Вагнера. Теперь судьба вновь подбросила королю «человека творческой профессии». Им оказался молодой актер Йозеф Игнац Кайнц (Kainz).

Мы уже говорили о серьезном увлечении Людвига II театром. Надо сказать, что король вообще был прекрасно образованным человеком и умел по-настоящему ценить искусство. «Литературу Людвиг глубоко ценил и уважал. Обладая полной возможностью приобретать книги в неограниченном количестве, он постоянно имел под рукой все, что появлялось значительного на европейском книжном рынке. Классическая литература всех стран была представлена в его библиотеке широко, но материалом его постоянного чтения были сочинения, так или иначе соприкасающиеся с главными идеями его жизни. Любимыми его авторами называют Шиллера и Гете, Байрона и Шекспира, Расина, Мольера и Гюго… Уровень его общего образования был очень высок.

То, чего он не успел усвоить до вступления на престол, он пополнял впоследствии усердным чтением. Но и здесь он остался верен основной своей склонности — из занятий своих извлекать только то, что так или иначе могло действовать на его воображение. Когда его интересовал, например, Восток, он не только в неопределенных формах грезил о нем — он изучал его, читал о нем книги по географии, истории, этнографии… Обстановку, в которой жили французские короли, Людвиг действительно знал не хуже своего собственного дворца. Его превосходная память облегчала ему приобретать эти знания из массы прочитанных книг, из чертежей, рисунков и, наконец, из личных наблюдений в период пребывания в Париже».[190]

Любовь, в частности, к французской литературе проявилась у Людвига очень рано и не покидала его до конца жизни. Она-то во многом и явилась той предпосылкой, которая позволила ему уже в зрелом возрасте «перевоплотиться» со свойственным юности романтизмом в героя одной полюбившейся ему пьесы.

В 1881 году Людвиг несколько раз посетил спектакль по пьесе Виктора Гюго «Марион Делорм». Начинающий артист Йозеф Кайнц в роли Дидье произвел на короля незабываемое впечатление. Дидье — романтический юноша, скорее всего, знатного происхождения, и маркиз Саверни — беспечный баловень судьбы, жертвующий собой ради Дидье, однажды спасшего ему жизнь… В этих образах пылкое воображение Людвига увидело Кайнца и самого себя. После первого же представления «Марион Делорм» Кайнц получил от короля сапфировый перстень и письмо с призывом «следовать трудному и тяжелому, но прекрасному и возвышенному призванию».[191] (Кстати, всегда требуя «по Станиславскому» во время представлений полнейшей исторической точности и правдивости в обстановке, костюмах и т. д., Людвиг однажды серьезно распек Кайнца за то, что тот, играя роль бедного человека — Дидье, — надел на сцену этот дорогой перстень.) Вскоре артист получил приглашение прибыть в Линдерхоф, где и зародилась их пылкая, но недолгая дружба.

К тому времени Кайнцу не было еще и 23 лет. Он родился 2 января 1858 года в Визельбурге в семье железнодорожного чиновника, правда, бывшего актера. Йозеф впервые вышел на сцену в 15-летнем возрасте, а свою серьезную актерскую карьеру начал в Вене, после чего несколько лет работал в провинциальных театрах Германии. В 1880-х годах он, наконец, получил работу в Мюнхене, а затем и в Берлине. Кстати, именно Берлин по-настоящему открыл талант Кайнца; здесь он создал целую галерею классических образов: мольеровских Тартюфа и Альцеста, шиллеровских Фердинанда и Франца Моора в «Разбойниках», шекспировских Ромео и Шута в «Короле Лире», ростановского Сирано де Бержерака и др. Вершиной же его актерского мастерства стал Гамлет; впервые он вышел на сцену в этой роли в 1891 году. В конце жизни Кайнц вернулся в Вену, став ведущим актером Бургтеатра. В Вене же 20 сентября 1910 года он и скончался, будучи признанным одним из крупнейших немецких и австрийских актеров рубежа XIX–XX столетий. В Австрии даже существует театральная медаль Кайнца, которой награждаются наиболее выдающиеся актеры.

Но пока до всего этого еще далеко. И молодой артист, немного робея, впервые переступает порог королевских покоев в

Линдерхофе.

Впоследствии эту дружбу короля и актера будут также пристрастно «препарировать под микроскопом», чтобы найти в ней что-то ненормальное и предосудительное, как в свое время дружбу короля и композитора. Можно было подумать, что Людвиг наконец нашел замену Вагнеру. Однако между отношениями к Вагнеру и к Кайнцу не было ничего общего, за исключением лишь отдания дани уважения таланту обоих. «Со свойственным ему увлечением и нежным, искавшим идеальной привязанности сердцем, Людвиг под впечатлением игры Кайнца сразу почувствовал большую симпатию к этому молодому и талантливому артисту. Приблизив его к себе, конечно, он тотчас же возбудил этим зависть, насмешки и осуждение в кругу придворных, нашедших эту дружбу короля с актером неприличной и недостойной, не прощая Людвигу и того, что он первый из царственных особ взглянул на сценического артиста как на человека, а не как на пария общества! Разбирали по волоску все проявления симпатии короля к Кайнцу, видя в этом тоже признаки ненормальности, в которой он будто бы повторял свою, пережитую им в юности, любовь к Вагнеру. Это сравнение простиралось до того, что в нескольких написанных королем письмах к Кайнцу видели повторение, чуть ли не копии с его писем к Вагнеру! Тогда как в этих известных мне письмах и в его письмах к Вагнеру такая же разница, как и в чувствах Людвига к тому и другому. Дружески-покровительственный тон их с одобрением таланта Кайнца также отличается от полного экстаза, уносившего в небо идеальную душу «небесного юноши», в письмах к Вагнеру, как и нежная, полная снисходительности привязанность к Кайнцу — от экзальтированного обожания Вагнера»[192].

Актер гостил в Линдерхофе целых две недели в июне 1881 года, в течение которых он и его царственный покровитель вели долгие беседы об искусстве, декламировали целые сцены из любимых пьес и совершали многочасовые прогулки. Конечно, справедливости ради надо сказать, что для Кайнца, обладавшего гораздо менее романтической натурой, чем Людвиг, бесконечные декламации и ночные бдения были тяжелым испытанием. Но он до поры все терпел, понимая, что королям не принято отказывать ни в чем. Тем более что актер также прекрасно осознавал, что дружба с королем открывает для него самые радужные карьерные перспективы.

Его можно заподозрить в лицемерии. И все же эта дружба была нужна в равной степени им обоим. «Дружба с Кайнцем была светлым лучом в последней темной полосе жизни Людвига. Это

были последние его отношения с человеком, который мог понять его (курсив мой. — М. З.). Пусть Людвиг был не всегда чуток к личному человеческому достоинству Кайнца, а Кайнц — несколько утилитарен в своих взглядах на короля. Но несомненно, что моментами оба были довольны друг другом». [193]

Вскоре после отъезда Кайнца из Линдерхофа Людвиг написал ему в Мюнхен письмо с предложением совершить совместную поездку в Швейцарию, на родину любимого ими обоими Вильгельма Телля. При этом, желая соблюсти строжайшее инкогнито, Людвиг выбрал себе «дорожный псевдоним» маркиз Саверни, а Кайнц — Дидье. 27 июня они в вагоне 1-го класса обыкновенного поезда, никем не узнанные, отправились в Люцерн, а оттуда на пароходе в Бруннен.

Это путешествие настолько показательно для характеристики личности нашего героя, что остановимся на нем несколько более подробно. Итак, устав от придворного этикета и шумихи вокруг своей королевской особы, Людвиг мечтал отдохнуть, как «простой смертный», не стесняемый никакими условностями, в обществе близкого по духу творческого человека. Надо сказать, что для Людвига это был не первый опыт путешествий инкогнито. Еще в октябре 1865 года Людвиг посетил Швейцарию, чтобы лично осмотреть те места, «где действовал любимый им швейцарский патриот. Швейцарская газета кантона Швиц (Schwyz) с восторгом отзывается об этом «туристе», молодом человеке поразительной наружности, который с таким интересом осматривал ратушу, а в книжном магазине покупал те книги, что могут дать понятие о Швейцарии и ее горах; и все, что он говорит, выражает глубокий интерес к занимавшему его предмету»[194].

«Родина Вильгельма Телля шлет горячий привет своему юному коронованному другу!» — писала газета. Растроганный Людвиг ответил редактору газеты следующим письмом:

> «Господин редактор! Моя душа ликовала, когда я прочел присланное мне теплое приветствие родиной Вильгельма Телля, к которой я питаю с детства особенное влечение. Передайте мое искреннее сочувствие друзьям в старинных кантонах. Воспоминание о моем посещении великолепных швейцарских гор всегда будет дорого для меня, так же и память о свободном и честном народе, которого да благословит Бог! Ваш доброжелательный
>
> *Людвиг*

Hohenschwangau, 2 ноября 1865»[195].

Но с годами потребность в покое у короля усиливалась; все же быть королем — это очень стрессовая «профессия». Поэтому Людвиг очень болезненно воспринимал, когда его планы на уединенный отдых нарушались. Биограф короля Жак Банвилль пишет: «В 1874–1875 годах, путешествуя по Франции под именем графа Берга, Людвиг II в Париже запросто посещал театры, музеи и даже ездил по городу на империале омнибусов. В 1875 году при таком же инкогнито он едет в Реймс с целью посетить знаменитый собор, с которым связаны воспоминания о Жанне д'Арк. Но народ узнал о его приезде, и когда он, долго пробыв в соборе, вышел оттуда задумчивый, полный размышлений о чудесной Девственнице, собравшаяся толпа устроила ему шумную овацию, которая, несмотря на всю ее сердечность, была такой дисгармонией с настроением Людвига, что он на другой же день уехал в Мюнхен, а оттуда в свои любимые горы»[196].

Примерно то же приключилось с королем и во время путешествия в Швейцарию с Кайнцем. Как только пароход причалил в Бруннене, с берега раздались радостные овации, и Людвиг увидел, что вся набережная запружена народом, ожидающим, когда он сойдет на берег. Это было настоящим ударом для желающего покоя и максимального уединения «маркиза Саверни». Решено было высадиться в более отдаленном месте и уже оттуда пройти в заранее приготовленный к его приезду скромный отель. Но оказалось, что и там путешественников уже ждали толпы любопытных. Лишь через несколько дней королю и его спутникам удалось устроиться на уединенной частной вилле «Gutenberg», имевшей вид простого швейцарского дома, в окрестностях живописного озера, окруженного горами. Это было то, что нужно. Садовник, исполняющий на вилле также должность управляющего, с «редкой» фамилией Шмид рассказывал русскому биографу Людвига II С. И. Лаврентьевой один весьма характерный эпизод: «Я был с королем на балконе; он дружески расспрашивал меня о том времени, что я провел в школе «Телля», и о моих школьных воспоминаниях и о воспитании вообще, что его интересовало. Когда я, отвечая ему, употребил его королевский титул, он, быстро взглянув на меня, спросил: «Вы ведь господин Шмид?» «Точно так, Ваше Величество!» — отвечал я. «Ну так прошу вас говорить и мне просто «mein Herr».[197] Я Majestät[198] только в Баварии. Заметьте это, любезный Шмид»».[199]

И все же в душе король всегда оставался королем, тем более что в строгих традициях этикета двора он и был воспитан;

Людвиг не мог, даже если бы очень хотел, освободиться от своей второй натуры. Одна часть его души жаждала свободы, другая — находилась в жестких тисках условностей церемониала. Парцифаль требовал простоты и непосредственности, Людовик XIV — преклонения и почитания. Именно этого-то и не смог вовремя понять Йозеф Кайнц.

В первые дни «отпуска» Людвиг и Кайнц наслаждались покоем. И в такие минуты король особенно нуждался в творческой подпитке со стороны актера. Его мелодичный голос, декламирующий бессмертные строки великих поэтов, был настоящим лекарством для его страдающей души. На вилле «Gutenberg» к услугам Людвига была лодка, и он вдвоем с Кайнцем совершал ночные прогулки по озеру. Людвиг делился с другом своими обширными познаниями из истории Швейцарии; Кайнц читал монологи из «Вильгельма Телля» Но… Нет в мире совершенства, идиллия продолжалась недолго.

Кайнцу недоставало терпения и такта вынести испытание королевской дружбой. В какой-то момент он начал чувствовать свою вседозволенность, позволять себе вести себя непочтительно и даже несколько вызывающе и в итоге перешагнул ту грань, которая отделяла непринужденность от фамильярности. Вначале Людвиг прощал ему все. Но дисгармония усиливалась. Как всегда, сначала ослепленный и очарованный личностью актера, король стал постепенно освобождаться от розовых очков. Кайнц начал открыто пренебрегать им. Однажды во время чудной лунной ночи Людвиг и Кайнц поплыли в Рютли, где, сойдя на берег и поддавшись магии места, король-романтик захотел послушать один из своих любимых монологов. Но актер вместо этого демонстративно завернулся в плащ и, ни слова не говоря, преспокойно заснул на траве под деревом. Людвиг не захотел тревожить друга и даже поручил слуге остаться при спящем, а при его пробуждении позаботиться о препровождении его обратно на виллу.

Тогда Кайнцу все сошло с рук. Терпение короля переполнилось роковым 11 июля, когда они снова поплыли в Рютли. По дороге Людвиг спросил, согласен ли Кайнц наконец прочесть обещанный монолог. Тот отвечал согласием. По прибытии на место король, окинув восхищенным взглядом чудный пейзаж, озаренный луной, обернулся к Кайнцу и восторженно спросил: «Как это вам кажется?» «Мерзко!» — был дерзкий ответ. Людвиг пропустил мимо ушей столь откровенное хамство и напомнил актеру о монологе. «Я устал и не буду ничего декламировать!» — последовал второй дерзкий ответ. Ошеломленный король повернулся, быстро пошел к пристани и

на вопрос слуги, надо ли ждать господина Дидье, сухо ответил: «Дидье устал, пусть отдохнет». После чего уехал на виллу один…

На следующий день Людвиг, не дожидаясь Кайнца, отбыл в Люцерн, откуда послал через гофкурьера телеграмму, все же вызывавшую актера для совместного проезда с королем до Мюнхена: несмотря на нанесенные обиды, Людвиг не хотел перед всеми выставлять напоказ свое неудовольствие артистом. Однако в Баварию Кайнц возвращался уже в адъютантском вагоне.

При расставании на вокзале Людвиг обнял Кайнца и долго молча смотрел на него, словно пытаясь до конца понять эту, казалось бы, близкую, а оказавшуюся такой чужой душу. Больше они уже никогда не встречались. Кайнц лишь получил от Людвига последнее прощальное письмо, полное не враждебности, а лишь тихой грусти. «Надеюсь, что Дидье будет дружелюбно вспоминать время от времени своего Саверни. Приветствую вас сердечно. Да витают над вами добрые духи! Желаю этого от всего сердца. Дружески к вам расположенный Людвиг»[200].

Впереди короля ждало уже только одиночество…

Картина 3
Сумерки богов

Как не похоже по эмоциональному настрою было путешествие «графа фон Берга» в Париж в 1867 году на путешествие «маркиза Саверни» в Швейцарию в 1881-м! Тогда Людвиг вернулся полным новых планов, вдохновленный и отдохнувший душой; теперь — угнетенный и подавленный. Тогда его сопровождал блестящий вельможа, кутила и прожигатель жизни, друг детства граф фон Хольнштайн, можно сказать, ровня. Теперь — молодой актер, человек из низов, потерявший голову от благоволения монаршей особы и возомнивший себя чуть ли не выше всех. Но тогда у Людвига еще не было ни одного замка-убежища, а теперь, если считать Шахен, было уже три. И полным ходом шло строительство четвертого, обещавшего стать самым роскошным и великолепным, торжественным и величественным, настоящим воплощением абсолютной королевской власти. Для короля, фактически униженного последним своим подданным, это было особенно нужно.

Замысел строительства «Баварского Версаля», как мы уже говорили, возник у Людвига II после посещения в 1867 году Версаля настоящего. Но тогда, занятый проектам Нойшванштайна и Линдерхофа, король не дал этому плану дальнейшего развития. В итоге Линдерхоф из «Версаля» превратился в «Малый Трианон», а нереализованные мечты так и оставались лишь мечтами.

К тому времени Людвиг уже сознательно расширял границы «параллельной Баварии». У него появились убежища в горах (Нойшванштайн и Шахен) и в лесах (Линдерхоф). Где же еще искать уединения, как не на острове, среди вод?

И в 1873 году король покупает самый большой остров на озере Кимзее (Chiemsee), воспользовавшись первым траншем из фонда Вельфов. На Кимзее два больших острова — Херренинзель (Herreninsel, букв. «Мужской остров»), названный так потому, что в свое время на нем находился мужской монастырь августинцев, [201] и Фрауенинзель (Fraueninsel, букв. «Женский остров»), на котором до сегодняшнего дня действует женский бенедиктинский монастырь. Король выбрал первый. Его территория, поросшая диким лесом, позволяла и построить большой дворец, и разбить регулярный французский парк. Кстати, соединив названия острова и самого озера, Людвиг и «окрестил» свой новый замок-дворец — Херренкимзее (Herrenchiemsee).

В том же 1873 году Людвигу II были представлены первые

планы будущего «Версаля». Над его проектом работали Кристиан Янк, Георг фон Доллман и Франц фон Зайтц. Король поставил перед архитекторами и художниками сложную задачу: воздвигнуть Храм абсолютной монархии. (Именно поэтому в замке наряду с любимым Людовиком XIV «присутствует» и другой абсолютный монарх — Людовик XV.)

При этом Людвиг вовсе не стремился к слепому копированию французского оригинала; ему был важен в первую очередь не внешний вид своего замка, а его душа, атмосфера, в которой он чувствовал бы себя настоящим королем. Скорее всего, именно поэтому Херренкимзее должен был даже превосходить Версаль, создатель которого — Людовик XIV — никогда не ставил перед собой никаких сакральных задач.

В частности, примером такого превосходства может служить Большая зеркальная галерея, занимающая почти всю западную часть замка. С одной стороны, эта галерея, несомненно, является копией версальской Зеркальной галереи. Но с другой — превышает ее по размерам: по своей длине (98 м) она протяженнее версальского оригинала на 25 м! Большая зеркальная галерея была построена в 1879–1881 годах по проекту Георга фон Доллмана. По внешней стене расположены 27 окон, выходящих в парк. Количество окон соответствует количеству зеркал, отражаясь в которых, пространство галереи, кажется, уходит в бесконечность. Это царство зазеркалья, в котором теряешь, где кончается реальность и начинается параллельная Вселенная.

Но во внешний облик замка очень быстро начали вносить коррективы обстоятельства, не зависящие от воли монарха: в 1885 году строительные работы были приостановлены из-за нехватки средств; два боковых «версальских» флигеля так и не были достроены. Более того, один уже частично построенный флигель был снесен в 1907 году, чтобы не нарушать общую симметрию здания.

Почти такая же судьба постигла и парк Херренкимзее. К его проекту через четыре года после начала строительства дворца — в 1882 году — приступили все тот же ландшафтный архитектор Карл Йозеф фон Эффнер, создававший парк Линдерхофа, и скульптор Йохан Непомук Хаутман (Hautmann; 1820–1903). Для начала требовалось провести большую подготовительную работу по расчистке и разравниванию местности, на которой предполагалось разбить регулярные французские сады. Согласно первоначальным планам фон Эффнера парк в целом должен был занимать 81 га. Сегодня «цивилизованная» часть его несоизмеримо меньше; большую территорию по-прежнему

занимает лес.

Вообще, Херренкимзее — самый недостроенный замок Людвига II: из его 70 комнат отделаны только 20. И если в также недостроенном Нойшванштайне эта незавершенность совершенно не ощущается, то здесь она оставляет тяжелое и гнетущее впечатление. Как будто вырвали с корнем и бросили умирать прекрасное мощное дерево, ветви которого все еще покрыты листвой, но уже поникли и тронуты увяданием. Так и вся роскошь золотой отделки замка воспринимается как прощальная осенняя позолота, за которой вскоре наступит неизбежный холод смерти…

Наверное, Людвиг II предчувствовал приближающуюся катастрофу, поэтому очень спешил со строительством. Первый камень в основание Херренкимзее был заложен 21 мая 1878 года, а уже к 1881 году основное здание было возведено. 29 сентября 1882 года Людвиг II приехал на свой остров и до 8 октября жил в монастыре августинцев, следя за строительством, которое шло полным ходом; вокруг был даже разбит настоящий строительный городок с бараками для рабочих, собственной кухней, столовой, мастерскими. Использовались последние достижения технического прогресса. По специально проложенной к озеру дороге был пущен поезд на паровой тяге, чтобы ускорить транспортировку доставляемого на остров строительного материала. Многие элементы интерьера — в частности, ткани, мебель, картины — заказывались параллельно со строительством и часто бывали готовы задолго до начала внутренней отделки помещений. Но… Времена абсолютной монархии, как чувствовал на собственном горьком опыте Людвиг, безвозвратно канули в прошлое. Храм забытым богам изначально был обречен… Золотой дворец Херренкимзее — это Валгалла, последнее обиталище богов, над которыми уже сгустились сумерки.

Еще одна грустная статистика Херренкимзее — непосредственно в самом своем храме Людвиг II прожил всего лишь 9 дней — с 7 по 16 сентября 1885 года. Может быть, именно поэтому атмосфера холода нежилого помещения так остро чувствуется даже в отделанных, поражающих своей роскошью помещениях. Но они, словно пустая, хоть и красивая оболочка, также лишены души, как и недостроенная Северная лестница дворца, которая «обдает холодом» не только из-за своего месторасположения и названия. Отделочные работы здесь даже не начинались. Голый кирпич, деревянные перекрытия… Стоя среди этого запустения, невольно хочется воскликнуть вслед за Гамлетом: «Бедный Йорик!» Лестница чем-то похожа на мертвый череп, в котором вроде бы и угадываются знакомые черты, но им

никогда не суждено обрасти живой плотью.

Как никогда не увидеть свет и тем дворцам «параллельной Баварии», которые остались лишь в проектах. Все они относятся к тому же последнему периоду царствования Людвига II, начиная с 1883 года. Тогда идея создания собственной империи целиком завладела воображением короля. Он стремился запечатлеть в реальности все свои идеалы, включая и его глубокий интерес к восточной культуре. Но мечты остались лишь мечтами.

Единственный из невоплощенного — еще более романтический, чем Нойшванштайн, — замок Фалькенштайн (Falkenstein; дословно «Соколиный камень» от нем. Falk — «сокол») получил официальное название и фактически был доведен до самого начала строительства. Остальные — Византийский и Китайский дворцы — вообще существуют только на бумаге, а их названия условны. Людвиг не оставил после себя наследника, который бы разделял его интересы и продолжил дело его жизни. Он жил одиноким, умер одиноким, да и после смерти остался непонятым и чуждым и современниками, и потомкам.

Кстати, сегодня Фалькенштайн — это самые высокорасположенные руины в Германии. Они находятся в окрестностях города Пфронтена (Pfronten) в Восточном Аллгое (Allgau) на высоте 1284 м всего около 15 км от Нойшванштайна. В 1280 году здесь построил мощную крепость Майнхард II[202]. Интересно отметить, что в 1258 году Майнхард женился на Елизавете Виттельсбах (1227–1273), дочери баварского герцога Оттона II (1206–1253). Так что в чем-то интерес Людвига II к руинам детища Майнхарда обусловливался «генетической памятью». Само название «Фалькенштайн» было дано крепости лишь в XV веке, а во время Тридцатилетней войны (1618–1648) она была обращена в руины, которые постепенно разрушались все больше и больше.

В свое время, путешествуя по стране, Людвиг II обратил на них внимание. В 1883 году он решил построить на месте средневековых развалин замок, еще более романтический и волшебный, чем Нойшванштайн. В этом же году первые эскизы представил на суд королю Кристиан Янк. Замок был задуман в стиле высокой готики. Сегодня, глядя на рисунки Янка, можно только представить себе, какой поток туристов хлынул бы в маленький Пфронтен, если Нойшванштайн ежегодно посещают миллионы (кстати, даже в виде заброшенных руин Фалькенштайн притягивает к себе посетителей, которых год от года становится все больше). А Фалькенштайн обещал стать шедевром Кристиана Янка, который бы затмил собой его первое детище!

Воодушевленный, 16 мая 1884 года король купил руины Фалькенштай-на в собственность, и вскоре начались работы по подготовке к строительству: была проложена новая дорога и даже водопровод (1885 год). К тому времени в планах и чертежах новый замок был полностью готов, включая даже декор интерьера. Правда, генеральный проект по ходу дела постоянно изменялся, в первую очередь из-за ощущавшегося все более остро дефицита средств. Но Фалькенштайну так и не суждено было подняться из руин. Со смертью Людвига II стройка вообще была заморожена.

Второй неосуществленный проект Людвига II носит условное название «Византийский дворец». Любовь короля к византийскому стилю была общеизвестной. В 1869 году, начав постройку Линдерхофа, Людвиг хотел возвести Византийский дворец в его парке. Первый проект был разработан в 1869–1870 годах Георгом фон Доллманом. Но тогда строительство так и не было начато. «Византийский проект» был забыт вплоть до 1885 года. Тогда новый план дворца разработал Юлиус Хофман, который, кстати, с 16 октября 1884 года стал официальным преемником Доллмана в должности придворного архитектора. В проекте Хофмана Византийский дворец представляет собой грандиозный архитектурный комплекс, включающий башню, церковь в византийском стиле, выложенную мрамором площадь с бассейном в центре и массивное двухкупольное здание с расположенными в нем королевскими апартаментами. Величественный Тронный зал Византийского дворца должен был быть оформлен в стиле храма Святой Софии в Константинополе. Всем этим наполеоновским планам также не суждено было сбыться.

Не меньшей роскошью обещал поражать и Китайский дворец. Это был последний проект Юлиуса Хофмана, представленный королю в январе 1886 года. Прообразом Китайского дворца послужил пекинский садово-парковый комплекс Юань-миньюань (Юань-мин-юань, или «Сады совершенной ясности»), расположенный в 8 км от Запретного города. Его судьба трагична. Построенный в 1707 году по приказу императора Канси, он был разрушен в 1860 году англичанами и французами, захватившими Пекин на исходе Второй опиумной войны. Бесценное собрание фарфора и остальные произведения искусства — все было разграблено. Участвовавший в уничтожении генерал Чарлз Джордж Гордон (1833–1885) писал: «С трудом можно себе представить красоту и великолепие сожженного нами дворца… Мы уничтожили, подобно вандалам, поместье столь ценное, что его не удалось бы восстановить и за четыре миллиона». Кто

знает? Может быть, Людвиг хотел дать второе, «баварское» рождение утраченному китайскому шедевру? Во всяком случае, пресловутых «четырех миллионов» и здесь не достали. Второй людвиговский храм абсолютной монархии — в варианте китайских императоров-богов — постигла судьба «византийской Софии». По проекту довольно небольшое здание было запланировано разместить в парке Линдерхофа. Уже была начата покупка китайских ваз и тканей для отделки, но смерть все остановила…

Мы подошли к кульминации нашей драмы и теперь попробуем разобраться в причинах возникшего рокового конфликта. Пожалуй, определим «точкой невозврата» 1883 год. До этого времени глухое недовольство баварского правительства на все возрастающие личные траты короля напоминало постоянно тлеющий, но никогда не вспыхивающий костер. И лишь после 1883 года угли начали активно раздувать.

Конечно, для обострения конфликта имелись и вполне объективные причины и материального, и психологического характера. Людвиг II не собирался останавливаться на достигнутом и, несмотря на возрастающий дефицит бюджета, начинал все новые и новые проекты; о мотивах этого мы уже говорили. Пока он покрывал расходы из личных средств, правительство молчало. Но этих средств стало катастрофически не хватать. Нужно было либо остановиться, либо неизбежно залезать в долги. Остановиться Людвиг не мог.

Напомним, что во времена Людвига II строительство замков являлось чуть ли не повальным увлечением. Если уж какой-нибудь разбогатевший банкир-нувориш мог себе позволить строить поистине королевские жилища, то какого же было настоящему королю сознавать для себя невозможность подобного «хобби»? Тем более что для Людвига II строительство являлось не просто увлечением, а своего рода потребностью, страстью, победить которую значило окончательно отказаться от всех жизненных идеалов, устоев и принципов.

В связи с этим уместно будет провести параллель и проанализировать подход к материальной проблеме Рихарда Вагнера, кумира Людвига II. Так, еще за девять лет до встречи с королем, в письме от 3 октября 1855 года, композитор высказался по вопросу «добывания денег» с предельной ясностью: «… Америка представляется мне ужаснейшим кошмаром, но если в Нью-Йорке когда-нибудь решатся предложить изрядную сумму, то это поставит меня в затруднительнейшее положение. Если такого предложения не принять, то об этом факте надо будет хранить глубочайшее молчание, потому что все будут обвинять меня в

том, что я отношусь без достаточной сознательности к собственным моим делам. Однако решиться на такую поездку я мог бы лет десять тому назад, но броситься искать окольными путями простого хлеба теперь было бы слишком тяжело, именно теперь, когда я могу делать только одно: отдаваться моему действительному призванию, в строгом смысле слова. При таких условиях я никогда не смог бы довести до конца «Нибелунгов».

Бог мой, те деньги, которые я заработал бы (?!) в Америке, просто должны подарить мне люди, не требуя от меня ничего, кроме того, что я вообще делаю, и делаю лучше всего (здесь и далее курсив мой. — М. З.). Ведь я скорее способен в шесть месяцев промотать 60 000 франков, чем заработать их. Зарабатывать я ничего не умею. Не мое это дело зарабатывать деньги! Мне кажется, что это — скорее всего — дело моих почитателей давать мне столько материальных средств, сколько нужно, чтобы, при хорошем настроении, я мог заниматься серьезным творчеством»*.

Данная позиция на первый взгляд может показаться шокирующей. Но если вдуматься, то получается, что Вагнер просто-напросто ратует за то, чтобы каждый занимался своим прямым делом. Другими словами, булочник, например, должен печь хлеб, сапожник — шить сапоги, поэт — писать поэмы, композитор — сочинять музыку, а зритель и читатель, кем бы они ни были, должны за эту музыку и за эти поэмы платить, тем самым создавая условия композитору и поэту для дальнейшего творчества. Ведь ни булочнику, ни сапожнику не нужно дополнительно забивать себе голову вопросом, где взять деньги? Они получают доход за хлеб и обувь. Почему же поэт и композитор не могут обеспечить себе существование исключительно плодами своих трудов? Если творческая личность, человек свободной профессии, не получает от общества достаточных средств, то он больше не имеет возможность творить на благо этого общества. Вот почему, беря крупные суммы от того же Людвига II, Вагнер не считал себя обязанным ему: король обязан был платить Вагнеру, чтобы тот писал гениальные произведения ради славы народа и самого короля. Да, возможно, благодарные потомки и могут простить гению такую жизненную позицию. Но вот современники вовсе не собирались страдать из-за того, что им так не повезло жить одновременно с этим гением. Вагнер же не собирался отступать от своего жизненного кредо, да еще и удивлялся (а иногда и смертельно обижался), если кто-то не спешил по собственной инициативе предложить ему «презренный металл».

Примерно также относился к деньгам и Людвиг II. Он тоже

создавал произведения искусства, он тоже творил для вечности. Вагнер написал «Тангейзера» — Людвиг построил Линдерхоф; Вагнер возносился к духовным высотам «Парсифаля» — Людвиг отвечал возведением Нойшванштайна; Вагнер проклинал презренное золото в «Кольце нибелунга» — и ему эхом вторила «осенняя позолота» Херренкимзее.

Кроме того, по сравнению с Вагнером Людвиг имел дополнительный аргумент в пользу того, что он не только никому ничего не должен, а еще и ему все должны: Людвиг был не просто творцом, но творцом-королем.

Как же можно было не дать королю денег? Король должен унижаться поисками средств для удовлетворения своих желаний? Заботили ли когда-нибудь финансовые проблемы Людовика XIV или Людовика XV? Члены баварского правительства забыли, на каких примерах был воспитан Людвиг II. Как с раннего детства идеалы абсолютной монархии взращивались, а иногда и сознательно искусственно культивировались в еще неокрепшей романтически-экзальтированной душе будущего короля.

Было ли упорное нежелание и неумение считать деньги у Людвига II проявлением душевной болезни? Нет, это был результат воспитания!

А теперь обратимся к одному на первый взгляд не особо значительному факту в биографии Людвига II. В том самом 1883 году Бисмарк перестал выплачивать королю ежегодные суммы из фонда Вельфов. Мы не обладаем достаточной информацией, чтобы назвать единственную истинную причину этого отказа. Их может быть несколько: Бисмарк мог изначально оговорить сроки — скажем, в 10 лет, — истекающие как раз в 1883 году; мог оговорить конечную сумму — не более 5 000 000 марок (напомним, что к 1883 году Людвиг II уже получил 4 720 000 марок); мог единолично посчитать, что и так заплатил королю вполне достаточно. Любая из этих причин несущественна. Важно другое.

Напомним, что Бисмарк использовал лишь проценты с фонда, оставляя в неприкосновенности основные суммы. Поэтому обвинение Людвига II в том, что он, кроме собственной казны, подчистую растратил еще и фонд Вельфов, вообще не имеет под собой никакого основания.

После отказа Бисмарка Людвиг II, внезапно переставший получать уже вошедшее в привычку вспомоществование, на которое он рассчитывал, обратился к своему другу графу фон Хольнштайну с приказом немедленно изыскать новый источник финансирования в первую очередь строительства Херренкимзее. Напомним, что платежи фонда Вельфов все 10 лет проходили

непосредственно через фон Хольнштайна, за что граф не стеснялся брать 10 % с каждой выплаченной суммы. Нетрудно подсчитать, насколько обогатилась казна самого фон Хольнштайна, и так одного из богатейших людей Баварии. Кроме того, граф был другом детства короля. Тот вправе был рассчитывать на то, что друг его понимает, ему благодарен и обязательно поможет (возможно, и из собственных финансов). Другими словами, Людвиг II внутренне никак не был готов к отказу.

Между тем со стороны фон Хольнштайна последовал именно отказ, причем в довольно резкой форме. Людвиг тоже вспылил; произошла ссора, результатом которой стало удаление графа от двора; вспыльчивость и раздражительность Людвига II в последнее время были общеизвестны.

Но «граф Макс» не просто обиделся — он решил, что его предали. Его — блестящего вельможу, обершталмейстера двора, представителя знатнейшей баварской фамилии, находящейся в фактическом родстве с Виттельсбахами, старого товарища, правую руку короля, его «серого кардинала», как часто называли фон Хольнштайна за глаза! Не иначе король сошел с ума!

Мы помним, как болезненно фон Хольнштайн реагировал на предательство; какую психологическую травму нанесло ему первое предательство в его жизни — предательство матери. И как долго и целеустремленно вынашивал граф план мести той, которой к моменту свершения этой мести уже даже не было в живых.

Да, «граф Макс» умел ненавидеть и умел мстить! Людвиг поступил очень неосмотрительно, сделав такого человека своим врагом.

Между тем к моменту опалы фон Хольнштайна его «антипод» фон Лутц продолжал делать блестящую карьеру, получив в 1884 году титул барона. На должности председателя Совета министров он приобретал все больший вес в правительстве, одновременно консультируя короля, в частности, по финансовым вопросам.

Но именно после удаления фон Хольнштайна от двора в правительстве Баварии начинаются пока еще робкие и одиночные высказывания по поводу того, что неуемные траты короля могут быть результатом его душевного недуга. И Лутц начинает все чаще и внимательнее к ним прислушиваться. Кроме того, фон Хольнштайн вполне мог для начала, общаясь с тем же Лутцем, которого прекрасно знал лично, делиться с ним «приватной» информацией.

Время шло, и о ссоре с «графом Максом» Людвиг II предпочитал больше не вспоминать. 12 мая 1885 года, можно

сказать, окончательно завершился этап «ухода в одиночество». В этот день король в последний раз присутствовал на спектакле Мюнхенского королевского придворного и национального театра, игравшемся для него одного (скрупулезно подсчитано, что это было 209-е такое представление). Дело в том, что в последнее время Людвига стало очень угнетать внимание к нему, как к монаршей персоне, со стороны населения. Об этом он писал еще Вагнеру в 1876 году, объясняя свое нежелание остаться на открытие первого Байройтского фестиваля. Но совсем побороть свою страсть к театру король не мог, и был найден весьма оригинальный выход — так называемые «сепаратные спектакли», представляемые для единственного августейшего зрителя. Никакое пустое и низкое любопытство толпы больше не отвлекало короля от Искусства, не мешало наслаждаться пьесой. Можно ли назвать «сепаратные спектакли» проявлением болезненной мизантропии? Осуждать всегда легко. Вспомните постоянные жалобы публичных персон на то, что они совершенно лишены личной жизни, что они устали от назойливых журналистов и неуравновешенных фанатов, что они «отдали бы все на свете, чтобы хоть ненадолго снова оказаться простыми людьми». Это далеко не всегда рисовка для публики; чаще всего такие признания искренни; испытание славой действительно выдержать очень не просто.

Людвиг устал, он уже не чувствовал себя королем. Во имя чего же продолжать испытывать страдания? Характерно, что только после ясного осознания «марионеточности» своей монархии Людвиг II начал сторониться толпы. Он не хотел быть клоуном, которым неизбежно начинал чувствовать себя на людях. А в театре такое чувство еще и обострялось. Только представить себе, что испытывал король, вполне достаточно, чтобы понять — Людвиг II достоин сострадания, а не осуждения.

Людвиг не любил Мюнхен; с этим городом было связано много неприятных воспоминаний, которые хотелось поскорее забыть — и забыть в любимых горах, заповедных лесах, на берегах озер. Вскоре «сепаратные спектакли» были заменены «сепаратными прогулками». С природой король тоже предпочитал общаться наедине, как и с искусством. Во многом то, что Людвиг II стал предпочитать одинокие ночные прогулки, вызвано аналогичными причинами, что и отказ от посещения публичных спектаклей. Днем его могли увидеть, узнать. Ночью он принадлежал только себе.

Именно в мае 1885 года король уехал из Мюнхена, как впоследствии оказалось, навсегда. Согласно баварской конституции монарх имел право не проживать в Резиденции в

течение года, другими словами, не присутствовать лично на заседаниях ландтага, не отправлять официальных публичных церемоний. Но по истечении этого срока монарх обязан был появиться в столице. Это важно помнить, когда мы перейдем к финалу нашей драмы.

Король уехал, но практически неразрешимые финансовые проблемы продолжали довлеть над ним, словно проклятие. К середине 1885 года общая сумма долга королевской кассы составила 14 000 000 марок.

29 августа Людвиг II поручил лично министру финансов барону фон Риделю предпринять необходимые шаги к урегулированию проблемы, исходя из того, что, несмотря на растущий долг, строительство ни одного из замков не будет остановлено. 3 сентября Ридель дал официальный ответ, что это невозможно и, наоборот, необходимо ввести строжайшие меры экономии, чтобы восполнить дефицит личных средств короля.

Не такого ответа ожидал от своего министра Людвиг II. Он уже не мог остановить строительство! Король в полном смысле слова находился на грани отчаяния. Он уехал в Херренкимзее и в одиночестве прожил там с 7 по 16 сентября — единственный раз «самый недостроенный замок» принимал своего короля.

Пожалуй, последней светлой полосой в жизни Людвига II стало празднование 60-летнего юбилея его матери, вдовствующей королевы Марии. Казалось, что напоследок между матерью и сыном вспыхнула искра взаимопонимания; непосредственно в день ее рождения, 15 октября, Людвиг II повез мать в Нойшванштайн, с гордостью демонстрируя ей свой шедевр.

Наконец, 8 января 1886 года Лутц лично посоветовал Людвигу II «ходатайствовать о единовременном пожертвовании в личный фонд короля 20 000 000 марок из избытков государственного бюджета».[203] Обратим на это обстоятельство особое внимание. Во-первых, до сего момента Лутц не просто ничего не замышлял против Людвига II — он был с ним заодно. А во-вторых, сама формулировка «из избытков государственного бюджета» уже говорит о том, что баварская казна находилась не в столь уж плачевном состоянии, как впоследствии пытались представить враги короля.

Здесь будет уместным сказать еще несколько слов о тех постоянных упреках в адрес Людвига II в том, что он «вздорными фантазиями своего болезненного воображения довел страну фактически до разорения». Вот свидетельства беспристрастных исследователей и очевидцев. «Правда, расходы на эти замки были велики, но если их сравнить с громадными суммами, которые расходовались другими королями на женщин и на позорные

удовольствия, за что платили голодающие подданные, то безумные капризы Людвига II вполне простительны!»[204]

Давайте для сравнения вспомним хотя бы те громадные суммы, которые были потрачены дедом короля Людвигом I и на «архитектурные чудачества», и на ту же Лолу Монтес. Да, в итоге он лишился престола. Но никому и в голову не пришло объявлять его сумасшедшим! Да и для страны «чудачества» Людвига II оказались несоизмеримо полезнее, чем его деда.

«Он (Людвиг II. — М. З.) много сам набрасывал чертежей и планов, отличавшихся замечательной точностью и верностью, отсылая их на суд авторитетных профессоров, и очень радовался, если получал их одобрение. И везде были видны его изумительный художественный вкус и серьезное знание дела. Притом, по расчету знающих людей, его феноменальные замки обошлись даже очень дешево! Вы скажете: а те долги, что король оставил? А разве та высота государственного уровня, на которую король поднял Баварию, вложив в искусство 14 миллионов, не стоит ничего? (Здесь и далее курсив мой. — М. З.) Король при постройках этих замков, полных замечательными произведениями искусства, дал случай своим художникам на них учиться и развивать свой вкус. Он вложил в свои замки все те деньги, что ему оставались от его скромной жизни, не издержав, а умножив своей мудростью необходимый для его страны капитал! Один серьезно образованный художник-ремесленник говорил: «Если мы имеем теперь художественное образование, если мы имели случай развить себя и если баварское искусство достигло той степени совершенства, на которой стоит теперь, то этим мы обязаны Людвигу II, этому идеальному королю, поднявшему нас»»[205].

Как мы уже отмечали, Людвиг действительно очень существенно поддержал «отечественного производителя». Кроме поднятия общего культурного уровня своей страны, он еще и обеспечивал местное население рабочими местами. «Все художники и ремесленники, работавшие на короля, были исполнены к нему признательности. Они очень высоко ценили то, что король всегда отдавал преимущество родному искусству и баварским художникам перед иностранными».[206]

И давайте не будем сбрасывать со счетов такой немаловажный фактор, как… безнаказанное расхищение «королевской собственности». А в том, что на стройках Людвига II «кормилось» немалое число, мягко говоря, нечистых на руку людей, сомневаться не приходится. «Нарастанию долгов много способствовал и тот грабеж, которым пользовались многие, состоявшие при постройке замков, люди. Один из чиновников

министерства сказал мне после смерти короля: «Я уверен, что если бы не было этой бездонной пропасти, вмещавшей грабителей при постройке замков, то в кассе совсем не было бы долгов». В настоящее время долги эти все уже уплачены, и не потом баварского народа, а деньгами любителей искусства, толпами идущих осматривать замки и несущих свою лепту за их осмотр».[207]

Что еще можно добавить к вышеприведенным цитатам? Как мы уже говорили в самом начале нашего повествования, «не будь у баварцев Людвига II, его нужно было бы выдумать».

Между тем первые семена клеветы, брошенные еще в 1883 году, начали давать всходы. 17 апреля 1886 года в ответ на ходатайство, предложенное Лутцем, от Баварского министерства поступил категорически отказ выплачивать в дальнейшем королевские долги из казны. Кроме того, король отныне вообще лишался какой-либо финансовой помощи. Вслед за этим категоричным заявлением 5 мая поступило прошение королю от кабинета министров немедленно возвращаться в столицу и приступить к урегулированию финансового положения. Людвигу II был впервые фактически поставлен жесткий ультиматум. Но как раз истекал срок его годичного отсутствия в Мюнхене, и по закону король обязан был вернуться. Возможно, он так и поступил бы, если бы не оскорбительный приказной тон «прошения». Пойти на поводу у правительства после такого оскорбления было для гордой натуры короля равнозначно отречению от престола.

Нужно было очень хорошо знать характер Людвига II, чтобы вести игру подобным образом. Людвиг был очень предсказуем в своих реакциях, и министерство нарочито поступило так, чтобы король начал действовать себе во вред. Ведь еще совсем недавно ни о каких ультиматумах и речи не было. Более того, что бы Людвиг тогда ни решил, его судьба к тому времени уже была предрешена.

Идея признать короля недееспособным лежала на поверхности; можно сказать, была прописана в баварской конституции. Король продолжает требовать от правительства денег? Существует шанс избавиться от этой проблемы раз и навсегда. Тем более что есть всех устраивающий кандидат в регенты — положительный и уравновешенный принц Луитпольд, от которого не приходится ждать ничего экстраординарного. Все складывается как нельзя лучше, кроме одного. Где взять доказательства невменяемости короля? К тому времени фон Хольнштайну удалось убедить силой своего авторитета верхушку баварского правительства, в частности Лутца, уже отчаявшегося

урегулировать финансовые проблемы короля. Но как быть с баварским народом? Низложение короля могло иметь непредсказуемые последствия. Для законопослушных и верноподданных баварцев почву нужно было сначала долго готовить. Для начала решили обратиться к «старшему брату» — имперскому правительству в Берлине.

23 мая баварский посланник в Пруссии граф Гуго фон Лерхенфельд-Кёферинг (Lerchenfeld-Köfering; 1843–1925) отправился напрямик к Бисмарку и 24 мая доложил канцлеру план баварского правительства: признать Людвига II недееспособным и ввести регентство в лице принца Луитпольда. К чести Бисмарка надо сказать, что этот план был им категорически отвергнут. Он сухо объявил посланнику, что если уж правительство Баварии хочет избавиться от своего короля, то действовать нужно исключительно законными методами, то есть пойти на открытый процесс перед обеими палатами ландтага да и всем баварским народом. Иначе «дело в любом случае будет иметь характер таинственного»;[208] другими словами, вскоре обрастет слухами и легендами не в пользу правительства, что на самом деле и произошло. В свою очередь Бисмарк тут же направил Людвигу II письмо, в котором призывал его немедленно ехать в Мюнхен.

Не получив поддержку со стороны Бисмарка, заговорщики — будем уже называть вещи своими именами — решили поступать на свой страх и риск. Конечно, далеко не все, кто принимал участие в низложении Людвига И, действовали из низких или корыстных мотивов. Личная заинтересованность могла быть лишь у графа фон Хольнштайна. Поэтому мы и возлагаем на него главную ответственность. Но и в его случае существуют «смягчающие обстоятельства». Возможно, граф очень быстро сам искренне поверил, что действует в интересах не столько своих, сколько своей страны. В его глазах собственная опала уже была фактическим доказательством невменяемости короля. А от сумасшедшего главы государства нужно было избавляться, и как можно скорее, во имя блага того же государства. И все же этот человек был ослеплен злобой. Показательной является брошенная им однажды фраза: «Пусть я лучше ослепну, чем когда-нибудь пожалею короля!»

У графа был и повод, и возможности организовать свержение предавшего его монарха. Ведь он, как никто, обладал информацией «из первых рук», а его свидетельства не подлежали сомнению. Благодаря такому «арсеналу» круг заговорщиков стал вскоре расширяться; и первым в этом списке оказался, как мы уже упоминали, Йохан фон Лутц. Это неудивительно. Во-первых, как

председатель Совета министров, он не мог оставаться в стороне. А во-вторых, поднявшись из низов на самую вершину власти, он оказался сражен аргументами и «знанием дела» блестящего вельможи фон Хольнштайна. Ведь граф — друг детства короля; он знает его, как никто; граф радеет за свое отечество; графу нельзя не поверить. И Лутц искренне поверил. И действовал исключительно по совести: у него не было личной вражды к королю, и, кроме того, он особо ничего и не выигрывал со сменой правительства; зенит его карьеры пришелся как раз на время правления Людвига II. А в 1886 году Лутц лишь пожизненно был принят в Верхнюю палату Рейхстага, членом которой оставался вплоть до 1890 года, когда по состоянию здоровья вообще отошел от дел и вскоре умер.

Что же касается Луитпольда, то оговоримся сразу — мы вообще далеки от того, чтобы взваливать на него груз обвинения в узурпации трона. Ему в силу происхождения было, как говорится, «просто некуда деваться». Политический кризис набирал обороты, правительство Баварии уже было настроено чуть ли не на переворот. И все же оно не могло пойти на открытое нарушение законности — народ Баварии вполне мог не поддержать (и, скорее всего, не поддержал бы) нелегитимную власть. Единственный выход — регентство, обусловленное «объективной необходимостью». На следующей ступени к трону после Людвига II и его брата Отто стоял как раз Луитпольд. Если бы он не принял условий баварского правительства и не стал регентом, то неизвестно чем бы в том случае завершился «заговор министров». Принц Луитпольд своими действиями сохранил в то время корону для потомков Виттельсбахов; можно сказать, спас династию. Мы не говорим, что он это сделал вопреки своей воле. Нет! Конечно, принц являлся «заинтересованной стороной». Но он также искренне полагал, что действует в первую очередь на благо своей страны, а не лишь на свое собственное, как пытаются представить некоторые слишком рьяные защитники Людвига II. И справедливости ради надо признать, что во время своего регентства он действительно сделал много полезного для Баварии.

И наконец, последний главный фигурант нашей истории — министр иностранных дел и королевского двора барон Фридрих Август Эрнст Густав Христоф фон Крафft (Crafift; 1841–1926), второй человек в правительстве после Лутца. Во избежание дальнейшей путаницы сразу отметим, что в большинстве исторических работ и энциклопедических изданий (в частности, в Neue Deutsche Biographie) этот человек проходит под именем графа фон Крайльсхайма (Crailsheim). Однако титул графа он

получил лишь в 1901 году, а во время описываемых нами событий был именно бароном фон Крафтом, как мы и будем в дальнейшем его называть. Итак, на должность министра иностранных дел и королевского двора он был назначен 4 марта 1880 года и очень быстро приобрел значительное влияние в баварском правительстве (в 1890 году фон Крафт сменил на посту председателя Совета министров Лутца). Барон сразу и безоговорочно принял позицию Лутца в отношении необходимости свержения Людвига II и стал его правой рукой не только в политике, но и в процессе объявления короля недееспособным.

Итак, фон Лутц и фон Крафт стали основной движущей силой заговора в баварском правительстве, граф фон Хольнштайн являлся идейным вдохновителем и организатором «предприятия», а принц Луитпольд, не имевший права в силу своего происхождения оставаться в стороне, был готов полностью «взвалить на себя тяготы управления государством». Оставалось найти непосредственных исполнителей.

Ирония судьбы, в итоге приведшая к трагедии! Все эти люди в целом не были подлецами и предателями. Они честно стремились к процветанию родной страны, искренними патриотами которой, безусловно, являлись. Им казалось, что они действуют правильно, что на чаше весов, с одной стороны, лежит верность своему государю, а с другой — благополучие Баварии. Между человеком и страной они выбрали страну. Но не опустились до политического убийства, пытались действовать в рамках закона, а главное, не искали личных выгод — последнее является наиболее существенным аргументом в их пользу. Ведь пик карьеры всех участников низложения короля, включая и доктора Гуддена, пришелся именно на царствование Людвига II.

И все же они оказались заложниками тех неблаговидных обстоятельств, которыми сопровождался заговор. Безусловно, это был заговор! А как еще назвать «дело, имеющее характер таинственного», согласно определению Бисмарка? Если бы был открытый процесс, о котором говорил «Железный канцлер», если бы выслушивались аргументы не только «против», но и «за» короля, то, возможно, и не были бы имена этих людей вписаны в историю черной краской. Не нужны были бы подтасовки и фальсификации, клевета и подлог. Но враги Людвига II действовали, пусть и в благих целях, слишком грязными методами, а нельзя войти в грязь и не испачкаться. Вот все они и оказались «замазаны» в одном из самых отталкивающих эпизодов мировой истории.

С другой стороны, истинные причины заговора против

Людвига II кроются еще глубже — в том самом роковом конфликте с обществом «человека не своего времени». А в противоборстве с обществом не выстоять даже королю. Такому человеку, как Людвиг II, просто не было места во второй половине XIX века. Он неизбежно должен был уйти…

Действие V
ДА УПОКОИТСЯ ДУША
(июнь 1886 г.)

… А когда настанет утро, я
бреду бульваром сонным,
Где в испуге даже дети
убегают от меня.
Я усталый старый клоун, я
машу мечом картонным,
И в лучах моей короны
умирает светоч дня…

А. Н. Вертинский. Желтый ангел

Слава тебе, безысходная боль!
Умер вчера сероглазый король…

А.А. Ахматова. Сероглазый король

Картина 1
Часы останавливаются…

Надо сказать, что, несмотря на то что в правительстве все чаще раздавались гневные голоса против «разорения страны из-за неограниченных чудачеств короля» и определенные правительственные круги уже наметили своим кандидатом на престол принца Луитпольда, вплоть до начала 1880-х годов положение Людвига II все еще было незыблемым. Широкие народные массы по-прежнему обожали своего короля, и его противники не могли открыто выступить против него, опасаясь любых волнений. К сожалению, Людвиг сам дал в руки своим врагам оружие против себя.

Всё более замыкаясь в своем одиночестве, он практически перестал вникать в государственные дела, зачастую подолгу не подписывая доставляемых ему бумаг. Между королем и его министрами теперь существовал один посредник — доверенный личный секретарь. Эта должность накладывала на ее исполнителя целый ряд изнурительных обязанностей. «Он являлся посредником не только в государственных вопросах, но и во всех личных делах Людвига, касающихся театра, построек, книг и т. п.… Он должен был уметь лавировать между министерством и королем, требования и интересы которых часто невозможно было согласовать. Немудрено поэтому, что секретари довольно часто менялись. Характерен тот факт, что все личные секретари Людвига, уже будучи в отставке, давали вполне единогласные отзывы о характере короля и об отношении его к своим приближенным. Этим отзывам нельзя не придавать значение не только потому, что они солидарны между собой, но еще и потому, что они высказывались в такое время, когда лицам, занимавшим какое-нибудь официальное положение, было гораздо удобнее молчать о короле, чем говорить о нем что-либо лестное (здесь и далее курсив мой. — М. З.). Мнение секретарей о Людвиге — назовем среди них тех, кто пользовался особым расположением короля: Эйзенгарта, Лютца, Мюллера, Циглера — сводится, в общем, к тому, что король, которого обвиняли в жестокости и деспотизме, в сущности говоря, очень нуждался в присутствии понимающего и преданного человека. Раз поверив в чью-либо преданность, Людвиг умел ценить ее, умел привязываться к человеку, вызвавшему это чувство»'.

Как все вышесказанное не соответствует тому одиозному образу короля, который уже представал на страницах мюнхенских

газет того времени! И насколько несправедливо выглядят попытки якобы официальных источников «играть в одни ворота», предоставляя широкое поле деятельности для противников монарха и сознательно замалчивая все, что противоречило «явной неадекватности, деспотизму и жестокости» баварского короля.

Но справедливости ради нужно отметить еще одно обстоятельство, которое нельзя сбрасывать со счетов и которое наглядно показывает, насколько полуправда бывает страшней и разрушительней прямой лжи и клеветы. Ведь, как известно, дыма без огня не бывает. Вопрос состоит лишь в том, как расставлены акценты. Постараемся же понять ту психологическую составляющую, без которой невозможно создать полный и правдивый портрет исторической личности. Что же послужило реальной основой для слухов и сплетен, так истово муссировавшихся при баварском дворе? Для этого нам необходимо вспомнить причины психологического надлома Людвига II. Во-первых, мы уже говорили о том, насколько негативно повлияли на короля обстоятельства его разлуки, а фактически разрыва с Вагнером. Во-вторых, во времена становления Второго рейха Людвиг ясно осознал, что полноценным королем в своей стране ему уже никогда не стать — его политическая воля всегда будет зависеть от воли Берлина. В-третьих, даже внутри самой Баварии с ним фактически перестали считаться, как с королем, показателем чего для него стал отказ правительства в финансовом кредите… Итак, король потерпел поражение от своих подданных.

Для такого самолюбивого человека, каким был Людвиг II (повторим, что льстивое преклонение перед ним неумеренно и нарочито культивировалось всеми его приближенными до самого последнего времени), это явилось роковым ударом. А, как известно, любое действие рождает противодействие. Чем больше Людвиг осознавал в реальности, что времена абсолютной монархии миновали, что его «должность» носит скорее номинальный характер, тем острее росла в нем потребность воскресить абсолютную королевскую власть хотя бы в «отдельно взятом дворце». Отсюда проистекает «мания величия»: непоколебимая вера в божественность королевской власти и непогрешимость самого монарха. Если бы король снизошел до борьбы за свое доброе имя, если бы он нашел в себе силы регулярно приезжать в ненавистный Мюнхен и вести более или менее публичную жизнь, одним словом, стал бы «королем как все», с балами, выездами и «показами народу», это положило бы конец слухам и сплетням, и еще неизвестно, как бы повернулась вся история Баварии. Причем, обратите внимание, мы сейчас

говорим лишь об образе жизни, а не о состоянии психического здоровья.

Но трагедия Людвига II как раз и произошла от того, что он посчитал ниже собственного достоинства идти на поводу у окружающей его придворной клики и поступил, если можно так выразиться, согласно уголовному праву: «Я не обязан доказывать, что невиновен; это вы должны неопровержимо доказать мою виновность». Вот тут-то его недоброжелатели и принялись усердно «доказывать»! К сожалению, как мы уже говорили, король во многом сам помогал им в этом.

Со временем Людвиг становился более раздражительным и подверженным вспышкам гнева, когда какое-либо обстоятельство вступало в конфликт с его убеждениями и идеалами, которым и так уже был нанесен сокрушительный удар. Он все меньше стал считаться с окружающими его людьми, и «тем труднее стало приближенным уживаться с ним. В последние годы Людвига окружали лишь грубые льстецы, люди совсем неинтеллигентные, без самолюбия и с подозрительной нравственной физиономией»[209]. Что же удивительного в том, что подобные субъекты, не знакомые с чувством долга и чести, без зазрения совести предали своего государя, когда им стало это выгодно? Кроме того, эти люди в принципе были неспособны на объективность и судили обо всем по себе. Отсюда и проистекает кажущееся противоречие в оценке Людвига II в зависимости от того, кто является источником этой оценки: от восторженно-возвышенной (не доходившей до страниц столичных газет и сохранившейся лишь в немногих мемуарах верных ему людей да в сердце простого баварского народа) до уничижительно-отталкивающей (получившей наиболее широкую огласку и исходившей от людей низких и конъюнктурных).

Сам механизм политической клеветы всегда одинаков. Все положительные аспекты замалчиваются или извращаются, а малейшая невольная ошибка или просчет доводится до размеров вселенской катастрофы или преступления против собственного народа и немедленно многократно тиражируется. При этом достоверность фактов роли вообще не играет: чем больше абсурдных обвинений, тем лучше. Но этим абсурдным обвинениям необходимо придать вид «неопровержимой, желательно засекреченной информации, полученной лишь по случайности из первых рук». Другими словами, из мухи делают даже не слона, а гигантского сказочного (во всех смыслах этого слова!) монстра. Вот тогда механизм политической интриги работает «на полную катушку». А уж в действенности этого механизма сомневаться не приходится — что называется,

проверено веками.

Пожалуй, здесь уместно будет вспомнить события нашей истории, когда в отношении свергнутого императора Николая II и его семьи полилось столько грязи и клеветы, воспринимавшейся, кстати, тоже вне всякой критики, что на долгие годы в сознании простого человека, не знакомого с историческими документами, укоренился образ «тирана Николая Кровавого», не имеющий ничего общего с истинным обликом последнего монарха-страстотерпца.

И вот наступило время, когда Людвиг совершил фатальную, трагическую ошибку: он удалил от себя последних доверенных личных секретарей Циглера и Шнайдера (кстати, оправдательные в отношении короля показания последнего были очень быстро уничтожены, и этот факт уже говорит сам за себя!) и начал отдавать свои распоряжения через гофкурьера и камердинера, причем не письменно, а устно. Какое необозримое поле для любой клеветы открылось перед врагами Людвига II! И никаких материальных доказательств его невиновности: слово «верных подданных» против слова «сумасшедшего короля». Ну а кто же будет верить душевнобольному? Кроме того, такое положение дел, с одной стороны, наглядно показало царедворцам, как «халатно» король относится к своим прямым обязанностям, а с другой — поставило Людвига в прямую зависимость от честности и порядочности тех людей, через которых он отдавал приказы.

К сожалению, в данном случае о честности и порядочности речь не идет. Мы имеем дело с прямым предательством своего государя со стороны в первую очередь гофкурьера Карла Хессельшверта (Hesselschwert) и камердинера Лоренца Майра (Mayr). Оба этих человека, пользуясь своей близостью к королю, очень скоро стали для газетчиков и правительства неиссякаемым источником пресловутой «информации из первых рук» касательно состояния психического здоровья короля. Были ли они подкуплены членами правительства (например, материальные возможности того же графа фон Хольнштайна позволяли ему и в одиночку подкупить хоть десяток королевских слуг, и в данном случае есть резон предположить, что именно он профинансировал деятельность предателей) или действовали из каких-либо других своих интересов? Бесспорных документальных свидетельств (по крайней мере, доступных исследователям; про закрытые частные архивы и документы сомнительного происхождения пока нельзя сказать ничего определенного) того нет.

Почему же тогда, исходя из презумпции невиновности, все же возникают сомнения в честности этих наиболее приближенных к королю людей? Дело в том, что и механизм передачи

информации исключительно определенным лицам, и непосредственно то, кем являлись эти лица — а в первую очередь это были как раз заинтересованные в смене власти члены баварского правительства барон фон Лутц и барон фон Крафft, граф фон Хольнштайн и принц Луитпольд, — говорят сами за себя. Итак, доверенные люди короля, можно сказать, его «второе я», общаются с самыми главными его врагами? Более того, дают исчерпывающий, чуть ли не ежедневный отчет о том, что король делал, что говорил, чем занимался. Зачем? Что-то очень уж напоминает все это банальную слежку с ожиданием того, когда «объект проколется». Впрочем, и ожидать-то ничего не требуется: если «объект не прокалывается» самостоятельно, то ему можно и «помочь» — где-то присочинить, где-то исказить факты. Главное, чтобы заказчики были довольны!

Почему мы упорно говорим о политическом заказе? Если бы донесения гофкурьера и камердинера были правдивыми, то они не противоречили бы воспоминаниям других приближенных, не замеченных в контактах с правительством, а следовательно, заведомо не заинтересованных в подтасовках фактов. Но как раз это мы и видим: с одной стороны, мемуары верных слуг, полностью опровергающих любые попытки сделать из Людвига II умалишенного, и в большинстве своем либо вовсе не попадающие в печать, либо тут же изымающиеся из обращения, а с другой — донесения всего двух человек, рисующих прямо противоположную картину и печатающихся чуть ли не на первых полосах центральной прессы. Все это и наводит на мысли о том, что «отчеты» Хесселыиверта и Майра носят заказной характер и являются в лучшем случае полуправдой, а в худшем — прямой ложью.

И напомним еще раз, что именно на основании этих «показаний» выносился вердикт о невменяемости короля и именно они стали «первоисточниками» для последующих биографов Людвига II. Ведь альтернативных данных было крайне мало, или же им просто не находилось места на страницах «светской хроники». А доступ к официальным документам частично закрыт до сих пор. При этом весьма показателен тот факт, что материалы уже упоминаемого нами частного архива Дома Виттельсбахов, относящиеся к Людвигу II (Geheimes Hausarchiv, Kabinettsakten Ludwig II), выдаются исключительно по разрешению главы Дома и исключительно выборочно. Те, что подтверждают официальную версию — сумасшествие, самоубийство и т. д., доступны. В частности, «отчеты» и письма тех же Хесселыиверта и Майра! Но большая часть документов — «под замком». Какая? Такая выборочность как раз и дает в первую

очередь основу для сомнений; право, было бы логичнее вообще никого не допускать в архив, мотивируя это «охраной частной собственности».

Хотя то, что архив Дома Виттельсбахов, можно сказать, засекречен, в принципе понятно. И причина того вовсе не трепетное отношение к «тайне частной жизни больного монарха».

Тогда необходимо было бы скрывать как раз те документы, что находятся в частичном доступе! Вряд ли в архивах содержится что-либо более «страшное», чем та грязь, что была выплеснута на Людвига в то время, когда его объявляли сумасшедшим, — скорее наоборот. Но правительству Луитпольда необходима была видимость легитимности, а любой факт, противоречащий официальной версии событий, наносил бы этой легитимности непоправимый ущерб. Лучше уж неподтвержденные слухи, чем прямые улики в узурпации трона. Да и современные Виттельсбахи, являясь потомками именно Луитпольда, до сих пор не стараются хоть немного реабилитировать память несчастного короля: ведь тогда пришлось бы признать, что они — потомки узурпатора. При этом нынешнее правительство Баварии уже ни при чем: теперь, когда прошло столько лет, ему никак не могут повредить «монархические интриги» более чем столетней давности! У историков же пока остаются вопросы, не имеющие ответов…

Но вернемся к тем печальным событиям. Итак, как мы уже говорили, правительство Баварии твердо решило возвести на трон своего ставленника принца Луитпольда, не выходя за рамки законности. Для этого, не опускаясь до политического убийства, посчитали наиболее оптимальным признать короля недееспособным, что автоматически отдавало корону регенту. Нужно было подготовить почву для окончательного вердикта, чтобы избежать любых народных волнений. И для этого запустили тот самый механизм политической клеветы, упоминаемый выше. На основании «свидетельств» Хесселыиверта и Майра был составлен первый так называемый «обвинительный акт», согласно которому Людвиг II объявлялся недееспособным.

Весьма показательным является тот факт, что личный врач короля Франц Карл Герштер отказался подписывать эту бумагу, не признавая Людвига душевнобольным. Более того, в Лейпциге в 1886 году, то есть сразу после смерти короля, была издана книга Герштера (Gerster. F. C. Der Charakter Ludwig II v. Bayern. Leipzig, 1886), за которую автор претерпел гонения от правительственных кругов. (Еще одна информация к размышлению!) В этой книге Герштер, находившийся при короле с 1884 года, описывает один интересный эпизод, когда он был вызван к венценосному

пациенту по случаю его зубной боли: «В этой аудиенции, имевшей целью медицинскую консультацию, сначала король рассказал мне о тех страданиях, что ему причинял больной зуб, а потом это перешло в обоюдную оживленную беседу, причем я старался наводить его на всевозможные сбивчивые вопросы. Он расспрашивал меня о каждом члене моей семьи и о моих друзьях; рассказывал мне подробно о бегстве императрицы Евгении в 1870 году в Англию;[210] о разных исторических событиях; сообщал подробности об образе жизни разных коронованных особ, а также поэтах нашего времени; высказывал свои взгляды на медицину. Все свои мысли он излагал в изящной форме и вообще поражал меня своим самообладанием. В продолжение четырех часов, что продолжалась эта аудиенция, король удивительно сдерживал себя, не выказывая ни малейшей нервности. В продолжение этой аудиенции я не мог подметить ни одной черты, доказывавшей о симптомах болезни. Говорили, что король не выносит устремленных на него взглядов и сам никому не смотрит в глаза. Между тем в продолжение четырех часов, говоря с ним, я не спускал с него глаз, и он смотрел мне прямо в глаза и даже не проявил никакого нетерпения, когда я бесцеремонно распоряжался своими руками в его рту и был самым милым, терпеливым пациентом изо всех мне известных. Вообще весь разговор его был так обдуман и основателен; словом, король выказал поразительную способность скрывать свою болезнь».[211]

Последние слова есть не что иное, как горькая ирония над «диагнозом», признанным впоследствии официальным. Более того, достаточно внимательно посмотреть на фотографии короля тех лет, сделанные его придворным фотографом Йозефом Альбертом. На этих портретах нет ни тени душевной болезни, которая часто накладывает на внешний облик больного неизгладимый отпечаток (кстати, напомним, что внешность принца Отто кардинально изменилась после 1872 года).

Но врагам короля нужно было действовать, и действовать быстро! После отказа Герштера правительственные круги обратились к светилу психиатрии того времени Бернхарду Алоизу фон Гуддену…

Настало время поближе познакомиться с главным обвинителем по «делу Людвига», впоследствии разделившим с ним свою судьбу. Известный немецкий психиатр, анатом и физиолог уже несколько десятилетий являлся непререкаемым авторитетом в своей области. С 1869 года он, будучи профессором, возглавлял кафедру психиатрии в Цюрихском университете. В 1872 году, переехав в Мюнхен, Гудден стал главой Баварского института психиатрии. Научная деятельность

Гуддена, помимо психиатрических наблюдений, касалась анатомии и физиологии головного мозга. К моменту описываемых нами событий он был автором многих серьезных научных работ, успешно сочетал теорию с практикой и был ведущим психиатром Германии.

Остается открытым вопрос: что же заставило такого уважаемого авторитетного ученого поступиться своим добрым именем и оказаться участником столь сомнительного «предприятия»? Ведь в первую очередь, будучи практикующим и опытным врачом, Гудден, как никто, должен был знать, что диагноз не может быть поставлен заочно! Врач обязан лично наблюдать и неоднократно беседовать с пациентом. И лишь на основании собственных контактов делать окончательные выводы. В данном случае мы имеем дело с вопиющим нарушением этого одного из основных законов медицины: Гудден вынес свой вердикт лишь на основании слов третьих лиц, не утруждая себя проверкой подлинности фактов.

Причем вынес его вообще до объявления ультиматума Людвигу II о немедленном возвращении в Мюнхен. Лутц и фон Крафft встречались с Гудденом еще 23 марта 1886 года и заручились его согласием признать короля душевнобольным.

И все же вряд ли почтенный профессор действовал по злому умыслу. Ведь если исходить из принципа «ищите, кому выгодно», приходится признать, что Гудден ничего не выигрывал, признавая короля душевнобольным. Может быть, лишь самолюбию врача льстил тот факт, что его пациентом становилась коронованная особа. Хотя и в этом смысле его амбиции, можно сказать, уже были к тому времени частично удовлетворены: именно Гудден официально являлся лечащим врачом кронпринца Отто. А может, психиатр исходил из чисто научного интереса: ему был предоставлен уникальный случай наблюдать в «стационарном режиме» личность, которая еще совсем недавно была облечена высшей властью. О подобном «подопытном материале» любой практикующий ученый даже и мечтать не смел.

В любом случае, скорее всего, «преступление» Гудцена состоит лишь в том, что он искренне принял на веру те «документы», которые ему показали лица, в правдивости которых он не сомневался ни на мгновение. Как можно было, скажем, не поверить другу детства короля графу фон Хольнштайну, воспитанному при дворе и, несмотря ни на что, в глазах царедворцев продолжавшему оставаться самым близким и доверенным лицом Людвига II? Или принцу Луитпольду, имевшему репутацию чуть ли не самого порядочного и рационального человека в Баварии? Гуддену просто не пришло в

голову не доверять людям, основной задачей которых, по их словам и «согласно занимаемым должностям», была забота о благополучии родной страны. Гудден исходил из высших интересов, считая, что тоже действует во благо Баварии, а может (кто знает?), и всей Германии.

Профессор фатально ошибся и заплатил за свою ошибку страшную цену. Он стал таким же заложником событий, как и главные исполнители заговора, и не только запятнал свою безупречную репутацию врача, но и «перечеркнул» прошлые заслуги, оставшись в истории не как ученый с мировым именем (каким он был в действительности), а лишь как мелкий заговорщик (которым он, скорее всего, и не являлся, как мы уже предположили выше). И даже холодные волны Штарнбергского озера, в которых Гудден нашел свою искупительную кончину, не смыли с его памяти греха предательства. Таким образом, главный обвинитель сам стал такой же трагической жертвой, как и тот, кого он так «удачно» помог лишить престола…

Но как бы там ни было, на основании свидетельств «очевидцев» профессор Гудден составил пресловутый «обвинительный акт», ставший главным козырем в руках врагов Людвига II. Чтобы не быть голословными, упорно утверждая, что этот документ появился на свет благодаря умелой подтасовке фактов, приведем еще несколько примеров, наглядно показывающих, какими методами действовали враги монарха.

Личный секретарь короля Циглер «положительно отвергал болезнь короля, говоря лишь о «чуткости нервов, не выносивших грубого прикосновения». Вспышки же его гнева и неудовольствия относились к состоянию его здоровья, так как при своем геркулесовом сложении король иногда страдал головными и зубными болями, а также и желудочными, почему он был очень умерен в еде и питье. Вина он пил очень мало, только за большими обедами пил шампанское, чтобы придать себе более оживления; пива совсем не переносил. Циглер до последнего дня подолгу беседовал с королем и с энтузиазмом говорил о нем, прославляя его высокий образ мыслей, его стойкость в опровержении всякой несправедливости, его собственную справедливость. С ним невозможно было интриговать против кого-нибудь, — говорил он, — он сейчас ловил и выводил человека на чистую воду!»».[212] Точно так же остро Людвиг чувствовал, что над его собственной головой сгущаются тучи; вот только не сумел противостоять своим врагам…

А вот еще цитата из книги «Endlich völlige Klarheit über den Toddes König Ludwig II»[213], вышедшей ограниченным тиражом в Лейпциге почти сразу после смерти Людвига II и представляющей

собой сборник воспоминаний наиболее близких к королю слуг. «Просмотрев тот обвинительный акт, который подписали такие известные доктора, как Гудден и другие [для придания особой легитимности документу его, кроме Гуддена, подписали еще три врача: Фридрих Вильгельм Хаген (Hagen; 1814–1889), Хуберт фон Грашей (Grashey; 1839–1914) и Макс Хубрих (Hubrich; 1837–1896). — М. З.), конечно, можно признать короля душевнобольным. Но дело в том, что доктора подписали его, основываясь на донесении пары слуг (Хесселыиверта и Майра. — М. З.), не опросив других, постоянно при нем находившихся, которые не замечали ничего изложенного в акте. После смерти короля, когда газеты кричали обо всех подробностях акта, мы, впервые с ним ознакомясь, увидели всю ложность изложенных в нем фактов; на что я могу указать тотчас же. Никто из нас не видал, чтобы король преклонялся перед статуей Людовика XIV и заставлял своих слуг делать то же. Также ложен рассказ о том, что каждый день обеденный стол короля накрывали на 12 приборов для тех видимых только королем гостей, с которыми он будто бы громко беседовал. Начиная с того, что за тем столом, за которым обыкновенно обедал король, не могло бы и поместиться столько приборов. (У любого посетителя замков Людвига есть возможность лично убедиться в правдивости этих слов: все обеденные столы короля довольно небольших размеров. — М. З.) Рассказывали, будто король последнее время, «как все сумасшедшие», был неопрятен за едой, ел все руками и пр. Я же могу засвидетельствовать, что после каждого кушанья ему непременно, как и прежде, меняли приборы. Я никогда не видел тех ширм, через которые будто бы король разговаривал со своим секретарем. Рассказывая о его мнимых жестокостях в последнее время с прислугой (в своих вымыслах доходили до того, будто король, рассердившись на двух слуг, приказал их казнить, что и было тотчас же исполнено; делая из него не конституционного правителя, а всевластного падишаха!), приводили, между прочим, случай, как он, в порыве гнева выталкивая из комнаты молодого служителя, так придавил его дверью, что тот вскоре умер. Я спрашивал о том даже отца этого служителя, который сказал, что ничего подобного и не было; то же подтвердил другой служитель, про которого говорили, что он подвергся страшному гневу короля за то, что не выпустил из комнаты ту птицу, которую будто бы в своих галлюцинациях видел король. Наконец рассказ о маске, в которой король будто бы приказал ходить Майру, тоже извращен. Дело было так. Майр, случайно попав на службу к королю, сначала ему не понравился и не был в милости; так что даже, не желая с ним много разговаривать, король отдавал ему приказания

письменные, которые Майр должен был, исполнив, разрывать, что он не делал, как бы накопляя материалы, которые должны были ему пригодиться в будущем. Он и Хесселыиверт давно уже были в непрерывных сношениях с враждебными королю кружками. Майр всячески старался втереться в доверенность короля, в чем и успел. Раз король, рассердившись на него за что-то, сказал ему: «Убирайся прочь! И чтоб я не видел больше твоей физиономии!» На другой день Майр является к королю в маске, объяснив это нежеланием короля видеть его физиономию. Гнев короля мгновенно прошел, он рассмеялся и приказал только ему в наказание целый год являться к нему в маске; но с тех пор стал к нему милостивей относиться, а Майр употребил это во зло». И еще: «Я не буду тут приводить всех пунктов обвинительного акта, где даже ночные поездки короля в горы толковались тем, что он при этом воображал себя горным духом; но все эти вымыслы ничто перед нелепым обвинением Людвига в желании «продать» Баварию за 40 миллионов графу Парижскому, а на вырученные деньги удалиться «куда-нибудь, где он создаст новое государство и будет строить новые дворцы — по одной версии — даже с золотыми полами и бирюзовыми в них вставками!!»[214]

В связи с последним «пунктом обвинения», естественно, тут же попавшим в печать, представляет особый интерес реакция непосредственно самой французской прессы. 19 июня 1886 года «Journal des Debats» решительно заявляет: «Вся эта история не что иное, как махинация, изобретенная баварскими политиками, заинтересованными в том, чтобы очернить память покойного короля и находящими удобным обвинить его в желании изменить немецкому отечеству». (Вспомним, как во времена Первой мировой войны политиканы обвиняли императрицу Александру Федоровну в том, что она якобы является немецкой шпионкой. Сделать представителя верховной власти главным изменником своей страны — пожалуй, высший пилотаж политической интриги, так как на простой народ это действует безотказно.) А вот еще одно заявление французской газеты «Moniteur Uni-versel», высказанное по поводу аферы с «продажей» Баварии: «Мы уполномочены самым решительным образом опровергнуть такое утверждение!»

Самое интересное, что эта интрига имела основанием реальное желание короля сделать частный заем для окончания строительства замка Херренкимзее. Когда Людвиг получил сначала от фон Хольнштайна, а затем от правительства официальный отказ в финансировании этого предприятия, он поручил Хессельшверту сделать заем от имени короля за границей. Хессельшверт воспользовался еще одной возможностью

очернить короля в глазах его подданных: он представил правительству целую «тайную» переписку Людвига II с принцами Орлеанского дома. Причем ни на одном из писем не было собственноручной подписи короля! Более того, не было ни одного доказательства того, что данная переписка вообще велась с согласия или даже с ведома Людвига! Приведем для примера всего одну цитату из письма, датированного 11 мая 1886 года: «Скажите ему [Циглеру], что строительство — главная радость в моей жизни, и из-за этого позорного промедлении я совершенно несчастен и подумываю об отречении и самоубийстве. Чтобы избавиться о этого состояния, я не должен больше медлить со строительством. Если он все это устроит, то буквально вернет меня к жизни… Мое счастье зависит от этого».[215] Обратим особое внимание на нарочитое подчеркивание «самоубийства и отречения». После трагической гибели короля версия о давно задуманном им самоубийстве стала официальной. Ниже мы рассмотрим более подробно, насколько она правдоподобна, а пока скажем лишь, что, скорее всего, эти письма были написаны самим Хесселыивертом. Кстати, после передачи в правительство «обличительных» писем, которые, естественно, были приобщены к делу по обвинению Людвига II, Хесселыиверт больше не вернулся на службу к королю, оставшись в Мюнхене. «Мавр сделал свое дело, мавр может уходить!» При этом Майр, изображая беззаветную преданность, остался при короле до самого конца позорного спектакля, постоянно получая от «режиссеров» из Мюнхена подробные инструкции к своей роли.

В заключение беглого обзора «пунктов обвинительного заключения» отметим еще один немаловажный момент, а именно отношение Людвига II со слугами. И в противовес обвинениям в несусветных жестокостях по отношению к ним читаем показательный отрывок из воспоминаний очевидца. «Насколько приветлив и ласков был Людвиг II с крестьянами и горцами, настолько же он был снисходителен и добр с прислугой, часто делая сам то, что мог бы приказать: «чтобы лишний раз ее не тревожить». «Вся прислуга обожала его, — говорил мне один из служивших при Людвиге, — и это ложь, что рассказывали, будто он под конец был с нею жесток. Этого никто не может сказать; это все выдумки его врагов!» «А сколько он давал работы при постройке своих замков! — говорят другие, — и как был ласков с рабочими и щедр при расплатах!» Людвиг устраивал для народа выставки по сельскому хозяйству: «чтобы возбудить в них самосознание, поднять общественную честь и указать им их призвание». Устраивал он для них и общественные мастерские»[216]. Комментарии излишни.

Теперь мы наглядно видим, как действовали враги короля и какова цена тем обвинениям, которые до сих пор кочуют из книги в книгу, если речь заходит о несчастном Людвиге II. Мы сознательно не перечисляли все «грехи» короля, поставленные ему в вину и легшие в основу известного у нас труда профессора П. И. Ковалевского, о котором мы еще поговорим более подробно. Откройте любую биографическую статью, и вы найдете полный перечень и «разговоров с деревьями», и «приглашений на обед Людовика XIV и Марии Антуанетты», и «продаж Баварии», и «издевательств над слугами», и т. д., и т. п. Грустно, что до сих пор никто не подверг даже не проверке, а хотя бы сомнениям достоверность этих «фактов», опираясь на свидетельства обратного. Сплетни лишь многократно тиражируются, закрепляя за Людвигом II славу «безумного короля». Да и тогда, во времена Людвига II, эти «свидетельства» двух предателей перекрыли собой все голоса в защиту короля, которых было гораздо больше. Вот что значит поддержка так называемого «административного ресурса»!

Но вернемся к печальным событиям лета 1886 года, которые, уже набрав обороты, развивались стремительно.

7 июня председатель Совета министров барон фон Лутц, министр иностранных дел и королевского двора барон фон Крафft и принц Луитпольд впервые публично недвусмысленно высказали мнение о том, что у короля обнаружены явные признаки тяжелого психического расстройства и потребовали его медицинского освидетельствования.

Уже к 9.00 утра 8 июня в руках правительства был документ, подписанный светилами психиатрии (Гудден и К°):

> «Сим нижеподписавшиеся врачи подводят итог своему совещанию и, ссылаясь на уже приведенные в представленном материале различные факты, приходят единогласно безоговорочно и окончательно к следующим выводам:
>
> 1. Его Величество находится в далеко зашедшей степени душевной болезни, а именно мании величия, и страдает от формы психического заболевания, которое обозначается психиатрами как паранойя (безумие).
>
> 2. При существующей форме заболевания ее уровень, прогрессирующее развитие, а также длительный срок — болезнь развивается уже в течение ряда лет — Его Величество необходимо объявлять неизлечимо больным, а также утверждать, что упадок умственных способностей продолжиться.

3. Болезнь полностью исключает свободное рациональное волеизъявление Его Величества, мания величия препятствует исполнению его правительственных функций и не может быть купирована в течение одного года,[217] а сохранится на всю жизнь.

Мюнхен, 8 июня 1886.

Фон Гудден, королевский старший медицинский советник Д-р Хаген, королевский придворный советник Д-р Грашей, королевский профессор университета Д-р Хубрих, королевский директор».[218]

Следующим шагом правительства стало доведение текста сего документа до сведения самого короля и помещения его под постоянное медицинское наблюдение — читай «арест». Людвиг II находился тогда в Нойшванштайне и даже не предполагал, что дело зашло настолько далеко. Представим же подробную хронологию тех печальных событий. Для достоверности мы вновь обратимся к свидетельствам очевидцев уже из книги «Die letzten Tage König Ludwig II. Erinnerungen eines Augenzeugen»,[219] где все происходящее в то время в замке Нойшванштайн изложено обстоятельно и подробно. Пожалуй, более полного и, главное, правдивого отчета нам не найти, поэтому позволим себе привести его здесь целиком, учитывая его несомненную историческую ценность.

«9-го июня 1886 г. вечером в Hohenschwangau приехали министры и врачи, составляющие депутацию (прозванную позже «позорной») (упомянутая депутация включала графа фон Хольнштайна, барона фон Краффта, имперского советника и камергера Клеменса графа фон Тёринг-Йеттербах-унд-Гутенцеля (Törring-Jettenbach-und-Gutenzell; 1826–1891), подполковника барона Карла фон Вашингтона (Washington; 1833–1897), а также докторов Гуддена, Хагена, Грашея и Хубриха. — М.З.), и хотели ночью захватить короля, жившего в замке Neuschwanstein, и увезти его в замок Linderhof. Приехавшие министры очень комфортабельно расположились, заказав себе роскошный ужин с десятью бутылками шампанского и 50-ю пива, что совсем не согласовалось с их грустной миссией… Я видел меню ужина под королевской короной, с надписью: «Souper de sa Majesté le roi». На обороте меню был набросан карандашом план замка Linderhof и обозначена комната, которая будет темницей короля. Циглер рассказывал, что министр Лутц отсоветовал Гольштейну (Хольнштайну; далее оставляем транслитерацию имени, согласно цитированному источнику. — М/Р.) вступать в комиссию, но что тот холодно ответил: «Я давно искал хорошего случая, чтобы укрепить за собой положение министра». Люди, вступившие в

«позорную» комиссию, крепко надеялись на то вознаграждение, что им обеспечит новый правитель Баварии, принц-регент, — в чем и не ошиблись! Итак, ухватившись за случай «укрепить за собой положение министра», Гольштейн в тот же вечер идет на конюшню и, увидев, что кучер приготовляет экипаж для обыкновенной ночной прогулки короля, он сказал, что этого не нужно, что теперь распоряжается не король, а принц Луитпольд и что у него есть другой экипаж для короля и с другим кучером. Этот экипаж был простое ландо, которое снаружи запиралось крепкими ремнями, такие же ремни, в виде кандалов для ног, были и внутри кареты. (В Мюнхене старались распространить слухи, что король бесноватый!..) Узнав о том, кучер Остергольц тотчас оседлал лошадь и поскакал в Neuschwanstein, чтобы предупредить короля об опасности. Король не поверил. «Если б была опасность, Карл написал бы мне о том!» — заметил он, не зная о предательстве Гессельшверта (Хессельшверта. — М.З.), оставшегося в Мюнхене.

Между тем весть о прибытии депутации разнеслась в народе и возмутила всех вероломством против любимого короля, за которого народ готов был положить жизнь. Тотчас же пронеслась молва о Бисмарке. Из Фюссена сбежался народ, и прискакали жандармы.

Когда члены комиссии на рассвете прибыли к замку, жандармы их не пустили, несмотря на то что они представили бумагу о свободном доступе. Вахмистр ответил, что для них существует один приказ — короля; а когда они хотели войти в замок силой, то добавил: «Ни шагу вперед; я велю стрелять!» Прождав добрых полчаса, депутаты ни с чем уезжают. Кральсгейм (фон Крафft. — М. З.) дает в Мюнхен телеграмму: «Ничего не удалось. Необходима прокламация и назначение регентства».

Между тем король, пожелав узнать имена членов комиссии, отдает приказ их арестовать и привести в замок Neuschwanstein, что и исполняет окружной начальник Фюссена — Зонтаг. Когда арестованных вели по улицам к замку, жандармы должны были их защищать от ярости народной; так велико было возбуждение против этих врагов обожаемого короля. Много пришлось им услышать от народа далеко не лестного! «Смотри! — кричала одна женщина, поднимая свою семилетнюю дочь, — когда ты вырастишь большая, то можешь сказать, что ты видела изменников!» Другие изъявляли желание бросить всех этих господ, в особенности Гуддена, в Pällatschlucht.[220] Граф Гольштейн старался казаться равнодушным, и когда уже был в замке, то нарочно громко закричал из окна: «Я все же хочу позавтракать!» Что вызвало замечание услышавшего эти слова

короля: «Может быть, эти господа хотят, чтобы я поднес им по стакану вина?»

Но гнев короля прошел так же быстро, как всегда; и, забыв все свои жесткие слова, он в 12 часов приказал пленников освободить; так что они пробыли в заключении всего три часа. (Как этот рассказ не согласуется с баснями о необузданном гневе, приказах бросить в подвал и — еще того хлеще — выколоть глаза (!) членам комиссии, заморить их голодом и т. д., которыми нас потчевало официальное «людвиговедение»! — М. З.) Освободившись, эти господа, во избежание неприятной встречи с народом, постарались как можно незаметней, без шума, задними ходами оставить замок и, избегая людных улиц, сами протащили свой ручной багаж до ожидавших их экипажей. Граф Гольштейн, желая соединить приятное с полезным, как большой любитель охоты и рыбной ловли, думал, благодаря своей миссии, провести время в Hohenschwangau; но теперь никто из этих господ и не подумал бы остаться в этих местах! Они не смели даже нигде порядком отдохнуть, пока не достигли границ Hohenschwangau. Сильно трусил за свою жизнь и безопасность доктор Гудден, упрашивая Зонтага проводить его до ворот Фюссена, что тот и исполнил. Затем разнесся слух, что король хочет ехать в Мюнхен, и это было бы самым желательным для всех! Одного его появления среди обожавшего его народа было бы достаточно, чтобы произвести большой триумф и разрушить козни его врагов! Но он скоро отменил это решение. Полагают, что, давно не бывав в Мюнхене и зная теперь, как действуют его враги, он мог предположить, что мюнхенцы встретят его враждебно, и он не хотел подвергать свою гордость унижению. Он только телеграфировал графу Дуркгейму (Дюркхайму. — М. З.). «Этот мне предан!» — сказал король».

Здесь позволим себе небольшое отступление, прежде чем продолжить цитирование документа. Во-первых, необходимо отметить, что единственное справедливое обвинение Людвигу в том, что он не был в своей столице более года при разрешенном конституцией лишь одном годе отсутствия в Резиденции, в «обвинительном акте» Гуддена и К° как раз и не фигурировало!

Во-вторых, нельзя обойти молчанием личность фон Дюркхайма. Граф Альфред Карл Николаус Александр Экбрехт фон Дюркхайм-Манмартен (Dürckheim-Monmartin; 1850–1912) был представителем одного из знатнейших родов Баварии и профессиональным военным. В 1870 году он начал военную карьеру юнкером. В 1874 году был произведен в обер-лейтенанты и состоял адъютантом кронпринца Отто. С 1878 года являлся гофмаршалом принца Арнульфа.[221] В 1883 году был произведен

в капитаны и в этом же году стал адъютантом и другом Людвига II, фактически заменив своим присутствием общество опального графа фон Хольнштайна. Дюркхайм — один из немногих людей, кто мог по праву назвать себя последним истинным другом несчастного монарха. Честнейший и благороднейший человек, он никогда не использовал в своих целях безграничное доверие к нему короля. Граф оказывал самое благотворное влияние на личность Людвига и был едва ли не единственным человеком, от которого король спокойно сносил критику в свой адрес и даже старался следовать его советам. После объявления регентства Дюркхайм пытался до последнего помочь Людвигу избежать его трагической участи. Ошибочно считается, что за свою преданность граф поплатился карьерой. Он действительно по возвращении в Мюнхен был арестован и 10 часов провел в тюрьме. Но вскоре был освобожден и направлен в 5-й пехотный полк. В 1890 году Дюркхайм получил звание майора и продолжил военную карьеру уже без своего короля…

Вернемся же вновь к свидетельству очевидца, тем более что следующий эпизод посвящен все тому же графу Дюркхайму.

«Граф Дуркгейм-Монмартен был прежде адъютантом у принца Арнульфа. В 1880 году он женился на русской, графине Бобринской. Принц стал ухаживать за молодой графиней, и граф Дуркгейм раз перехватил любовную записку принца к его жене. Дело грозило кончиться дуэлью; но жена графа и его сестра бросились за помощью к королю, который устроил дело миролюбиво, а графа взял к себе во флигель-адъютанты (напомним, что последние описываемые события происходили в 1883 году. — М.З.).

Граф был тоже за то, чтобы король ехал в Мюнхен; тем более что еще раньше, обратившись за советом к Бисмарку, он получил от него ответ, в котором Бисмарк советовал королю ехать в Мюнхен самому «защищать свое дело». Бисмарк бил наверняка, зная, что Людвиг, при своей гордости, не поехал бы в Мюнхен именно для «этого дела», являясь как бы в качестве подсудимого перед своими судьями! А Бисмарк между тем не переставал разглашать кругом: «Если король не поедет в Мюнхен, то тем докажет, что он сумасшедший!» (Обвинения в адрес Бисмарка напрасны; мы помним, что он пытался искренне помочь Людвигу II, и совет ехать в Мюнхен использовал как действительно единственно возможный выход из создавшегося положения. — М.З.)

В ожидании решения короля на поездку в Мюнхен, граф Дуркгейм от его имени написал прокламацию к народу и послал телеграмму в Кемптен с вызовом оттуда стрелкового батальона,

готового явиться на защиту короля. Но телеграмма попала в руки Майру, который сделал на ней прибавку об остановке. Изумленный такой двойственностью командир, не зная ни о чем происшедшем, обратился за разъяснением в военное министерство. Ответ, конечно, последовал отрицательный в отношении первого распоряжения, а графу Дуркгейму послан был из военного министерства приказ тотчас явиться в Мюнхен. Он не обратил сначала внимания на этот приказ; но когда пришел второй, обвинявший его в нарушении дисциплины, он показал его королю, и король отпустил его: это было их последнее свидание!.. По приезде в Мюнхен граф тотчас же был арестован и посажен в военную тюрьму; а через несколько дней разбиралось его дело, по которому он был признан изменником страны и верховной власти, так как в то время, когда регентство было уже провозглашено, он, считаясь больным, делал свои распоряжения. Не допускалось никаких доказательств. Следствие продолжалось еще некоторое время; но потом граф был освобожден и даже награжден повышением по службе… (Уточним, что в тюрьме граф провел на самом деле всего 10 часов. — М. З.)

Между тем король, довольный своей победой над первой комиссией, предоставил мюнхенским делам идти своим ходом. Увидя на другой день по отъезде графа Дуркгейма окружавших замок Neuschwanstein жандармов, король думал, что это те, которых граф вызвал для его охраны, не зная, что он сам под арестом. Но после 24-х часов сильного возбуждения предшествующих дней — он впал в апатию, предоставив все судьбе!

В это время у него стали являться мысли о смерти, которая избавила бы его от жизни, становившейся невыносимой. Утром 11-го июня[222] — пятница — прибыла по почте прокламация, объявлявшая регентство. Никто из народа не хотел этому верить. Волнение в стране и на границе стало еще сильней. «Что же, ты уже присягнул?» — спросил молодой жандарм другого. «Нет, — ответил тот спокойно, — я еще не желаю прослыть изменником!»»[223]

Народ между тем готовил стихийное восстание.

Интересно отметить, что когда сам Людвиг II узнал об этом, то возразил: «Я не хочу, чтобы ради меня жертвовали человеческой жизнью!»[224] Он сдался на милость судьбы и больше не думал о сопротивлении.

«Ему было известно, что в следующую ночь прибудет вторая комиссия в лице докторов и санитаров и он станет пленником в их руках. Он ходил взад и вперед по «тронной» зале, делая иногда вопросы своему служителю Веберу. «Веришь ли ты в бессмертие

души?» — спросил он его и, получив утвердительный ответ, продолжал: «Я тоже верю. Я верю в бессмертие души и в справедливость Бога. Я много читал о материализме. Но все эти книги ничего не доказывают; и невозможно ставить человека на одну ступень с животным. Невозможно, чтобы с той высоты, на которой стоит человек, его можно было свести в ничто; это была бы потерянная жизнь; тогда не стоило бы жить!» «Если меня лишат короны, это будет горько, но мне будет еще прискорбней, если они провозгласят меня сумасшедшим! — сказал он дальше. — Конечно, я не перенес бы того, чтобы они поставили меня в такое положение, в котором находится мой брат Отто, которому может приказывать каждый сторож и грозить кулаком, если он не слушается». Парикмахер Гоппе рассказывал, что король всего более был возмущен тем, что его хотят объявить сумасшедшим. «Видали ли вы у меня припадки сумасшествия?» — спрашивал он с горечью».[225]

Всю ночь шел проливной дождь, словно природа горько оплакивала несчастного короля. Он отослал всю прислугу и остался в замке один. Наверное, это были самые тяжелые часы в его жизни… На рассвете 12 июня новая комиссия во главе с доктором Гудденом беспрепятственно вошла в замок Нойшванштайн. Король казался обреченно-спокойным даже тогда, когда Гудден объявил о его пленении и препровождении для дальнейшего «лечения» в замок Берг. Кстати, изначально планировалось перевезти Людвига в Линдерхоф, но прошел слух, что по дороге короля собираются отбить восставшие местные жители. Кроме того, Гудден оценил преимущества содержания своего царственного пациента именно в Берге: близость к Мюнхену позволяла ему не прерывать столичной практики. Лишь, когда санитары хотели схватить его за руки, король гордо возразил: «Никакого насилия! Я иду добровольно».[226] Эта трагическая сцена происходила в знаменитой готической спальне короля, в которой даже в наши дни некоторым туристам становится не по себе — такая атмосфера безысходности чувствуется в этой комнате до сих пор.

Отъезд из Нойшванштайна состоялся в 15 часов. «Было приготовлено три кареты. В первую из них сел доктор Мюллер[227] со своим ассистентом, камердинер короля и санитар. Во вторую карету сел король. Он был один; но ручки у дверец кареты были сняты, так что их нельзя было отворить изнутри. На козлах подле кучера сидел главный санитар, а по обеим сторонам кареты ехали верхами конюхи, которым было приказано не спускать глаз с короля, чтобы подметить припадок болезни. В третьей карете, сзади, ехал Гудден с жандармским капитаном и

двумя санитарами. На протяжении всего пути вдоль дороги толпились люди, пришедшие проститься со своим королем. Многие плакали. Одна жительница Фюссена вспоминала, что «если бы король нам не то что слово сказал, в знак один подал, мы бы бросились да в куски разорвали бы тех, кто его захватил! Но он ничего не сказал…»»[228].

На повороте Людвиг II бросил последний взгляд на любимый замок, с которым расставался навсегда…

Печальная кавалькада направлялась в замок Берг. Он был построен около 1640 года и изначально не особо напоминал замок как таковой. Его возводили в барочном итальянском стиле с расписными фасадами, окружив здание глубокой канавой. Очень скоро после постройки, в 1669 году, Берг перешел во владение Виттельсбахов — его приобрел курфюрст Фердинанд-Мария (1636–1679), строитель замка Нимфенбург, будущего места рождения Людвига II (можно сказать, круг нашего повествования постепенно замыкается!). Затем на долгое время Виттельсбахи «забыли» свой «маленький замок». Обновлением и кардинальной перестройкой Берга никто не занимался. Лишь была засыпана окружная канава.

Первый баварский король Максимилиан I Йозеф тоже не особо жаловал Берг, но в 1807–1811 годах привел в порядок одичавший замковый парк, превратив его в английский сад. Лишь с воцарением Людвига I Берг, можно сказать, пережил свое второе рождение. Дед нашего героя сделал его официальной загородной резиденцией королевского дома и начал капитальную реконструкцию, законченную уже его сыном Максимилианом II, по проекту которого по углам замка были возведены четыре готические зубчатые башни (в 1849–1851 годах). Отныне Берг стал по праву называться замком. Кстати, по иронии судьбы ровно через сто лет, в 1949–1951 годах, Берг был вновь основательно перестроен, серьезно пострадав во время Второй мировой войны. Тогда же замку был возвращен его «исторический» первоначальный вид, и эти башни снесены. Перестройка и реконструкция не коснулись лишь замковой капеллы, построенной уже непосредственно самим Людвигом II. Таким образом, ныне замок существует совсем не в том виде, в каком он был при своем самом знаменитом владельце — Людвиге II, пристроившем в свое время к зданию пятую, самую изящную башню, служившую входом.

Берг был, пожалуй, любимым убежищем — именно убежищем! — несчастного короля. Здесь он пытался найти отдушину и успокоение еще в самом начале своего царствования; здесь в небольшой комнате нижнего этажа висели портреты

императора Александра II, императрицы Марии Александровны и Вагнера. Кстати, фотографический портрет Марии Александровны в золотой раме с короной украшал также и спальню Людвига II. Обратим особое внимание на символическое сочетание — русская императорская чета и немецкий гений-композитор! Причем именно в Берге становится особенно очевидно, насколько король был постоянен в своих пристрастиях и стремился, чтобы дорогие его сердцу образы окружали его везде, куда бы он ни направился.

На втором этаже царила уже другая эпоха, олицетворенная мраморными бюстами Людовика XIV и Марии Антуанетты. Берг словно вобрал в себя все то, что в разные периоды жизни Людвига II составляло предмет его чаяний и устремлений.

Надо сказать, что Берг, несмотря на спокойное существование полузабытой загородной резиденции, был «участником» как радостных, так и трагических событий. С одной стороны, наряду с Хоэншвангау именно в Берге молодой Людвиг II провел счастливейшие дни своей жизни. Он любил замок не только за близость к Мюнхену (ведь с государственной точки зрения, если и можно куда отлучаться монарху, так это в места «в пределах досягаемости» от столицы). В Берг же Людвиг мог «убегать» по первому своему желанию, в отличие от Хоэншвангау, а впоследствии Нойшванштайна и Линдерхофа, переезд в которые сопровождался немалыми трудностями и затратами (это сейчас можно доехать из Мюнхена в любой из этих замков всего за неполных два часа!). Людвиг был также покорен окружающей замок природой, прекрасным парком, величественным спокойным озером. Король любовно обустроил свою загородную «дачу» по своему вкусу, обновив как внешнюю отделку замка, так и его внутренние покои. Здесь, на берегу озера, можно было спокойно отдыхать от суеты столичной жизни, от светских приемов и интриг.

Поэтому неудивительно, что сразу же по приезде в Мюнхен своего кумира Рихарда Вагнера король в первую очередь пригласил композитора сюда, в Берг, и подарил ему виллу в нескольких минутах езды от замка. Как часто на берегу живописного Штарнбергского озера Людвиг и Вагнер, полные сил и веры в будущие победы, грезили о возрождении немецкой музыки, обсуждали планы постановок «Кольца нибелунга» и «Тристана», погружались в героический мир древних германских преданий!

Но счастливые дни забылись; Берг стал символом трагедии и смерти…

По пути трижды меняли лошадей. Наконец поздним вечером

прибыли в замок, где для короля были приготовлены две комнаты со вставленными в окна решетками, «глазками» в дверях, чтобы в любое время иметь возможность наблюдать за «больным», и заставленной шкафом балконной дверью. Настоящая тюрьма в бывшем дорогом для его сердца месте! Вскоре по прибытии Людвиг испытал новое унижение. «Король привык последнее время ложиться поздно, делая свои прогулки ночью. Но с первого же дня доктора в смысле гигиены посоветовали ему лечь раньше. Он это исполнил; но по привычке не мог уснуть и желал встать, но из его комнаты приказано было вынести всю его одежду, и он едва упросил санитара оставить ему чулки, в которых он и в нижнем белье часами в ночной тишине прохаживался по своей запертой спальне. Все это имело вид намеренного раздражения короля всяким способом; и сколько королю нужно было силы воли, чтобы сдерживать свое справедливое негодование, малейшая вспышка которого была бы тотчас же объяснена припадком сумасшествия, на что и рассчитывали эти позорные представители позорной верховной власти».[229]

В это же время Гудден телеграфировал в Мюнхен: «Все обстоит благополучно».

Кстати, интересно отметить, что при регентстве принца Луитпольда королю были назначены еще и опекуны: граф фон Тёринг-Йеттербах-унд-Гутенцель и… граф фон Хольнштайн. Последний посчитал ниже своего достоинства даже появляться в Берге. Сразу уехав в Мюнхен, он, вероятно, и думать забыл о своем царственном «подопечном». Такое поведение вполне согласуется с версией о том, что именно фон Хольнштайн является инициатором заговора против Людвига II. Теперь его уязвленное самолюбие было удовлетворено, месть свершилась, а дальнейшее его уже не интересовало.

В качестве заключительного штриха к портрету «графа Макса» отметим, что при принце-регенте Луитпольде вплоть до 1892 года он оставался оберштальмейстером и председателем Королевского Баварского придворного охотничьего ведомства. Затем, когда в 1892 году разразился уже упоминаемый нами финансовый скандал, связанный с махинациями в фонде Вельфов, замешанный в нем граф был вынужден удалиться от двора; в 1893 году он уехал в свой родовой замок Шварценфельд (Schwarzenfeld) и успешно занялся бизнесом. Достаточно сказать, что граф фон Хольнштайн являлся одним из соучредителей Баварского объединенного банка (Bayerischen Vereinsbank; ныне один из крупнейших банков Баварии). И самое любопытное: еще до окончательного переезда «графа Макса» в Шварценфельд, в 1890–1892 годах, туда был вызван… бывший придворный

архитектор Людвига II Юлиус Хофман, чтобы значительно обновить и перестроить замок «в историческом стиле». На масштабной стройке было задействовано 160 рабочих; при этом все ближайшие к замку здания были снесены, чтобы не портить открывающийся на замок вид. Как-то однажды фон Хольнштайн в сердцах воскликнул: «Пусть я лучше ослепну, чем пожалею короля!» Так вот. Незадолго до своей смерти граф полностью ослеп. Оставим любителям мистики делать из этого выводы. Может быть, в конце жизни граф действительно пожалел своего бывшего друга детства, несчастного короля Людвига?.. В 1895 году «граф Макс» был похоронен в родовой усыпальнице фон Хольнштайнов на кладбище Шварценфельда…

Но пока до всего этого еще очень далеко. Наступило воскресенье 13 июня, день Троицы. Праздник начался с того, что короля не пустили в церковь! Он покорился и этому. Во время обеда Людвигу был подан на десерт апельсин… без ножа. Король отослал его обратно на кухню нетронутым. «Утром 13-го числа король долго беседует с доктором Герштером (Верный Герштер, с одной стороны, не мог оставить своего государя, а с другой — находился в Берге, что называется, «по долгу службы». — АО.), и тот снова рассказывает, что, стараясь наводить короля на всевозможные сбивчивые вопросы, он находит в его ответах все тот же живой, ясный ум. То же находит и доктор Мюллер, с которым король также здраво, с большой к нему доверчивостью, разговаривает в тот же день перед обедом, задав ему на прощанье как бы шутливый вопрос: «А вашему преемнику (то есть доктору Гуддену) будут известны способы, как легче отделаться от меня?» Но после обеда, в 6 часов 25 минут, он сам посылает за Гудденом, чтобы идти с ним на прогулку»[230].

Перед самой прогулкой состоялся весьма любопытный диалог между королем и государственным контролером Зандером, который нашел отражение в уже упоминаемой нами книге «Die letzen Tage König Ludwigs II. Erinnerungen eines Augenzeugen».

««Они смотрят на меня, как на бесноватого! А как вы думаете, может так продолжаться еще год?» Я (Зандер. — М. З.) стал успокаивать его, говоря, что когда они увидят, что нервы его успокоились, то все изменится. «Вы так думаете?» — сказал король — мой дядюшка Луитпольд, привыкнув к своему регентству, не захочет от него отступиться и меня не выпустит.» Потом он спросил, сколько в парке жандармов стерегут его. «От шести до восьми, Ваше Величество». «Решились бы они стрелять в меня?» — быстро спросил он. «Как вы могли о том подумать, Ваше Величество!» — проговорил я. «Вооружены ли они?» Я ответил, что нет»[231].

Этот диалог впоследствии цитировался в подтверждение версии о том, что король якобы готовил побег.

Погода стояла пасмурная, моросил мелкий дождик. Взяв зонты, Людвиг и Гудден ушли в парк по направлению к озеру. Было 18 часов 30 минут. Прогулка должна была продолжаться час. В 19.30 доктор Мюллер стал готовиться к их возвращению. На 20.00 был назначен ужин. В 20.30 уже все были на ногах: стало понятно, что произошло непоправимое несчастье. В 22.30 один из служителей замка нашел на берегу озера шляпу короля, а неподалеку его пальто. Тотчас снарядили лодку, в которую сели доктор Мюллер, управляющий замком Губер и два королевских конюха Вульмеер и Клазен. Вскоре бездыханное тело короля было обнаружено в темных водах Штарнбергского озера, а в нескольких шагах от него — тело доктора Гуддена. Найденные на берегу разбитые часы короля остановились в 18.54…

Картина 2
Информация к размышлению, или Боги не умирают…

Как же восприняли в Баварии да и во всем остальном мире трагическое известие о гибели Людвига И? И что же на самом деле произошло в тот трагический вечер? Если на первый вопрос есть четкий и однозначный ответ, то во втором вопросе ясности нет до сих пор. И все же мы попытаемся разобраться, призвав на помощь логику и те обрывки информации, которые все же стали достоянием общественности.

Для примера — причем весьма наглядного и показательного — обратимся в первую очередь к русской прессе, в частности к июльскому номеру журнала «Вестник Европы»[232] за 1886 год, и приведем с некоторыми комментариями отрывок из него. Тем более что цитируемая статья являет собой, пожалуй, квинтэссенцию не только настроений того времени, но и подтверждает многие выводы, к которым мы уже пришли в ходе предыдущих рассуждений.

«Когда 10-го июня обнародована была в Мюнхене прокламация о назначении регентства вследствие «тяжелой болезни» короля, то в массе населения невольно возникли вопросы недоумения и вопросы, которых никогда не могло бы разъяснить министерство. Какая эта болезнь вдруг открылась у короля? Если она была у него издавна, то почему раньше не было принято надлежащих мер лечения и контроля? Отчего те самые причины, которые до сих пор не мешали министрам спокойно исполнять свои обязанности от имени короля, побудили их вдруг потребовать регентства и медицинской опеки над Людвигом II? Баварцы давно уже знали, что их король отличается многими странностями, что он скрывается в уединении со своими ближайшими слугами, строит фантастические замки, поглощающие массу денег, и совершенно не интересуется делами правительства, которые лежали на ответственности министров и законодательных палат. Народ привык думать, что артистические вкусы и таинственное уединение короля никому не мешают. Король мог свободно тратить свои личные средства на удовлетворение каких угодно фантазий; он располагал только теми суммами, которые назначались на содержание двора, так что его увлечения и прихоти не могли повредить финансам государства (здесь и далее курсив мой. — М. З.)»

Прервем цитирование и вспомним, что одним из главных

пунктов «обвинительного акта» было обвинение короля в полном разорении казны. Как же вяжется с этим, например, пресловутый отказ правительства в финансировании строительства Херренкимзее? Раз правительство имело право отказать и король оказывался бессильным заставить выполнить свой приказ, то о каком разорении может идти речь? Или же придется признать, что при конституционной монархии правительство допустило полное разорение казны и спохватилось слишком поздно? Тогда уже возникают вопросы в профессионализме самого правительства. А, кроме того, давайте не будем забывать, что при строительстве своих замков Людвиг не только совершал «безразмерные» траты, но и давал работу сотням рабочих различных специальностей. Так что у каждой медали всегда две стороны! Однако продолжим же чтение «Вестника Европы».

«Король щедро покровительствовал артистам и художникам, увлекался операми Рихарда Вагнера, устраивал специально для себя театры и спектакли, и все это не вызывало никакого протеста; что же особенного произошло именно за последнее время, чтобы оправдать возведение прежних эксцентричностей на степень «тяжелой болезни»? Известно было всем, что король физически крепок и здоров — по крайней мере, по внешности; даже из официального отчета о действиях его за последние дни до катастрофы можно видеть, что о каком-либо физическом недуге не было и речи. Понятно поэтому, что прокламация 10 июня встречена была в Баварии с большим недоверием; слухи о незаконном низложении короля, о преступных замыслах и заговорах быстро распространились в народе. Король был любим и популярен благодаря его поэтическим наклонностям и рыцарским свойствам характера; а главное — он никому и ничему не был помехой: не стеснял общественной жизни страны, мало вмешивался в политику и занимал воображение публики своими оригинальными художественно-архитектурными предприятиями.

Население было настолько предано этому идеалисту-королю, что толпы мирных обывателей готовы были вооружиться для защиты его от врачей-психиатров и министров, пытавшихся учредить над ним опеку. Нужно заметить, что решение старших родственников короля было весьма неудачно исполнено министерством… Зачем было перевозить его из одного замка в другой, подобно пленнику? Крайняя нелюдимость, замкнутость и болезненная чувствительность его были известны всем: не лучше ли было оставить его в Гогеншвангау, в прежнем убеждении, что он полновластный король, переменив только весь штат служителей? Такие вопросы ставят себе баварцы и не находят

ответа в официальных объяснениях».

Эти вопросы возникают не только у баварцев, но и у всех логически мыслящих людей. Дилетантизм, с каким была проведена операция по лишению трона Людвига II, как раз и наводит на мысль о том, что ею руководило не правительство, не профессионалы, а именно дилетанты, например обиженный баловень судьбы граф фон Хольнштайн. Умный политик позаботился бы о том, чтобы не поставить страну на грань возможного народного волнения, продумал бы все детали, все мелочи, а не трусливо перевозил бы короля из замка в замок, что было вызвано как раз боязнью реального восстания среди местного населения, ставшего всерьез вооружаться и готовиться к самым решительным действиям. Несогласованность действий, отсутствие четкого плана, полная растерянность и бессилие, когда дело пошло не так, как хотелось бы, — всё это мы видим в поведении членов «позорной депутации». Они явно не были внутренне готовы к тому, что совершали. Они боялись, а значит, сомневались в своей правоте. И это слишком бросается в глаза, что мы и видим из следующего отрывка.

«Вся обстановка, при которой объявлено было регентство, указывает на то, что не только в обществе и среди приближенных короля, но даже у министров и психиатров не было твердой уверенности в действительном сумасшествии Людвига II. Этим объясняется и неудача депутации, вследствие предупреждения короля одним из его флигель-адъютантов, и готовность местных граждан защищать его от «бунтовщиков»-министров, и поразительная доверчивость доктора Гуддена. Если бы господствовало мнение о душевной болезни короля, не было бы повода сообщать ему о враждебном намерении правительства, и самое сообщение осталось бы без результата, потому что не встретило бы веры, или не привело бы к тем практическим мерам охраны, которые были приняты королем. Окрестные жители, взволнованные известием о «бунте», равно как офицеры, арестовавшие министров, очевидно, не считали короля помешанным. Профессор Гудден, специалист по психиатрии, не мог бы исполнить просьбу больного о прогулке к озеру без сопутствия санитаров, если бы он с большею твердостью отнесся к королю как к человеку ненормальному».

А вот это уже очень серьезный довод. Действительно, как опытный психиатр, специалист высочайшего класса, мог решиться на то, чтобы пойти на прогулку с человеком, потенциально ненормальным? Да еще и без дополнительной охраны! Если он читал, а главное, верил в «немотивированные вспышки гнева», «приказы немедленно казнить, выколоть глаза» и

т. д. и т. п., то уже никак не мог считать короля «тихим и неопасным». Обвинения Гуддена в непрофессионализме и преступной со стороны врача беспечности не выдерживают критики. А, следовательно, он сам за то недолгое личное общение с Людвигом сумел убедиться в том, что его заочный диагноз ошибочен! Возможно, это послабление режима — слабая попытка хоть частично загладить свою вину. Повторяем, в порядочности профессора Гуддена у нас нет причин сомневаться. В отличие от некоторых других участников «дела баварского короля». И вот доказательство:

«Любопытные факты были извлечены из документов, переданных парламентским комиссиям для ознакомления обеих палат и всей страны с положением дел покойного короля… Докладчики парламентских комиссий в обеих палатах могли привести только незначительную часть материла, имевшегося у них в руках, ибо они, понятным образом, старались избегнуть всего того, что бросало бы излишнюю тень на несчастного короля или нарушило бы благоговение к его памяти».

Причина, по которой в распоряжении докладчиков оказалась только часть материалов, причем именно выгодная правительству, конечно, абсолютно другая: оправдание короля поставило бы крест на решении правительства об объявлении регентства. О противоречии «желания не нарушать благоговение к памяти» и обнародования документов, как раз нарушающих это благоговение, мы уже говорили. Как говорили и о том, что на окружающих короля воспитателях и царедворцах лежит не меньшая, а возможно, и гораздо большая вина за трагедию 125-летней давности.

«Не надо забывать, что Людвиг II был еще неопытным 18-летним юношей при вступлении на престол; характер его не успел установиться и окрепнуть, а природная склонность к мечтательности поддерживалась всем средневековым кругом идей и стремлений, в котором он был воспитан с детства. Одностороннее влияние окружающих, их фантастическая лесть, рассказы о прошлом величии и могуществе, легенды о таинственных замках и рыцарских подвигах — все это отчуждало короля от прозаической действительности, уносило его в область поэзии и влекло к одиночеству. Многие находили свою выгоду в этом настроении короля; самая страсть к постройкам была вызвана, быть может, теми лицами, которые распоряжались подрядами и обогащались в короткое время… Глава кабинета, барон Лутц, откровенно заявил в палате, что он не имел понятия о наиболее странных поступках короля и что его ужасно поразило предположение о душевной болезни, высказанное врачами…

Ненормальность короля выражается только в том, что утрачено понимание текущей действительности; но самая сущность так называемых «нелепых идей» дана специальным характером историко-политического воспитания, в котором традиции далекого прошлого играли главную роль… Несчастье короля заключалось в том, что ему приходилось подчиняться духу времени… (Увы! Герой не своего времени… — М. З.) Покойный баварский король имел в глазах немецкого народа две великие исторические заслуги: во-первых, после войны 1866 года он подписал военную конвенцию с Пруссией и, не колеблясь, выполнил свое обязательство в 1870 году, присоединив свои войска к прусским против Франции, и, во-вторых, он первый предложил королю Вильгельму императорскую корону от имени союзных германских государей, в ноябре 1870 года, после решительных немецких побед. Действовал ли он в этих случаях независимо или под сильным давлением извне — неизвестно; бесспорно только одно, что имя Людвига II неразрывно связано с национальным объединением Германии. Немецкая печать всех партий и оттенков вспомнила эти заслуги и отнеслась с живым сожалением и сочувствием к личности несчастного короля».[233]

От прессы и политических настроений перейдем теперь непосредственно к медицинской проблеме, касающейся Людвига II, и прямо спросим: так был ли король безумным?

Для начала обратимся к известному труду профессора П. И. Ковалевского, выпущенному в Санкт-Петербурге в 1900 году: «Психиатрические эскизы из истории. Император Петр III. Император Павел I. Саул, царь израилев. Людвиг, король Баварский». И не потому, что этот труд ценен с исторической точки зрения — при всем уважении к выдающемуся русскому психиатру, основателю первого в России психиатрического журнала «Архив психиатрии, неврологии и судебной психопатологии», данную книгу никак нельзя рассматривать в качестве исторического источника, о чем, кстати, говорил и сам Ковалевский. Но именно эта книга послужила основным материалом для доказательств душевной болезни баварского короля в последующих работах русскоязычных авторов. Профессор честно признавался, что материал для своей книги черпал из так называемого «обвинительного акта» профессора Бернхарда фон Гуддена, а также из мюнхенских газет конца 1880-х годов, которые естественно должны были обелять и всячески оправдывать фактическую узурпацию власти тогдашним правительством. О «достоверности» первоисточников П. И. Ковалевского мы уже достаточно говорили. Вообще, насколько можно доверять прессе, особенно ярко продемонстрировал XXI

век своим обилием «бульварных» газет и журналов, раскупаемых как горячие пирожки. Публика во все времена любит «желтую прессу». Сегодня будут смаковать «скандальный союз певца N с продюсером Y», тогда — «жареные факты» из жизни только что почившего монарха.

Интересно отметить, что Ковалевский, с одной стороны, рассматривал личность Людвига II не как реального человека, а как иллюстративный материал для своих умозаключений (отсюда и обращение к источникам, по большому счету недостойным серьезного ученого). С другой стороны, профессор был изначально уверен в том, что берет для примеров бесспорные случаи душевных заболеваний. Тем не менее даже при таком настрое у него, как у честного ученого, неизбежно возникли определенные сомнения.

Вот что пишет по данному вопросу сам профессор П. И. Ковалевский: «Изложив, однако, вышеприведенные факты (именно те, скандальные, на которые потом и будет опираться русскоязычное «людвиговедение». — М. З.), мы должны сделать следующую оговорку: наш больной — король, то есть лицо, по своему общественному положению стоящее вне общества. Его жизнь скрыта от глаз простых смертных. Достоянием общества стали только отдельные случаи, остальная же жизнь сокрыта в душах его приближенных. Приведенные нами факты разбросаны по всей его жизни в течение многих лет, едва ли не 20. Если приведенные случаи слишком ярко и резко обрисовывают болезненное состояние короля, то только потому, что они соединены нами в единое целое; будучи же разбросанными на много лет, они несравненно меньше оттеняют болезненность данного лица. С другой стороны, мы должны добавить, что положение короля, то есть пребывание его вне и выше общества, лишает нас возможности иметь побольше обстоятельств, указывающих на болезненное состояние короля, так как его жизнь стояла вне ведения простых смертных. Очевидно, болезненных явлений было несчетно больше, но они остались для нас неизвестными. Наконец, принимая во внимание особенное положение нашего больного, мы не можем отрицать и того, что некоторые из приведенных нами фактов есть плоды фантазии и праздного воображения людского. Может и это быть. Мы привели только то, что появилось в газетах о жизни короля, и на основании этого делаем свои заключения (курсив мой. — АО.). Невольно напрашивается вопрос: каким образом, однако, при такой массе примеров, ясно указывающих на очень давнее расстройство умственных способностей короля, он не только мог оставаться королем, но и заслуживать любовь приближенных,

расположение окрестных жителей, уважение всех граждан и почтение от иностранных правителей? На это мы ответим: король жил крайне уединенно и одиноко. Его жизнь была известна лицам, только близко к нему стоящим. (На лицо явное противоречие — а как же тогда он смог все-таки заслужить пресловутую любовь «приближенных, расположение окрестных жителей, уважение всех граждан и почтение от иностранных правителей»? — М. З.) Кроме того, министры свидетельствуют, что в государственных делах Людвиг отличался замечательным знанием дела, ясностью понимания и необыкновенною проницательностью. Наконец, самые его болезненные увлечения художеством, музыкой и архитектурой могли в его подданных возбуждать только беспредельное уважение и восхищение».[234]

Невольно напрашивается другой вопрос: насколько объективны при сложившихся обстоятельствах выводы, подтверждающие наличие психического заболевания? Напомним, что Людвиг, вплоть до своего ареста и официального признания его недееспособным, не проходил медицинского освидетельствования. Ни один уважающий себя врач никогда не поставит диагноз больному, опираясь лишь на свидетельства третьих лиц, не проведя детального обследования самого больного. Заочный диагноз недопустим ни при каких обстоятельствах. В случае баварского короля мы же имеем именно такой пример. «Как же вы поставили мне диагноз? Вы ведь даже не беседовали со мной?» — спросил Людвиг во время своего ареста. На что получил очень характерный ответ: «Ваше величество, в этом нет необходимости. Мы обладаем информацией, которая нам дает достаточно доказательств». Да, в наше время — прямой повод обратиться в суд…

Если всё же рассматривать «историю болезни» Людвига с окончательным диагнозом «паранойя», то картина рисуется следующая. Профессор П. И. Ковалевский пишет: «Под именем паранойи, или первичного помешательства, разумеется такое расстройство умственных способностей, при котором в обычный круг мышления, в обычное сочетание представлений, в обычный, признаваемый нами за правильный, образ жизни и действий врывается круг безумных идей в виде ограниченного бреда. Таким образом, при этом происходит раздвоение сознания в человеке: с одной стороны, он живет здоровою жизнью, ее интересами, делами и обстоятельствами, с другой стороны, внутри себя такой больной таит болезненные мысли, бредовые идеи и целый ряд безумных представлений… Содержание бреда таких больных может быть весьма разнообразно, в зависимости от политических и общественных обстоятельств данного времени и

от данных свойств, симпатий и антипатий человека, воспитания и увлечений… Не менее, если не более важную роль в содержании и развитии болезни играют и личные особенности человека. Болезнь эта в огромном большинстве случаев развивается на наследственной болезненной почве. Зачатки нервной неустойчивости, зачатки болезненных проявлений характера, влечений и проч. в дальнейшем возрастают и в зрелом возрасте дают уже готовый созревший болезненный плод. Особенно хорошо обработанным и выкристаллизованным этот плод является в тех случаях, когда унаследованные качества и свойства характера и душевной деятельности находят себе поддержку и укрепление в воспитании и обстоятельствах дальнейшей жизни данного лица… Уже от природы он (Людвиг. — М. З.) унаследовал болезненную, мечтательную и фантазирующую натуру, дарования, в которых блестящие умственные способности заглушались гениальными созданиями воображения. Воспитание, образование, обстановка, обстоятельства жизни и случайности сделали то, что не рассудок взял перевес над образами фантазии, а воображение и фантазия одержали победу над рассудком. Рассудок подломился, создалась душевная болезнь. Но мы знаем, что душевная болезнь, поразившая короля, такого свойства, что она представляется государством в государстве. Она представляет болезненный остров в живом и здоровом море жизни. У такого больного является двойственность сознания: с одной стороны, вся обычная жизнь с ее нуждами, требованиями и делами, с другой стороны, жизнь личная, жизнь воображений и фантазий. Первая жизнь дозволяет человеку быть обычным человеком, исполнять государственные и общественные обязанности, быть мужем, отцом и гражданином, вторая — делает его сумасшедшим. До тех пор пока эти две жизни могут существовать совместно, при подчинении второй жизни требованиям первой, до тех пор такой больной мыслим в обществе; но когда требования второй жизни начинают тяготеть и преобладать над требованиями первой — этот человек неправоспособен.

Людвиг II при всех его болезненных проявлениях почти до конца жизни являлся умным, находчивым, сообразительным и настойчиво отстаивающим интересы королевства королем. Диво ли, что при его правильном управлении как короля, при его уединенной и замкнутой жизни его подданные знали его как мудрого короля и настойчивого охранителя государственной самостоятельности даже пред лицом железного человека. С этой точки зрения Людвиг II по праву пользовался преданностью и любовью баварцев.

Но этого мало. Его болезненные страсти — страсти в высокой

степени благородные и возвышенные. Он тратил десятки миллионов на постройки дворцов. Страсть в высочайшей степени благородная и заслуживающая полного сочувствия и одобрения. Людвиг тратил на эти дворцы не государственные деньги, а свои личные, те деньги, которые государство отпускало ему на его личные потребности. Он тратил их на высокохудожественные произведения и тем украсил государство, развивал в нем возвышенные вкусы и потребности и этим привлек тысячи путешественников в Баварию и создал ей славу и обогащение. Наконец, он тратил деньги в своем государстве и тем обогатил десятки тысяч подданных»[235].

Согласитесь, что если не брать во внимание «факты», тиражируемые тогдашней проправительственной прессой, то на основании приведенного заключения профессора П. И. Ковалевского вырисовывается не столь уж безнадежная картина. Ближайшее окружение короля просто не смогло (или не захотело?) направить его природные наклонности в нужное русло, тем самым оградив Людвига от самого себя. Кстати, в первые годы своего правления он очень охотно выслушивал советы своих министров, старался максимально следовать им, внимательно вникал в государственные дела и был очень послушным и благодарным учеником.

Позволим себе одно небольшое отступление. Исходя из того что личного психиатрического освидетельствования короля проведено не было, попробуем поставить под сомнение точность поставленного Людвигу диагноза — фактически мы с Гудденом находимся в равных условиях: и он, и мы опираемся лишь на свидетельства третьих лиц. Мы не претендуем на профессиональное психиатрическое заключение, но мы имеем право на собственное суждение, исходя хотя бы из того, что официальный заочный диагноз тоже нельзя назвать профессиональным. Основной вопрос, на который мы попытаемся ответить: было ли заболевание Людвига II необратимым, прогрессирующим и приводящим к недееспособности? И была ли это вообще паранойя?

Конечно, мы обязаны учитывать состояние развития психиатрии на период описываемых нами событий и делать на это скидку. Опираясь на современные научные знания о причинах и характере течения паранойи, мы попробуем лишь посмертно реабилитировать короля, с учетом того, что в его время сделать это было невозможно.

Начнем с научного определения паранойи и ее «разновидностей», согласно простому «Справочнику по психиатрии». «Инволюционная паранойя. Течение хроническое

(до нескольких лет) или волнообразное. Клиническая картина определяется систематизированным монотематическим паранойяльным бредом в виде то идей ревности (преимущественно у мужчин), то идей ущерба (чаще у женщин) или преследования. Такие психозы богаты аргументацией и бредовыми интерпретациями; постепенно развивается детально разработанный бред. Бред распространяется и ретроспективно (бредовое переосмысление фактов прошлого). Больные отличаются стеническим, чаще приподнятым, аффектом, оптимизмом, проявляют высокую бредовую активность по типу «преследуемого преследователя». Эти психозы обычно не сопровождаются значительными изменениями личности и не переходят в органическое снижение (здесь и далее курсив мой. — М. З.).

Инволюционный параноид… Течение таких психозов бывает затяжным или волнообразным. Клиническая картина параноида определяется «маломасштабным» бредом преследования (вредительства, притеснения), отравления и ущерба, который обозначается так же, как бред малого размаха или обыденных отношений. Бред направлен преимущественно против конкретных лиц из окружения больного (члены семьи, соседи) или людей, с которыми «преследователи» могут быть связаны (работники милиции, врачи и т. п.). Отмечаются отдельные вербальные иллюзии, реже вербальные галлюцинации… Одновременно развиваются разоблачительные идеи, направленные против преследователей… Настроение бывает временами тревожным и подавленным, но преобладает оптимизм… Вне сферы бреда больные сохраняют обычные социальные связи, обслуживают себя, полностью ориентируются в бытовых вопросах. Даже при длительном течении заболевания выраженные психоорганические расстройства не развиваются. Личностные изменения ограничиваются нарастающей подозрительностью и конфликтностью.

Реактивные параноиды… Содержание бредовых идей обычно отражает психотравмирующую ситуацию… Диагностика реактивных параноидов обычно не вызывает больших затруднений. Основные опорные критерии: ситуационная обусловленность, конкретный, образный, чувственный бред, связь его содержания с психотравмирующей ситуацией и обратимость этого состояния при изменении внешней обстановки»[236].

Вспоминая «факты» из «обвинительного акта», можно сделать вывод, что на первый взгляд профессор был прав. Но «достоверность» этих «фактов» нам уже известна, и теперь

обратимся исключительно к чистой науке. Достаточно сказать, что в настоящее время однозначный диагноз «паранойя» вообще не ставится, учитывая, что различные «разновидности» этого психического расстройства успешно купируются. Кроме того, патологических необратимых личностных изменений у пациента не происходит. И еще один момент, который в свое время явился дополнительным аргументом против Людвига II. Напомним, что его младший брат Отто начиная с 1872 года (болезнь окончательно погасила последние искры его разума в 1876 году) страдал буйным помешательством, полностью разрушившим его личность. Его недуг (скорее всего, шизофрения, хотя для установления точного диагноза доступных исследователям данных совершенно недостаточно) был действительно необратимым, прогрессирующим и приводящим к недееспособности. На основании этого факта Гудден и К° сделали вывод о наследственном характере болезни Людвига II. Но, во-первых, Отто не диагностировали паранойю, а во-вторых, паранойя не является наследственным заболеванием (во времена Людвига твердо придерживались обратного мнения). Что же мы получили в итоге? Болезнь короля, даже если это и была паранойя, не является наследственной, необратимой, прогрессирующей и не приводит к недееспособности!

Но, возможно, это была вовсе и не паранойя. Современная психология оперирует понятием «фрустрация». Этот термин (от лат. frustration — «обман, неудача») обозначает психологическое состояние, возникающее в ситуации разочарования, неосуществления какой-либо значимой для человека цели или потребности. Фрустрация проявляется в гнетущем напряжении, тревожности, чувстве безысходности. И что самое важное, реакцией на фрустрацию может быть уход в мир грез и фантазий, а также немотивированная агрессивность. При этом фрустрация — это не психическое заболевание, а именно психологическое состояние, из которого определенными методами терапии пациента можно вывести. Человек может впадать во фрустрацию периодически, в зависимости от частоты раздражающих его ситуаций. Но фрустрация может быть вызвана и определенной навязчивой идеей; при этом длительная фрустрация, если ее не купировать, может привести к более тяжелым последствиям — депрессиям и тяжелым неврозам.

Без учета клеветнических измышлений у короля можно констатировать и болезненное разочарование в действительности, и невозможность полностью достичь своих идеалов, и уход в мир грез и фантазий, и немотивированную агрессивность. Не слишком большое количество соответствий,

чтобы это было простым совпадением? Делайте выводы сами. Повторим еще раз — поставить точный диагноз психического заболевания заочно вообще невозможно!

«Психиатр Геннадий Корнийко считает: «Нормальных людей нет вообще. Есть только те, кто лучше притворяется… У каждого человека есть свои психологические травмы и фобии — у кого-то наследственные, у кого-то приобретенные в раннем детстве. И это дает основание поставить диагноз почти каждому человеку. Если судить строго. Но при таком педантичном подходе придется закрыть в дурдомах 90 % населения, а остальные 10 % будут персоналом. В психиатрические лечебницы людей помещают по одному главному критерию: степень опасности для общества. Если твои страхи и отклонения начинают напрягать окружающих людей (как, например, эксгибиционизм) и того хуже — причинять вред обществу, тогда тебе следует пройти принудительное лечение в изоляции от общества. В истории были случаи, когда неугодных власти отправляли на «вразумительные процедуры». В дурдоме сидели Врубель и Хлебников, Лимонов и Егор Летов, Бродский и другие…»»[237]

Приведенная цитата, пожалуй, может стать эпиграфом ко всей нашей книге и поставить, наконец, точку в рассуждениях о психическом заболевании Людвига II.

Тем не менее всё (!), что написано на русском языке об этом короле, по-прежнему опирается лишь на «Психиатрические эскизы» П. И. Ковалевского. Отсюда кочующие из статьи в статью и из книги в книгу «факты», подтверждающие безумие короля и часто цитируемые дословно без ссылок на книгу профессора. Приходится признать, что русскоязычное «людвиговедение» крайне бедно, а временами и просто нечистоплотно: бесконечные «перепевы» одного и того же фактически можно смело назвать очевидным плагиатом.

Лишь в 2002 году в Санкт-Петербурге в издательстве «Новая Академия» был опубликован очень ярко и эмоционально написанный труд известного петербургского художника Т. Новикова «Белый лебедь. Король Людвиг II», написанный им в соавторстве с художником-единомышленником А. Медведевым и весьма своеобразно трактующий тему. Это первая попытка реабилитации баварского короля в России. Причем «адвокаты» не профессиональные историки, а художники — натуры творческие, глубоко прочувствовавшие и понявшие такую же творческую душу «коронованного художника».

Итак, вопрос о диагнозе Людвига II более или менее прояснился. Обратимся теперь к обстоятельствам его трагической гибели. Можно сказать, что мы переходим от вопросов

медицинских к вопросам уголовным. Для этого придется внимательно исследовать место происшествия.

Ныне на некотором возвышении от берега, напротив того самого места, где было найдено тело короля, стоит так называемая Gedächtniskapelle[238] (согласно указателям маршрута, Votivkapelle;[239] в переводных путеводителях ее обычно называют Часовней-мемориалом). Она была построена по распоряжению принца-регента Луитпольда на месте первоначального каменного столба с неугасимой лампадой, который был установлен здесь по желанию королевы-матери сразу после гибели Людвига II. Согласно мемориальной доске у входа в часовню, ее архитекторами были отец и сын Юлиус и Рудольф Хофманы, а художником — Август Шпийс, чьи картины украшают залы Нойшванштайна. Первый камень в основание часовни был заложен в 10-летнюю годовщину смерти короля 13 июня 1896 года, а открыта она была ровно через четыре года — 13 июня 1900 года в присутствии членов королевского Дома и при большом скоплении народа. Это было воскресенье; тогда же состоялась и первая служба в новой часовне. Отныне поминальные службы будут проходить здесь ежегодно: в день рождения (25 августа) и в день смерти (13 июня) короля, а также в день смерти его матери королевы Марии (17 мая). До сих пор на эти торжественные поминальные службы съезжаются люди со всех концов Германии (и не только!).

Внутреннее убранство часовни скромно и одновременно торжественно-печально. Над престолом в нише — образ Спасителя, «Суд Иисуса Христа». Слева надпись по-латыни: «В память Его Величества Людвига II короля Баварии, погибшего после 22-летнего правления, простившегося с жизнью в этом месте». (Отметим эту формулировку — «простившегося с жизнью» — не убитого, не погибшего, не покончившего с собой! Волею Господа простившегося с жизнью, как и положено богопомазанному монарху.) Справа другая надпись: «По повелению его королевского высочества принца-регента Луитпольда построена часовня, закладной камень которой заложен 13 июня 1896 года. Открыта 13 июня 1900 года». Кстати, для посещения часовня открыта ежедневно с 9 до 17 часов в период с 1 апреля по 31 октября. К сожалению, войти внутрь можно только в дни поминальных служб; в остальное время придется любоваться интерьером через решетку за входной дверью.

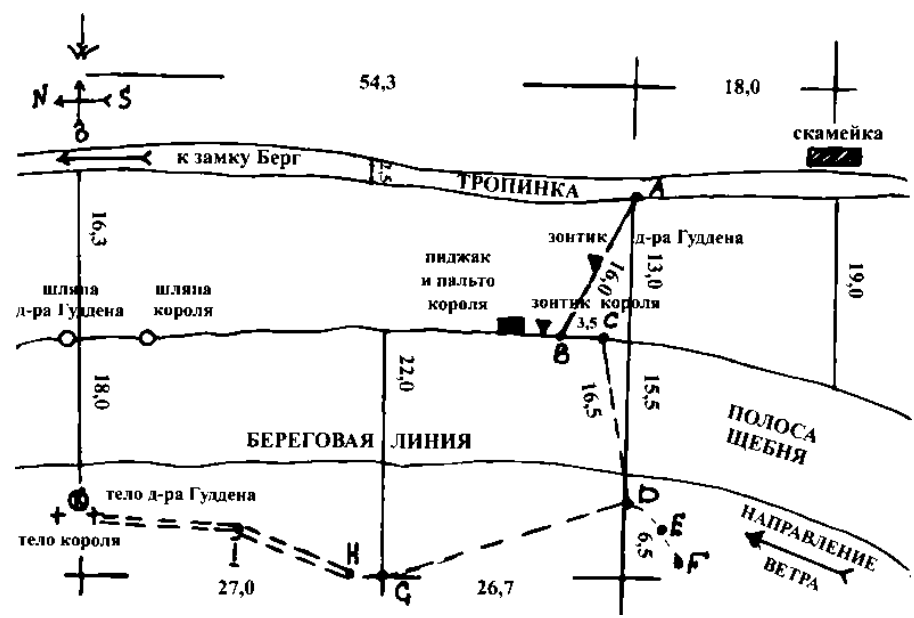
Спуск от часовни к берегу сначала приводит на нижнюю террасу, на которой установлено высокое каменное распятие. А еще ниже, прямо в водах озера, совсем недалеко от берега,

высится деревянный поминальный Крест, отмечающий то самое место, где было найдено тело Людвига II. Крест был поставлен здесь в 1887 году. С тех пор, учитывая его «деревянное происхождение», Крест периодически заменяют на новый.

Кстати, необходимо иметь в виду, что Крест отнюдь не отмечает непосредственное место гибели короля. Но даже если считать, что здесь всего лишь было обнаружено тело, то и тогда далеко не все ясно.

Так, например, существует один любопытный документ, а именно план места трагедии, выполненный окружным инженером Францем Ксавером Хэртингером (Härtinger), так сказать, «по горячим следам» 15 июня 1886 года по поручению мюнхенской следственной комиссии [оригинал хранится ныне в коллекции Карла Йосса (Sammlung Joss)[240] в Розенхайме (Rosenheim)].

Нынешний рельеф местности мало изменился за последние 125 лет и позволяет мысленно перенести план Хэртингера на реальный пейзаж. В южном направлении от замка Берг вдоль озера проходит тропинка; справа от нее — узкий пологий спуск к воде, поросший кустарником и травой; береговая линия начинается с полосы мелких камней и щебня. Еще следует отметить, что большую роль в установлении полной картины происшествия играет точное знание направления ветра, так как от этого напрямую зависит перемещение вод озера. План Хэртингера, кроме «карты местности», дает нам и эти необходимые сведения. Но, несмотря на столь точные расчеты, все же остается больше вопросов, чем ответов.



Прорисовка автора, сделанная по плану Ф. К. Хэртингера

Итак, согласно материалам следственной комиссии, события вечера 13 июня 1886 года развивались следующим образом: Людвиг II со своим врачом Гудденом вышли из замка между 18.30 и 18.45. Неспешно прогуливаясь, они прошли около 800 м по тропинке вдоль озера. Примерно в 15 м от берега и не доходя 18 м по тропе до скамейки для отдыха (видимо, являвшейся целью их прогулки), король резко отклонился от маршрута (точка A на плане) в направлении озера. Судя по всему, для его провожатого это произошло совершенно неожиданно. Гудден поспешил за Людвигом и, возможно, несколько раз падал при этом в заросли кустарника, где и потерял свой зонт. Доктор догнал и попытался удержать своего пациента на берегу (точки B — C), в то время как тот уже складывал на землю одежду: пиджак и пальто Людвига при нахождении лежали один на другом; зонтик был брошен рядом; шляпы короля и доктора Гуддена, скорее всего, были отнесены на значительное расстояние в северном направлении ветром.

Однако король вырвался и напрямую бросился к озеру, успев пробежать около 16 м. Гудден снова настиг его уже в воде (точка D), и, как предполагала следственная комиссия, здесь-то и дошло дело до ссоры. Доктор тянул короля к берегу, в то время как тот стремился в противоположную сторону. Согласно последующей реконструкции событий, отраженной на плане Хэртингера, королю удалось сначала одержать верх над Гудденом и достичь точки F, откуда доктор снова оттащил Людвига в сторону точки D. Таким образом, первоначально борьба между Гудденом и королем происходила в точках F — E — D. Вероятно, Гудден именно тогда получил телесные повреждения, которые затем были обнаружены на его трупе. Вскоре, слишком сильно оттолкнув Гуддена и освободившись, король смог преодолеть в северо-западном направлении расстояние примерно в 25 м (точки D — G). Точка G на плане — это место непосредственной гибели Людвига II. Отсюда по траектории H — I — K воды озера перемещали по ветру уже мертвое тело. Однако, учитывая, что тело доктора Гуддена было найдено всего лишь в 3 м от тела короля, то можно предположить, что, несмотря на полученные травмы, он все же снова попытался догнать Людвига, что ему и удалось опять же в указанной точке G. Следовательно, эта точка обозначает место гибели не только короля, но и доктора Гуддена, тело которого, естественно, по той же траектории H — I — K,

было снесено водами к берегу. Точка G — самая загадочная точка на плане Хэртингера, который так и не дает ответа на главный вопрос: что произошло в этом злополучном месте и что явилось причиной смерти двух людей, нашедших свою кончину в водах Штарнбергского озера?

Примерно в 23 часа мертвый король и его врач были обнаружены в 18 м от берега (это расстояние учитывает прибрежную полосу мелких камней и щебня; соответственно, непосредственно по воде оно не превышает 4–5 м). На основании частично трупного окоченения доктор Мюллер констатировал, что смерть Людвига II и Бернхарда фон Гуддена произошла около 19 часов. Таковы выводы следственной комиссии.

Кстати, было подсчитано, что якобы от замка до рокового места своей гибели король прошел 966 шагов. Эта цифра априори неточна, так как, согласно плану Хэртингера, она может быть соотнесена лишь с точкой A; другими словами, с местом, откуда король отправился навстречу своей гибели. К тому же сегодня вообще не представляется возможным пройти весь последний маршрут короля: если идти в обратном направлении, непосредственно от Креста в сторону Берга, то примерно через 350 шагов вы упираетесь в глухой забор — Берг закрыт для посещений, являясь частной собственностью членов семьи Виттельсбах…

Дальнейшие рассуждения находятся уже в области предположений и догадок. Тем более что причина смерти короля до сих пор остается так и невыясненной. На этот счет существует несколько версий (совершенно фантастические версии о том, что Гудден якобы сам старался убить короля или что Людвиг на самом деле и не утонул вовсе, а спасся и инкогнито проживал в секретном месте, дожив до самых преклонных лет,[241] мы рассматривать не будем в виду их явной несостоятельности):

1) официально принятая версия утверждает, что Людвиг не смог смириться с фактическим низложением и совершил самоубийство; доктор Гудден был убит им, когда пытался спасти своего коронованного пациента;

2) Людвиг пытался совершить побег, подготовленный его сторонниками, для чего должен был вплавь переправиться на противоположный берег, но Гудден опять же хотел воспрепятствовать этому и в схватке был убит; Людвиг от пережитых волнений и холодной воды умер на месте от удара (инсульта);

3) Людвиг и Гудден пали жертвой заговора членов правительства, стремившихся привести к власти принца Луитпольда в качестве регента при действительно

недееспособном брате короля принце Отто. Причем доктор был убит заговорщиками, так как стал нежелательным свидетелем преступления.

На первый взгляд все три версии выглядят довольно правдоподобно, иначе они не выдержали бы испытания временем и отпали бы сами собой.

Начнем разбор с версии № 3, тем более что так называемая «теория заговора» очень популярна во всех исторических эпохах. Начнем с того, что спросим себя, зачем было заговорщикам настолько усложнять свою задачу: инспирировать шумиху в прессе, пытаться перетянуть на свою сторону врачей, рисковать навлечь на себя гнев народа, готового чуть ли не на восстание, устраивать для царственного узника специально оборудованные решетками покои и т. д.? Только лишь для того, чтобы соблюсти видимость законности и на следующий же день убить короля? Не проще было бы изначально подстроить какой-нибудь несчастный случай в горах, прекрасно зная о пристрастии Людвига II к ночным прогулкам. А потом спокойно заявить, что «страну постигла тяжелая утрата, любимый монарх внезапно скончался: неудачно упал с лошади, оступился на краю обрыва, его убил дикий кабан и т. д. и т. п.». И никаких проблем с законом у нового правительства! Можно спокойно рыдать на похоронах, объявлять всенародный траур и исключительно в интересах государства приносить себя в жертву, обременяя тяжким гнетом власти.

Король и так уже слишком приблизил к себе предателей в лице Майра и Хессельшверта. Что стоило подкупить их еще один, последний раз, спровоцировать убийство, а затем без шума избавиться от ненужных свидетелей? Что проще — убить никому не известного камердинера короля или светило мировой психиатрии, каковым являлся доктор Гудден? На наш взгляд, сторонники «теории заговора», можно сказать, перехитрили самих себя.

Но факты говорят о том, что заговорщики, как говорится, «не искали легких путей». Хорошо, пусть так. В создавшихся обстоятельствах фигура Людвига действительно становилась живым знаменем для любой оппозиции к новому правительству. Его внезапная кончина слишком уж подозрительно устроила всех заинтересованных лиц, которым необходимо было «убрать» короля как можно раньше, ибо мертвый государь был им уже не опасен. Предположим также, что заговорщики проделали массу трудоемкой подготовительной работы только лишь для того, чтобы выглядеть в глазах закона безупречно. Но тогда почему они избрали для убийства такой «неудобный» способ, как утопление?

Тем более было прекрасно известно, что Людвиг отличается большой физической силой и является великолепным пловцом.

Даже если предположить, что имела место имитация возможного побега, то и тогда исполнители заговора сработали грубо и неумело. Ведь для широких слоев населения однозначный вывод напрашивался бы сам собой: несчастного короля предали, он пытался бежать, чтобы найти спасение, и был убит теми, кто потом стал во главе его государства. Худшей «предвыборной кампании» для правительства Луитпольда представить себе трудно. Так можно договориться до того, что короля убили как раз его сторонники, чтобы скомпрометировать в глазах народа правительственные круги! Заговорщикам, менее чем кому-либо, нужно было увенчивать низложенного монарха мученическим венцом; они должны были бы сделать все, чтобы никто не заподозрил, что Людвиг II умер «не своей смертью». Иначе подобным заговорщикам нужно было бы самим признать себя «недееспособными»! Итак, если бы и имел место заговор, то, скорее всего, Людвига после ареста тихо бы чем-нибудь отравили, благо медиков вокруг низложенного короля было больше, чем в психиатрической больнице, и опять же представили бы его кончину как естественную, что устраивало абсолютно всех.

Что же касается «нежелательного свидетеля» Гуддена, то при таком подходе к проблеме избавляться нужно было бы еще по крайней мере от десятка лиц, официально участвовавших в низложении короля. К тому же вполне логично предположить, что члены комиссии по признанию короля недееспособным и есть «заговорщики» и в первую очередь должны были быть посвящены во все тонкости процесса — они же прямые исполнители приведения к власти Луитпольда! А если нет, то приходится признать, что существовали несколько независимых друг от друга заговоров? Абсурд!

И еще один момент. Если уж рассматривать реальное существование заговора, то идейным вдохновителем его следует признать графа фон Хольнштайна. Мы уже говорили, что месть графа за отлучение от двора могла явиться причиной затеянной против короля интриги. Но фон Хольнштайну для достижения своей цели не нужно было убивать Людвига II! Как мы уже говорили, назначение опекуном низложенного монарха предполагало полное удовлетворение его амбиций. Чем дольше Людвиг оставался бы живым, тем дольше граф мог тешить свое самолюбие, возвышаясь над тем, кто, как ему казалось, в свое время его унизил. Таким образом, версию № 3 «по всем статьям» приходится отмести, как несостоятельную.

Что же касается версии № 2, то в ней больше всего вызывает

вопрос сама возможность побега в положении Людвига. Довольно подробно задокументирован процесс ареста короля и препровождения его в Берг: под усиленной охраной, ни на минуту не оставляя низложенного монарха в одиночестве. Даже если предположить, что Людвиг, предвидя подобное, заранее заручился у Елизаветы Австрийской или, например, у Бисмарка принципиальным согласием в оказании помощи, то непонятно, каким образом он смог уже после ареста связаться со своими спасителями, чтобы подготовить конкретную операцию. Тем более что решение препроводить Людвига в Берг было принято почти спонтанно (как мы помним, изначально его хотели содержать в Линдерхофе, но прошел слух, что местные крестьяне подняли бунт и готовятся отбить своего короля на горных дорогах, ведущих в замок).

Кстати, вот такой поворот событий вполне мог иметь место — ведь простой баварский народ обожал и даже боготворил своего короля. Но при этом сам Людвиг ничего бы не знал о готовящемся спасении! Может быть, он пытался наудачу сбежать «в никуда», надеясь потом своими силами добраться до своих спасителей? Наверное, доведенный до крайности, король и мог бы решиться на такое. Во всяком случае, это был бы шаг отчаяния, от которого нечего требовать какой-либо логической подготовки. В юриспруденции подобное состояние человека называется «состояние аффекта». Но в таком случае что-то должно было спровоцировать вспышку этого состояния, так как все мемуаристы и биографы-исследователи свидетельствуют о том, что почти сразу после ареста Людвигом овладело фаталистическое спокойствие и покорность судьбе. Значит, источником подобной провокации мог быть только сам доктор Гудден, так как никого другого в момент трагедии рядом не было. Чтобы опытнейший психиатр совершил профессиональную ошибку, ввергнув пациента в состояние аффекта, при этом находясь с ним наедине? Очень сомнительно. Раздражать короля, провоцируя его на необдуманные шаги, нужно было исключительно при свидетелях, чтобы каждый раз как можно больше народу фиксировали якобы необоснованные вспышки гнева короля, укрепляя веру в его сумасшествие.

Кстати, спросим еще раз: если бы Гудден был уверен в психическом нездоровье Людвига II, согласился бы он выполнить просьбу «больного» о прогулке без всякого сопровождения, отослав санитаров? Перспектива остаться наедине с сумасшедшим вряд ли прельщала бывалого врача! Возможно, конечно, что, находясь в крайней степени подавленности, король сам вызвал в себе припадок каким-либо отвлеченным

воспоминанием. Но в таком случае все равно версия с подготовленным побегом отпадает — мы имеем дело со спонтанно возникшей ситуацией. А «подверсия» о состоянии аффекта относится, скорее, к версии № 1, которую мы сейчас подробно и рассмотрим. Итак, учитывая все вышесказанное, приходится признать, что версия № 2 так же маловероятна, как и версия № 3.

Наконец, официальная версия № 1. Справедливости ради надо сказать, что она выглядит наиболее логичной и правдоподобной. Напомним, что ни заговор, ни подготовленный побег не выдерживают критики. А со склонностью к суициду согласуется и наступившие практически сразу после ареста апатия и безразличие к окружающему, говорившие о том, что человек уже все для себя решил и мысленно готов свести счеты с жизнью. В пользу этого утверждения говорят и некоторые воспоминания приближенных короля, сообщающие о том, что еще в Нойшванштайне, увидев приехавшую за ним комиссию, Людвиг II предпринял попытку броситься с верхнего этажа замка, куда просто не успел добраться, и то, что он якобы просил достать ему яд, но получил отказ… Насколько эти источники правдивы и не ангажированы правительством, чтобы дополнительно оставить «свидетельства» в свою пользу, остается лишь предполагать. Поэтому мы не будем принимать их на веру, а станем исходить только из психологических предпосылок трагедии. Итак, что же имело место в действительности — спланированное самоубийство или действие, как мы уже говорили, в состоянии аффекта? Ответив на этот вопрос, можно существенно сместить акценты в официальной версии, однозначно признающей самоубийство, отягченное убийством, и выработать версию № 4, что мы и попробуем сделать.

Оговоримся сразу относительно смерти доктора Гуддена, так как этот факт неоспорим, к какому бы выводу мы ни пришли. Только вот было ли это действительно убийством! Лишить доктора жизни было необходимо лишь в одном случае — если бы имел место спланированный побег, чтобы тот не мог поднять тревогу, позвать на помощь и указать верное направление погоне. Но как раз побега-то, как мы уже установили, быть не могло. В любом другом случае Людвиг, глубоко верующий человек, вряд ли пошел бы на осознанное убийство. Скорее всего, он, будучи весьма сильным человеком, кроме того, высоким и тучным, просто пытался освободиться от удерживавшего его Гуддена и наудачу вслепую ударил его в последний раз слишком сильно. Удар мог попасть в висок, от чего доктор умер на месте, или же мог лишить его сознания, вследствие чего, упав лицом вниз в

воду, Гудден захлебнулся. Налицо несчастный случай, в крайнем случае убийство по неосторожности, говоря языком юриспруденции. А это уже «совсем другая статья». Согласитесь, что, приняв такую точку зрения, мы снимаем с короля одно из тяжких обвинений.

А теперь вернемся к главному вопросу версии № 1 — мог ли король пойти на заранее спланированное самоубийство! Если ответить утвердительно, то вызывает сомнение только выбранный им способ сведения счетов с жизнью. Или же король просто воспользовался ситуацией — охраны нет, с доктором он легко справится, а вдруг другого такого удобного случая больше не представится? Напомним, что для такого прекрасного пловца, каким был Людвиг II, утонуть крайне проблематично. При желании он мог бы найти и более «легкий» способ уйти из жизни. Правда, Людвиг якобы считал, что это — лучшая смерть, после которой тело остается необезображенным, как после выстрела, повешения или ранения холодным оружием. Источником этого утверждения являются показания Хесселыиверта и Майра, опубликованные в мюнхенских газетах сразу после смерти короля. Одного этого уже достаточно, чтобы подвергнуть подобное утверждение сомнению — слишком уж нарочито все вокруг настаивают непременно на самоубийстве.

И в противовес ему существует еще одна версия (опять же только версия, так как следствие по всем правилам криминалистики проведено не было, а многие из существующих материалов дела недоступны исследователям), основанная на том, что при вскрытии в легких короля не было обнаружено воды, а значит, он не утонул, а умер, например, от инфаркта, инсульта (во времена Людвига эту болезнь называли ударом) или остановки дыхания под воздействием очень холодной воды. При таком раскладе опять же получается несчастный случай, пусть даже и спровоцированный попыткой самоубийства. Этот факт имеет принципиальное значение с религиозной точки зрения: Бог не допустил, чтобы его помазанник совершил смертный грех самоубийства.

А теперь вернемся к предположению, что Людвиг, не пытаясь сознательно лишить себя жизни, бросился в свою любимую стихию на авось, в отчаянной попытке просто убежать от своих мучителей. А там уже — как сложится. Король не мог не знать, как к нему относится простой народ или, скажем, императрица Елизавета Австрийская, на гостеприимство которой он вполне мог рассчитывать (тем более что ее родовой замок Поссенхофен находится на противоположном берегу озера, примерно напротив того места, где несчастный Людвиг пытался войти в воду).

Конечно, нельзя сбрасывать со счетов, что, в одночасье лишившись всего, что было ему дорого, Людвиг бы так и не смог примириться с участью изгнанника; но в его положении не думают о последствиях. Дальнейшее известно: либо организм не выдержал потрясений, и случился удар, либо Людвиг утонул в ледяной воде (температура воды в Штарнбергском озере и в жаркую погоду не располагает к длительным купаниям) вследствие возможной судороги или остановки дыхания.

Согласитесь, мы кардинально не противоречим официальной версии гибели баварского короля. Просто наша попытка реабилитации все же привела к существенной смене акцентов.

А теперь, отбросив возможные варианты развития событий, о которых мы просто не можем знать в силу недостаточной информации «по делу», выдвигаем обещанную версию № 4: Людвиг II в состоянии аффекта совершил попытку неподготовленного побега, в результате которой пал жертвой несчастного случая; доктор Гудден погиб также в результате несчастного случая, пытаясь остановить короля. Никто не совершал самоубийства, никто никого сознательно не убивал. Мы не настаиваем на истине в последней инстанции. Но при существующей завесе секретности вокруг тайны смерти Людвига II наша гипотеза имеет такое же право на существование, как и рассмотренные нами выше, включая официально принятую (в процентном отношении наша версия даже более правдоподобна, нежели версии № 2 и № 3).

И еще одно немаловажное обстоятельство. Тот факт, что Людвиг II был похоронен в храме со всеми подобающими его сану почестями, говорит о том, что Церковь не приняла официального заключения о самоубийстве. Самоубийц не хоронят в освященной земле, тем более в храме. То, что в данном случае «самоубийца» был королем (напомним одну юридическую тонкость — Людвиг не был низложен; он был объявлен недееспособным при регентстве его дяди принца Луитпольда, то есть юридически он продолжал оставаться законным монархом), для Церкви не могло сыграть решающей роли в разрешении на погребение под сводами храма — законы Бога выше законов земной власти. Но Людвиг похоронен в самом центре Мюнхена, столицы Баварии, в одном из главных храмов — церкви Святого Михаила, где в склепе под хорами спят вечным сном члены семьи Виттельсбах, включая Максимилиана I и основателя церкви Святого Михаила герцога Вильгельма V…

Вот мы и подошли к финалу нашей печальной истории. Позволим себе привести здесь еще одну пространную цитату из воспоминаний очевидца, присутствовавшего на церемонии

погребения Людвига И, очень ярко демонстрирующую любовь баварского народа к своему королю. «Перевоз тела короля Людвига II в Мюнхен состоялся ночью (15 июня. — М. З.) во избежание народного волнения. Выехав из замка (Берг. — М. З.) в 9 ч. 30 мин. вечера, процессия прибыла в Мюнхен только во втором часу ночи. Но, несмотря на позднее время, народ наполнял все дороги к городу, улицы и площади Мюнхена, волнуясь и негодуя, молясь за душу короля. Плакали не только женщины, но и мужчины. Отовсюду, даже позже из Америки, было прислано столько венков (все больше из роз, ландышей и жасмина), что гроб совершенно в них утопал. Сначала его поставили в «Theatiner-kirche» в часовне «Мучеников», что так подходило к этому мученику людской злобы!.. Мюнхенцы по пути процессии падали с рыданием на колени. Недопущенные еще на поклонение телу короля, они отправились на Мариинскую площадь (Marienplatz, Мариенплац, или площадь Святой Марии. — М. З.) и там провели всю ночь на коленях, в горячей молитве о душе короля, перед находящейся там статуей Мадонны, к подножию которой женщины, рыдая, клали венки цветов. Наутро происходило вскрытие и бальзамирование тела короля и приготовление храма; и народ опять прождал всю ночь и только 17-го был допущен проститься с королем, что происходило и 18-го. В Мюнхен пришло много крестьян и горцев.

Вокруг гроба, поставленного на тройном катафалке так прямо, что король представлялся почти в стоячем положении, — был совершенно тропический сад, с широколистыми пальмами, колыхавшимися над головой короля, не утратившего и в гробу, несмотря на бледность, свою замечательную красоту. Зная, что король не любил военной формы, его одели в костюм рыцаря Св. Губерта, гроссмейстером ордена которого он состоял: в черный костюм с белой кружевной фрезой у шеи и рук, с брильянтовой цепью на груди. Одна рука короля опиралась на рукоятку надетого на него орденского меча; в другой, прижатой к груди, он держал маленький венок из жасмина, присланный его верным другом, австрийской императрицей Елизаветой. Черный бархатный, опушенный горностаем, гроб был покрыт рыцарским плащом, черным атласным, подбитым белым атласом. Для погребения в склепе старинной династии Виттельсбахов тело Людвига было перевезено 19-го июня в «Michael-Kirche» (в современном написании Michaelskirche. — М. З.), и шествие было так торжественно и многолюдно, особенно длинной процессией всевозможных монашеских орденов, пилигримов и пр., что небольшое расстояние от одной церкви до другой было пройдено в два часа. Нечего и говорить о множестве собравшегося народа!

В церкви во время заупокойной обедни раздавались всюду рыдания; дамы падали в обморок… Склеп под церковью очень обширен и свод его поддерживается четырьмя колоннами из красного мрамора, между которыми за решеткой стоят гробницы, некоторые из которых очень древние. В глубине, в середине, у стены маленький престол из серого камня с таким же над ним распятием, а подле него находится гробница Людвига II. Это грандиозный саркофаг из темно-серого мрамора на львиных ножках, в который и вставлен гроб короля. На верху крыши золоченая корона. На передней части гробницы — герб короля с лавровыми ветками по сторонам и херувимом внизу, под которым на нижней части гробницы выпуклая надпись с именем и датами… Когда в день погребения Людвига II гроб его вставили в саркофаг, был дан сигнал пушечной пальбой о том моменте массе народа, коленопреклоненного, молившегося вне церкви; и в это самое время небо, с утра улыбавшееся голубизной и полной ясностью, вдруг покрылось внезапно набежавшими тучами, и над Мюнхеном разразилась такая страшная гроза, что раскаты грома заглушали пушечную пальбу и колокольный звон всех церквей города. «Сама природа возмутилась людской несправедливостью!» — восклицали приверженные королю люди»[242].

Не одни баварцы скорбели по почившему королю. «Когда враги Людвига стали распускать слухи о его сумасшествии, Елизавета Австрийская, сильно этим возмущенная, заведя речь о шекспировском Гамлете, прибавила: «Я готова верить, что те люди, которых считают сумасшедшими, в сущности самые умные люди!» Когда же его настойчиво стали признавать душевнобольным, она была страшно этим возмущена, так же как и император Франц Иосиф, всячески старавшийся спасти Людвига, неотступно прося не лишать его престола или, по крайней мере, сделать это временным… Они в это время жили в Фельдафинге. Трагическая смерть короля страшно поразила Елизавету. Приехав в замок Берг, она вошла в комнату, где лежало тело короля, и просила оставить ее одну. Когда, наконец, хотели ее увести оттуда, она без чувств упала на пол, и только после долгого времени и усилий ее могли привести в себя. Но она все не могла успокоиться: «Оставьте короля в этой комнате! — кричала она, как безумная. — Он не умер; он только притворяется мертвым, чтобы его оставили в покое и больше не терзали». Среди массы цветов, окружавших смертный одр Людвига, на груди его лежал только один крошечный венок воздушных жасминов, последний дар Елизаветы своему другу и родственнику. Много недель после смерти Людвига Елизавета

провела в полном уединении, предаваясь своему горю; и после того уже ни одного лета не проводила она в Фельдафинге. Но ее часто видели в Мюнхене, в королевском склепе, в тихой молитве у гробницы своего несчастного кузена»[243].

Теперь остается еще церемония перевоза сердца Людвига II в мавзолей города Альтёттинга (Altötting), в Верхней Баварии, в котором покоятся сердца членов династии Виттельсбахов. «В продолжение нескольких дней мюнхенцы толпились перед окном ювелира, в котором была выставлена превосходной работы серебряная вызолоченная урна в стиле Людовика XIV с двумя ветками по бокам: альпийской розы и эдельвейса. Урна эта предназначалась для сердца Людвига II. И вот 16 августа это набальзамированное, хранившееся в цинковом сосуде, сердце было положено при торжественном богослужении в урну, с которой архиепископ Тюрк поместился в карету, запряженную шестеркой лошадей, и в большой процессии, в сопровождении войска, отправился в путь, всюду встречаемый массой со всех сторон стекавшегося народа».[244]

Основной целью паломников, и ныне стекающихся в Альтёттинг со всех концов католического мира, является расположенная на главной площади города — Kapellplatz — старинная часовня Gnadenkapelle.[245] Вообще, Альтёттинг, известный с VIII века как самое раннее христианское поселение на территории Германии, посещает ежегодно около 500 000 паломников, мечтающих поклониться чудотворной фигуре так называемой «Черной Мадонны», датируемой началом XIII века и находящейся как раз в Gnadenkapelle. В ней же хранится 21 урна с сердцами членов династии Виттельсбахов.

В стене напротив алтаря находится большая полукруглая ниша из черного мрамора. Она разделена на два «этажа»; верхний занимают серебряные урны с сердцами родителей Людвига II: Максимилиана II и королевы Марии. В нижнем три отделения; там покоятся сердца прадеда Людвига Максимилиана I, его деда Людвига I и его самого. (Даже после смерти Людвиг оказался рядом не со своим отцом, а с любимым дедом.) На черном мраморе постамента золотыми буквами начертано: «König Ludwig II v. Bayern».

Стоя в полумраке маленькой часовни и глядя на печальные урны в нишах, почему-то невольно вспоминаешь мрачную сказку Вильгельма Гауфа «Холодное сердце». Там проданные злому горному духу сердца заключались в сосуды, на которых писалось имя их прежнего владельца. Только те сердца продолжали страдать, а здесь, в священном месте, под покровом Пресвятой Девы, царственные сердца навеки упокоились.

Кончилась служба, погашены огни алтаря, одна за другой гаснут лампады… Золото урны, хранящей прах страдальца-короля, блестит все бледней и бледней. «Полумрак все больше окутывал высокий свод и углы капеллы, в которой то тут, то там тускло мерцали блики серебра. Вот еще один огонек красной стеклянной лампады бледно-кровавым светом скользнул по чуть сверкнувшему золоту урны и, трепетно поколыхавшись в неугасимой лампаде, засветился мягко и мирно… И мир и тишина снизошли на золотую, чуть сиявшую урну»[246].

Давайте и мы тихо постоим в стороне и мысленно попрощаемся с последним королем-романтиком, подарившим своей стране после смерти сказку о самом себе.

Основные даты жизни Людвига II Баварского

1845, 25 августа — у кронпринца Максимилиана Баварского и его жены Марии, урожденной принцессы Прусской, родился старший сын.

26 августа — он был крещен в Нимфенбурге архиепископом Мюнхенским и Фрайзингским; при крещении наречен Отто Людвигом Фридрихом Вильгельмом.

1848, 20 марта — Людвиг I подписал отречение от престола в пользу сына Максимилиана; отец Людвига стал королем Баварии Максимилианом II, а Людвиг — кронпринцем.

27 апреля — родился Отто, младший брат Людвига.

1854, 24 апреля — брак Франца Иосифа с Елизаветой Баварской, с которой Людвига связывали годы искренней душевной дружбы.

1855.1 июля — 4 августа — король Максимилиан II с семьей посетил Нюрнберг.

1856 — обучение кронпринца Людвига по гимназическому курсу.

1857, 23 августа — Людвиг впервые предпринял серьезный поход в горы близ замка Хоэншвангау.

1861, 2 февраля — Людвиг впервые прослушал оперу Рихарда Вагнера «Лоэнгрин».

22 декабря — Людвиг впервые присутствовал на спектакле «Тангейзер».

1862 — посещение лекций Мюнхенского университета для завершения образования.

1863, 16–17 августа — в Нимфенбурге состоялась первая встреча Людвига с Отто фон Бисмарком.

1864,10 марта — скоропостижная смерть Максимилиана II; кронпринц Людвиг провозглашен королем Людвигом II. В этот же день помилован и выпущен из тюрьмы граф Максимилиан Карл

Теодор фон Хольнштайн.

4 мая — первая встреча Людвига II с Рихардом Вагнером.

14 мая — 7 октября — Рихард Вагнер гостил в усадьбе Пеллет недалеко от замка Берг.

10 июля — 11 августа — в Киссингене отдыхала на водах семья императора Александра II; Людвиг II лично познакомился с императрицей Марией Александровной.

11 августа — отъезд в Хоэншвангау.

25 августа — на празднование 19-летия короля в Хоэншвангау приехал Рихард Вагнер и исполнил специально написанный к этому дню «Марш присяги на верность».

2 октября — король посетил в Мюнхене Октоберфест.

7 октября — Рихард Вагнер переехал из Пеллета в Мюнхен на Бриннерштрассе, 21.

26 ноября — Людвигом II принято решение построить в Мюнхене вагнеровский театр Bühnenfestspielhaus.

29 декабря — Готфрид Земпер на аудиенции у Людвига II обсудил проект вагнеровского театра.

1865, 25 августа — 20-летие короля отмечалось в присутствии Рихарда Вагнера и Пауля Турн-унд-Таксиса.

18 октября — Людвиг II впервые предпринял кратковременную поездку в Швейцарию.

10 декабря — день отъезда Рихарда Вагнера из Мюнхена после почти годичной травли со стороны газетчиков, критики и баварского правительства.

1866, 31 марта — подана нота правительства Баварии австрийскому и прусскому правительствам с призывам отказаться от военного конфликта.

10 мая — в Баварии объявлена мобилизация.

22–24 мая — Людвиг II инкогнито под именем Вальтера фон Штольцинга приехал в Трибшен к Рихарду Вагнеру и принял участие в праздновании 53-летия композитора.

16 июня — прусская армия начала вторжение в Ганновер, Гессен и Саксонию.

17 июня — Австрия официально объявила войну Пруссии.

2 июля — обращение Людвига II к народу, в котором говорилось, что целью войны является «сохранение общего германского отечества».

1 августа — Нюрнберг сдан прусским войскам; объявлено трехнедельное перемирие с Пруссией.

22 августа — между Баварией и Пруссией заключен мирный договор.

23 августа — в Праге, оккупированной прусскими войсками, подписан Пражский мирный договор между Австрией и Пруссией, завершивший Австро-прусскую войну.

1867, 22 января — состоялась помолвка Людвига II с принцессой Софией Баварской, сестрой Елизаветы Австрийской.

5 апреля — Рихард Вагнер на аудиенции у Людвига II обсудил условия постановок в Мюнхене его произведений.

24 апреля — празднование 200-летия рыцарского ордена Святого Георга; Людвиг II впервые присутствовал на торжестве в качестве гроссмейстера.

30 мая — Людвиг II снял для Рихарда Вагнера усадьбу Престеле близ Штарнберга.

1–3 июля — Людвиг II посетил Вартбург, прообраз будущего Нойшванштайна.

20–29 июля — Людвиг II инкогнито под именем графа фон Берга посетил Париж и Версаль.

1 августа — состоялась премьера «Тангейзера» в Мюнхенском королевском придворном и национальном театре под управлением Ганса фон Бюлова.

Октябрь — разрыв помолвки с принцессой Софией.

1868, 29 февраля — смерть в Ницце Людвига I.

21 июня — в Мюнхенском королевском придворном и национальном театре с триумфом прошла премьера «Нюрнбергских мейстерзингеров».

Сентябрь — русская императрица Мария Александровна гостила в замке Берг у Людвига II.

1869, 5 сентября — заложен первый камень в основание будущего замка Нойшванштайн.

22 сентября — состоялась премьера «Золота Рейна» в Мюнхенском королевском придворном и национальном театре.

1870,16 июля — в Баварии объявлена мобилизация.

19 июня — начало Франко-прусской войны.

25 августа — состоялось бракосочетание Рихарда Вагнера и Козимы, приуроченное ко дню рождения Людвига II.

3 декабря — Людвиг II написал историческое «Императорское письмо» Вильгельму Прусскому с предложением принять императорскую корону.

1871,18 января — провозглашение Германской империи, Второго рейха. Вильгельм I — первый германский император.

28 января — заключено перемирие между Францией и Пруссией.

26 февраля — в Версале подписан предварительный мирный договор между Францией и Пруссией.

10 мая — подписан мирный договор, завершивший Франкопрусскую войну; первый серьезный припадок душевной болезни у кронпринца Отто.

23 сентября — посещение Людвигом II «Страстного фестиваля» в Обераммергау.

1872, 15 января — вынесен официальный диагноз «душевная болезнь, прогрессирующее слабоумие» кронпринцу Отто.

22 мая — закладка первого камня в основание Фестшпильхауса в Байройте.

4 июля — вступил в силу закон, запрещающий деятельность организаций ордена иезуитов на территории Баварии.

25 августа — завершено строительство «замка» Шахен.

Декабрь — Вагнер получил баварское гражданство.

1873, 25 сентября — поступила первая выплата из фонда Вельфов в размере 270 000 марок. Эти деньги стали первым взносом в покупку Херренинзеля на Кимзее.

Завершено строительство Главных ворот Нойшванштайна.

1874, 21 января — в основном завершено строительство замка Линдерхоф.

21–28 августа — вторая поездка в Париж; 25 августа — Людвиг II отметил свое 29-летие в Версале.

Октябрь — последнее посещение Людвигом II Октоберфеста. Начало «ухода в одиночество».

12 октября — королева Мария, мать Людвига II, официально приняла католичество.

1875, 6 февраля — принятие закона о гражданском браке.

27 мая — буйный припадок у кронпринца Отто на богослужении во Фрауенкирхе.

22 августа — последний военный парад Людвига II и кронпринца Отто.

24–27 августа — Людвиг II посетил Реймс.

15 октября — освящение скульптурной группы «Распятие» в Обераммергау.

1876, 10 февраля — последний торжественный прием при дворе Людвига II.

Май — покупка Мавританского павильона для замка Линдерхоф.

Ночь с 5 на 6 августа — приезд Людвига II в Байройт на генеральные репетиции «Кольца нибелунга» перед открытием первого Байройтского фестиваля.

9 августа — отъезд короля из Байройта.

13 августа — открытие первого Байройтского фестиваля.

1877, 25 августа — завершение постройки Грота Венеры в парке замка Линдерхоф.

Лето — постройка Хижины Гурнеманца в парке замка Линдерхоф.

Государственным министром финансов стал Эмиль фон Ридель.

1878, 21 мая — закладка первого камня в основание замка Херренкимзее.

25 ноября — покупка на Всемирной выставке в Париже Марокканского павильона для парка замка Линдерхоф.

1879, январь — главное здание замка Херренкимзее почти завершено.

Весна — начало отделочных работ в Херренкимзее.

1880, 4 марта — на должность министра иностранных дел и королевского двора назначен Фридрих Август Эрнст Густав Христоф фон Крафft.

13 марта — кронпринц Отто навсегда переехал в замок Фюрстенрид под постоянное наблюдение врачей.

26 апреля — Людвиг II последний раз присутствует на традиционных торжествах ордена Святого Георга.

22 августа — последнее обращение короля к баварскому народу.

31 октября — встреча с Вагнером в Мюнхене.

10 и 12 ноября — Вагнер продирижировал для короля в двух частных концертах отрывками из «Лоэнгрина» и «Парсифаля» и вновь заручился его материальной поддержкой предстоящей премьеры «Парсифаля» в Байройте.

12 декабрь — Людвиг II первый раз остановился на ночлег в Нойшванштайне.

Председателем Совета министров стал Йохан фон Лутц.

В целом завершено строительство Паласа в Нойшванштайне.

1881, июнь — в течение двух недель в Линдерхофе гостил

Йозеф Кайнц.

27 июня —14 июля — совместное путешествие Людвига II и Йозефа Кайнца в Швейцарию.

11 июля — ссора с Кайнцем.

В целом завершены личные апартаменты короля в Нойшванштайне.

1882, 29 сентября — 8 октября — Людвиг II жил в монастыре августинцев на острове Херренинзель, следя за строительством Херренкимзее.

26 июля — открытие второго Байройтского фестиваля.

1883, 2 января — Вагнеру отправлена последняя телеграмма Людвига II.

13 февраля — смерть Рихарда Вагнера.

Ссора и удаление от двора графа фон Хольнштайна.

Личным адъютантом Людвига II стал граф Альфред Карл Николаус Александр Экбрехт фон Дюркхайм-Манмартен.

1884, 16 мая — покупка руин замка Фалькенштайн.

27 мая — 8 июня — Людвиг II впервые жил в Нойшванштайне.

16 октября — Юлиус Хофман стал придворным архитектором, преемником Георга фон Доллмана.

Завершен Зал певцов в Нойшванштайне.

1885, 12 мая — последнее посещение Мюнхенского королевского придворного и национального театра; отъезд из Мюнхена уже навсегда.

Июнь — завершен Тронный зал в Нойшванштайне.

29 августа — Людвиг II поручил министру финансов барону Эмилю фон Риделю предпринять необходимые шаги к урегулированию финансовой проблемы (долг 14 000 000 марок), исходя из того что строительство ни одного из замков не будет остановлено.

3 сентября — Ридель предложил ввести режим строгой экономии.

7–16 сентября — Людвиг II проживал в Херренкимзее.

15 октября — в день 60-летия королевы Марии Людвиг II показал ей Нойшванштайн.

1886, 8 января — Лутц лично посоветовал Людвигу II ходатайствовать о единовременном пожертвовании в личный фонд короля 20 000 000 марок из избытков государственного

бюджета.

23 марта — первая встреча Лутца и фон Крафта с Бернхардом фон Гудденом; получение согласия последнего признать Людвига II душевнобольным.

17 апреля — в ответ на ходатайство, предложенное Лутцем, от Баварского министерства поступил категорически отказ выплачивать в дальнейшем королевские долги из казны; отныне Людвиг II вообще лишался какой-либо финансовой помощи.

5 мая — поступил ультиматум королю от кабинета министров немедленно возвращаться в столицу и приступить к урегулированию финансового положения.

23–24 мая — баварский посланник в Пруссии граф Гуго фон Лерхенфельд-Кёферинг отправился к Бисмарку с донесением о решении баварского правительства о признании короля недееспособным и назначении регентства.

7 июня — председатель Совета министров барон фон Лутц, министр иностранных дел и королевского двора барон фон Крафт и принц Луитпольд впервые публично недвусмысленно высказали мнение о том, что у короля обнаружены явные признаки тяжелого психического расстройства, и потребовали его медицинского освидетельствования.

8 июня — подписан «обвинительный акт» Гудденом и К°.

9 июня — первый приезд «позорной депутации» в Нойшванштайн.

10 июня — принц Луитпольд принял регентство.

12 июня — второй приезд «позорной депутации» и арест Людвига II; отъезд из Нойшванштайна и приезд в Берг.

13 июня — смерть Людвига II и Бернхарда фон Гуддена на Штарнбергском озере.

Библиография

Александрова В. Людовик II, король Баварский. М., 1911. Вагнер Р. Избранные письма и дневники. Т. 4. М., 1911. Вагнер Р. Избранные работы. М., 1978.

Вагнер Р. Моя жизнь. Т. 1–2. М., 2003.

Залесская М. К. Вагнер. М., 2011.

Залесская М. К. Замки баварского короля. М., 2009. Ковалевский П. И. Психиатрические эскизы из истории. Император Петр III. Император Павел I. Саул, царь израилев. Людвиг, король Баварский. СПб., 1900.

Лаврентьева СИ. Одинокий. Людвиг II Баварский и его замки. М., 1914.

Лигитанберже А. Рихард Вагнер как поэт и мыслитель. М., 1997.

Медведев А., Новиков Т. Белый лебедь. Король Людвиг II. СПб., 1998.

Albrecht G. Seine Majestät der König. Aus dem Leben Ludwigs II. von Bayern. München, 1995.

Andreas F. Die vorletzte Nacht. Ludwig II. Wien, 1955.

Bainville J. Louis II de Baviere. Un Roi Wagnerien. Paris, 1911.

Bauer R. Königliche Grüße Ludwig II. In Postkarten. München, 1986.

Baumgartner G. Königliche Träume Ludwig II. und seine Bauten. München, 1981.

Berg W. König Ludwig II. von Bayern. Das Lebensbild eines deutschen Fürsten volksthümlich geschildert. Leipzig, 1886.

Bertram W. Der einsame König. Erinnerungen an Ludwig II. von Bayern. München, 1936.

Beyer C. Ludwig II. König von Bayern. Ein Charakterbild nach Mitteilungen hochstehender und bekannter Persönlichkeiten und nach anderen authentischen Quellen. Des Königs Aufenthalt am Vierwaldstättersee und sein Verkehr mit Josef Kainz. Leipzig, 1900.

Binzer K. von. Die Schlösser König Ludwigs II. von Bayern: Neuschwanstein — Hohenschwangau — Linderhof— Herrenchiemsee — Berg. Ein Begleiter auf der Reise. München, 1888.

Blunt W. König Ludwig II. von Bayern. München, 1970.

Böhm G. von. Ludwig II. König von Bayern. Sein Leben und seine Zeit. Ausführliche Biographie Ludwigs II. mit umfangreicher Analyse seines Lebens. Berlin, 1922.

Botzenhart Ch. Die Regierungstätigkeit König Ludwig II. von Bayern — «ein Schattenkönig ohne Macht will Ich nicht sein».

München, 2004.

BrandI., Vogl M. Ludwig II. König von Bayern Seine Welt, sein Wesen, sein Wirken. Berlin, 1995.

Brunner E. Der tragische König Leben und Tod König Ludwig II. von Bayern Die wahre Geschichte des letzten wirklichen Monarchen seines Jahrhunderts. Berlin, 1998.

Craemer J.L. Die bayerischen Königsschlösser In Wort und Bild Die Schwangauer Schlösser. München, 1891.

Craemer J.L. Schloß Herrenchiemsee das bayerische Versailles In Wort und Bild. München, 1886.

Desing J. Eine Königstragödie Ein Bericht über den Tod König Ludwigs II. von Bayern. Lechbruck, 1992.

Desing J. König Ludwig II. Sein Leben — sein Ende. Lechbruck, 1976.

Desing J. Königsschloß Neuschwanstein. Lechbruck, 1992.

Desing J. Wahnsinn oder Verrat War König Ludwig II. geisteskrank. Lechbruck, 1996.

Dörflinger R. Ludwig II. — Was Ihn prägte. Augsburg, 1983.

Döring O. Das Tagebuch des Königs Fester grüner Einband. München, 1918.

Eger M. Dr. Königsfreundschaft Legende und Wirklichkeit. Bayreuth, 1987.

Eisert B. Ludwig II. Leben — Wirken — Sterben. München, 1979.

Ettmayr C. Die Gedächnis-Kapelle für König Ludwig II. und die Königs-Kapelle Im Parke des Schloßes Berg. München, 1901 Evers H.G. Ludwig II. Theaterfurst — König — Bauherr. München, 1986.

Fazy Ed. Louis II et Richard Wagner. Paris, 1893 Fischach H. Dem König sein Schwalangschär Eine bayerische Novelle. Dachau, 1986.

Förg K.G. Schloss Herrenchiemsee und die Fraueninsel. Rosenheim, 1998.

Forster G. Die Königstragödie am Stambergersee. Die Wahrheit über den Tod des unvergeßlichen Bayemkönig Ludwig II. Nach Aufzeichnungen und mündlichen Überlieferungen von Zeitgenossen König Ludwig II. bearbeitet. München, 1932.

Fortenbach H. Wahn und Wirklichkeit. Ein Roman um König Ludwig II. von Bayern. Berlin, 1961.

Gathmann E. Wahnsinn oder Verbrechen? Hinter den Kulissen der Tragödie Ludwigs II. von Bayern. Pähl, 1952.

Gebhardt H. König Ludwig II. und seine verbrannte Braut Unveröffentlichte Liebesbriefe Prinzessin Sophie's an Edgar Hanfstaengl. München, 1986.

Gerold O. (Hrsg.). Die letzen Tage König Ludwigs II. Erinnerungen eines Augenzeugen. Zürich, 1903.

Gerster. F.C. Der Charakter Ludwigs II. von Bayern. Eine

psychologisch-psychatrische Studie auf Grund authentischer Mitteilungen und eigener Beobachtung. Leipzig, 1886.

Glasenapp C.F. Das Leben Richard Wagners. Leipzig, 1904–1905.

Glowasz P. Auf den Spuren des Märchenkönigs. Berlin, 1988 Glowasz P. Das Geheimnis um den Sarkophag König Ludwigs II. von Bayern. Berlin, 1994.

Glowasz P. Wurde Ludwig II. erschossen? Berlin, 1991 Götterdämmerung. Aufsätze und Katalog. Darmstadt, 2011 Graser A. Die letzten Tage Ludwigs II. Nebst Lebensbeschreibung und Portrait sowie Abbildungen der Schlösser Neuschwanstein und Herrenchiemsee Nach authentischen Berichten bearbeitet. Stuttgart, 1886.

GrashoffB. Die Memoiren Ludwigs II. oder Schwierigkeiten Im Umgang mit Kitsch. München, 1975.

Greciano G. Ludwig II. von Bayern lehrte mich Deutschland lieben. München, 1965.

Gregor-Dellin M., HerreF., MöcklK., Petzet M., Prinz F., Schwaiger G. Ludwig II. Die Tragik des Märchenkönigs. Regensburg, 1986 Grunwald K. von. Ludwig II. Die dramatische Geschichte eines Märchenkönigs. Stuttgart, 1986.

Haasen G. Hohenschwangau Vom Zauber eines romantischen Schlosses. München, 1998.

Haasen G. Ludwig II. Briefe an seine Erzieherin. München, 1995.

Hanfstaengel F. Das Königsschloss Herrenchiemsee. München, 1925.

Hanfstaengl E. Bayerische Königsschlösser Linderhof — Herrenchiemsee— Neuschwanstein. München, 1958.

Hanslik E. Auf zur Sonne Königsschwan Ludwig II. In zeitgenössischen Gedichten und Liedern. München, 1986.

Haujfingen P. von. Ludwig II. König von Bayern. Sein Leben und Ende. Hamburg, 1886.

Heigel K.T. von. Das Geheimniß des Königs Roman. Berlin, 1891.

Heigel K.T. von. König Ludwig II. von Bayern. Ein Beitrag zu seiner Lebensgeschichte. Stuttgart, 1893.

Heigel PT. Ludwig II, König von Bayern. Leipzig, 1872 HeindlH. Marie — Königin von Bayern Mutter Ludwigs II. München. 1989.

Heißerer D. Ludwig II. Reinbek, 2003.

Herpich M. (Hrsg.). Heldensagen Wandgemälde aus dem Schlosse Neuschwanstein von Piloty — Hauschild — Aigner — Ille. München, 1931.

Herre F. Ludwig II. von Bayern. Sein Leben. Sein Land. Seine Zeit. Stuttgart, 1986.

Herzfeld F. Königsfreundschaft Ludwig II und Richard Wagner. Leipzig, 1939.

Hiemeis T. Aus meiner Lehrzeit In der Hofküche König Ludwigs II. von Bayern. München, 1940.

Hierneis T. Ein Mundkoch erinnert sich an Ludwig II. München, 1972.

Hiemeis T. König Ludwig II speist: Erinnerungen seines Hofkochs. München, 2010.

Hollweck L. (Hrsg.). Er war ein König. Ludwig II. von Bayern. Erlebtes, Erforschtes, Erdichtetes von Zeitgenossen und Nachfahren. München, 1979.

Hommel K. Der Theaterkönig Ludwig II. von Bayern. München, 1980.

Hörmann F. (Hrsg.). Die letzten Lebenstage Ludwigs II. Der sensationelle Bericht eines Augenzeugen Köppelstätter Aufzeichnungen. Aichach, 1996.

Hüttl L. Ludwig II. König von Bayern. München — Gütersloh, 1986.

Janetscheck O. Der König und sein Meister Ein Roman um Ludwig II. von Bayern und Richard Wagner. Wien, 1952.

Joss K. König Ludwig II.: Ausstellungskatalog. Rosenheim, 1996.

Köbell L. von. Bayerische Königsschlösser. München, 1898.

Köbell L. von. König Ludwig II und die Kunst. München, 1898.

Koenig Ludwig II. — Musseum Herrenhimsee. München, 1986.

Kolb A. König Ludwig von Bayern und Richard Wagner. Amsterdam, 1947.

Kronberg M. König und Künstler Roman König Ludwigs II. und Richard Wagner. Leipzig, 1937.

Lampert F.; (Anonym). König Ludwig II. Ein Rückblick auf den 13. Juni 1886. Von einem Mitglied der bayerischen Abgeordnetenkammer. Nördlingen, 1886.

Lampert F. Ludwig II. König von Bayern Ein Lebensbild. München, 1890.

Linde F. Ich der König. Der Untergang Ludwigs II. Leipzig, 1926.

Linde F. König Ludwig und seine Schlösser. Leipzig, 1926.

Linnenkamp R. Die Schlösser und Projekte Ludwigs II. Heyne Stilkunde. München, 1977.

Maier D. Bayerische Königsschlösser. Luzern, 1988.

Meili J.-G. Enthüllungen über das Leben und den Tod König Ludwig II. und das reine Gewissen des Grafen Hertling. Zürich, 1919.

Memminger A. Der Bayemkönig Ludwig II. Würzburg, 1920.

Menell A.; Albert J. Die Königsphantasien. Eine Wanderung zu den Schlössern König Ludwigs II. von Bayern. Leipzig, 1888.

Merk T. A.; Wackenhut J. Auf König Ludwigs II. Spuren Eine Bilderreise. Hamburg, 1997.

Merkle L. Ludwig II. und seine Schlösser Die Traumwelt des

Märchenkönigs. München, 1995.

Merkt N. Ludwig II. König von Bayern Untersuchungsausschuß des bayerischen Landtages Protokolle aus dem besondemen Ausschuß der bayerischen Kammer der Abgeordneten. München, 1987.

Müller F. C. Die letzten Tage König Ludwigs II. von Bayern. Nach eigenen Erlebnissen geschildert von Franz Carl Müller, ehem. Assistenzarzt des Ober-Med.-Rat von Gudden. Berlin, 1888.

Müller K.A von. König Ludwig II. Stuttgart, 1952.

Nägele V Parsifals Mission Ludwig II. und Richard Wagner. Köln, 1995.

Neuschwanstein and Hohenschwangau. München, 1983.

Nöhbauer H.F. Auf den Spuren Ludwigs II. München, 1986.

Nöhbauer H.F. Ludwig II. Köln, 1998.

Obermaier S.; (Hrsg.). Das geheime Tagebuch König Ludwigs II. von Bayern. München, 1986.

Petzet D.; Härtl J. Herrenchiemsee Königsschloß. München, 1988.

Petzet D.; Petzet M.; (Hrsg.). Die Richard Wagner Bühne Ludwigs II. München, 1970.

Petzet M.; Bunz A. Gebaute Träume Die Schlösser Ludwigs II. von Bayern. München, 1995.

Petzet M., Neumeister W. Ludwig II. und seine Schloesser. München, 1995.

Phillipi F. Ludwig II. und Joseph Kainz und anderes aus meinem Tagebuch. Berlin, 1913.

Pourtales G. de. Ludwig II. oder König Hamlet. München-Zürich, 1982.

Prinz F. Ludwig II. Ein königliches Doppelleben. Berlin, 1993 Raimar W. Ahnentafel von König Ludwig II. von Bayern. Neustadt, 1997.

Rail H.; Petzet M.; Merta F. König Ludwig II. Wirklichkeit und Rätsel. München, 1968.

Rauch A.; Frahm K. Ludwig II. von Bayern und seine Schlösser. Köln, 1999.

Reichold K. König Ludwig II. von Bayern — zwischen Mythos und Wirklichkeit, Märchen und Alptraum. Stationen eines schlaflosen Lebens. München 1996.

Reiser R.König Ludwig II. — Mensch und Mythos zwischen Genialität und Götterdämmerung. Regensburg, 2010.

Reuleaux C. Der letzte Tag unseres geliebten unvergeßlichen König Ludwig II. am Starnberger See. München, 1886.

Richter A. Die Geisteskrankheit der bayerischen Könige Ludwig II. und Otto. Eine Interdisziplinäre Studie mittels Genealogie, Genetik und Statistik. Neustadt an der Aisch, 1997.

Schilke F. E. Elisabeth und Ludwig II. München, 1993 Schlim J.L.

Ludwig II. — Traum und Technik. München, 2010 Schmid E. D. Nymphenburg. Schloss, Park und Burgen. München, 1999.

Schmid G. M.; Menzel M. Königliche Landschaften Ludwig II. und sein Bayern. München, 1986.

Schweiggert A. Schattenkönig Otto der Bruder König Ludwigs II. von Bayern. München, 1992.

Spangenberg M. Ludwig II. — Der andere König (Kleine bayerische Biografien). Regensburg, 2011.

Spielmann H. Die Schlösser Ludwig II. Hamburg, 1977 Strobel O. (Hrsg.). König Ludwig II und Richard Wagner. Vol. I–IV. Karlsruhe, 1936.

Tschudi C. König Ludwig II. von Bayern. Leipzig, 1910 Wagner Cosima und Ludwig II von Bayern. Briefe. Eine erstaunliche Korrespondenz. Köln, 1996.

Wahl J.; Seitz W. Unser König — König Ludwig II. von Bayern. Leben und Träume des Märchenkönigs Ludwig II. München, 1986.

Widemann A. Ein Denkmal für den König. Argumente und Dokumente für die Aufstellung des König Ludwig II. Denkmals In der Mittelnische unterhalb des Friedensengels zu München, nebst Zustimmungserklärungen des bayerischen Volkes. München, 1960.

Wietzorek P. König Ludwig II. von Bayern und seine Schlösser. Petersberg, 2011.

Wöbking W. Der Tod König Ludwigs II. von Bayern. Rosenheim, 1986.

Wölfel K. Richard Wagner und König Ludwig II. von Bayern. Stuttgart, 1993.

Wunderlich A. Ludwig II. Leben — Schlösser — Dynastie. Garmisch Partenkirchen, 1991

notes

Примечания

1

«Загадкой вечной буду я себе…» (Ф. Шиллер. Мессинская невеста, 1803 г.). Здесь и далее — примеч. авт.

2

Упомянутая в цитате биография — Tschudi C. König Ludwig II von Bayern. Leipzig, 1910 — действительно заслуживает всяческого внимания. Фамилию автора правильнее произносить Чуди.

3

Александрова В. Людовик II, король Баварский. К истории жизни и творчества Рихарда Вагнера. М., 1911. С. IX.

4

В библиографии настоящего издания мы постарались дать максимально полный список работ, посвященных Людвигу II.

Александрова В. Указ. соч. С. Х.

Bayerisches Hauptstaasarchiv, München.

Он похоронен вместе с женой Лизе-Лоттой Штробель (1918–2003) на кладбище в Байройте рядом с могилами членов семьи Вагнер; заслуги его перед этой семьей действительно огромны.

8

В отличие от прочно устоявшихся и таким образом узаконенных в русском языке «неправильных» транскрипций немецких географических названий (например, Веймар [Weimar] или Лейпциг [Leipzig], по всем правилам немецкого языка четко произносящиеся как «Ваймар» и «Ляйпцих»), название города Байройт (Bayreuth) «плавает» от «Байрёйта» и «Байрейта» до Байройта. В настоящем издании мы будем неукоснительно следовать немецкой транскрипции — Байройт, считая этот вариант единственно правильным. В противном случае пришлось бы наименовать, например, Нойшванштайн Нёйшванштайном или Нейшванштайном, Нойштат — Нёйштатом и т. д. Тем более что дифтонг «ей» в немецком языке всегда произносится как «ой», а никак не «ёй» или «ей»; произнесите для примера по-немецки хотя бы само название страны — «Deutschland».

9

Grein E. (Hrsg). Tagebuch-Aufzeichnungen von Ludwig II König von Bayern. Schaan, Liechtenstein, 1925. Согласно последним исследованиям, под псевдонимом Эдир Грайн скрывался Эрвин Ридингер (Riedinger; 1870–1936), приемный сын Йохана фон Лутца (об этом человеке будет рассказано более подробно), одного из главных ответственных за низложение Людвига II; только этого обстоятельства уже достаточно, чтобы заподозрить «публикатора» в явной заинтересованности. Тем более что подлог с «Дневником» на сегодняшний день историками бесспорно доказан.

Козлов В. П. Обманутая, но торжествующая Клио. Подлоги письменных источников по российской истории в XX веке. М., 2001. С. 37.

11

«Сумерки богов» (нем.).

В настоящем издании мы будем употреблять два варианта написания этого имени: «Парцифаль», когда речь будет идти непосредственно о герое Вольфрама фон Эшенбаха, а также дружеском прозвище короля Людвига II, и «Парсифаль», говоря исключительно о произведении Рихарда Вагнера, тем более что эта фонетическая форма была предложена и обоснована именно им. Подробнее к этому вопросу мы еще вернемся.

13

Цит. по: Понасенков Е. Сто лет аристократического одиночества Лукино Висконти // КВИР № 40. 2006.

14

Отец Рудольфа II Максимилиан II (1527–1576), император Священной Римской империи (1564–1576); вице-король Испании (1548–1551); в 1562 г. избран королем римским и королем Чехии, а в 1463 г. Венгрии. Старший сын и наследник императора Фердинанда I.

15

Головин Е. Приближение к Снежной Королеве. М., 2003. С. 118.

16

Маттиас Габсбург (Матвей, Матфий, Матьяш, нем. Matthias, венг. Mätyäs, чешек. MatyäS; 1557–1619), король Германии (римский король) с 1612 г., избран императором Священной Римской империи 13 июня 1612 г., эрцгерцог Австрийский с 20 января 1612 г. (замещал императора Рудольфа II с 1593 г.), король Венгрии с 16 ноября 1608 г. (коронован 19 ноября 1608 г. под именем Матьяша II), король Богемии с 23 мая 1611 г. (коронован в этот же день под именем Матиаша II).

Залесская М. К. Замки баварского короля. М., 2009.

18

Кондратьев А. Нордическая религиозность и научные мифы // Торп Б. Нордическая мифология. М., 2008. С. 9.

19

Названа по могильнику, найденному в 1846 г. близ города Гальштат (Hallstatt) в Юго-Западной Австрии.

Ныне автобан № 17; часть этого древнего пути проходит через улицу Аугсбурга Максимилианштрассе (Maxsimilianstrasse).

21

Франкония разделена на три административных округа: Нижняя Франкония, Верхняя Франкония и Средняя Франкония. Столицей Нижней Франконии является Вюрцбург, Верхней — Байройт, Средней — Ансбах.

22

Замок Виттельсбах был разрушен в 1209 г.

23

Буквально «граф марки». Первоначально маркграф — королевский чиновник, наделенный особыми полномочиями и постоянной военной властью в пограничной области (марке), фактически обладавший властью даже большей, чем у графа или герцога. В Германии некоторые маркграфы, такие как маркграф Восточной марки, Бранденбурга, Мейсена и др., были включены в сословие имперских князей, а их владения стали территориальными княжествами.

24

Вельфы (Welfen), немецкий княжеский род, имеющий с VIII–IX веков обширные владения в Швабии и Бургундии. В 1070 г. Вельф IV (?— 1101) получил от германского короля Генриха IV герцогство Бавария, территория которого расширялась благодаря присоединению части саксонских земель. Генрих Гордый Вельф (? — 1139) выставил свою кандидатуру на королевский престол после унаследования им всей Саксонии в 1137 г. Но в 1138 г. князьями был избран его соперник Конрад III Штауфен. Это и послужило началом ожесточенной борьбы между Вельфами и Штауфенами (или Гогенштауфенами), нашедшей свой отклик даже в Италии — так называемая борьба в XII–XV веках политических «партий» гвельфов (итал. Guelfi от нем. Welfen) и гибеллинов (итал. Ghibellini on нем. Weiblingen — название родового замка Гогенштауфенов). Сын Генриха Гордого Генрих Лев (1129–1195) в борьбе с императором Фридрихом I Барбароссой из рода Штауфенов в 1180 г. потерял свои владения, сохранив лишь Брауншвейг и Люнебург. Единственным Вельфом, взошедшим на императорский престол, был Оттон IV (1198–1218), сын Генриха Льва. Он был коронован в 1209 г.

25

Имена исторических личностей, прочно вошедших в русскоязычную историографию, в настоящем издании остаются в уже принятом традиционном написании, даже если оно не согласуется с оригинальной транскрипцией. В первую очередь это касается королевских особ, видных политиков и военных деятелей.

26

Буквально «дворцовый граф». С течением времени титул «пфальцграф» менял свое значение. В королевстве Франков пфальцграфом называли королевского служащего, председательствующего в дворцовом суде. При Каролингах суд пфальцграфа стал обособленным от королевского. В Германии в IX–XI веках пфальцграф считался формально королевским должностным лицом. Постепенно пфальцграфы стали территориальными владетельными князьями. В 1806 г. титул был отменен.

27

Буквально «князья-избиратели» (от *нем.* Kur — «выбор» и Fürst — «князь»). В Священной Римской империи германской нации с XIII века за курфюрстами было закреплено право избрания императора. Особые привилегии курфюрстов были закреплены в Золотой булле Карла IV в 1356 г. Внутри империи курфюрсты обладали практически полной политической самостоятельностью. В 1806 г. после ликвидации Священной Римской империи коллегия курфюрстов прекратила свое существование. Формально титул курфюрста сохранялся до 1866 г. лишь за владетелями Гессен-Касселя.

28

Дата является спорной. Большинство источников указывает 1328 г.

Семенов И. С. Христианские династии Европы. Генеалогический справочник. М., 2002. С. 147.

30

Ян ван Эйк (1390–1441), самый крупный фламандский живописец XV века, положивший начало реалистической традиции в алтарной живописи.

31

«Третье рождение» театра было в 1854 г., когда из-за расширения Максимилианштрассе здание пришлось серьезно перестраивать.

32

Лео фон Кленце (Klenze; 1784–1864), немецкий архитектор, художник и писатель. В 1816 г. выиграл конкурс на постройку Глиптотеки (1816–1830) в Мюнхене, после чего стал придворным архитектором короля Людвига I. Кроме Глиптотеки, он в первую очередь прославился построенными в Мюнхене по заказу Людвига I Пинакотекой (1826–1836), Пантеоном на лугу Терезии, (1833–1853) и ансамблем Кёнигсплац. Как архитектор получил мировое признание. Интересно отметить, что император Николай I, посетив Мюнхен в 1838 г., заказал именно фон Кленце проект здания «Императорского музеума» (1839–1852), получившего впоследствии название «Новый Эрмитаж». Ныне в Баварии за достижения в архитектуре и градостроительстве вручается медаль имени Лео фон Кленце (Leo-von-Klenze-Medaille), учрежденная в 1996 г.

33

Иоганн Церклас фон Тилли (Tilly; 1559–1632), граф, германский полководец, фельдмаршал (1605). С 1610 г. главнокомандующий войсками Католической лиги, с 1630-го — имперской армией. Во время Тридцатилетней войны одержал ряд побед, но потерпел поражение при Брейтенфельде (1631). Смертельно ранен в сражении на реке Лех.

34

Карл Филипп Йозеф Вреде (Wrede; 1767–1838), светлейший князь (1829),

35

Лиштанберже А. Рихард Вагнер как поэт и мыслитель. М., 1997. С. 285.

В частности, P. T. Heigel в своей книге «Ludwig II, König von Bayern». (Leipzig, 1872).

37

Пауль Максимилиан Ламорал фон Турн-унд-Таксис (Turn und Taxis; 1843–1879), третий сын князя Максимилиана Карла фон Турн-унд-Таксиса (1802–1881) и его второй супруги принцессы Матильды Софии цу Ёттинген-Ётгинген унд Ётгинген-Шпильберг (Oettingen-Oettingen und Oettingen-Spielberg; 1816–1886). Познакомился с Людвигом II в 1863 г. и вскоре стал его личным адъютантом, другом и доверенным лицом. Обладая прекрасным голосом, Пауль, несмотря на происхождение и негативное отношение к этому родных, стал выступать на сцене Мюнхенского королевского придворного и национального театра в основном в партиях вагнеровских музыкальных драм. В 1868 г. вступил в кратковременный брак, оказавшийся неудачным. В 1870 г. навсегда оставил двор. Скончался в Каннах.

38

Иоганн Йозеф Игнац фон Деллингер (von Döllinger; 1799–1890), баварский католический священник, историк Церкви и богослов. О нем подробнее см. «Действие III» настоящего издания.

39

Цит. по: Лаврентьева С. И. Одинокий. Король Людвиг II Баварский и его замки. М., 1914. С. 18.

Цит. по: Лаврентьева С. И. Указ. соч. С. 22–23.

41

Пфистермайстер был главным распорядителем королевских финансов. В свое время он возражал против финансирования разорительных, на его взгляд, проектов короля в отношении Рихарда Вагнера, за что в 1866 г. был отстранен от должности.

42

Английский сад — один из крупнейших общественных городских парков в мире. Расположен в центре Мюнхена; берет начало возле баварской Государственной Канцелярии и Дома Искусства и тянется в северном направлении вдоль Изара. Общая площадь Английского сада составляет 4,17 км. Он был создан в 1792 г. и назван по примененному при его создании стилю английского ландшафтного парка.

Именно она читала ему в свое время волшебные сказки.

Александрова В. Указ. соч. С. 5.

45

Кайзербург (Kaiserburg), главная крепость Нюрнберга, одна из крупнейших в Германии; можно сказать, что Кайзербург вообще является универсальным символом Германии. Все немецкие короли начиная с 1050 г. по традиции были обязаны хотя бы недолго проживать в Кайзербурге. Именно в качестве символа верховной власти рассматривал Кайзербург и Людвиг II, о чем в свое время недвусмысленно высказывался в письме к германскому императору Вильгельму I.

Lampert Fr. Ludwig II. König von Bayern. Ein Lebensbild. München, 1890. Цит. по: Лаврентьева С. И. Указ. соч. С. 28–29.

«Король Людвиг II и искусство»; книга не переведена на русский язык.

L. von Köbell. König Ludwig II und die Kunst. Цит. по: Лаврентьева С. И. Указ. соч. С. 29–30.

Александрова В. Указ. соч. С. 10.

Александрова В. Людовик II, король Баварский. К истории жизни и творчества Рихарда Вагнера. М., 1911. С. 12.

51

«Allgemeine Zeitung», 19 декабря 1864 год. Цит. по: Лаврентьева С. И. Одинокий. Король Людвиг II Баварский и его замки. М., 1914. С. 26.

Александрова В. Указ. соч. С. 12.

Александрова В. Указ. соч. С. 8.

Лишь в 1930 г. был выстроен специальный театр. Кстати, ныне, чтобы попасть на представление в Обераммергау, необходимо резервировать билеты за несколько лет (!) вперед, так же как и на Байройтский фестиваль вагнеровской музыки. Ближайший фестиваль в Обераммергау пройдет в 2020 г.

55

Грегор Леонард Андреас фон Шерр (Scherr, 1804–1877), архиепископ Мюнхенский и Фрайзингский с 1856 г.

56

Людвиг не называет напрямую, что именно он прочитал у маэстро. Но, судя по всему, это была статья «Произведение искусства будущего», опубликованная в 1850 г. издательством Виганда.

Цит. по: Лаврентьева С. И. Указ. соч. С. 31–32.

58

Тимур Петрович Новиков (1958–2002), российский художник, основатель петербургской Новой Академии Изящных Искусств. Много лет отдал изучению жизни Людвига II. Посвятил ему несколько персональных выставок, в частности «Людвиг II Баварский и «Лебединое озеро» П. И. Чайковского» (1996 год; Галерея XL, Москва); «Людвиг II и Лебединое озеро» (1998 год; Выставочный зал Navicula Artis, Петербург).

Медведев А., Новиков Т. Белый лебедь. Король Людвиг II. СПб., 1998.

60

От нем. Schwan — «лебедь» и Ritter — «рыцарь». Другими словами, Лебединый рыцарь, Лоэнгрин.

61

Амалия Евгения Елизавета (1837–1898), принцесса Баварская, императрица Австрии (с 1854 г.), королева Венгрии (с 8 мая 1867 г. — дня образования двуединой Австро-Венгерской монархии). Дочь герцога Баварского Максимилиана, сестра Софии Шарлотты Августы Баварской. Жена австрийского императора Франца Иосифа. В семье ее называли Sissi (Зисси), однако, согласно традиции перевода, в русском языке закрепилось произношение Сисси. В браке с Францем Иосифом родилось четверо детей: София, Гизела, Рудольф и Мария Валерия. София умерла в младенчестве; принц Рудольф покончил с собой вместе со своей возлюбленной баронессой Марией Александриной фон Вечера (Vetsera; 1871–1889) 30 января 1889 г. в замке Майерлинк. Сама Елизавета была убита анархистом Луиджи Лукени 10 сентября 1898 г. во время поездки в Швейцарию.

62

София Шарлотта Августа (1847–1897), принцесса Баварская герцогиня Баварская, сестра Елизаветы Австрийской. Подробности ее биографии см. в следующей главе.

63

Вагнер, явившись основоположником жанра музыкальной драмы, настаивал, чтобы его произведения назывались именно так.

Вагнер Р Моя жизнь. Т. 1–2. М., 2003. Т. 2. С. 572–573.

Wagner R. Mein Leben. München, 1911. S. 865.

Ныне это роскошный пятизвездочный отель, расположенный в самом центре Мюнхена, недалеко от Marienplatz, по адресу: Promenadeplatz, 2–6. Построенный в 1841 г., в 1997-м отель был признан лучшим отелем Европы.

Вагнер Р. Указ. соч. Т. 2. С. 576.

Вагнер Р. Указ. соч. Т. 2. С. 580–581.

Там же. С. 581.

Вагнер Р. Указ. соч. С. 581–582.

Александрова В. Указ. соч. С. 15.

Цит. по: Александрова В. Указ. соч. С. 18.

73

В Берге Людвиг II провел счастливейшие дни своей жизни. Он любил замок не только за близость к Мюнхену (ведь с государственной точки зрения, если и можно куда отлучаться монарху, так это в места «в пределах досягаемости» от столицы). В Берг же Людвиг мог «убегать» по первому своему желанию, в отличие от Хоэншвангау, а впоследствии Нойшванштайна и Линдерхофа, переезд в которые сопровождался немалыми трудностями и затратами. Поэтому неудивительно, что сразу по приезде Вагнера в Мюнхен Людвиг поселил своего кумира именно здесь.

74

Людвиг Шнорр фон Карольсфельд (Schnorr von Karoisfeld; 1836–1865), героический «вагнеровский» тенор, первый исполнитель партии Тристана. Брат известного художника Юлиуса Шнорра фон Карольсфельда.

75

Вагнер Р. Избранные дневники и письма. Обращение к друзьям. СПб., 1911. Т. IV. С. 470.

76

Мария Муханова (Калергис) (Kalergis; иногда встречается вариант написания «Калержи»; 1822–1874), дочь генерала Фридриха Карла Нессельроде (1786–1868), героя Бородинского сражения. Родилась в Варшаве. В январе 1839 г. в Санкт-Петербурге вышла замуж за крупного торговца Ивана Эммануиловича Калержи (1814–1863). Но брак оказался несчастливым, и супруги через год расстались. Получив свободу и значительное состояние, Мария попеременно то жила в Петербурге, то путешествовала по Европе. Обнаружив явный талант к игре на фортепьяно, она стала брать уроки у Шопена и Листа. Более того, Лист считал ее одной из своих любимых учениц. С 1857 г. г-жа Калергис давала собственные фортепьянные концерты, и учителю не приходилось краснеть за качество ее игры. Оставила заметный след в истории развития родной польской музыкальной культуры: она была одним из основателей Института музыки в Варшаве (ныне Варшавская консерватория) и Варшавского музыкального товарищества (ныне Варшавская филармония). В 1863 г. Мария Калергис вновь вышла замуж за героя обороны Севастополя, директора Варшавских театров Сергея Сергеевича Муханова (1833–1897), взяв фамилию мужа. Интересно отметить, что когда 22 мая 1874 г. Мария Муханова (Калергис) скончалась, Лист, узнав об этом, посвятил ей сонату, которую исполнил на концерте в Веймаре в память об этой яркой и великодушной женщине.

Вагнер Р. Указ. соч. С. 471–472.

Цит. по: Александрова В. Указ. соч. С. 19.

Цит. по: Лаврентьева С. И. Указ. соч. С. 33.

80

Ганс Гвидо барон фон Бюлов (Bülow; 1830–1894), немецкий дирижер, пианист и композитор. С 1851 г. ученик Ф. Листа, называвшего его «одним из величайших музыкальных феноменов, которые ему приходилось встречать». Был придворным капельмейстером в Мюнхене, но вынужденно покинул свой мюнхенский пост. Одной из причин стал разрыв с женой, дочерью Листа, Козимой, ушедшей к Вагнеру Но, несмотря на это, Бюлов всегда оставался преданным поклонником творчества Вагнера. Правда, никогда не приезжал на фестиваль в Байройт.

81

Идея «театра одного композитора», которая впоследствии была осуществлена в Байройте, во многом — заслуга Людвига II.

Цит. по: Вагнер Р. Указ. соч. С. 472–473.

83

Вагнер переехал в Мюнхен на Бриннерштрассе 7 октября 1864 г.

Цит. по: Александрова В. Указ. соч. С. 21.

85

Буквально «Дом торжественных театральных представлений» (нем.). Задокументирована дата принятия этого решения — 26 ноября 1864 г.

86

Фестшпильхаус (нем. Festshpielhaus; букв. «Дом торжественных представлений»), оперный театр в Байройте, построенный в 1876 г. исключительно для постановок музыкальных драм Рихарда Вагнера.

Цит. по: Александрова В. Указ. соч. С. 24–25.

88

Вольфрам фон Эшенбах (Eschenbach; ок. 1170–1220), немецкий поэт-миннезингер. Странствующий певец. Автор стихотворного рыцарского романа «Парцифаль» (1198–1210, изд. 1783), входящего в цикл романов о короле Артуре. Прославление рыцарства сочетается в романе с проповедью религиозного искупления и отречения. Тем же умонастроением проникнуты и его незаконченные романы «Виллегальм» и «Титурель».

89

Hansen W. Richard Wagner. Biographie. München, 2006. S. 313–314.

Цит. по: Вагнер Р. Указ. соч. С. 482.

91

Для детального ознакомления с проблемой «революционности» Вагнера см.: Залесская М. Вагнер. М., 2011.

92

Первоначально в Германии единой денежной единицей был гульден, или флорин, — золотая монета, чеканившаяся с XIV веке. Сначала германские флорины (гульдены) копировали флорентийскую золотую монету, позже на монетах стали чеканить собственные сюжеты. В 1559 г. новой основной золотой монетой Священной Римской империи стал дукат. Гульден (флорин) остался денежно-счетной единицей, равной 60 серебряным крейцерам. В 1566 г. основной серебряной монетой стал талер. Гульден был приравнен к $^2/_3$ талера. После введения конвенционного талера, в 1754 г., гульден был приравнен к $^1/_2$ конвенционного талера. С созданием единого Немецкого монетного союза (1857), объединившего в том числе Австрию и Пруссию, основной денежной единицей был признан союзный талер. После создания Германской империи и единой монетной системы новой денежной единицей Германии стала марка, равная 100 пфеннигам.

Для сравнения с современным евро приведем несколько денежных единиц, принятых во времена Людвига II и Вагнера, тем более что почти все они так или иначе будут упоминаться в настоящем издании:

1 талер — 25 евро; 1 марка — 8 евро; 1 южногерманский гульден— 14 евро; 1 австрийский гульден — 16 евро; 1 золотой дукат — 55 евро; 1 франк до 1866 г. — 6 евро; 1 франк после 1866 г. — 6,50 евро; 1 рубль — 29 евро; 1 фунт стерлингов — 118 евро; 1 доллар — 23 евро.

93

Согласно биографии Вагнера: Hansen W. Richard Wagner. Biographie. München, 2006. S. 320. Автор, в свою очередь, ссылается на официального биографа Вагнера Карла Фридриха Глазенаппа: Glasenapp C.F. R. Wagners Leben und Wirken (Bd. 1–6, Leipzig, 1910–1923).

Цит. по: Александрова В. Указ. соч. С. 30.

Лаврентьева С. И. Указ. соч. С. 38.

Лаврентьева С. И. Указ. соч. С. 40.

Цит. по: Лаврентьева С. И. Указ. соч. С. 40.

Цит. по: Александрова В. Указ. соч. С. 28.

Александрова В. Указ. соч. С. 86–87.

100

В самой Резиденции этих комнат не сохранилось; после Второй мировой войны их не восстанавливали, а все, что уцелело, собрали в Музее Людвига II во дворце Херренкимзее.

101

Эскапизм (от англ. escape), дословно: «бежать, спасаться». Сознательный уход от действительности в вымышленный мир, в мир фантазий и грез.

102

В Баварии до 1918 г. эта должность носила официальное название «председатель Совета министров» (нем. Ministerratsvorsitzenden).

103

Отто Эдуард Леопольд фон Бисмарк-Шёнхаузен (Bismarck-Schönhausen; 1815–1898), князь, германский государственный деятель, первый канцлер Германской империи (Второго рейха).

Драгомиров М. И. Австро-прусская война. 1866 год. М., 2011. С. 9.

Драгомиров М. И. Указ. соч. С. 3.

106

Петер Корнелиус (Cornelius) (1824–1874), немецкий композитор, автор опер «Багдадский цирюльник» (1858), впервые поставленной в Веймаре под управлением Ф. Листа, и «Сид» (1863). В 1853 г. лично познакомился с Р. Вагнером и с тех пор стал его близким другом. В одном из его писем к матери есть такие строки: «Сознание, что такие люди (Лист и Вагнер) от души любят меня, внушает мне больше гордости, чем если бы меня возвели в княжеское достоинство».

107

Цит по: Вагнер Р. Избранные дневники и письма. Обращение к друзьям. С. 498–499. Это письмо П. Корнелиусу было написано 8 сентября 1869 г.

108

Карл Теодор Максимилиан Август принц Баварский (1795–1875), младший сын Максимилиана I, генерал-фельдмаршал и главнокомандующий Королевской баварской армией.

109

Барон Зигмунд фон Пранк (Pranckh; 1821–1888), баварский генерал, военный министр.

110

Бисмарк О. Мысли и воспоминания. Т. 1–3. М., 1940. Т. 1. С. 256 —

Александрова В. Указ. соч. С. 48.

Heigel K. T. von. König Ludwig II. von Bayern. Ein Beitrag zu seiner Lebensgeschichte. Stuttgart, 1893.

113

Это королевская невеста! (нем.).

114

Beyer C. Ludwig II. König von Bayern. Ein Charakterbild nach Mitteilungen hochstehender und bekannter Persönlichkeiten und nach anderen authentischen Quellen. Des Königs Aufenthalt am Vierwaldstättersee und sein Verkehr mit Josef Kainz. Leipzig, 1900. Цит. по: Лаврентьева С. И. Указ. соч. С. 96.

115

Йозеф Алоиз Тихачек (Tichatschek; 1807–1886), знаменитый оперный певец, тенор. Начинал музыкальную карьеру хористом в венском театре Kämthnerthor. В 1834 г. дебютировал в качестве солиста в Граце. С 1838-го по 1870 г. был ведущим солистом Дрезденского Королевского оперного театра. Сблизился с Р. Вагнером и был первым исполнителем партий Риенци (1842) и Тангейзера (1845). Современники отмечали редкую красоту тембра, музыкальность и драматический талант певца.

Лаврентьева С. И. Указ. соч. С. 95.

117

Поссенхофен, родовой замок герцогов Баварских, расположенный на западном берегу Штарнбергского озера. В нем провели свое детство и Елизавета Австрийская, и принцесса София.

118

Köbell L. von. König Ludwig II und die Kunst. München, 1898. Цит. по: Лаврентьева С. И. Указ. соч. С. 96.

119

«Если я когда-нибудь женюсь, то желаю видеть в ней королеву, мать страны, но не госпожу!» (нем.).

Цит. по: Лаврентьева С. И. Указ. соч. С. 97.

121

Wagner Cosima und Ludwig II von Bayern. Briefe. Eine erstaunliche Korrespondenz. Köln, 1996. S. 436–437.

Такие, как C. Beyer, J. Bainville и K. T. von Heigel.

123

Endlich völlige Klarheit über den Toddes König Ludwig II. Leipzig, 1887. Цит. по: Лаврентьева С. И. Указ. соч. С. 89–90.

Fazy Ed.. Louis II et R. Wagner. Цит. по: Лаврентьева С. И. Указ. соч. С. 90.

125

Heigel K. T. von. König Ludwig II. von Bayern. Ein Beitrag zu seiner Lebensgeschichte. Цит. по: Лаврентьева С. И. Указ. соч. С. 85.

Александрова В. Указ. соч. С. 113.

127

Bainville J. Louis II de Baviere. Un Roi Wagnerien. Paris, 1911. Цит. по: Лаврентьева С. И. Указ. соч. С. 85.

128

Герой драмы Виктора Гюго «Марион Делорм». В центре драмы образ куртизанки Марион Делорм, любовь которой к незаконнорожденному Дидье ее нравственно возвышает и перерождает. Эту драму Людвиг II любил настолько, что во времена дружбы с Кайнцем взял себе псевдоним маркиз Саверни, а Кайнц «стал» Дидье.

129

При всем глубоком уважении к авторам их версия о том, что Людвиг II был свергнут с престола якобы вследствие тайного заговора «мировой закулисы» — «оккультно-философского» ордена иллюминатов (нем. Illuminatenorden, от лат. Illuminati — «просвещенные»), является, мягко говоря, сомнительной.

Уже упоминаемая нами книга Франца Герре (Негге) впервые была выпущена в Штутгарте в 1986 г.

131

Миннезингер (нем. Minnesinger; букв, «поэт любви»), в XII–XIV веках в Германии и Австрии поэт-певец, исполнитель произведений рыцарской лирики — миннезанга. Расцвет миннезанга приходится на XII–XIII века, когда творили Райнмар фон Хагенау, Вольфрам фон Эшенбах, Вальтер фон дер Фогельвейде. На смену миннезангу пришло искусство мейстерзингеров. В образе Вольфрама в опере «Тангейзер и состязание певцов в Вартбурге» (1845) Рихард Вагнер вывел фигуру миннезингера, сознательно дав ему имя великого Вольфрама фон Эшенбаха, который, согласно народному преданию, принимал участие в поэтическом турнире в Вартбурге.

Мейстерзингеры (нем. Meistersinger; букв, «мастер-певец»), в XIV–XVI веках немецкие поэты-певцы из церковных певческих братств, затем — из цехов ремесленников, в отличие от миннезингеров — поэтов-певцов рыцарской лирики. Согласно немецкой транскрипции, майстерзингеры; но в большинстве русскоязычных работ употребляется транскрипция «мейстерзингеры»; в настоящем издании мы подчиняемся сложившейся традиции перевода. Искусство мейстерзанга пришло на смену миннезангу. Основателем первой певческой школы был Генрих Фрауэнлоб. Вплоть до XV века песни мейстерзингеров создавались исключительно на религиозные темы, с XVI века — и на светские, в том числе любовные. Особенно славилась Нюрнбергская певческая школа, представителем которой был знаменитый Ганс Сакс.

132

Pällat (,нем.), ущелье недалеко от Хоэншвангау с водопадом Pällatschlucht, над которым Людвиг II воздвиг свой замок.

133

Strobel O.(Hrsg.). König Ludwig II und Richard Wagner. Karlsruhe, 1936. Vol. IV. S. 224–225.

Попов А. Н. Бавария. Крепости, замки, дворцы. М., 2007. С. 92.

135

Государство — это я! (фр.)

136

Вагнер Р. Избранные дневники и письма. Обращение к друзьям. С. 495.

Bauer J.H. Die Wagners. Macht und Geheimnis einer Theaterdynastie. Frankfurt/ Main, 2001. S. 56.

Ibid. S. 59.

139

Мальвида фон Майзенбуг (Meysenbug; 1816–1903), писательница и близкий друг Фридриха Ницше и Рихарда Вагнера.

Bauer J.H. Die Wagners. Macht und Geheimnis einer Theaterdynastie. S. 60.

141

Bainville J. Louis II de Baviere. Un Roi Wagnerien. Paris, 1911. Цит. по: Лаврентьева С. И. Указ. соч. С 25.

142

Имеется в виду Кайзербург.

Цит. по: Александрова В. Указ. соч. С. 49–50.

144

Хлодвиг Карл Виктор цу Гогенлоэ-Шиллингсфюрст (Hohenlohe-Schillingsfürst; 1819–1901), князь, государственный деятель и крупный землевладелец. С 1867 по 1870 г. был председателем Совета министров и министром иностранных дел Баварии. В 1874–1885 гг. был немецким послом в Париже, а затем, в 1885–1894 гг., — наместником Эльзас-Лотарингии. С 1894 по 1900 г. — рейхсканцлер и прусский министр-президент.

145

В начале 1880-х гг. Бисмарк в целях стабилизации политической ситуации в стране пошел на некоторое примирение с католической церковью, отменил ряд законов «Культуркампфа», но законы о гражданском браке и об изгнании иезуитов сохраняли свое действие.

В частности, Jacques Bainville в книге Louis II de Baviere. Un Roi Wagne-rien. Paris, 1911.

147

Bainville J. Louis II de Baviere. Un Roi Wagnörien. Paris, 1911. Цит. по: Лаврентьева С. И. Указ. соч. С 41.

Цит. по: Лаврентьева С. И. Указ. соч. С. 41.

149

Там же. С. 42.

150

Lampert Fr. Ludwig II. König von Bayern. Ein Lebensbild. München, 1890. Цит. по: Лаврентьева СИ. Указ. соч. С. 43–44.

Götterdämmerung. Aufsätze und Katalog. Darmstadt, 2011. Aufsätze S. 122.

152

Леопольд Стефан Карл Антон Густав Эдуард Тассило фон Гогенцоллерн-Зигмаринген (Hohenzollem-Sigmaringen; 1835–1905), князь Гогенцоллерн-Зигмаринген, глава швабской ветви Дома Гогенцоллернов. Будучи старшим братом короля Румынии Кароля I, являлся его наследником, но в 1880 г. отказался от своих прав на румынский трон в пользу старшего сына Вильгельма (1864–1927) (кстати, тот в 1888 г. свою очередь отрекся от престола в пользу своего младшего брата Фердинанда (1865–1927). После низвержения испанской королевы Изабеллы II в 1868 г. Леопольду была предложена испанская корона. Под давлением Наполеона III Леопольд был вынужден отказаться. Однако его отказ уже никак не повлиял на разгорающийся конфликт, приведший в итоге к Франко-прусской войне 1870–1871 гг.

153

Фридрих Карл Прусский (Preußen; 1828–1885), внук Фридриха Вильгельма III, принц Прусский, прусский генерал-фельдмаршал (1870), а также русский генерал-фельдмаршал (1872). Российским императором Николаем I награжден орденом Святого Георгия 4-й степени (22 июня 1849 г.). Во время Австро-прусской войны командовал 1 — й армией и одержал ряд блестящих побед. Во время Франко-прусс кой войны сначала командовал 2-й армией, затем поставлен во главе 1-й и 2-й армий. Награжден орденом Святого Георга 2-й степени «За участие в войне с французами» (19 апреля 1870 г.). С 1871 г. был инспектором прусской кавалерии.

Бисмарк. О. Указ. соч. Т. 1. С. 257.

155

Цит. по: Бисмарк О. Указ. соч. Т. 1. С. 257–258.

156

Титул графа был пожалован Бисмарку в 1865 г.; титул князя — в 1871-м.

157

Цит. по: Бисмарк О. Указ. соч. Т. 1. С. 259.

158

Мартин Фридрих Рудольф Дельбрюк (Delbrück; 1817–1903), крупный прусский государственный деятель, правая рука Бисмарка. В 1867 г. был назначен президентом канцелярии союзного канцлера, а в 1868 г. — прусским министром без портфеля. Именно Дельбрюк в 1870 г. вел переговоры с южногерманскими государствами о присоединении к Германской империи. В 1871 г. стал президентом канцелярии имперского канцлера; в 1876 г. вышел в отставку. В 1879–1881 гг. состоял членом Рейхстага. В 1881 г. окончательно отошел от политики.

159

Цит. по: Бисмарк О. Указ. соч. Т. 2. С. 117–118.

160

Цит. по: Бисмарк О. Указ. соч. Т. 1. С. 259–260.

Александрова В. Указ. соч. С. 72.

162

Гудден Бернхард Алоиз (Gudden, 1824–1886), известный немецкий психиатр, анатом и физиолог. С 1869 г. профессор психиатрии в Цюрихе; в 1872 г. перешел в Мюнхен профессором и директором Окружной больницы для душевнобольных. Давал заключение о психическом заболевании короля Людвига II Баварского и принимал непосредственное участие в его аресте. Погиб в Штарнбергском озере вместе с Людвигом II при невыясненных обстоятельствах. Обстоятельства появления «обвинительного акта» будут подробно рассмотрены в последней главе настоящего издания.

163

Ненадолго. В 1918 г. в результате Ноябрьской революции он был смещен и 13 ноября отрекся от престола.

Heigel K. T. von. König Ludwig II. von Bayern. Ein Beitrag zu seiner Lebensgeschichte. Stuttgart, 1893. S. 137.

165

Köbell L. von. König Ludwig II und die Kunst. München, 1898. S. 137.

В традиции, сложившейся в оперной среде во времена первых постановок опер Р. Вагнера на русской сцене, имя этого персонажа писали и произносили как «Гундинг» (нем. Hunding). В настоящем издании мы будем придерживаться немецкой транскрипции.

Хундинг — муж Зиглинды, матери Зигфрида; в день их бракосочетания появляется одноглазый странник, который вонзает меч в ствол ясеня, вокруг которого и была построена хижина Хундинга. Это меч будет принадлежать лишь тому, кто сможет вынуть его из древесного плена. Зиглинда узнает в страннике своего отца — бога Вотана. Впоследствии Хундинг будет убит Вотаном.

167

Bermbach U. Richard Wagner. Stationen eines unruhigen Lebens. Hamburg, 2006. S. 185.

Лиштанберже А. Рихард Вагнер как поэт и мыслитель. М., 1997. С. 372.

169

Напомним, что «Кольцо нибелунга» состоит из четырех музыкальных драм: «Золото Рейна», «Валькирия», «Зигфрид» и «Сумерки богов».

Köbell L. von. König Ludwig II und die Kunst. München, 1898. Цит. по: Лаврентьева С. И. Указ. соч. С. 40.

171

Напомним, что точная дата «переименования» Вагнером Парцифаля в Парсифаля — 13 февраля 1877 года. См. «Действие II» настоящего издания.

Hansen W. Richard Wagner. Biographie. S. 313.

173

Цит. по: Вагнер Р. Избранные дневники и письма. Обращение к друзьям. С. 516–517.

Лаврентьева С. И. Указ. соч. С. 40.

Лаврентьева С. И. Указ. соч. С. 50.

176

Prie-Dieu (фр.; дословно «Молю Господа»), низкая скамеечка для коленопреклонений во время молитвы.

177

Heigel K. T. von. König Ludwig II. von Bayern. Ein Beitrag zu seiner Lebensgeschichte. Stuttgart, 1893. Цит. по: Лаврентьева С. И. Указ. соч. С. 57.

Лаврентьева С. И. Указ. соч. С. 57.

179

Köbell L. von. König Ludwig II und die Kunst. München, 1898. Цит. по: Лаврентьева С. И. Указ. соч. С. 55. Alp-See (Alpsee) и Schwan-See (Schwansee) — буквально Альпийское озеро и Лебединое озеро — живописнейшие водоемы в окрестностях Нойшванштайна.

Цит. по: Лаврентьева С. И. Указ. соч. С. 10.

BainvilleJ. Louis II de Baviere. Un Roi Wagnerien. Paris, 1911.

182

Цит. по: Бисмарк О. Мысли и воспоминания. Т. 1–3. М., 1940. Т. 1. С. 264–265.

183

Цит. по: Бисмарк О. Указ. соч. С. 270.

184

Партия Центра являлась главной опорой католической церкви против проводимой Бисмарком политики «Культуркампфа».

Цит. по: Бисмарк О. Указ. соч. С. 271.

186

Напомним, что выходец из низов Лутц в 1866 г. получил личное дворянство, то есть не имел права передавать дворянское достоинство своим потомкам. Отныне он получил такое право.

187

Цит. по: Бисмарк О. Указ. соч. С. 271–272.

Цит. по: Бисмарк О. Указ. соч. С. 274–275.

189

Цит. по: Бисмарк О. Указ. соч. С. 275.

Александрова В. Указ. соч. С. 89–90.

191

Там же. С. 114.

Лаврентьева С. И. Указ. соч. С. 65.

Александрова В. Указ. соч. С. 116.

Лаврентьева С. И. Указ. соч. С. 63.

Лаврентьева С. И. Указ. соч. С. 63.

Bainville J. Louis II de Baviere. Un Roi Wagnerien. Paris, 1911. Цит. по: Лаврентьева С. И. Указ. соч. С. 62.

197

Мой господин (нем.).

Величество (нем.).

Лаврентьева С. И. Указ. соч. С. 69.

Цит. по: Александрова В. Указ. соч. С. 119.

201

Первый монастырь на острове был основан еще в VIII веке; нынешнее здание в стиле барокко построено в XVII веке; сегодня в здании монастыря находятся две художественные галереи.

202

Майнхард II (Meinhard II; ок. 1238–1295), граф Горицы (под именем Майнхарда IV) (1257–1271), граф Тироля (с 1257 г.), герцог Каринтии и Крайны (с 1286 г.).

203

Koenig Ludwig II. — Musseum Herrenhimsee. München, 1986. S. 144.

Menell A., Albert J. Die Königsphantasien. Eine Wanderung zu den Schlössern König Ludwigs II. von Bayern. Leipzig, 1888.

205

Beyer C. Ludwig II. König von Bayern. Ein Charakterbild nach Mitteilungen hochstehender und bekannter Persönlichkeiten und nach anderen authentischen Quellen. Des Königs Aufenthalt am Vierwaldstättersee und sein Verkehr mit Josef Kainz. Leipzig, 1900.

Köbell L. von. König Ludwig II und die Kunst. München, 1898.

Лаврентьева С. И. Указ. соч. С. 14–15.

Koenig Ludwig II. — Musseum Herrenhimsee. München, 1986. S. 142.

Александрова В. Указ. соч. 1911. С. 77–78.

210

Императрица Евгения (1826–1920), императрица Франции, супруга Наполеона III. Родилась в 1826 г. в Гранаде (Испания). В 1853-м вышла замуж за Наполеона III. В 1870 г. выступала решительной сторонницей войны с Пруссией; после отъезда мужа в армию 23 июля 1870 г. была назначена регентшей Франции. 4 сентября, после поражения в Седанской битве и сдачи в плен прусским войскам Наполеона III, удалилась в Англию. В 1873 г. овдовела; до смерти сына Луи-Наполеона (в 1879 г. погиб в войне англичан с зулусами) была главой бонапартистской партии.

211

Gerster. F.C. Der Charakter Ludwig II von Bayern. Leipzig, 1886. Цит. по: Лаврентьева С. И. Указ. соч. С. 116–117.

212

Gerold O. (Hrsg.). Die letzen Tage König Ludwigs II. Erinnerungen eines Augenzeugen. Zürich, 1903. Цит. по: Лаврентьева С. И. Указ. соч. С. 116.

213

Кстати, название можно дословно перевести, как «Окончательная и полная ясность относительно смерти короля Людвига II». Весьма показательное название!

214

Endlich völlige Klarheit über den Toddes König Ludwig II. Цит. по: Лаврентьева С. И. Указ. соч. С. 119–121.

Götterdämmerung. Aufsätze. S. 50.

Лаврентьева С. И. Указ. соч. С. 11.

217

Напомним, что согласно конституции Баварии, король имел право лишь в течение одного года не появляться в столичной Резиденции. Поэтому в цитированном документе и оговаривается особо этот срок.

Götterdämmerung. Aufsätze. S. 71.

Gerold O. (Hrsg.). Die letzen Tage König Ludwigs II. Erinnerungen eines Augenzeugen. Zürich, 1903.

220

Водопад в глубоком ущелье у замка Нойшванштайн непосредственно под мостом Марии.

221

Арнульф фон Виттельсбах (1852–1907), сын принца-регента Луитпольда, кузен Людвига II.

222

Принц Луитпольд принял регентство 10 июня 1886 г.

Цит. по: Лаврентьева С. И. Указ. соч. С. 122–127.

Лаврентьева С. И. Указ. соч. С. 127.

Лаврентьева С. И. Указ. соч. С. 130.

Gerold O. (Hrsg.). Die letzen Tage König Ludwigs II. Erinnerungen eines Augenzeugen. Zürich, 1903.

227

Ассистент профессора Гуддена Франц Карл Мюллер (1860—?).

Лаврентьева С. И. Указ. соч. С. 134.

229

Gerold O. (Hrsg.). Die letzen Tage König Ludwigs II. Erinnerungen eines Augenzeugen. Zürich, 1903. Цит. по: Лаврентьева С. И. Указ. соч. С. 139.

230

Bainville J. Louis II de Baviere. Un Roi Wagnerien. Paris, 1911. Цит. по: Лаврентьева С. И. Указ. соч. С. 140.

Цит. по: Лаврентьева С. И. Указ. соч. С. 141.

232

«Вестник Европы» — журнал европейской литературы, политики, философии и культуры; основан в 1802 г. Н. М. Карамзиным. После Карамзина второй вариант журнала возобновил свой выход в 1866 г. под редакцией М. М. Стасюлевича (до 1908 г.). В 1918 г. журнал был запрещен.

233

Иностранное обозрение за 1 июля 1886 г. // Вестник Европы. Июль 1886 года. С. 394–402.

Ковалевский П. И. «Психиатрические эскизы из истории. Император Петр III. Император Павел I. Саул, царь израилев. Людвиг, король Баварский. СПб., 1900. С. 293–296.

Ковалевский П. И. Указ. соч. С. 296–313.

Справочник по психиатрии / Под ред. А.В. Снежневского. 2-е изд., перераб. и доп. М., 1985. С. 125 и 225.

237

Паршиков А. Нормальны ли «нормальные люди»? // Волгоградская еженедельная информационно-развлекательная молодежная газета «Молодой. Свежее решение».

Gedächtnis-kapelle (от нем. Gedächtnis — память; kapelle — часовня), Часовня Памяти.

239

Votiv (от лат. votivus — «посвященный богам» и votum — «обет»).

240

См. Joss K. König Ludwig H.: Ausstellungskatalog. Rosenheim, 1996 и Götterdämmerung. Aufsätze und Katalog. Darmstadt, 2011. Katalog. S. 265.

Этой легендой довольно успешно однажды воспользовался ловкий мошенник, ставший среди альпийских крестьян собирать пожертвования, якобы необходимые для создания войска, которое помогло бы скрывающемуся в горах королю отвоевать свой престол. До тех пор, пока преступника не уличили в обмане и не арестовали, он сумел собрать капитал в несколько тысяч марок! Но этот случай ясно доказывал, насколько народ сохранил свою привязанность к королю, жертвуя для него самым необходимым, и так до конца и не смирился с его безвременной кончиной.

Лаврентьева С. И. Указ. соч. С. 148–150.

243

Tschudi C. Elisabeth, Kaiserin v. Össterreich. Цит. по: Лаврентьева С. И.

Лаврентьева С. И. Указ. соч. С. 151.

От нем. Gnaden — «милость, благодать».

Лаврентьева С. И. Указ. соч. С. 154.